

М.А. Дандамаев

ВАВИЛОНСКИЕ ПИСЦЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

М.А. Дандамаев

ВАВИЛОНСКИЕ ПИСЦЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1983

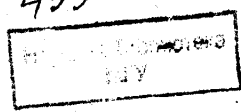
75521
0172

18

Ответственный редактор
И. М. ДЯКОНОВ

(ар 114-50)

453-2-83

Исследуются проблемы клинописной писцовой культуры древней Месопотамии (архивное дело, библиотеки, школы и т. д.). Освещаются социальное и экономическое положение писцов и писцов-переводчиков, а также их роль в храмовом, государственном управлении и на службе у частных лиц. Даны наиболее типичные биографии писцов, выяснены продолжительность их жизни и юридический статус.

Д 0504010000-040 226—82.
013(02)-83

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1983.

ПРЕДИСЛОВИЕ

На территории древней Месопотамии раскопано несколько миллионов клинописных табличек, из которых к настоящему времени опубликовано около 500 тысяч. Вплоть до позднего средневековья ни из одной страны мы не имеем столь массовой и разнообразной информации: Первые клинописные тексты появляются уже на заре цивилизации, когда люди еще только начинали учиться выражать свои мысли при помощи письма и увековечивать факты. Последние из клинописных текстов относятся к I в. н. э.

Вавилонская клинописная литература I тысячелетия до н. э. богата по содержанию и насчитывает десятки тысяч текстов. Это деловые документы, научная, художественная и религиозная литература, частная и служебная переписка и т. д.

Шумеро-вавилонская и ассирийская литература, существовавшая в течение нескольких тысячелетий, была создана многими поколениями писцов или благодаря им сохранилась до нашего времени. На древнем Востоке обычно лишь писцы были образованными людьми. По выражению известного ассириолога А. Л. Оппенгейма, именно писец был центральной фигурой месопотамской цивилизации [164, с. 253]. От услуг писцов зависели правители, храмы и частные лица. Писцы составляли все тексты, с их помощью велись дипломатические переговоры. Поэтому образ писца, несомненно, поможет нам понять месопотамскую цивилизацию.

Однако до сих пор мы мало знаем о вавилонских писцах. Как отметил Оппенгейм, пока почти ничего не известно о социальном положении месопотамских писцов [159, с. 242]. Особенно это относится к Вавилонии I тысячелетия до н. э. Если не считать отдельных замечаний, сделанных попутно в работах некоторых ассириологов (прежде всего М. Сан-Николо), о писцах в указанный период имеются только две статьи. Одна из них, принадлежащая перу Р. Ф. Доуэрти, посвящена терминологическому различению двух категорий писцов (на глине и коже) [52]. Во второй статье, автором которой является У. Г. Ламберт, прослеживаются писцовые традиции в некоторых вавилонских семьях [126]. В ценном исследовании Г. М. Кюммеля о просопографии Урукa VI в. до н. э. много внимания уделено и писцам [120].

В работах С. Н. Крамера, А. Фалькенштейна, Б. Ландсбергера, С. Дж. Гэдда, Х. Ветцольдта и других ассириологов рассматриваются вопросы образования и обучения писцов в школах, а также терминологии писцового дела в ранние периоды истории Месопотамии (главным образом конца III и II тысячелетий) (см. библиографию в [135, с. 101 и сл.; 159, с. 377, примеч. 17]).

Ценные статьи о писцах опубликовал также А. Л. Оппенгейм. Указывая на почти полную неизученность материала, он обращает внимание на необходимость исследования роли писца на службе у общины для составления контрактов, деятельности писца-чиновника и писца-ученого и поэта. В своих работах Оппенгейм приводит интересные сведения о жизни вавилонских писцов II тысячелетия и ассирийских писцов I тысячелетия (в частности, об их деятельности на царской службе) [164; 165].

В отличие от шумерского и старовавилонского времени мы не располагаем почти никакими сведениями о школах I тысячелетия, в которых обучались вавилонские писцы. Нет также прямых данных об имущественном положении и социальном происхождении писцов. Кроме того, неизвестно, была ли профессиональная деятельность писцов основным источником их существования, или же они занимались ею наряду с другими видами работы. Мало или вообще ничего не известно о социальном статусе писца в нововавилонском обществе и о его экономическом положении, о его функциях в управлении общинными делами и на службе у частных лиц. Эти вопросы применительно к рассматриваемому периоду в литературе не ставились до сих пор вообще. Однако на них и на многие другие вопросы можно попытаться ответить, исходя из многих тысяч документов. Но эта информация не лежит на поверхности. В частноправовых документах почти всегда приводятся имена писцов, составивших тот или иной текст. Поскольку в документах содержатся не только личные имена писцов, но также их патронимия и фамильные имена (начиная с ранневавилонского времени обычно по профессии предка), а в других текстах эти же лица упоминаются в качестве контрагентов, свидетелей и т. д., сравнивая и сопоставляя различные источники, можно получить ценные, а иногда и совершенно неожиданные сведения о жизни и деятельности писцов. Таким образом, настоящая работа прежде всего является просопографической, и автор ставит перед собой цель попытаться собрать сведения о писцах по крупницам из многих тысяч текстов и выяснить положение писцов в вавилонском обществе. Попутно отметим, что в этом отношении историк нововавилонского общества находится в более выгодном положении, чем специалисты по ранним периодам Месопотамии, в текстах которых обычно указываются собственные имена писцов, реже и их отчества, но никогда не приво-

дятся фамильные имена, вследствие чего уверенное отождествление писцов часто просто невозможно.

Автор в конце этой книги намеревался дать в виде приложения полную просопографию вавилонских писцов I тысячелетия с ссылками на документы, в которых они упоминаются, а также с указанием городов, в которых эти писцы функционировали, и датами их деятельности (с учетом также текстов, где писцы выступают контрагентами, свидетелями, поручителями и т. д.). Необходимость такой публикации очевидна, поскольку тысячи нововавилонских документов были изданы без именных указателей, а в тех случаях, когда публикации сопровождаются такими индексами, в них нередко приводятся лишь имена упомянутых в текстах лиц без выделения их профессий. К тому же в некоторых индексах есть много неточностей. Однако от публикации такой просопографии с именами более 3-тыс. писцов пришлось воздержаться, так как она увеличила бы объем настоящей работы в несколько раз. Основные данные, вытекающие из этой просопографии, будут приведены ниже в нескольких таблицах.

Часто употребляемое в данной работе выражение «нововавилонское время» является условным и охватывает все I тысячелетие до н. э. (обычно нововавилонским периодом считаются IX—VI вв., а VI—IV вв. — поздневавилонским, или ахеменидским, последующее же время до исчезновения клинописи — эллинистическим и аршакидским).

Ссылки на источники и литературу в основном тексте монографии даны в сокращенной форме, а полные названия приведены в Библиографии. Переводы документов находятся в конце соответствующих глав, а транслитерация — отдельно в Приложении I в хронологическом порядке текстов. В квадратные скобки взяты разрушенные тексты или их восстановления, в ромбические — пропуски писцов, в фигурные — повторения одних и тех же слов по недосмотру писца и в круглые — дополнения при переводе на русский язык, сделанные для большей ясности. Через косую обозначены дубликаты текстов, буквой h везде передается h.

При обсуждении рукописи данной работы сотрудники Сектора древнего Востока Ленинградского отделения Института востоковедения высказали ценные замечания. Советы и консультации ответственного редактора И. М. Дьяконова позволили уточнить многие факты, изложенные в работе. Е. С. Богословский обратил внимание автора на некоторые публикации о египетских писцах. Указатели составлены Н. О. Чехович. Работа над рукописью была завершена в 1978 г., но позднее были учтены издания текстов и литература, вышедшие в свет до конца 1980 г.

ТЕРМИНОЛОГИЯ

1. Писцы, переводчики и ученые

Древнейшим шумерским словом для обозначения писца было «*umbisag*». Начиная с административных текстов периода Фары (2600—2500), шумеры называли писца *dub-sar* [132, с. 123], а аккадцы (вавилоняне и ассирийцы) писца клинописных текстов — *ṭupšarru*. В аккадском это слово пишется логограммами *LU.DUB.SAR* [по-шумерски *lú* («человек»), *dub* («глиняная табличка»), *sar* («писать»)] или *LU.SID* (в I тысячелетии до н. э.). Ср. мн. ч. *LU.DUB.SAR.MES* или *LU.SID.MES*. В нововавилонское время обе логограммы нередко передаются и без детерминатива *LU*. Логограмма *SID* читается также *šangū* («жрец»), и выбор правильного чтения иногда зависит от контекста. Ср. слоговое написание *LU ša-an-ge-e* (d)é-a [«жрец (бога) Эа»] в TCL XII, 101:19. Это же самое лицо в Mold 21:18 названо *LU.SID* (d)ea.

В нововавилонское время некоторые жрецы выполняли и функции писцов, но последние не могли стать жрецами, если не имели соответствующего специального образования. Чтение *SID* как *šangū* (жрец) часто исключается, поскольку этот знак при упоминании одних и тех же лиц чередуется с *DUB.SAR*. Например, Набу-аххе-иддин, Итти-Мардук-балату и Мардук-нацир-апли из семьи Эгиби в одних текстах названы *LU.SID*, а в других — *LU.DUB.SAR* [Nbd 755:16; 863:11, 1128:39; Camb 276:11; Dar 258:10, 346:12; 514:15; BRM I, 48:15; Ner 58:13; Nbk 365:15 и т. д.]. Надин, сын Бел-аххе-икиши, потомка Эгиби, также обозначен обеими логограммами [Pohl I, 31:20, 39:22; YOS VI, 46:26, 64:17, 221:24; YOS VII, 38:27, 140:30 и др., в 62 текстах он назван *SID*, а в 19 — *DUB.SAR*]. Сказанное относится и к большинству других писцов. Однако в этом отношении имеются и исключения. Например, один из писцов дома Мурашу в Ниппуре в V в., а именно Нинурта-аб-уцур, сын Эллиль-шум-иддина, который упоминается десятки раз, обозначается только как *LU.SID*. Лишь в одном тексте VI в. для *ṭupšarru* употреблена логограмма *LU.IM.DUB* («человек глиняной таблички») [Rutten, RA XLI, с. 101:3].

Как отметил Доуэрти, в нововавилонских текстах логограмма SID для обозначения писцов употребляется гораздо чаще, чем DUB.SAR [52, с. 109, примеч. 5]. По мнению Оппенгейма, которое, однако, не обосновано ссылками на тексты, до конца II тысячелетия слово «*ṭupšarri*» употреблялось в качестве термина для писца, который за плату составлял контракты, а также писца-ученого, а в I тысячелетии титул последнего передавали главным образом логограммой SID [165, с. 45, примеч. 8].

В нововавилонских текстах логограммой SID (SANGA) обозначаются также главные жрецы важнейших храмов Ура, Сиппара, Вавилона и т. д. (*šangū Uri/Sippari/Bābili*) [BRM I, 41:12; UET IV, 21:35, 56:13; ср. 134, с. 61, примеч. 115]. Чтение, например, SID Sippar как *ṭupšar Sippar* исключается, поскольку иногда в таких словосочетаниях SID чередуется с E.MAS («жрец») [190, с. 37, примеч. 9]. Поэтому невозможно принять перевод в Чикагском словаре LU.SID Sippar как «сиппарский писец» [CAD, D, с. 31; см. также Freedman, № 9: 2, где LU.SID (d) Samaš переведено «писец Шамаша»; в транслитерации и переводе на с. 41 нумерация текста дана неверно и вместо «8» следует читать «9»].

В текстах II тысячелетия засвидетельствована также форма *ṭupšarratu* («писец-женщина») [SL II, с. 341, № 139].

В документе VI в. YOS III, 62:15 содержится силлабическое написание LU. *ṭup-šar-ge-e*; ср. также *ṭup-šar-ri*. В VS III, 3:20; Nagel, с. 96 (последний текст датируется концом II тысячелетия, и в нем сообщается о посвящении в храм меча писцом, «который любит Мардука»). Такие написания, по мнению Э. Эбелинга, заставляют сомневаться в том, что знаки DUB.SAR рассматривали как логограмму, а не читали фонетически *ṭup-šar* [57 s. v.].

Абстрактное существительное *ṭupšarrūtu* (шумер. *nam-dub-sar*) имело значение «писцовое дело/искусство» [AHw, с. 1396]. Ср. *ina ṭup-šar-ú-tu šaṭ-ru* — «(таблички) написаны искусно» в одном новоассирийском тексте [ABL 1215: rev. 5].

В начальный период возникновения письменности в Шумере покровительницей писцов считалась богиня урожая и плодородия Нисаба. Позднее аккадцы создание писцового искусства приписывали богу Набу (как Тот, бог Луны и мудрости, по представлениям египтян, был покровителем писцов). В тексте Набу даются следующие эпитеты: SID/DUB.SAR *gimri/Esagila/ilāni/lā šanān* — «совершенный писец», «писец Эсагилы» (главного храма вавилонян), «писец богов», «писец, равно которому нет» («несравненный писец»), *bēl qān ṭuppi* — «владыка тростниковой палочки» (ср. ниже). Вавилоняне приписывали Набу всеобъемлющее знание писцового искусства (*kullat ṭupšarrūti*) (ссылки на тексты см. [219, с. 380 и сл.; 148, т. II, с. 17; 63, с. 43]).

В текстах II тысячелетия упоминается много писцовых заня-

тий. Например, в одном шумерском лексикографическом пер не приводятся названия 29 писцовых профессий [MSL X, с. 80 и сл.; ср. 132, с. 125 и сл.; 165, с. 45, примеч. 7]. Кроме того, те же тексты говорят о «старших» и «младших» писцах, а также о храмовых и царских писцах. В одном из шумеро-авилонских силлабариев, в частности, содержатся следующие соответствия: *dub-sar-lugal* = *ṭupšar* [ṣar-ri]; *dub-sar-ugnim* = *ṭupšar* [u]m-ta-ni, т. е. «царский писец» и «писец войска» [MSL XI, с. 99, № 140b и 141a]¹. В одном новоассирийском тексте говорится также о «старшине писцов» — *LU.rab ṭup-šar-ri* [Asb IV 9, 43b]. В вавилонских текстах V в. UET IV, 48:3, 6/49:3, вместо *LU.rēš ṭupšarri* (meš) — «начальник писцов», «главный писец» [так в UET IV, с. 65; 198, с. 227]) следует читать *LU.al-lak* (meš) — «гонцы», «агенты» (ср. AHw, с. 37; CAD A/1, с. 353)).

В нововавилонских текстах кроме просто *ṭupšarru* упоминаются следующие категории писцов:

1) *Ṭupšar ekalli* — «дворцовый писец». Пишется *LU.SID* (ša) *Ē.GAL*, мн. ч. *LU.SID.MEŠ* (ša) *Ē.GAL*. [BIN II, 109:27; TCL IX, 98:4] или *LU.DUB.SAR Ē.GAL* [Dar 393:17]. Этот термин является синонимом следующего.

2) *Ṭupšarru* (мн. ч. *ṭupšarrē*) *ša šarri* — «царский писец». Пишется *LU.SID* (MES) *ša LUGAL* [EvM 16:13, 19:14; Nbd 964:8; Sack 7:12] или *LU.DUB.SAR* (MES) *ša LUGAL* [BE VIII, 43:38, 44:34; EvM 22:15]. Ср. EvM 16:13, 19:14, 22:15; Sack 7:12, где одни и те же лица названы то *LU.SID LUGAL*, то *LU.DUB.SAR LUGAL*. Ср. в Sg 8:428; *ṭuppi N. ṭupšar šarri rabū*... — «табличка Набу-шаллим-шума, великого писца царя (главного ученого Саргона, царя Ассирии)» (см. [169, т. II, с. 7]).

3) *LU.DUB.SAR.MEŠ ša LUGAL ina URU ip-qi-du* [EvM 23:15] — «писцы, которых царь назначил в город». Ср. *LU.SID ša Bābili* (ki) — «писец города Вавилона» (как фамильное имя) в нововавилонском тексте BRM I, 41:2; *LU.A.BA.URU* — «городской писец» в новоассирийском тексте ABL 1238:3; *LU.DUB.SAR URU* с тем же значением в письме VII в. на вавилонском диалекте ABL 530:13; *LU.GAL 10-te ša LU.A.BA.MEŠ ša URU arba-ili* — «начальник десятка писцов города Арбела» в новоассирийском тексте ABL 829:3—4; *ṭupšar* (DUB.SAR) *māti* — «государственный писец» (досл. «писец страны») в среднеавилонских текстах (см. ссылки [108, с. 89]).

4) *Ṭupšarru ša LU.šākin māti* — «писец наместника» [Weidner, Afo XVI, с. 42, № 8:15; документ времени Кандалану].

5) *Ṭupšar* (LU.DUB.SAR) *ša Ē.MI.SA.Ē.GAL* — «писец дворцового гарема» [Unger. № 26:IV, 6].

6) *Ṭupšar* (DUB.SAR/SID) *eqlēti* (meš) — «писец, (приставленный к) полям» [CT XXII, 191:31 и др.].

7) *Ṭupšarru* (DUB.SAR) *ša ka-ra-am* — писец гавани» (только в [TCL XIII, 218:14]).

8) *Ṭupšarru* (LU.SID) *ša bīt ka-ši-ra-ni* (лишь в [Camb 384:16; VS V, 34:10]) — «писец сокровищницы» (храма Эбаббарра в Сиппаре) [43, с. 238 и сл.; ср. перевод Сан-Николо 196, с. 292, примеч. 4: «писец (мастерской по изготовлению) ковров»; согласно CAD, K, с. 264, значение этого титула неизвестно].

9) *Ṭupšarru* (LU.SID) *ša LU nukaripru* — «писец садовников» [Camb 274:27].

10) *LU.SID KA=ṭupšar bābi (?)* — «писец ворот (?)» [UET IV, 117:13].

11) В одном тексте из города Удану, на юге Вавилонии, датированном годом вступления на престол Мардук-бел-зера (начало VIII в.), писец назван *LU.DUB N. LU US ú-di-e* — «писец N (собственное имя), хранитель утвари» (текст ем. [28, с. 214, примеч. 1334, стк. 11—12]).

12) *Ṭupšar bīti* — «храмовой писец» (без указания названия храма, но всегда имеется в виду писец храма Эанна в Уруке). Употребляется только в единственном числе для обозначения титула главного писца Эанны, пишется *LU.SID. É* [BIN I, 17:2, 39:2; Pohl II, 17:31; YOS III, 186:3], *LU.DUB.SAR É* [BIN I, 40:36, 41:3]. Ср. *LU.DUB.SAR É. DINGIR ša UNUG.KI* [ABL 470:28—29] — «храмовой писец Урука».

13) *Ṭupšar Ea-na* — «писец (храма) Эанна», обычно чередуется с *ṭupšar bīti*, и часто оба выражения применяются по отношению к одному и тому же лицу (см., например, [Lutz II, 24:11 и 15]). Пишется *LU.SID(MES) (ša) é-an-na* [BIN I, 43:2, GCI, 260:5; Lutz II, 24:11; Pohl I, 30:12; YOS VI, 165:5, 206:5, 217:165:5], *LU.DUB.SAR(MES) ša é-an-na* [Pohl I, 63:25, 64:5; 157:5; Weisberg 3:7]. Ср. текст времени Навуходоносор II, с. 125, № 11:14—15 и BIN I, 121:11: *LU.SID N é-an-na* — «писец N (собственное имя), писец (храма) Эанна»; *N. LU.kalū (d)ištar uruk(ki) LU.DUB.SAR é-an-na* — «N (собственное имя), певчий Иштар Урукской, писец (храма) Эанна» [Pohl II, 3:62]; *LU.DUB.SAR N. LU.kalū (d)innin (d)ištar u (d)na-na-a* — «писец N, певчий (богиня) Инанны, Иштар и Нанайи» [Scheil, RA XXIV, с. 38: rev. 14]; *N. LU.SID LU.kalū (d)bēl* — «N, писец, певчий (бога) Бела» [BRM II, 32:31]; *DUB.SAR(ru) N. LU.barū* — «писец N, прорицатель» [BBS, № XXX: rev. 22]. В одном документе времени Шамаш-шум-укина писец назван *LU.SID (d)pusku* — «писец (бога) Нуску» [Никольский, с. 143:17].

14) *Ṭupšarru ša Éabbarra* — «писец (храма) Эбаббарра» — святилища Шамаша в Сиппаре, *LU.SID ša é-babbar-ra* [Cyr 31:4 и др.]. Употребляется как в единственном, так и во множественном числе.

15) *Ṭupšarru (LU.DUB.SAR) ša é-zi-da* — «писец (храма) Эзида» (храм бога Набу в Борсиппе) [CT XLIX, 1:3, 2:3; SR 278:19].

16) *ṭupšar bīt Marduk* — «писец храма (бога) Мардука», т. е. Эсагила в Вавилоне. Пишется *LU.DUB.SAR É (d) Mar* [Сут 345:48]. Ср. *DUB.SAR šá é-sag-ila* — «писец (храма) Эсагила» [VS III, 187:18].

17) *ṭupšarru ša bīt ṭupri* — «писец дома таблички» (шля?), встречается только в текстах из Ура. Пишется *DUB.SAR šá É ṭup-pi* [UET IV, 13:37]; *LU.SID šá É. IM.DUB* [UET 19:rev. 25]; ср. *LU.SID šá bāb (ṭiṭ)ṭuppi* (*IM.DUB*) [UET 12:39].

Слово «*ṭupšarru*» было заимствовано многими клинописными и другими языками. Например, в хеттской клинописи для писца употреблялась логограмма *LU.DUB.SAR*, а также *LU.DUB.SAR.GIŠ* (*GIŠ* — по-шумерски «дерево»); ср. также евр. *ṭipsār* [Jer. LI, 27; Nahum III, 17; ср. 249, с. 19]. Обычно считают, что слово «*ṭupšarru*» было заимствовано эламским в форме *tuppiṛa/tipira* (от *tuppi* — «табличка», с суффиксом действующего лица -*r*), но на самом деле *tuppiṛa* является производным от древнего эламского *terpi* — «табличка», ср. **terpiṛ* — «писец», и сюда в конечном счете восходит и ново-перс. *dab* («писец») через посредство др.-перс. **dipīra* [102, с. 48 и сл.; ср. также ср.-перс. **dipīr* («писец»), *dipīwar* в надписи из Дира-Эвропос (от др.-перс. **dipībara* — «носитель текста») [с. 61, с. 216], др.-инд. *divirapati* (от др.-перс. **dipīrapati*) — «старший писец», «глава писцов» (указано В. А. Лившицем). В документах из Нисы (I в. до н. э.) «писец» обозначается идеограммой *SPR'*, но «глава писцов» (т. е. начальник канцелярии) — парфянским термином «*dipīrpat*». Из этого видно, что идеограмму *SPR'* парфяне читали друг (указано В. А. Лившицем).

В ассирийских текстах *LU.DUB.SAR* встречается очень редко, а *SID* в значении «писец» вообще не употребляется. Для обозначения писца ассирийцы обычно пользовались логограммой *LU.A.BA*, которую следует читать *ṭupšarru* (*CAD*, E, с. 114; ср. у Доуэрты [52, с. 114], который считает такое чтение маловероятным). В новоассирийских текстах, в частности, употребляются *LU.A.BA KUR.Aššur-a-a* («ассирийский писец») [241, с. 150]; *LU.mār AB* («ученик-писец») [241, с. 150]; *LU.A.BA KUR.Ar-ma-a-a* («арамейский писец») [ADD 170:rev. 270:rev. 5 и т. д.] (см. подробно ссылку у Доуэрты [52, с. 129]; *LU.A.BA (māt)Ar-ma-a-a-mār šarri* («арамейский писец царевича») [ADD 385:rev. 13]; *LU.A.BA.MES DUMU.MES (URU)Nin[ua]* — «писцы ниневийские» (сходным образом обозначаются также писцы из городов Арбела и Какзу) [ABL 346:2—386:6, 829:3—4, 1037:2—3; ср. 169, т. I, с. 2, 58 и 64; 103, с. 45]; *LU.A.BA... šá LU bēl pahāti...* [«писец заместника (города Бархальзи)»] [108, с. 88].

По мнению Доуэрты, *LU.A.BA* определенно писал на коже [52, с. 129]. Например, в тексте *OLZ XX* (стб. 204) говорится

...писец для «городского и храмового писцов» — LU.A.BA
 LU.A.BA bit III. Однако в большинстве случаев такие пис-
 цы писали на глиняных табличках. Так, в документе ABI.
 мы находим: *ṭuppi šā LU.A.BA šā-aṭ-ra-a-ni* — «таблички,
 которые написал писец, (я посылаю тебе; пусть царь прочитает
 ...» (ср. [CAD, A/2, с. 18]). В текстах упоминаются также
 A.BA (*māt*)*arumaja*, A.BA (*māt*)*aššuraja*, т. е. «арамейский пи-
 сец», «ассирийский писец». Согласно Доуэрти, первые из них
 писали по-арамейски, а вторые — по-ассирийски. Уайзман не
 согласен с этим и считает, что разница между обеими катего-
 риями писцов была не этнической, а скорее функциональной.
 По его предположению, A.BA был не просто писец или секре-
 тарь, а эксперт по определенным отраслям знаний, а «арамейские
 писцы» ведали отношениями с арамейскими племенами [240,
 с. 13]. Но такое мнение представляется весьма маловероятным.
 Нередко наряду со словом «*ṭupšaggu*» встречается и слово
 «*serīgu*». Оно засвидетельствовано только в текстах нововави-
 лонского, ахеменидского и селевкидского периодов, причем пи-
 шется всегда силлабически: LU se-pi-g(-ri), se-pi-gu/gi. Для этого
 слова, обозначающего какую-то профессию, предлагались раз-
 личные этимологии и толкования. По мнению Доуэрти, который
 учел все опубликованные до 1927 г. тексты, словом «*serīgu*»
 обозначались арамейские писцы, которые писали на коже и,
 возможно, на папирусе по-арамейски в отличие от вавилонских
 и ассирийских *ṭupšaggu*, писавших по-аккадски клинописью на
 глине. Доуэрти, в частности, отметил, что в документах селев-
 кидского времени BRM II, 36:1 и 46:27—28 одно и то же лицо
 (некий Иллут-Ану, сын Ану-мукин-апли) упоминается либо как
 LU.se-ri-gu, либо как LU.KUŠ.SAR — «писец на коже» (KUŠ-
 mašku — «кожа», SAR = *šaṭāgu* — «писать»). Поэтому, по Доуэр-
 ти, KUŠ.SAR является логограммой для *serīgu*. Он же обратил
 внимание на документ Ars 10:8, где встречается выражение
mašak ši-piš-tu, šā LU.se-pi-gi — «кожаный документ, принадле-
 жащий сепиру» [52, с. 110 и сл.; см. также 140, с. 191 и сл.].
 Ср. документ V в. BE X, 60, в котором в арамейской приписке
 писец Бел-иддин назван *srg*. Слово «*sārṭā*» («писец») есть и
 в арамейских текстах позднеассирийского времени (ссылки см.
 [142, с. 83]); ср. также *sārṭē mēdintā* («окружные писцы») [AP 17:1,6],
sārṭē ősṭā [AP 2:12—14] («писцы сокровищни-
 цы») в арамейских папирусах ахеменидского времени. По мне-
 нию Шредера, вавилонское *serīgu* восходит к ар. *sārṭā* [209,
 стб. 228 и сл.], а Ландсбергер предложил вокализовать это
 слово в форме *serīgu*, считая, что оно произошло от др.-арам.
 **sāpīr* («писец»). Сан-Николо высказался в пользу мнения
 Доуэрти, указывая на то, что *serīgu* и *ṭupšaggu* встречаются
 рядом в одних и тех же текстах [BRM I, 101; Dar 336, 344;
 YOS III, 17, 126 и др.; см. 196, с. 290—292; 197, с. 369 и сл.;
 190, с. 26, примеч. 37]; в египетском засвидетельствовано слово

«srg» в значении «писец», заимствованное из какого-то семитского языка [191, с. 131, примеч. 3].

Однако Крюкманн, Драйвер и некоторые другие исследователи не согласны с Доуэрти и полагают, что словом «serīgu» обозначался не писец, а какой-то чиновник [119, с. 14, примеч. 2; с. 16, примеч. 11; AD, с. 2; 54, с. 16, примеч. 7; 64, с. 61, примеч. 85; 60, с. 67; 62, стб. 933; ССК, с. 94, примеч. 2]. По мнению Мейсснера, сепиру были гонцами [148, т. I, с. 129], а Унгнад видит в них кассиров [223, с. 139; 225, с. 81]. Как отмечает Кардашиа, в текстах архива Мурашу UM 29:8 и 34:4 serīgu чередуется с LU.A.BAL, чтение и значение которого точно неизвестно [35, с. 96; ср. 35, с. 10 и 15, где слово «serīgu» переведено «кассир»].

Наконец, Эбелинг предложил для этого слова значение «переводчик-писец», связывая его с арамейским sfīrā — «ученый» (по И. М. Дьяконову, надо огласовать serīgā). Сепиру знали арамейский и аккадский языки, писали по-арамейски на коже и выполняли функции переводчиков. Согласно Эбелингу, serīgu является эквивалентом LU.A.BAL (см. ниже), считая последнее слово вариантом шумер. i₃-bal, коррелята аккад. targumanni — «толмач» [58, с. 212]. Кардашиа и Сан-Николо склонны полагать, что логogramму LU.A.BAL (встречается только в текстах архива Мурашу) следует читать serīgu [35, с. 96, примеч. 17; с. 149, примеч. 9; 296, с. 191, примеч. 5]. По мнению Сан-Николо, выражение LU.A.BAL.MES šā ú-qu в текстах V в. из Ниппура может соответствовать греч. γραμματεὺς τῶν δουρμένων, т. е. «писцы войска». Отождествление A.BAL и serīgu покоится на том, что некий Набу-мит-убаллит, «старшина над сепиру», сдавал дому Мурашу в аренду поля, принадлежавшие «войску» [Kr 181:3; ha-at-ri ú-qu]. Кроме того, в UM 173:16 некий Абу-ул-иди назван LU.A.BAL, а в BE X, 5:7 лицо с тем же именем упомянуто как LU si-pir-ri (однако ни в одном из этих текстов отчество его не приведено, и поэтому полной уверенности в их идентичности нет).

Фон Зоден принял толкование serīgu как «переводчик-писец» и считает, что написания исключают возможность отождествления этого слова с арамейским sfīrā («писец») и свидетельствуют в пользу связи с сирийским sfīrā [212, II, с. 266]. Такой перевод представляется нам наиболее убедительным (см. контексты, приведенные ниже, в гл. III).

В текстах различаются следующие группы сепиру:

1) LU se-pir/se-pi-ru šā šarri — «царский переводчик» [YOS III, 132:6, VII, 107:17 и др.].

2) LU reš šarri LU se-pir — «царский контролер-сепиру» [Dar 544:3].

3) LU se-pir [LU mār ši-ip]-ri šā šarri — «сепиру — царский гонец» [VS VI, 171:9].

4) LU se-pir šā šarri šā ina é-an-na paq-du — «царский пере-

водчик, который назначен в (храм) Эанна» [YOS VII, 164:21 и др.].

5) LU se-pi-ru šá bīt LU mār šarri — «переводчик дома царевича» [Cyr 199:10; UM 51:15, 52: u. E.; все тексты, цитированные выше, относятся к ахеменидскому периоду, когда персидский двор для общения с официальными учреждениями и местным населением нуждался в переводчиках]. LU se-pir (MES) šá mār šarri — «переводчики царевича» [Nbd 581:4; Unger, № 26, IV:15]. Ср. в Nbk 372:3—6 LU mār sip-pir-ri šá. N. mār šarri, что можно было бы перевести «член (коллегии) писцов-переводчиков царевича N. (собственное имя)». Но, по всей вероятности, вместо sip-pir-ri следует читать šip-pir-ri. Тогда мы имеем здесь необычную для словосочетания «mār šipri» («гоним») форму.

6) LU se-pi-ri šá N LU pahāti šá (māt) Akkadī (ki)-i [UM 72:12, uR] — «переводчик наместника Аккада» (персидского сатрапа). Ср. LU se-pir-ri šá bēl pehāt mi-šir — «переводчик наместника Египта (?)» [Camb 344:2—3]. В некоторых текстах упоминаются также «переводчики» Гобрия, наместника Вавилонии в V в.

7) LU se-pi-ru šá LU rab mu-un-gu [ССК, с. 94:3] — «переводчик при начальнике mungu» (последний, по-видимому, был высокопоставленным военным чиновником, ведавшим отношениями с иностранными правителями (см. [CAD, M/II, с. 171])).

8) LU se-pir-ru šá bīt abarakki — «переводчик дома управляющего» [PBS XIV, № 966; ср. UM 193:17: LU se-pir-ru-šá LU abarakki — «переводчик управляющего»].

9) LU si-pi-ru šá LU qēpi — «переводчик при попечителе» (храма Эбаббарра; попечитель был одним из высших храмовых чиновников наряду с управителем и царским чиновником) [CT IV, pl. 31, Bu. 88—5—12, 336:4—5].

10) LU ha-aṭ-ri šá LU se-pir-ri (meš)/se-pi-re-e — «артель переводчиков» [BE X, 33:4, 37:2—3, 57:2; UM 3:8, 185:4, 196:7].

11) LU se-pi-ri šá ú-qu — «переводчики при войске» (они находились на службе у военной администрации; (ср. [196, с. 291, примеч. 5; 37, с. 58, примеч. 2]) [BE X, 102:6; UM 34:3 и др.]. Ср. LU šak-nu (šá) LU se-pi-ri (meš) šá LU ú-qu — «старшина над переводчиками при войске» [BE X, 102:6; 10, 12 и др.].

12) LU šak-nu šá LU se-pi-ri (meš) — «старшина над переводчиками» [BE X, 7:4; Kr 181:4,7; UM 96:7 и др.].

13) LU šak-nu šá LU se-pi-ri (meš) šá bīt LU rab um-ma — «старшина над переводчиками дома начальника людей» (?) [UM 196:7].

14) LU se-pi-ri šá LU ga-ar-du — «переводчики, (назначенные к) гарда» (контингент царских работников) [BE X, 95:6, 10].

15) LU se-pir šá eqlēti (meš) — «сепиру, (приставленный к) полям» [VS VI, 171:27. Ср. на с. 8 выражение LU ṭupšar eqlēti (meš) — «писец на глине, (приставленный к) полям»].

16) LU se-pir šá kurummati(hi.a) — «сепиру над продовольствием» [CT LI, 50:3; Dar 314:3].

17) LU se-pi-ri LU mār šip-ri — «сепиру-гонец» [Nbd 487:1; Pohl I, 61:12].

18) LU se-pi-ri šá (m)tu-ra-šu-ú — «сепиру (дома) Мурашу (аналогичным образом и других частных лиц) [BE X, 129:1 и др.]».

19) LU se-pi-ri LU ši-rik (d)marduk — «сепиру — раб (храма бога) Мардука» [CT XLIV, 76:7, 77:3].

20) LU se-pir/se-pir-ri(meš) makkūr (d)Anu — «сепиру — имущество бога Ану» (встречается только в текстах селевкидского времени) [BRM I, 86:28, II, 34:35, 35:36; TCL XIII, 239:25; 246:26 и др.].

Следует отметить, что перевод *serīgu* как «переводчик-писец» не подходит для документа Pohl I, 74:4 (526 г.), согласно которому один храмовой раб противозаконно продал свою дочь, поставив на ее руке клеймо LU si-pi-ri. По мнению Оппенгейма, который исходит из этого текста, термином «сепиру» обозначались люди, занимавшие на социальной лестнице промежуточное положение между рабами и свободными. Он переводит его «полусвободное лицо» [160, с. 15, примеч. 6; там же приведен и взгляд У. Ф. Олбрайта, что сепиру не были писцами]. Однако тексты заставляют предположить, что слово «*serīgu*», по-видимому, имело два различных смысла и употреблялось для обозначения как переводчиков-писцов, так и определенного статуса зависимых людей.

Попутно уместно будет остановиться и на термине «*targumanni/targumāni*» («переводчик»), заимствованном из аккадского арамейским [*targ^mmānā*, ср. библейское *mtgrm* («переведенное»)], арабским (*taḡa/umān*), персидским, а также через разные промежуточные звенья английским, немецким, испанским, итальянским, русским («драгоман») и многими другими языками [77, с. 93 и сл.; 106, с. 107]. Обычно *targumāni* возводят к семитскому корню RGM — «говорить» с префиксом *ta-* и суффиксом — *-an*. Но Гельб считает это маловероятным и склонен полагать, что данное слово чужеземного (возможно, хеттского) происхождения. По мнению Кауфмана, оно могло попасть в арамейский через аккадский, хотя уверенности в этом нет [106, с. 107]. Аккад. *targumanni* в шумерском соответствует *eme-bala*. В шумерских текстах из Лагаша упоминается *ugula eme-bala-me* — «старшина драгоманов» (ср. аккад. *ga-ba-ta-ar-gu-ma-ni* с тем же значением) [77, с. 95]. *Targumanni* встречается и в новоассирийских текстах (см. с. 68), но в нововавилонских документах пока не обнаружено. Возможно, оно было заменено словом «*serīgu*».

В вавилонских документах селевкидского времени BRM II, 39:6, 46:28; VS XV, 6:6 засвидетельствован термин «LU.KUŠ.SAR» — «писец на коже». Аккадское чтение его точ-

но неизвестно, и некоторые ассириологи отвергают предположение Доуэрти, что эту логограмму следует читать как *serīgu* (см. выше) [119, с. 14, примеч. 2]. Возможно, Доуэрти был прав. В частности, к такому мнению склоняются фон Зоден [АНВ, с. 1036] и И. М. Дьяконов (устное сообщение). В таком случае сепиру был прежде всего арамейским писцом на коже и лишь вследствие этого и переводчиком (ср. также у Кюммеля [120, с. 136]).

Шредер также считал, что указанное слово, подобно *ṣuršāgu*, следует читать *kuššāgu* [207, с. 91 и сл.]; такое мнение было принято и Бецольдом [BAG, с. 152, s. v. *kuššāgu*], но в последующем было отклонено всеми ассириологами.

Элиту писцов составляли литературные писцы, ученые, которые обозначались словом «*umtāni*». Но оно имеет также значения «учитель» и «мастер-ремесленник» (литературу см. [161, с. 131, примеч. 42; 46, с. 225, примеч. 1]). Согласно одному перечню из Мари, в состав *umtāni* входили ремесленники, певцы, сторожа, писцы и садовники. В нововавилонских текстах о выдаче продовольствия среди *umtāni* упоминаются плотники, ювелиры, кузнецы, ткачи, прачечники, резчики печатей и т. д. (см. [120, с. 21]). Строго говоря, в аккадском не было особого термина для обозначения ученых. Отчасти это понятие выражалось причастием от глагола со значением «знать» — *mūdū* [169, т. II, с. 6 и сл.]. *Umtāni* обычно пишется syllabически *um-ta-ni/ni* (последняя форма может быть как единственного, так и множественного числа), но редко встречается и логографическое написание *UM.ME.A*.

Точные функции ученых неизвестны, но, по всей вероятности, они (или скорее часть их) были царскими секретарями, официальными правительственными писцами (ср. [28, с. 27 и примеч. 122]).

Приведем теперь некоторые контексты: «Возьми с собой тех ученых из Борсиппы, которых ты знаешь» [СТ XXII, 1:7; письмо царя, вероятно Ашшурбанапала, с приказанием поискать в Борсиппе определенные таблички и привести к нему ученых и знатоков литературы]. Ана *ri* (KA) *umtāni* (UM.ME.A) *ša-ti[r]* *gaba* (!) *-ru-u* *la-bi-gu ul āmur* [PBS I/2, 106 rev.:30; см. также CAD, G, с. 26] — «Написано под диктовку учителя, оригинала я не видел» (пометка писца на тексте). Ср. перевод Лэссё: «Написано по устному сообщению ученого...» Лэссё полагает, что письменный текст имел больше значения, чем устное предание, и на устную традицию опирались неохотно, а в данном конкретном случае пришлось прибегнуть к ней, так как оригинал текста не был доступен писцу [125, с. 212 и сл.]. Но, по мнению Элмана, такое толкование неверно, ибо в этом тексте встречаются ошибки, знаки имеют странную форму, и все это, как он полагает, свидетельствует о том, что мы здесь имеем дело со школьной табличкой, экзаменационной работой

посредственного ученика, написанной под диктовку у [65, с. 21]. Однако толкование Лэссё почти общепринято сириологов (о различных интерпретациях фразы *ša ri i* и связанной с этим вопросом устной традицией в Месопотамии см. подробную литературу в [65, с. 20 и сл.]).

Слово «*umtāpi*» часто ассоциировали с именем Оаппес, которое упоминается у Беросса, вавилонского писца-ученого, жителя храма Мардука при Антиохе Сотере (281—261). В своем «Вавилонской истории» он пишет, что Оаппес был человеком, бой божественного происхождения, наделенной творческой силой и давшей людям знание и искусство (ср. [234, с. 33 и 63, с. 52, примеч. 90]). Однако в вавилонской литературе содержится имени Оаппес; по мнению некоторых сириологов Беросс не понял часто встречающуюся в аккадских текстах фразу *ša ri umtāpi* («под диктовку учителя») и под именем Оаппес скрывается слово «*umtāpi*» [234, с. 33, 35; см. подробную литературу в 111, с. 143, примеч. 122]. Но сравнительно недавно ван Дайк опубликовал текст из Урука [UVB XV, с. 44 и сл.; ср. ниже, в гл. 1 § 4], где в перечне «ученых» говорится о некоем U'an. В настоящее время многие сириологи склонны полагать, что Оаппес Беросса соответствует U'an, последнее является сокращенным именем от шумер. U₄-(d)an-da-ra — «свет сверкает с неба» [111, с. 144]. Это был известный мифический мудрец, которого еще называли Адапа.

К слову «*umtāpi*» близко по значению и слово «аркай» (пишется syllabически и логограммой NUN.ME) — «мудрец» (литература см. [165, с. 46, примеч. 16]). Часто оно является эпитетом богов Эа, Мардука и т. д. (контексты см. [CAD, A, с. 171 и сл.; ANw, с. 58]).

2. Материалы для письма

Основным материалом для письма на всем протяжении существования клинописи была глина. Тексты на глине назывались IM.DUB = (*ti*)*ti*urri (см. § 3). Стиль, которым писали на глине, назывался *qa*n*ti*urri (досл. «тростник для глиняной таблички»).

В I тысячелетии для письма часто употреблялись и деревянные дощечки (*i*š)*le'u*. Хотя первоначально этим словом обозначались деревянные дощечки, позднее его значение распространилось и на другие материалы для письма (камень, металл и слоновая кость). Слово пишется syllabически (*i*š)*le-e* и логограммой GIS.DA. Оно встречается в текстах начиная еще со старовавилонского времени (см. [CAD и ANw s. v.]). Эти таблички покрывали воском, на котором и писали (ср. с. 36).

В письме, отправленном в начале царствования Набонассара, к адресату содержится просьба прислать ствол дерева *musukappu* (= *Dalbergia sissoo*; см. [ANw, с. 678]) и сообщ-

... сколько он стоит. Автор письма далее пишет, что он сде-
лал одну «отличную дощечку» [UET IV, 185:10—11: GIS lē'u
ur-ba-ni-ú] и отправит адресату, ибо он собирается занимать-
ся изготовлением дощечек (ср. [NB, № 320]). Согласно колофо-
нам известно, что материалом для дощечек служили также та-
мариск (bīnu), самшит (taskarīnu), кедр (eēnu) и кипарис
(šurmenu) (см. [98, с. 459]). Уайзман на основании находок
Нимруде ореховых дощечек для письма считает, что слово
taskarīnu применялось по отношению к ореховому дереву.

В аккадских текстах встречается также выражение ṭuppu ša
šukūi — «вошенные дощечки». Самое древнее упоминание о них
содержится в письме из Угарита (около XIV в.), в котором
один писец просит другого прислать «вошеную табличку» (см.
[98, с. 459 с ссылкой на PRU VI, 18:23]).

Царские надписи и другие важные тексты нередко писали
и на камне. В частности, в надписях нововавилонских царей
упоминается ṭuppu (aban)paṛūti — «алебастровая табличка»
(для записи). [NKI, с. 240:27]. Иногда в храмах для составле-
ния надписей пользовались камнем; ср., например, выражение
a-ki-i (aban)ṭuppi [VS V, 74/75:8/6] — «в соответствии с камен-
ной табличкой» (имеется в виду храмовой документ времени
Дария I, в котором были зафиксированы продовольственные
нормы для богов). Очень редко на камне писали частноправо-
вые документы. Например, на камне был записан один брачный
контракт из Вавилона (624 г.) [VS VI, 3]. Документ Николь-
ский (Урук, время правления Шамаш-шум-укина), фиксирую-
щий продажу поля, составлен на черной каменной плите.

В вавилонских текстах ахеменидского времени как материал
для письма упоминается и magallatu — «кожаный свиток». Сло-
во это заимствовано из араб. megalatā [AHw, с. 574; 212, I,
с. 15, III, с. 189; CAD, M/I, с. 31]. В документах архива Мура-
шу оно встречается в сочетании с др.-перс. kara — «делать»:
LU ma-gal-la-a-ta (/ta₅)-(a)-kar-ra (мн. ч. kar-ra-nu) — «изгото-
витель кожаных свитков» [BE X, 93:5, UM 136:10 и др.; см.
также 60, с. 49; 212, I, с. 15]. В позднеавилонском колофоне
одной таблички [BM 41548] указанное слово употреблено вме-
сте с детерминативом для кожи: KUS ma-gal-lat [BAK, № 481].

Начиная с VI в. редко встречается также упоминание и о
пергаменте KUS pa-a-gi/pa-a-a-gi(meš) [GC I, 54:8 и 92:5].

В I тысячелетии в Месопотамии в качестве писчего материа-
ла для аккадских текстов применялись также папирус (urbānu)
и папирусная бумага (piāgu). В частности, urbānu многократно
встречается в запросах к оракулу, составленных в нововавилон-
ское время (см. например [PRT 26]). Пишется оно syllabиче-
ски с детерминативом растения или дерева: U/GIS ur-ba-an-pi.
Как полагает фон Зоден, это слово составляло основу поздне-
авилонского собственного мужского имени Ur-ba-ni-ú — «Па-
пирусный» [VS VI, 315:13; ср. 212, II, с. 269, III, с. 196].

В качестве писчего материала употреблялись и различные металлические пластинки. Ср. в нововавилонском письме: N₁ asumitta ši ša siparri ša šalam ištār... [MVAG XII/3, 157:4] — «(Отправь мне) эту бронзовую тарелку (?), на которую нанесен рисунок (богини) Иштар, (скачущей на льве)» (ср. САГ А/II с. 348]).

В новоассирийских текстах в качестве материала для письма упоминается и слоновая кость. Например, в одном тексте говорится о «дощечке из слоновой кости» (GIS.LI.U₅.UM ZUAM.SI [CAD, L, с. 159]). Такие дощечки покрывались воском. Не исключено также, что слово «tabšīnu» в позднеассирийских текстах следует толковать как ṭuppi šinni — «табличка из слоновой кости» (см. [129, с. 317]).

3. Типы документов

В Месопотамии наиболее распространенным типом документа была «глиняная табличка» (ṭiṭ)ṭuppu/ḍuppu (шумер. IM.DUB — «табличка», встречается и слоговое написание ṭup-ru; мн. ч. ṭ/ḍuppānu). Этим термином назывался любой клинописный текст на глине, в том числе «документ» и «письмо» (как корреспонденция), а также сама глина как материал для письма.

Слово «ṭuppu» со значением «текст», «надпись», «табличка» было заимствовано эламским языком в форме terpi (в эламском варианте Бехистунской надписи встречается также форма ṭupprime — «надпись», «писание» с суффиксом абстрактного значения me). Кроме того, в ахеменидском эламском это слово один раз засвидетельствовано со значением «документ (на) коже» — ṭup-pi KUŠ^{1g}-uk-ku-pa [PF 1986:31; ср. у Хайллока; PF, с. 763 и сл.]. Из эламского оно было заимствовано древнеперсидским в форме dīpi — «надпись» (ср. [249, с. 19]). Позднее через древнеперсидский оно проникло и в древнеиндийские языки в форме līpi — «письмо» [61, с. 216], а также продолжало свое существование и в среднеиранских языках со значением «письменный текст», «документ» (ср. перс. dūr, парфян. dūb, ср. ново-перс. dibistān — «школа»; указано В. А. Лившицем).

Приведем наиболее типичные контексты нововавилонского времени. Kīma pī ṭuppi labīri (ссылки см. [CAD, L, с. 29]) — «согласно словам старой таблички» (т. е. более древней; выражение это встречается в колофонах скопированных текстов). Ṭuppi N ana NN (постоянно в начале писем) — «письмо от такого-то к такому-то», ср. ṭup-pi [YOS III, 1:1] — «мое письмо»; ṭuppi ša immerē(meš) [YOS III, 147:17] — «письмо относительно овец»; ūmu(mu) ṭup-pi ta-mu-gu [Kt 257:5—6] — «в (тот) день, когда ты увидишь мое письмо, (не мешай ни одной ночи)»; ṭuppi(meš) [YOS III, 29:14] — «письма» (мн. ч.). В значении «письмо» употреблялось также слово «šipirtu» (досл.

«послание»), пишется всегда силлабически [YOS VII, 102:24 и др.].

Ṭurpī adē [Weidner, AfO XVII, с. 4] — «документ с клятвой», т. е. документ, в котором была зафиксирована клятва верности царю. Ṭurpī šurpēlti [VS V, 18:12; 38:39 и др.] — «документ об обмене» (полями, домами и другим имуществом), ср. ṭurpī šu-pel-tu₄... šá šal-ma-nu [VS VI, 120:12; Вавилон, 520 г.] — «документ с рисунками... относительно обмена (полями)»; по-видимому, на самой табличке содержались рисунки (возможно, чертеж полей). По мнению Сан-Николо, здесь имеются в виду изображения на приложенных к табличке печатях [191, с. 191, примеч. 1; ср. также у Ландсбергера: 133, с. 293]. Ṭurpu ma-hi-ri/mahiri (KI.LAM) [TCL XIII, 179:13 и др.] — «документ о цене»; Ṭurpu šimāti [в эпосе: EE IV:44] — «табличка судеб». Ṭurpu nu-du-nu-ú [TCL XIII 179:12, 18 и др.] — «документ о приданом»; ṭurpī bīti ab-ta [Pohl I, 2:1] — «документ относительно обвалившегося дома»; ṭur-pi šá te-lil-ti [UET IV, 182:14] — «документ об очищении» (контекст не вполне ясен); ṭurpī šá (še)uṭṭati suluppī u kupāši [Cyr 31:1] — «документ относительно ячменя, фиников и полбы»; ṭurpu eqli (iṣ)kirī (iṣ)gišimmari [UET IV, 19:1, 20:1] — «документ относительно поля, сада (и) финиковой рощи» (в тексте речь идет об их продаже); ṭurpī zitti [TCL XII, 43:1; UET IV, 52:2 и др.] — «документ о разделе (имущества)». A-na la e-ne-e ṭur-pi l-en (TA.AM) il-qu-ú [TCL XII, 43:44—45 и др.] — «чтобы не изменили (т. е. не подделали) документ, они (контрагенты) получили по одному экземпляру (контракта)». Ina (tiṭ)ṭurpī... šu-a-ti [TCL XII, 43:45] — «при (составлении) этого документа (присутствовали такие-то лица)». Ṭur-pi it-ti a-ha-meš iš-ṭu-ru [BL II, с. 340: obv. 9—10; нововавилонские законы] — «документ, который они совместно написали» (речь идет о брачном контракте, заключенном между женихом и отцом невесты). Ср. ṭur-pi iš-ṭu-ru-šū [BL II, с. 342: obv. III, 25] — «он написал свой документ (о приданом для дочери)». Ṭur-pi(meš) ina bīti šak-nu u bābu a-na muh-hi ka-nik [CT XXII, 87:10—11] — «таблички положены в дом, и ворота за (ними) опечатаны» (письмо храмового чиновника с сообщением, что документы относительно сбора арендной платы с полей находятся в опечатанном доме; ср. у Эбелинга [NB, с. 53]). Ṭur-pi šī-piṣ-ti šarri [Scheil, RA XVIII, с. 31 и сл., № 22:3] — «документ с посланием от царя».

Иногда слово «ṭurpu» встречается в значении «пластинка» и не имеет отношения к письму. Ср., например, kaspu/hurāšu i-na ṭu-up-ru in-da-ṭu [Nbd 119:1—2 и 1095:3—4] — «серебро/золото в (виде) мелких пластинок». Наконец, ср. выражения ṭurpī ṭurpī и adi ṭurpī (ana) ṭurpī (в контрактах об аренде домов, лодок, иногда в гарантиях при продаже рабов, в контрактах об обучении ремеслам и т. д.), которыми обозначается определенный промежуток времени (точное значение пока неясно) [112,

с. 198; 163, с. 144 и сл.; 133, с. 291; NRV, с. 21, примеч. 2; с. 31 и сл.; 147, с. 9].

Как выше говорилось, на глине писали тростниковой палочкой *qaṇ ṭurri*, являвшейся символом бога Набу, которого вавилоняне считали изобретателем письма. Ср. *ša-bit qaṇ ṭur-pi* [AC, с. 14; KAR, № 25: II, 6] — «(Набу тот, который) держит стиль». В колофоне одной надписи Ашшурбанапала говорится, что Набу «держит в своей руке дощечки и стиль для (записи) суда» [Asb II, с. 364 о: г; ср. CAD, L, с. 159]; ср. в деловом документе времени Набонида: (d)nabū DUB.SAR é-sag-il [VS 21:31] — «Набу — писец (храма) Эсагилы» (пусть укоротит жизнь нарушителя контракта). Попутно отметим, что такую тростниковую палочку часто рисовали (выжигали?) на крупном рогатом скоте, баранах, а также на рабах, принадлежавших святилищу Набу, в качестве клейма [TCL XIII, 132:1, 133:1 и др.]. Этот же символ часто встречается и на печатях.

Обычно со словом «*ṭurri*» связывают и слово «*darru*» (*darru* в новоассирийском диалекте *adarru*), мн. ч. *darrū*, *darrūni* — «деревянная дощечка», «доска», «(металлическая) пластинка» [CAD, D, с. 106; ANw, с. 10 s. v. *adarru*]. Ср. заимствованное через арамейский язык араб. *daffa(h)* — «дощечка», «табличка», «столбец», «страница», *ṭr* в южноарабских эпиграфических памятниках и в арамейском папирусе ахеменидского времени [AP 26; судя по контексту, имеются в виду доска и бревно; ср. 106, с. 46]. Кауфман склонен полагать, что *darru* является ранним заимствованием из аккадского языка в арамейский, где оно получило независимое развитие, а затем оно было заимствовано аккадским [106, с. 46].

В вавилонских текстах I тысячелетия постоянно встречается заимствованное из шумерского языка слово «*giṭtu*» [пишет IM.GID.DA; IM.GI.DA — досл. «длинная (табличка)», так как «список», «перечень»; имеются и силлабические написания; ср. KUS.GID.DA — «текст на коже»], мн. ч. *giṭṭānu*. Оно имеет следующие основные значения: 1) табличка в один столбец с литературным содержанием; 2) расписка; 3) документ на коже (когда слово сопровождается детерминативом KUS — «кожа» [CAD, G, с. 112; ANw, с. 294; 57, с. 94 и сл.]. Эти таблички легко отличить по форме, так как они были узкими и длинными. Обычно на них в храмах писали документы с перечнями доходов и расходов. Слово это было заимствовано арамейским в значении «кожаный документ», поскольку такие тексты, подобно клинописному *giṭtu*, писали в один столбец [106, с. 52].

Основные употребления этого слова: *(mašak)giṭtu*, *(ti)giṭtu* — «кожаный документ», «глиняная табличка»; ср. *(ti)giṭtu šá ni-ṭurri* [Nbd 558:14; 722:6, 726:6 и др.] — «глиняная расписка от носителя фиников»; *giṭ-ta-ni...* (*maḥ-ru-ú-tu*) *hi-pu-ú/hu-ur-pu-ú* (и другие варианты) [Camb 281:8; TCL XIII, 160:13 и т. д.] — «расписки (прежние) разбиты», т. е. уничтожены и объявлены

действительными; 1-en-ta-a₄ giṭṭānu(meš) il-qu-ú/il-te-qu-ú [Nbd 827:7—8; Camb 279:10, 349:31 и др.] — «по одному документу они (контрагенты) получили»; e-lat giṭ-ṭa-nu/giṭṭānu(meš) mah-ru-tu [Nbd 741:8, 1100:7; Nbk 416:10 и др.] — «не считая прежних расписок»; (mašak)giṭṭu... ša... a-na muh-hi nu-dun-nu-ú [EKBK 32:3—6] — «кожаный документ... относительно приданого»; (mašak)giṭṭu šá mahiri [VS XV, 34:21] — «кожаный документ относительно цены (дома)».

Для составления перечней храмового имущества в нововавилонское время часто пользовались также покрытыми воском (iškiru) деревянными дощечками, которые назывались lē'u [ср. выше и CAD, L, с. 158]. На таких дощечках иногда записывали и частноправовые документы. Основные контексты с употреблением этого слова следующие: (iṣ)lē'i(meš)-šú-nu ru-uš-šu-tu giṭ-ṭa-ni šú-nu hu-up-ru-ú [TCL XIII, 160:12—13] — «их (воше-ные) дощечки стерты, их (глиняные) расписки разбиты»; ṭur-ra-ni u (iṣ)le-u₅-um(meš)labīrūti(meš) [YOS I, 45:1, 34] — «глиняные таблички и старые вошенные дощечки»; (iṣ)le-e ina ra-ni-ka [YOS III, 106:11] — «дощечка перед тобою, (подсчитай при-читающееся мне продовольствие)»; (iṣ)lē'u ša širkē a-mur-ma [TCL IX, 129:40, ср. также 103:22; YOS VI, 116:13] — «посмотри на дощечку относительно храмовых рабов»; sulurru šá... ina muhhi (iṣ)lē'i la šá-ṭa-ru [Nbd 219:1] — «финики, которые... на дощечке не записаны»; (iṣ)le-e bēlē(meš) li-mu-[ru]-ú-ma [YOS III, 81:12] — «пусть господа посмотрят дощечку (относительно ячменя и фиников)»; (iṣ)lē'u šá (d)bēl [VS III, 127:5] — «дощечка (бога) Бела» (в которой было зафиксировано поступление в храм фиников); (iṣ)lē'u šá uṭṭati u ṭuppi šá immeri [YOS III, 147:17] — «дощечка (с перечнем) ячменя и глиняный документ относительно баранов». Ultu (TA) lē'i (GIS.DA) šaṭir (SAR)... [SpTU I, № 90:rev. 10] — «с дощечки записано».

В значении «документ» употребляется также слово «šaṭāru» (досл. «писание») независимо от материала, хотя в большинстве случаев таковым служила глина. Вот основные контексты: šá-ṭa-ri šu-a-šu [BV 240:24] — «документ этот»; ri-ik-su ša šá-ṭa-ri an-na-a (TCL XIII, 240:25; BRM II, 45:29) — «(если кто-либо из контрагентов нарушит) условия этого документа...»; šá-ṭa-ru šá-ti-ir-ru [VS VI, 99:16] — «документ написан» (в тексте зафиксировано обязательство одного лица отправиться в Вавилон на судебное заседание); šá-ṭa-ri šá ṭuppi [BE IX, 59:5] — «написание (глиняной) таблички»; i-na ša-ṭa-ri ṭur-pi šu-a-tim... [TCL XIII, 219:29] — «при написании этого документа» (присутствовали такие-то лица, далее имена); sa-ṭa-ri-šá nu-dun-nu-ú [EKBK 27:17] — «документ относительно приданого»; šá-ṭa-ri šá LU nuhatimmi(me) šá (d)bēlti šá uruk(ki) i-na-mi-gir lib-bi-šú-nu iš-ṭur-ú-ma i-na é-an-na iš-ku-nu [TCL XIII, 221:20—21] — «документ пекарей (богини) Белет Урукской, который они (пекари) написали по соглашению между собою и депонировали».

в (храм) Эанна» (в тексте зафиксировано обязательство 19 перкарей по очереди готовить пищу для храмовых праздников); ša-ṭa-ra-nu mahruṭu [BRM II, 27:19] — «прежние документы» (составленные на имя продавца дома, будут принадлежать покупателю последнего); l-en (TA.AM) ša-ṭa-ri il-qu-ú/il-te-qu-ú [VS VI, 270:2; TCL XIII, 160:16 и др.] — «по одному документу они (контрагенты) получили»; a-na ša-ṭar-ra ša LU ki-na-āš-ti [YOS III, 57:5—6] — «что касается написанного коллегами, (относительно чего начальник отдал тебе распоряжение, не будь небрежен)». LU daiānu ša-ṭa-ri ša-ṭi-ir [Cyr 312:34] — «судья написал документ».

Слово «šaṭāgu» в значении «документ» встречается также в арамейских приписках к вавилонским текстам и в арамейских папирусах [AP 81 и др.; ср. 106, с. 101].

Весьма часто в нововавилонских документах со словом «ṭur-pu» чередуется слово «u'iltu» — «долговая расписка», пишется всегда силлабически. Основные контексты этого слова следующие: u-il-ti(meš) mah-re-e-tum hu-up-pu-a' [VS IV, 10:8] — «прежние долговые расписки стерты»; ú-il-ti(me) la at-tu-ú-a iš-ši-ni [TCL XIII, 181:13—14] — «(эти) долговые расписки не принадлежат мне»; lu-ú u-il-ti lu-ú gabrē u-il-ti lu-ú giṭṭu lu-ú ša-ṭa-ri [VS VI, 186:3 и сл.] — «будь это долговая расписка или копия долговой расписки либо (иная) расписка или (какой-либо другой) документ» (относительно дома, если будет найдено в доме кредитора, то документ следует считать недействительным, так как ссуда уже погашена).

Контракт обозначается словом «riksu» — «договор», «сделка» (от глагола rakāsu — «связывать»; см. [AHw, с. 984 и сл.]). Ср. ṭuppānu(meš) u rik-su(meš) a-šar in-nam-mar-ru ša makkūr é-an-na šu-nu [Pohl I, 70:23] — «где бы таблички и контракты ни были найдены, они будут принадлежать имуществу (храма) Эанна»; ú-il-ti GABA.RI ú-il-ti [...] lu-ú ri-ik-su [Mold, 12:12—13] — «долговая расписка, дубликат долговой расписки или контракт» (о продаже рабов).

Письмо (как корреспонденция) и расписка нередко обозначаются также словом «šipirtu/šipru» (от глагола šarāgu — «посылать» [AHw, с. 1244]), которое дословно можно перевести «послание». Эти тексты писались и на глине и на коже; ср. (tit)ši-piš-tu₄ [BRM I, 88:1] — «послание на глине»; (mašak)ši-piš-tu₄ [BE IX, 15; BRM II, 31:8; UM 135 и др.] — «послание на коже» (см. [195, с. 63]); lib-bu-ú (mašak)ši-piš-ti-šú [Ars 10:18] — «согласно его документу на коже»; ši-pir-ta-ka [CT XXII, 6:41] — «(Почему целый месяц я не вижу хотя бы одного) письма от тебя?». Ср. арам. srg — «документ», которое большинство исследователей считают заимствованием из аккадского (ср. также ханаанский глагол srg — «считать») (литература см. [106, с. 29, примеч. 85]). По мнению Кауфмана, когда клинопись стала известна на Леванте, аккад. šipru стало ассоциироваться

с письмом [106, с. 29]. Это арамейское слово было вновь заимствовано нововавилонским диалектом аккадского языка в форме *širgi* со значением «документ» [АНw, с. 1049; ср. 212, с. 194, где *širgi* возводится к арам. *si/eṣṣā*]. Оно встречается лишь в нескольких текстах VI в. Два из них — контракты о продаже рабов, в которых продавцы «ручаются за документ» (относительно этих рабов): *pu-ut si-ip-ru/si-pi-ri... na-ša-tu₄/na-šu-ú* [Nbk 201:8; YOS VI, 196:11]. В третьем тексте комиссия из жрецов и писцов, которой было поручено установить, имеют ли претенденты на занятие храмовых должностей право на искомые посты, в своем заключении относительно одного человека заявляет, что ей ничего не известно о «его документе» (*si-pi-ir-šú*) [Pohl I, 48:26; ср. 194, с. 194]. Наконец, ср. *si-pi-ru šá a-na šu-mu šá (m)ap-la... šaṭ-ra-tu₄* [YOS VII, 19:11—12] — «документ, который написан... на имя Аплы».

В нескольких текстах VI в. в значении «запись», «табличка» употреблено слово *immi* [например, в GC II, 393:11: *im-ma ina qātē* (II) — «табличка в руках» (далее следует собственное имя)] (ср. [АНw, с. 278; CAD, I, с. 135]).

Довольно редко в нововавилонских (а также в старовавилонских и новоассирийских) текстах в значении «табличка» (в один столбец с текстами и эксперптами, особенно для учебных целей) применяется термин «*liginnu*», мн. ч. *liginnātu* (пишется сллабически и логограммой IM.GID.DA) (см. [АНw, с. 552; CAD, L, с. 183 и сл.]). Ср. в нововавилонском письме UET IV, 168:7: «сообщи мне обстоятельно об изучении твоей таблички».

В новоассирийских и нововавилонских текстах, а также в арамейских папирусах в значении «документ», «расписка» встречается также слово «*nibzu*». По мнению фон Зодена, оно заимствовано аккадским языком из арам. *nbz* [212, II, с. 261; см. там же и ссылки на тексты; ср. 106 s. v.], но Кучер высказывает сомнение в том, что оно является арамейским словом [122, с. 357]. В новоассирийских текстах делается различие между *nibzu aramāja* и *nibzu aššurāja*, т. е. «арамейским документом» и «ассирийским документом» [108, с. 84, и сл.].

В значении «письмо» (корреспонденция) и «табличка» употребляется и слово «*egertu*» (особенно в новоассирийских текстах и арамейских папирусах, в нововавилонском оно встречается лишь один раз в неясном контексте) [CAD, E, с. 45; АНw, с. 190]. По мнению фон Зодена, оно было заимствовано из арам. *iggeṭā* [212, I, с. 8, III, с. 185]. Но Кауфман считает это маловероятным, поскольку такое слово было еще чуждо арамейским писцам на Элефантине, которые не были уверены относительно формы его абсолютного статуса. Тем не менее пока не обнаружена его убедительная аккадская этимология [106, с. 48; см. также 122, с. 357, где отмечается, что это слово не имеет и арамейской этимологии]³.

Наконец, в нескольких текстах V в. встречается заимство-

ванное из древнеперсидского языка слово «kaḡamtari/kalam-gi» — «(регистрационная) запись». Этим словом обозначался тот тип документов, которые составлялись для налогового парата персидской администрации в Вавилонии [217, с. 2 и сл.; там же даны ссылки на тексты].

Частноправовые документы составлялись в двух экземплярах, и каждый из контрагентов получал по одному. Копия и дубликат назывались gab(a)ṭṭi. Иногда это слово имеет и значение «ответ». Оно заимствовано из шумерского языка, пишется силлабически и логограммой GABA.RI [АНw, с. 271; CAD, с. 2; 57, с. 92]. До настоящего времени сохранилось значительное количество таких копий или дубликатов (см., например [TCL XIII, 214/Cyr 317; YOS VI, 71/72, 79/80 и др.]).

Однако следует отметить, что часто в контрактах gab(a)ṭṭi правильнее было бы переводить не «копия» или «дубликат», а «экземпляр», так как оба экземпляра имели одинаковую юридическую силу. Значение «дубликат» или «копия» подходило только для тех случаев, когда существовавшая нотариальная практика требовала изготовления документа лишь в одном экземпляре (см. у Сан-Николо [NRV, с. 41, примеч. 7]). Например, в архиве Мурашу сохранились два идентичных долговых документа BE X, 34 и 41. Один из них является оригиналом, составленным в присутствии судей, а другой — копией, где судьи не упомянуты [170, с. 14, примеч. 28].

В самих частноправовых документах очень часто отмечается, что «(контрагенты) взяли по одному экземпляру, чтобы не изменять (текст)», т. е. во избежание подделок (о примерах таких подделок см. [56, с. 9]): 1-en(TA-AM) GABA.RI ša-ne-il-te-qu-ú/il-te-qu/ilqū(ú) (TI-ú) a-na la e-ne-e [BRM I, 82:11—12; 83:9; BE VIII, 106:15; CT XLIV, 76:17; Cyr 128:26; Camb 88:9; TCL XIII, 196:30, 197:11, 198:7, 203:42; VS VI, 184:13 и др.]. Ср. следующие контексты: GABA.RI-ne-e il-te-qu-ú [TCL XIII, 191:5—6] — «по одному экземпляру получили» (должник и кредитор); 1-en (TA-AM) il-te-qu-ú [Camb 349:30—31, 375:25—26] — «по одному (экземпляру) они получили»; ina ūmu(mu) (tiṭ)ṭuppu GABA.RI (tiṭ)ṭuppi ina mahar N i-te-la-a ū-ta-ri-ma a-na NN i-nám-din [Kr 15:12—16] — «если документ или экземпляр документа окажется в распоряжении N, то он должен передать (их) NN»; ūmu(mu) gabrū (GABA.RI) ku-nu-uk ma-hi-ri lu-ú mim-ma ri-ik-sú šá biṭi šu-a-ti ina biṭ N... šu-ú [Nbd 85:12—13] — «если экземпляр купчей, скрепленной печатью, или любой другой контракт относительно (продажи) дома этого будет найден в доме (продавца), он должен принадлежать NN (покупателю)»; a-di gab-ru giṭti [Dar 495:8] — «включая копию расписки»; lu-ú (tiṭ)ṭuppu lu-ú GABA.RI (tiṭ)ṭuppi lu-ú ū-il-ti lu-ú GABA.RI ū-il-ti [Lutz UCP IX, с. 417:11—12] — «(если) либо документ, либо экземпляр документа, либо долговая расписка, либо экземпляр долговой расписки относительно N (проданной

таблицы) и ее сыновей будет найден в доме продавца, он должен принадлежать покупателю»; ga-ab-ri-ka hi-ra-a-ti [Kt 354:39] — «твой дубликат стерт» (т. е. объявлен недействительным); gab-ru-ú (tit)kunikki [VS VI, 105:13] — «дубликат таблички, скрепленной печатью»; gab-re-e (aban)kunuk šarri [ša] Ir-re-e-ti [Reschid — Wilcke I: 27; кудурру XI в.] — «копия (документа) с царской печатью»; bitu GABA.RI e-babbar-ra [NKI, с. 62:19] — «дом по образцу (храма) Эбаббарра»; ultu muhhi (tit)gitta labiri gabrē Barsip šaširma bari [CT XLI, 37:37; цит. по CAD, G, с. 112] — «(такой-то) скопировал и сверил со старой одностолбцовой табличкой — экземпляром из Борсиппы»; ultu lē'i SUMUN-šú gab-re-e Uruk šaširma BA-IGI [Racc, с. 67:27; ср. CAD, G, с. 2] — «написано и сверено с деревянной табличкой, оригиналом которой (является) экземпляр из Урука»; gab-re-e lē'i labiršú makkūr Anu u Antu [BRM IV, 8:35; ср. CAD, G, с. 3] — «копия деревянной таблички, оригинал которой (является) собственностью (богов) Ану и Анту». В одном нововавилонском тексте отмечается, что «во избежание изменения (текста) написали (сами) судьи документ» — a-na la e-pe-e LU dajjanē tur-pi iš-tu-gu [Scheil, RA XII, с. 7, rev. 8].

Документы и письма часто заверялись печатью (kunukku, пишется NA.KISIB — «печать», «оттиск печати», «документ с печатью», от глагола kanāku — «запечатывать» (см. [CAD, K, с. 543 и сл.; ANw, с. 507; 181, с. 75 и сл.]). Как полагают, к kunukku (или скорее к kaniku — «скрепленный печатью») восходит через различные промежуточные звенья русское слово «книга». Ср. ku-nu-uk šarri [BBS, N X: rev. 7; кудурру времени Шамаш-шум-укина] — «печать царя» (в тексте речь идет о более раннем царском даре земли, однако на грамоте не было печати, которая могла бы гарантировать дареную землю от притязаний третьих лиц, поэтому теперь текст был скреплен царской печатью); ina ka-na-ak kunukki... āš-ba-ta [Kt 8:39] — «при скреплении документа печатью... присутствовала» (далее следует имя женщины); ina ka-na-ku (tit)turpi šu-a-ti mahar [Liv 18:31] — «при запечатании этой таблички перед...» (далее следует перечень имен); i-na ka-nak (tit)turpi šu-a-tu/šu'āti(meš) [BE VIII, 44:25; Pohl I, 22:29, UET IV, 23:23 и др.] — «при скреплении печатью этой таблички» (далее идет список должностных лиц, присутствовавших при заключении контракта о продаже поля и финиковой рощи); (tit)turpa šá... a-na šu-mi-šú lk-nu-ku a-na N id-din [Nbd 85:10—11] — «документ, который запечатал на его имя (и) отдал N»; (tit)turpu ra-nu-ú šá (f)N tak-nu-uk-ma... hu-pi [TCL XIII, 174:10—11] — «прежний документ, который N запечатала... стерт» (т. е. аннулирован, ибо вместо него составлен другой); (tit)turpa šu-a-ti ik-nu-uk-ma erret ilāni(meš) rabūti ina lib-bi iš-tur [Nbd 356:18; ср. CAD, K, с. 138] — «он запечатал табличку эту и записал в ней проклятия (с обращением к) великим богам»; (aban)kunukku šá bitu

it-ti N ku-nu-uk ù it-ti-ka i-šá-a' [CT XXII, 241:4—5; ср. NE с. 128] — «заверь печатью документ относительно дома совместно с N и принеси сюда с собою» (письмо); (tiṭ)ṭurru LU māṣban-u-tu-šu... ik-nu-ku [Nbd 697:4] — «документ (об отпуске раба) на свободу... заверили печатью»; ṭur-ru... ina (aban)kunuk-kē(meš)-šá ki-i ú-te-ru ul-te-bil-ak-ku-nu-ši [ABL 403:16—18; нововавилонское письмо; ср. CAD, K, с. 546] — «когда я послал (твое) письмо обратно к тебе (все еще) с печатями его (т. е. письма)»; giṭṭu u (aban)kunukku šá N. [Dar 303:3] — «расписка и печать, принадлежащие N»; (mašak)šipirtu u kunukku ša N [Kr 189:13] — «послание на коже и печать, принадлежащие N»; gabrū ku-nu-uk ma-hi-ri [Nbd 85:12] — «копия купчей с печатью»; a-di 1 šiqļu kaspi ka-nak (tiṭ)ṭurpi [Pohl II, 4, III: 13] — «включая 1 сикль серебра за скрепление документа печатью»; (aban)kunukku sartu [56, с. 9] — «поддельная печать»; kānik bābi (ka-ník KA) [Kr 12:20, 17:24; VS VI, 61:28 и др.; ср. 55, с. 454, § 35] — «нотариус (? у) ворот» или, возможно, «(чиновник, который) опечатывает ворота» (титул встречается лишь как родовое имя); DUB.SAR ša-bit kunukki [в нововавилонском кудурру YOS I, 37:30] — «писец — хранитель документа с печатью».

Нередко на контрактах ставится и печать писца. Ср. [DUB].SAR ka-nik (aban)kunukka [Kr 265:10] — «писец заверил печатью». В документе VS V, 96 (Борсиппа, время Дария I) к оттиску печати сделана приписка: «печать писца Мардук-шум-ибни». Возможно, как полагает Сан-Николо, здесь печать писца была приложена для удостоверения оттисков ногтей контрагентов и свидетелей [NRV, с. 65]. Ср. далее Liv 29:32: (aban)kunuk N. DUB.SAR — «печать писца N» (далее следует собственное имя).

Наряду с цилиндрическими печатями или вместо них начиная с V в. широко входят в употребление и перстни (unqu, пишется только силлабически), которые свидетели прикладывают к контрактам (продажа рабов, домов, аренда полей и т. д.). Такие перстни содержали надписи с именами владельцев, а иногда и с указанием металла, из которого сами перстни были сделаны. Ср. un-qu šarri [BIN I, 72:15] — «(документ с оттиском) перстня царя»; LU.GAL un-qa-a-tú/ta [BIN I, 22:15; TCL IX, 119:11; Dar 280:8—9] — «начальник перстней», т. е. «хранитель печатей» — титул чиновника; в двух последних документах речь идет соответственно о «начальнике перстней царя» и о таковом Мардук-нацир-апли, члена делового дома Эгиби (ср. [55, с. 454, § 34]); bit un-qa-a-ta [Dar 393:3; YOS VI, 10:8] — «дом перстней», т. е. учреждение, где работал хранитель печатей.

В значении «оттиснутая печать», «документ с печатью» употребляется также слово «kan-ku» [CAD, K, с. 153]. Ср. kan-gu šá pi-ri [CT XLIX, 117:5] — «булла из слоновой кости» (в тек-

сте селевкидского периода); LU ṭupšaṣṣu šá-tir kan-gi [Kr 12:28] — «писец, (который) написал документ с печатью»; i-na ka-nak kan-gi šu-a-tu [SR 278:5] — «при заверке этого документа печатью» (далее следуют имена присутствовавших лиц).

В ахеменидское время в значении «печать» встречается также слово «такпакту» — досл. «место приложения печати» или «то, чем запечатывают» (от глагола kaṇāku — «запечатывать») (ср. [198, с. 221]; АНw, с. 590)). Насколько нам известно, оно засвидетельствовано только в текстах UET IV, 2 и 25: (aban) tak-pak-tu.

Контрагенты часто удостоверяли соответствующие сделки оттисками своих ногтей (ṣurru — «ноготь»). Слово это пишется силлабически и логограммой UMBIN, редко с детерминативом G1S («дерево») [Pohl II, 7:41 и др.]. Вероятно, иногда это были отнюдь не оттиски ногтей, а отметки, сделанные писцом с помощью тростниковой палочки (ср. с. 43). Оттиски ногтей ставили на правом и левом краях документа. Ср. ṣu-pur N ki-ma (aban) kunukki-šu [Pohl I, 23:56; UET IV, 23:35 и др.], ṣu-pur N ki-ma kan-gi-šu [EKBK 6:43] — оттиск ногтя N (продавца дома, поля и т. д.) взамен его печати; ṣu-pur N ki-ma (aban) kunukki-šu tu-ud-da-(a)-tú [Hunger 8:34—35, 9:39; Pohl I, 2:43 и другие документы конца VII в.] — «ноготь N (продавца и т. д.), подобно его печати, оттиснут» (досл. «сделан известным», т. е. приложен к контракту); ṣu-pur N kūm IM.DUB-šu tu-ud-da-a-tú [Pohl I, 8:44—45] — «ноготь N вместо его документа с печатью сделан известным».

4. Школы, архивы и библиотеки

Школа в Месопотамии носила название é-dub-ba (по-шумерски «дом таблички») или bit ṭuprim (по-аккадски с тем же значением). Иногда в шумерском языке встречается и форма é-dub-ba-a. По мнению Ландсбергера, такое написание, возможно, возникло в целях избежания путаницы, поскольку слово é-dub-ba еще означало «склад» (см. у Шёберга [210, с. 199, примеч. 1]). Ветцольдт отмечает, что рассматриваемый термин имел следующие значения: «склад», «контора», «архив», «школа» [229, с. 380, примеч. 88a]. Ср. шумер. DUMU É-DUB-BA (=старовавил. māṣ bit ṭuprim) — «государственный писец» [АНw, с. 616 с ссылкой на Landsberger — JCS IX, с. 125, примеч. 22]. Харрис переводит это выражение «military scribe» [93, с. 106], а Стол — «secretary». По мнению Стола, не удастся установить различие в употреблении указанного титула и просто DUB.SAR, ибо некоторые писцы названы то DUB.SAR, то DUMU É.DUB.BA [215, с. 152 и сл.; там же приведены ссылки на тексты и литература].

Шумерский термин для школы с тем же значением кроме аккадского был заимствован и другими клинописными языками

(например, хеттским, где, однако, наряду с E.DUB.BA применялась и логограмма местного происхождения со значением «дописца по дереву» [2, с. 31]).

Учитель по-шумерски назывался *шмтеа* — словом, заимствованным аккадским языком в форме *шмтāпи* (ср. с. 82), а позднее из Вавилонии оно проникло в финикийский и еврейский языки (*шмтāп*, *шмтāп*) со значением «мастер» (см. выступление У. Ф. Олбрайта по докладу Б. Ландсбергера о писцовых традициях в Месопотамии [135, с. 105]). Все члены школы, независимо от возраста, обращались друг к другу как «коллеги» (шумер. *gi-me-a-aš*, аккад. *kinātu* [135, с. 95]).

Ученик по-аккадски назывался, по-видимому, *talmīdu* (*от lamādu* — «учиться»). Слово это, возможно, было заимствовано арамейским, но аккадские свидетельства о нем единичны (литературу см. [106, с. 107]). Для обозначения ученика употреблялось также слово «*šamallū*» (LU.ŠAMAN.LA), см. нововавилонский текст Pingree — Reiner, с. 52, rev. II:9. В одном аккадском литературном тексте из Суз (II тысячелетие) встречается выражение DUB.SAR TUR [TLS, с. 3, № 1] — «писец-мальчик» «молодой писец». По-видимому, оно имело значение «ученик». В шумерских текстах конца III тысячелетия это слово засвидетельствовано в форме *dub-sar-tur-tur* [229, с. 8]; ср. DUB.SAR:MAN в тексте периода династии Аккаде со значением «старшина писцов» [132, с. 123]. В ряде аккадских текстов II тысячелетия, происходящих из Элама (в том числе и из периферийных областей, например из Хафт-тепе), засвидетельствовано чисто эламское выражение для слова «ученик», а именно *ru-hu te-pi/de₄-pi* [MDP XXII, 473:7, 504:2, XXVIII, с. 83; Негге-го 8:3, ср. там же, с. 114; 95, с. 72; 96, с. 292]. В эламских текстах из Персеполья (рубеж VI—V вв.) ученик обозначается словом «*риһи*» (досл. «отрок») [PF 871 и 1137; ср. PF, с. 746 s. v.].

В вавилонских текстах I тысячелетия довольно часто в значении «архив» (может быть, и «канцелярия») употребляется выражение *bīt šatāri* (досл. «дом-писания»; ср. греч. *γραφείο* с тем же значением; указано И. Ф. Фихманом). Крюкманн считает, что здесь имеется в виду «бюро», расположенное рядом с архивом [119, с. 79 и сл.]. Вторая часть выражения пишется syllabически и логограммой SAR-ri [BRM I, 98:7, II, 33:4, 56:19]. Ср. *bīt šā-ṭa-ra-nu-a LU aš-ka-pu ul i-pu-[uš]* [BIN I, 50:18—20; нововавилонское письмо, ср. NB, с. 203] — «кожевник не сделал мне футляра (?) (для табличек)».

В одном письме селевкидского времени в значении «архив» употреблено и слово «*тикинни*» (досл. «свидетель»). Согласно тексту, «расписка на коже» была возвращена «в архив царя» — *ina tu-kin-nu šarri* [EKBK 32:4]. Но позднее, когда искали, ее не нашли там, несмотря на заверения соответствующих чиновников, что ее «вернули в архив царя вавилонян» — *ina tu-kin-nu šarri šā LU bābilāa(ki.meš) i-tur-ru* [EKBK 32:13—14].

Эбелинг с ссылкой на Сан-Николо пишет, что здесь, может быть, имеется в виду царский архив для табличек на аккадском языке в отличие от архива, где хранились документы на греческом [57, с. 262 и сл.]. Трудно принять перевод Харматты слова «тукиппи» как «свидетель» [92, с. 212], поскольку в таком случае невозможно было бы употребление предлога *ina* («в»). Примечательно, что в «царском архиве», как это видно из письма, хранился частноправовой документ. Имеются также свидетельства о том, что в селевкидское время документы относительно различных деловых сделок частных лиц регистрировались царскими чиновниками. Такая практика учета частнопровых сделок стала совершенно необходимой после введения налогов на продажу рабов [186, с. 53, и 57—65; 50, с. 196 и сл.]. Если мы правильно понимаем текст Суг 311 (Вавилон, 522 г.), брачный контракт, заключенный по распоряжению высокого должностного лица, предполагалось депонировать в царский архив, а дубликат выдать жениху. Но табличка сохранилась плохо, и ее интерпретация не бесспорна.

Библиотека по-аккадски называлась *gerginakku* (заимствованное шумерское слово; пишется IM.GU.LA) [АНw, с. 285; CAD, G, с. 86 и сл.]. Оно засвидетельствовано в новоассирийских и очень редко в нововавилонских текстах. Ср. *ina gerginakki bit Nabū* [VAB VII, 364:15, 368:17] — «в библиотеку храма (бога) Набу» (текст был депонирован).

ПИСЦОВОЕ ИСКУССТВО

Письмо, одно из великих культурных достижений, возникло, как полагают, в Египте и Месопотамии примерно одновременно. Обычно изобретателями клинописи считают шумеров [72, с. 95 и сл.]. Но сейчас уже накопилось много свидетельств того, что шумеры заимствовали письмо у своих предшественников в Месопотамии [159, с. 237]. Однако именно шумеры развили это письмо и поставили его в широких масштабах на службу цивилизации.

Первые клинописные тексты относятся к началу второй четверти III тысячелетия, а через 250 лет была создана уже развитая система письменности, и в XXIV в. появляются пространственные документы на шумерском языке. Аккадский язык в Месопотамии засвидетельствован начиная с первой половины III тысячелетия, когда аккадцы заимствовали от шумеров клинопись и стали широко пользоваться ею. В последней четверти III тысячелетия были составлены древнейшие известные науке двуязычные словари (шумеро-аккадские).

Постепенно к началу II тысячелетия шумерский вышел из употребления как разговорный, однако в качестве языка литературы и науки его продолжали применять до конца существования клинописи, т. е. вплоть до I в. н. э. Как отмечает Оппенгейм, профессия писца требовала изучения шумерского, хотя степень его знаний сильно колебалась от механического использования ключевых фраз и даже глагольных формул до хорошего лингвистического знания этого языка и употребления изолированных шумерских фраз. Поэтому шумеро-аккадское двуязычие сохранялось на всех уровнях писцовой традиции до тех пор, пока продолжали пользоваться глиной как материалом для письма [165, с. 39, 45, примеч. 12]. Вавилоняне стремились закрепить чтение шумерских слов различными их объяснениями (см. подробно [4, с. 27 и сл.]). Писцы литературных текстов стремились сохранить значения отдельных шумерских слов, частей предложения или целых фраз, снабжая их аккадским переводом. Такие глоссы к шумерским словам и фразам известны и для I тысячелетия (см. [117, с. 431 и сл.; там же приведена и литература]). Еще в ахеменидский период эламские писцы про-

должали хорошо владеть шумерскими логограммами и широко пользоваться ими в административно-хозяйственных текстах (ср. [РТТ, с. 22]).

Аkkадцы писали слева направо. В шумеро-аккадской клинописи было около 600 знаков (не считая составных), которые необходимо было знать, чтобы быть грамотным. Каждый знак состоял из клинышков в разных сочетаниях и обозначал либо целое слово (логограмма), либо отдельный слог (см. подробно [227, с. 15 и сл.]). Другими словами, письменность эта была силлаболографической. При этом большинство знаков было полифонично, т. е. почти каждый из них имел много значений, которые необходимо было подбирать по контексту. Кроме того, один и тот же знак мог употребляться и как логограмма и силлабограмма, и как детерминатив, указывающий на характер понятий (подробно см. [6, с. 37 и сл., 265 и сл.]). Поэтому клинопись была доступна лишь узкому кругу писцов. Попытки упростить ее до 100 знаков оказались безуспешными. Само собой разумеется, что формы знаков с течением времени менялись, и к тому же для различных центров клинописной культуры была характерна своя особая палеография.

В каком положении находился писец при выполнении профессиональной работы, не совсем ясно. И. М. Дьяконов высказал предположение, что писец сидел за столом, поскольку ему надо было класть перед собой табличку, на которой он писал. На ассирийских рельефах VIII в. писцы изображены стоящими (см. с. 35), но это, очевидно, было сделано по особым соображениям, ибо на этих же рельефах запечатлены и цари. Сохранившиеся многочисленные скульптуры египетских писцов, начиная с эпохи Раннего царства и кончая поздним временем, изображают их сидящими на корточках или на земле, со скрещенными ногами и с развернутым на коленях папирусом [231, с. 79; 9, с. 6, 22 и сл.]. Владелец одной гробницы Нового царства велел изобразить свою канцелярию. Это — святилище бога письма Тота, где он представлен в образе павиана, и три комнаты с надписью: «Место для письмён». В самой большой из этих комнат изображено десять писцов, сидящих на стульях тремя плотными рядами. Все они, как и начальник канцелярии, находящийся в середине, пишут на больших папирусных листах, которые разложены на коленях. У входа в канцелярию стоят двое слуг: один — с соломенным опахалом, а другой — с кувшином воды. Их действия красноречиво объясняет надпись, призывающая охладить канцелярию, ибо «начальник сидит и пишет» [24, с. 59 и сл.].

В Месопотамии читали вслух громко, о чем свидетельствует глагол *šasū*, имеющий значения «кричать», «звать», «читать» [АНw, с. 1195]. Глагол *eṣṣu* с основным значением «делать» в ряде контекстов также переводится «громко читать». Например, в одном тексте новоассирийского времени говорится: «Се-

годня я громко прочитал (e-ta-ra-áš) у реки 21 (глиняную) табличку» [ABL 23:18; ср. CAD, E, с. 224].

От аккадцев клинопись приняли и соседние народы (эламиты, хурриты, хетты, уарты и т. д.), приспособив ее к своим языкам, и постепенно к 1500 г. до н. э. вся Передняя Азия стала пользоваться этим письмом. Одновременно аккадский превратился в международный язык общения, дипломатии и науки. В тель-амарнский период (1365—1358) египетский двор пользовался вавилонским диалектом аккадского языка для связей со своими сирийскими вассалами и другими государствами. Писцы не только могли прочитать и понять полученные клинописные письма на аккадском, но и ответить на них на том же языке. Среди текстов из Тель-Амарны, в частности, найдены даже вавилонские мифологические произведения, на которых сохранились пометки египетских писцов [110, с. 25]. Следовательно, и египетские писцы изучали аккадскую литературу, о чем свидетельствуют также обнаруженные в этом архиве словарные клинописные учебные таблички, в левом столбце которых клинописью начертаны египетские числительные, а в правом — клинописные цифры, соответствующие им.

Однако тель-амарские тексты имеют целый ряд несвойственных аккадскому языку особенностей, что объясняется продолжением местной писцовой традиции и влиянием синхронных писцовых центров. В еще большей мере то же самое можно сказать и о письмах сирийских правителей к фараону, найденных в том же архиве. Иногда писцы так плохо знали аккадский язык и его грамматику, что часть письма писали на почти чистом ханаанском языке. Обычно они смешивали аккадские и ханаанские грамматические формы [17, с. 191; 153, с. 19 и сл.; 16, с. 115]. Аналогичные особенности характерны и для клинописных текстов II тысячелетия на аккадском языке из хеттских областей (Богазкёй), Алалаха, Аррапхи и Нузи, но в гораздо меньшей мере из Хацора в Палестине [70, с. 3; 84, с. 59 и сл.; 90, с. 10 и сл.].

Для цивилизации шумеров и вавилонян особое значение имели природные условия их страны. В Месопотамии в отличие от Египта и других очагов древней цивилизации почти не было камня, не говоря о папирусе, который можно было бы использовать как материал для письма. Зато там было сколько угодно глины. Поэтому материальные возможности для письма были неограниченные и, по существу, не требовали никаких затрат. В то же время глина была долговечным материалом. Глиняные таблички не только не разрушались от пожара, а, наоборот, становились еще прочнее. Со времени возникновения письменности и по крайней мере до середины I тысячелетия основным материалом для письма в Месопотамии служила глина¹.

Более полувека тому назад один из администраторов Британского музея писал об И. Н. Штрассмайере, неумолимо изда-

теле вавилонских документов, следующее: «Он был убежден, что... написание истории шумерской и вавилонской цивилизаций было бы напрасной тратой времени в условиях, когда так много десятков тысяч табличек в Британском музее и других местах остаются неопубликованными». Известный историк древней математики О. Нейгебауэр уточняет, что сегодня можно повторить это утверждение, заменив «десятки тысяч» на «сотни тысяч» (цит. по [14, с. 142; там же приведен отзыв о Штрасмайере с ссылкой на 33, с. 228]).

Как отмечает Нейгебауэр, «не существует простых методов публикации. Одних фотографий в большинстве случаев бывает недостаточно... Таблички часто исписаны не только с двух сторон, но и по краям. Только многочисленные фотографии, снятые при разных направлениях света, могут быть достаточными... Даже при большом опыте текст нельзя скопировать правильно, не понимая его содержания. Практически ни один текст не поддается копировке с первого раза. Необходимо повторное сличение, объединение с другими фрагментами и сравнение с другими текстами. Требуются годы труда, прежде чем небольшая группа в несколько сотен табличек может быть должным образом издана. И никакая публикация не является окончательной» [14, с. 74 и сл.]. Некоторые ассириологи вообще считают, что клинописные тексты можно публиковать только фото.

В настоящее время наука располагает неисчерпаемым материалом для изучения древней истории Месопотамии. Эти тексты составляют $\frac{3}{4}$ письменных источников по истории всего древнего мира. Преобладающее большинство их хозяйственные, административные и частноправовые документы, но много также религиозных, литературных и научных текстов (о распределении этого материала по отдельным регионам см. [168, с. 12]). Даже таблички, которые несколько тысяч лет назад были выброшены за ненадобностью (в том числе и черновики), сохранились до нашего времени. В музеях и частных коллекциях накопились сотни тысяч еще не изданных клинописных текстов, и каждый год археологи находят тысячи или даже десятки тысяч новых табличек. Например, из 150-тыс. текстов новошумерского времени (конец III тысячелетия) пока опубликовано лишь 25 тыс. [229, с. XXII]. Несомненно, еще большее количество текстов ждет своих археологов.

Чтобы таблички долго сохранялись, их делали из отмученных сортов глины, которую для очищения от соломы, листьев и других примесей помещали в воду. К тому же в воде растворялись минеральные соли, оседая на дне сосуда, и, когда воду выливали, глина оказывалась совершенно чистой. Соли удаляли и с помощью обжига. Ценные сведения о технике обжига дали раскопки царского дворца в Угарите. Там археологи обнаружили печь для обжига табличек, полную последней загрузкой клинописных текстов. «Обжиг был прерван, когда печь в форме

колокола была раздавлена падением ближней стены, которая рухнула в пяти метрах от печи». Высота печи — не более 1 м. «Таблички, как кажется, были положены среди топлива или в пепел. Это объясняет красные пятна от огня или черные пятна от дыма и пепла, имеющиеся на некоторых табличках... Писцы дворца собирали около сотни текстов перед отправкой их на обжиг» (указано Н. Б. Янковской; см. [C. F. A. Schaeffer. *Ugaritica*. Vol. IV. P., 1962, с. 31 и сл.]).

Однако в Месопотамии не было леса, и поэтому обжигу подвергались лишь таблички с наиболее важными текстами, в том числе предназначенные для пользования в библиотеках. После обжига цвет табличек становился серым, розовым или черным. Большинство же табличек просто сушили на солнце. В зависимости от текста размер их колебался от 50 см длины и 30 см ширины до нескольких сантиметров, где, однако, писцы минускульным почерком помещали целые документы. Обычно таблички изготавливались размером 7—9 см длины. Это главным образом хозяйственные и деловые документы, написанные скорописью. Царские надписи (например, цилиндры Набонида) начертаны четким и крупным письмом. Инструментом для письма служила тростниковая палочка, углом среза которой вдавливали знаки на влажную глину.

В отличие от месопотамского климата в климате других стран клинописные таблички постепенно разрушаются, покрываясь налетом соли. В музеях соль выходит наружу из-за влажности климата, что приводит к образованию кристаллов, которые быстро разрушают текст. Так погибли тысячи текстов в музеях еще до того, как ассириологи успели рассмотреть их. В современных крупных музеях для сохранения табличек медленно обжигают при высокой температуре и затем вымачивают, чтобы удалить соли.

Вавилоняне писали также на кирпичах, камне, вазах, чашах, металлических пластинках и т. д. Камень, как и металлы, приходилось ввозить. Поэтому такие материалы стоили дорого, и из них обычно делали царские стелы. В одной надписи Саргона II говорится, что он положил в фундамент своего дворца «исписанные пластинки из золота, серебра, лазоревого камня (и) яшмы» [Winckler, *Sarg.* 2, табл. 36. № 76:159].

В I тысячелетии до н. э. в Месопотамии в качестве материала для письма начали пользоваться также кожей и привозным папирусом.

Первое известное упоминание о документах на коже в Египте относится ко времени IV династии (около 2900—2750) (литературу см. [AD, с. 1 и сл.]). По преданию, Авеста, священная книга зороастрийцев, была написана на коровьих шкурах. Согласно Геродоту (V, 58), ионийцы издревле называли книгу кожей. Греки писали на шкурах коз и овец. Обычно кожа предназначалась для официальных документов. Геродот (V, 58),

Диодор (II, 32, 4) и другие античные авторы свидетельствуют о том, что персидская канцелярия пользовалась кожей.

Папирус в качестве материала для письма употребляли в Египте еще в период V—VI династий (2563—2263), а может быть, и раньше [11, с. 236; общие сведения об использовании папируса в Египте и других странах см. 231, с. 1—12; 31, с. 303 и сл.]. В XII в. папирусом начали пользоваться и в Сирии [26, с. 484]. В V в. до н. э. у греков папирус был обычным материалом для письма. Хотя изготовление папируса в Египте стоило дешево, в большом количестве его начали вывозить лишь в римское время.

Но в Месопотамии на коже писали сравнительно редко. Как и в некоторых других странах, там начиная с первой половины I тысячелетия до н. э. кожа и папирус служили основным материалом для арамейского письма. О применении папируса или кожи в качестве писчего материала свидетельствуют и художественные изображения. На новоассирийских рельефах запечатлены группы писцов по два человека. Один из них держит в левой руке кожу или папирус (неясно, что именно — гибкий материал, свернутый в виде свитка), а в правой — стиль. Другой изображен с глиняной табличкой. Самые ранние из этих рельефов относятся ко времени Тиглатпаласара III (VIII в.), остальные — к VII в. (издания рельефов и исследования см. 148, т. II, с. 344; 173, с. 200 и сл.; 52, с. 130; AD, с. 1 и сл.).

Из Египта папирус в Месопотамию привозили в рулонах (kirku) [ABL 568, rev. 19; PRT 26:3 и др.; литературу см. 191, с. 131; 116, примеч. 6 к гл. 1; 26, с. 131; 162, с. 245].

В нововавилонских текстах довольно часто упоминаются «послания на коже» и «расписки на коже». Однако трудно с полной уверенностью сказать, насколько широко пользовались в Месопотамии для письма папирусом и кожей. Во всяком случае, в документах V в. из Ниппура упоминаются целые группы лиц, которые были заняты изготовлением кожаных свитков². В документах VS VI, 313; 9 и 319:3 говорится, в частности, об израсходовании в каждом случае по 0,5 сикля серебра на приобретение кожаных свитков (ср. также [VS VI, 317:3]). Все три текста не датированы, но они относятся к нововавилонскому времени и являются документами хозяйственной отчетности какого-то храма (ср. заметку составителей CAD B [RA 1978, LXXII, с. 96]). Некоторые ученые даже полагают, что в нововавилонское время лишь очень незначительную часть хозяйственных и частноправовых документов писали на глине, а основная масса текстов была зафиксирована по-арамейски на коже [159, с. 94 и сл.]. Но, к сожалению, тексты такого типа в Месопотамии из-за климатических условий легко разрушались.

Еще Лейард при раскопках в прошлом веке дворца Синахериба в Ниневии нашел множество подвесных печатей, которые сохранились от сгоревших кожаных или папирусных доку-

ментов на арамейском языке. Во время раскопок Б. Б. Пиотровского в урартском городе Тейшебаини наряду с немногими клинописными текстами на урартском языке была найдена печать-булла из битума с остатками тонкой привески, с помощью которой скрепляли кожаный или папирусный свиток [15, с. 75 и сл.]. В Вавилонии при раскопках в Дуре-Эвропосе были обнаружены буллы, привязанные бечевками к клинописным документам. Это свидетельствует о том, что клинописные и папирусные (или кожаные) документы хранились вместе (литературу см. [80, с. 227]). Подобная практика существовала и в Персеполе. В развалинах сокровищницы этого города вместе с табличками на эламском языке было раскопано 199 глиняных ярлыков с оттисками печатей, содержащими надписи на арамейском языке. По мнению Дж. Камерона, остатки шнуров, сохранившиеся внутри глиняных табличек, и следы их на глиняных печатях свидетельствуют о том, что эламские таблички были привязаны к кожаным свиткам с официальными документами, которые, возможно, были уничтожены во время пожара в 331 г. до н. э. [РТТ, с. 26 и сл.]. Эламские таблички крепостной стены из Персеполя (рубеж VI—V вв.) также свидетельствуют об использовании арамейского языка в административных учреждениях Персии. По мнению Р. Т. Халлока, большинство текстов в Персеполе писали на арамейском языке на материале, который не сохранился, и арамейских писцов там было больше, чем эламских, хотя количество сохранившихся документов на эламском языке весьма велико (к настоящему времени уже издано около 2500 единиц) [91, с. 322]. Вскоре после середины V в. арамейский полностью вытеснил эламский как язык делопроизводства по всему Юго-Западному Ирану, исконной родине эламитов.

В Вавилонии, как и в некоторых других странах Ближнего Востока, и после появления кожи и папируса часть делопроизводства велась на глиняных табличках. Прежде всего это относится к храмовым и в еще большей степени к частноправовым документам.

Как показал Сан-Николо, в ново- и позднеавилонских текстах часто говорится о воске, которым покрывали деревянные таблички [195, с. 59 и сл.]. Пока неясно, когда в Месопотамии впервые стали пользоваться такими дощечками, но древнейшие упоминания о них содержатся в текстах новошумерского времени (конец III тысячелетия). В этих текстах нет указаний относительно того, было ли письмо нанесено прямо на дощечки или на воск [229, с. XXII]. С начала I тысячелетия месопотамские писцы, в частности, пользовались длинными узкими (3—4 см шириной) дощечками с тонким слоем воска, на котором они писали (вероятно, тростниковой палочкой) клинописью [159, с. 242]. Эти дощечки использовали не для надписей монументального характера или частноправовых контрактов, а для со-

ставления документов хозяйственной отчетности, прежде всего государственного управления и храмового хозяйства (записи о плате и продовольствия работникам, перечни скота и других имущества и т. д.). Такие дощечки были удобны для составления отчетных документов, поскольку тексты, которые следовали друг за другом после больших промежутков времени, трудно было наносить на глину, ставшую уже твердой, на воске же можно было продолжать записи после любого перерыва. Кроме того, дощечки таскать было легче, чем глиняные таблички. В отличие от последних, которые были рассчитаны на длительное хранение и гарантировали неприкосновенность текста, вощенные дощечки, после того как миновала необходимость в записях, стирались и использовались повторно. Как свидетельствуют упоминания в колофонах о дощечках в качестве оригинала текста, а также археологические данные, на деревянных дощечках писали и литературные тексты [98, с. 459].

На территории самой Вавилонии тексты этого типа пока не обнаружены, так как они могут сохраняться только в особых климатических условиях. Но такие дощечки часто упоминаются в клинописных документах. Кроме того, в 1953 г. при раскопках ассирийского города Кальху (Нимруд) во дворце Ашшурнацирапала на дне колодца в липкой грязи было найдено около 20 прекрасно сохранившихся длинных табличек (размером 12,5×31,3 см) из слоновой кости и орехового дерева, по форме соответствующие римским *tabulae ceratae* («вощенные таблички»). Они относятся ко времени Саргона II (около 715 г.). Поверхность дощечек углублена (за исключением краев) и наполнена воском. На некоторых из них сохранились следы нацарапанных клинописных знаков. Текст был написан в два столбца. Чтобы отдельные таблички из слоновой кости можно было складывать вместе, их прикрепляли друг к другу кожаными ремнями. Такой полиптихон из слоновой кости, судя по остаткам клинописных знаков, содержал астрологическую серию Епима Anu Enlil [240, с. 3 и сл.; 97, с. 14 и сл.; 145, с. 158 и сл.; 199, с. 491 и сл.; 98, с. 458 и сл.; 216, с. 11 и сл.].

Из клинописных текстов известно, что к воску, которым покрывали дощечки, добавляли какой-то минерал желтого цвета (*kalû*; предположительно имеется в виду охра). Например, в GC I, 170 зафиксирована выдача столяру 2 1/3 мины воска и 14 сиклей минерала, предназначенных для покрытия дощечек (т. е. в пропорции 10 : 1, в других текстах — 4 : 1) (далее см. [GC I, 391:1, II, 167:4; 189:2; ср. 195, с. 59 и сл.; 240, с. 6]). В одном документе от 608 г. до н. э. говорится о «деревянной дощечке без воска»³.

Попутно отметим, что дощечки, покрытые воском, еще в Х в. широко употребляли хетты, которые писали на них литературные, а также хозяйственные тексты. Археологи нашли в Турции золотую палочку для письма на таких вощенных табличках

(литературу см. [199, с. 492]). Согласно предположениям некоторых исследователей, вавилонская традиция писать на воощенных табличках повлияла на появление таких же дощечек у греков [238, с. 11 и сл.; ср. 211, с. 519].

Последняя известная пока клинописная табличка датируется 75 г. н. э. и, по-видимому, происходит из Вавилона [188, с. 280]. В исчезновении клинописных документов решающую роль сыграла арамейская письменность. Уже с VIII в. ассирийцы употребляли арамейский язык параллельно с аккадским. При Кире II государственная канцелярия в западной части Ахеменидской державы пользовалась арамейским языком. По легкости написания и быстроте в чтении арамейская письменность несравненно проще шумеро-аккадской клинописной системы. В отличие от любой клинописи арамеи писали справа налево (главным образом, подобно египетским писцам, чернилами).

До недавнего времени в науке господствовало мнение, что семитское письмо, включая арамейское, было алфавитным, состоявшим из 29—30 букв. Каждая из них, как полагали, передавала согласный звук (консонант), к которому в зависимости от формы слова добавляли любой необходимый в соответствии с контекстом гласный (см., например, у Драйвера [54]). Но Гельб показал ошибочность этого мнения. Он, в частности, ссылается на найденную в 1955 г. французскими археологами табличку из Рас-Шамра со списками знаков угаритского письма с их месопотамскими соответствиями. Из этих соответствий видно, что сами жители Угарита считали свое письмо консонантным, а не алфавитным [76, с. 6]. Подобным же образом древнеперсидская клинопись, которую до недавнего времени относили к квазиалфавитной, на самом деле была силлаболографическим письмом [151, с. 94, § 2; 45, с. 106 и сл.]. А арамейское письмо было силлабическим, и каждый знак обозначал согласный в сочетании с любым или нулевым гласным.

Начиная с VIII в. арамейский язык постепенно превратился в язык международной торговли и дипломатии всего Ближнего Востока. По мере присоединения арамейских областей к Новоассирийской державе и в результате постоянных вторжений многочисленных арамейских племен в Вавилонию и в самой Месопотамии арамейский постепенно становился разговорным языком. Политика расселения целых племен в этнически чуждой им среде, проводимая ассирийскими царями, и урбанизация вели к исчезновению этнических различий. Как указывает Х. Тадмор, «ассиризованные» арамеи, финикийцы, иудеи и арабы служили в войске и работали в качестве чиновников и ремесленников. Некоторые из них достигали постов наместников, эпонимов и высших военных должностей, а многие становились государственными и дворцовыми писцами. Эти писцы были двуязычны и вели делопроизводство на арамейском и аккадском [218, с. 42; там же ссылки на недавно изданные тексты и ли-

тературу]. По подсчетам П. Гарелли, в западной части Ассирийской державы не менее $\frac{2}{3}$ писцов было арамейского происхождения [75]. Все эти люди говорили на арамейском языке, который стал вторым (а в западной части государства главным), наряду с аккадским, официальным языком Ассирийской державы. Через два столетия, в VI в., и в Вавилонии арамейский язык в повседневной жизни начал заменять аккадский, который продолжал оставаться в качестве языка науки, литературы, культа и отчасти (или, может быть, в значительной степени) юридических документов. По мнению многих ассириологов, уже в VI—V вв. аккадский был мертвым языком, а арамейский стал разговорным языком общения в Вавилонии, кроме, может быть, некоторых городов (см., например, [80, с. 226; ср. 247, с. 3—10]).

Арамейские писцы постепенно заняли ведущее место в месопотамской канцелярии, и начиная приблизительно с середины VIII в. в ассирийских и вавилонских текстах в довольно большом количестве появляются арамейские слова [212], а аккадский язык подвергается (особенно в области синтаксиса и отчасти лексики) сильному влиянию арамейского. Писцы (возможно, часть их была арамейского происхождения), писавшие на глине по-аккадски, уже плохо различали падежи, иногда путали роды и глагольные формы (например, употребляли аккадский статив вместо арамейского претерита) [СТ XXII, с. 193; ср. у Эбелинга: NB, с. 105; об особенностях поздневавилонского диалекта аккадского языка см. у И. М. Дьяконова: 6, с. 314 и сл.; ср. 100, с. 3 и сл.; 47, с. 65 и сл.; 19, с. 11 и сл.].

Начиная с VII в. в вавилонских клинописных документах появляются приписки арамейским письмом и на арамейском языке. Эти приписки, наносимые на глину чернилами или нацарапанные твердым предметом на свежей глине, дают краткое содержание клинописных текстов, чтение которых, по-видимому, требовало гораздо больше времени. Кроме того, владельцы документов могли не знать аккадского. Другими словами, эти приписки были архивными пометками. Таких приписок особенно много было в документах архива Мурашу из Ниппура (V в.) (см., например [УМ, таблицы 116—123, где часть приписок воспроизведена в фото]). Об их характере наглядное представление дает следующая пометка: «Документ относительно земли, которая находится в распоряжении Сакуху, сына Хирану»⁴.

В Месопотамии арамейские писцы иногда писали и на глине арамейским письмом и на арамейском языке, но очень редко клинописью на арамейском. В 1903—1913 гг. в Ашшуре при раскопках было найдено шесть пространных глиняных табличек, полностью написанных чернилами по-древнеарамейски и следующих ассирийскому юридическому формуляру. Это документы середины VII в. из частного архива ростовщика [AUA]. Позднее в Телль-Халафе (в Северо-Восточной Сирии, древнее

название — Гузана) нашли пять глиняных табличек на арамейском языке. Они принадлежали частному архиву и датируются временем около 612 г. [AfO, Beiheft VI, с. 69—78]. Сравнительно недавно был обнаружен архив из 23 глиняных табличек на арамейском языке (одна из них — клинопись, но с арамейской припиской). Некоторые таблички прямоугольные, но большинство имеет форму треугольных булл, что позволяло привязывать их друг к другу с помощью шнура. Это деловые документы из Ниппура (о продаже зерна и т. д.), которые относятся к первой половине VII в. [141, с. 25]. 635 г. до н. э. датирован арамейский юридический документ, написанный на красивой, тщательно отделанной глиняной табличке, по-видимому, в Харране [23, с. 96 и сл.]. Наконец, известны также арамейские клинописные тексты [CIS II, т. 1, № 38—43; ср. 53, с. 47 и сл.]. Один из них содержит заклинание селевкидского времени из Урука [TCL VI, 58]. В селевкидское время иногда словарные тексты, религиозные изречения, списки парадигм и т. д. писали на аккадском и даже шумерском языке греческими буквами [172, с. 108 и сл.; 204, с. 11 и сл.; 213, с. 63 и сл.; 156, с. 356; ср. 6, с. 36].

Принятие арамейского языка ахеменидской канцелярией нанесло тяжелый удар школам клинописных писцов, которые теперь были обречены на постепенную гибель. Например, в Ниппуре уже в IV в. до н. э. прекращается употребление глиняных табличек как материала для письма [155, с. 146]. В селевкидское время официальным административным языком в вавилонских городах был греческий, а разговорным языком оставался арамейский [80, с. 226; ср. 156, с. 356 и сл.]. Но еще в течение нескольких веков вавилоняне продолжали пользоваться клинописью.

К настоящему времени опубликовано несколько десятков тысяч вавилонских текстов I тысячелетия. Более 10 тыс. из них — хозяйственные и частноправовые документы, остальные — астрономические, математические, литературные, религиозные и тому подобные тексты. Отметим попутно, что иногда научные тексты фиксировали тайнописью с целью засекретить определенные знания. Язык этих текстов назывался *lišānu enītu* — «измененный язык» [132, с. 125]. В позднеавилонское время была создана целая система тайнописи, в которой отдельные клинописные знаки заменялись цифрами (см., например, [Thu-teau-Dangin, RA XI, с. 146]). Многие такие тексты еще не опубликованы, и сама тайнопись остается нерасшифрованной. В некоторых из них содержатся указания на позиции небесных тел [86, с. 74; 232, с. 185 и сл.]. Иногда в текстах научного содержания встречаются предостережения: «знающий может показать табличку знающему, но не несведущему». По мнению Нейгебауэра, это замечание отражает не стремление засекретить определенные знания, а лишь профессиональную гордость

и чувство собственного достоинства писцов [14, с. 138 и 146].

Тексты большей частью написаны на необожженных глиняных табличках. К I тысячелетию формы многих клинописных знаков значительно изменились по сравнению с более древними периодами. Но писцы знали и клинопись III—II тысячелетий, умели читать древние документы, а иногда для составления торжественных царских надписей пользовались архаическими формами письма. Например, нововавилонский текст BRM IV, 18, содержащий заклинания, написан архаическим письмом. Его переписчик, вероятно, был учеником, который стремился показать свое искусство писца [233, с. 72]. Кроме того, при копировании текстов иногда сохраняли древние формы знаков.

Вплоть до конца II в. до н. э. вавилонские писцы с живым интересом относились к древней истории своей страны, в храмовых школах переписывали и изучали древние произведения. Например, при Набониде во время раскопок в фундаментах обвалившихся храмовых зданий Ура были найдены и правильно прочитаны надписи III тысячелетия, а имена царей расположены в хронологическом порядке вплоть до династии Аккаде (XXIII в.) (ср. [82, с. 145]). Набонид сообщает, что он видел надпись Ашшурбанапала, смазал ее маслом и поставил на место, поместив рядом свою надпись, и то же самое сделал с надписью древнего царя Нарам-Суэна [NKI, с. 224:43—46, 226:8—10, 228:4 и сл.]. В Вавилоне во дворце Навуходоносор II был даже своеобразный исторический музей, в котором были собраны предметы различных эпох [39, с. 54].

Нововавилонское право, по-видимому, требовало письменной фиксации заключаемых сделок. Контракты составлялись профессиональными писцами, сведущими в юридической практике, в присутствии свидетелей (обычно от трех до десяти человек и более), в двух экземплярах, по определенным формулярам, и каждая из сторон получала по экземпляру. Имена свидетелей приводятся после основного текста документа. Женщина в качестве свидетельницы выступает лишь в чрезвычайно редких случаях. Но если сделка затрагивала ее имущественные интересы, при составлении соответствующего документа она также присутствовала. Свидетели не гарантировали соответствие содержания контракта, требуемым юридическим нормам, а лишь подтверждали сам факт, что стороны заключили между собой определенную сделку [35, с. 23]. Вероятно, не все перечисленные в документе свидетели должны были присутствовать при самом процессе заключения контракта. Например, иногда писец оставлял свободным место для имен свидетелей, чтобы заполнить его позднее. В отдельных случаях писец вписывал имена новых свидетелей между строками, поскольку для этого на табличке места не оказывалось. Сохранились также таблички, на которых места для свидетелей и даты оставлены незаполненными. Это, очевидно, предварительные наброски, черновики, часто

написанные небрежно (см., например, [VS III, 20, VI, 290; ср. NRV, с. 338 и 539; UET IV, 14 — черновик расписки о погашении ссуды, а № 113 — окончательный текст])⁵.

Еще со времен III династии Ура (XXII—XXI вв.) контракты, письма и другие документы вкладывали в глиняные конверты, предварительно обсыпав тексты глиняной пылью, в целях сохранности их от слипания и повреждения при вскрытии. Если это были письма, то на конвертах писали адрес получателей. На конвертах других документов полностью или кратко записывали содержание вложенного туда текста и ставили оттиски печатей. Это делалось, чтобы уберечь текст от подделки. Содержание его было видно из строк на конверте, и лишь в спорных случаях, если кто-нибудь подвергал его сомнению, конверт ломали и вскрывали внутренний текст. Прочитав его, всегда легко было установить подлинное содержание документа [221, с. 85; 191, с. 124 и сл.; 229, с. 141 и сл.]⁶. В нововавилонское время такими конвертами уже не пользовались, потому что сохранность текста от подделки обеспечивалась составлением контракта в двух совершенно идентичных экземплярах [191, с. 127].

К документам прилагаются печати свидетелей и контрагентов. Печать символизировала личность владельца, и потеря ее считалась большим несчастьем, о чем имеются документальные свидетельства и прямые указания литературных текстов различных периодов. В одной шумерской табличке дана точная дата, когда была потеряна печать, принадлежавшая какому-то чиновнику, чтобы объявить недействительными все документы, заверенные этой печатью после указанного времени [89, с. 55 и сл.]. В ассирийском соннике содержится следующее предостережение: «Если кто-либо имеет печать, а другой возьмет ее, то его (т. е. владельца печати) сын или дочь умрет... если (это) печать с именем и кто-нибудь возьмет ее, то сын его (владельца) умрет» (ссылку на текст см. [89, с. 58]). Еще с древних времен вавилоняне пользовались цилиндрическими печатями, делая оттиски на еще влажной глине путем накатывания. Печать чаще всего ставили внизу или сбоку таблички для удостоверения ее подлинности. На таких печатях обычно помещены изображения мифологического и религиозного характера (в частности, символы Мардука, Набу и Иштар). Пользовались также каменными печатками-штампами. Начиная с ахеменидского времени наряду с цилиндрическими печатями стали употреблять и металлические (из драгоценных и других металлов) перстни, которые удостоверляли личность контрагента или свидетеля. В очень редких случаях к документам прилагаются оттиски печатей или перстней и лиц, которые в самом тексте не упомянуты. Например, к одному документу времени Дария I приложена «печать писца» (kupuk DUB.SAR) Мардук-буллитсу, хотя он в тексте не упомянут, а контракт составил другой писец [Dar

455:30]. Довольно редко к документам приложены и печати писцов, составивших эти документы (обычно контракты о продаже полей)⁷ (о печатях вавилонских писцов I тысячелетия до н. э. см. [109, с. 332; 214, с. 215]). Геродот (I, 145) пишет, что каждый вавилонянин имел свою печать.

В нововавилонское и ахеменидское время рядом с оттиском печати или перстня на табличках писали также имена их владельцев или пользователей. Это делалось для идентификации печатей и в качестве меры предосторожности, чтобы не употребляли чужие печати, поскольку на них обычно не было никаких надписей, а изображения часто были очень сходными (ср. [191, с. 140]).

Личные печати имели также цари. Новоассирийские цари кроме своих печатей имели еще и государственную печать (литературу см. [152, с. 137]; о царских печатях клинописного региона подробно см. [150, с. 135 и сл.]). От селевкидского времени сохранились печати государственных чиновников с изображениями якоря и лошади, являвшихся символами царской власти [50, с. 196]. В Уре найдена древняя коллекция оттисков печатей (около 200 единиц), которые для долговечности были обожжены. Среди них есть оттиски вавилонских, ассирийских, египетских, персидских и греческих печатей [243, с. 389; ср. 176, с. 228]. Начиная еще со старовавилонского времени (правда, тогда редко) и до эллинистического периода включительно на документах ставили оттиски ногтей контрагентов и должников с соответствующими идентифицирующими их надписями. Для примера приведем содержание одной надписи к такому оттиску: «Ноготь Бел-ибни, продавца поля, взамен его печати» [Pohl I, 23:56]. По-видимому, оттиск ногтя в большей, чем печать, степени символизировал личность должника. Некоторые долговые расписки содержат одновременно оттиски ногтя и печати должника (например, [BE IX, 49, X, 86 и др.; ср. 191, с. 140; 25, с. 208 и сл.; 35, с. 24]). Однако оттиски ногтей часто имеют условный характер, и на некоторых табличках они сделаны отнюдь не ногтем, а каким-то острым предметом. Возможно, что их ставил сам писец (см. [BE X, с. 5; 25, с. 209; 200, с. 282; 201, стб. 115]).

Чтобы уберечь надписи от преднамеренного разрушения, иногда в них вставляли призыв к богам сурово наказать того, кто посягнет на текст. Например, в кудурру Меродах-Балада-на I из Вавилона говорится: «Кто эту стелу⁸ изменит... удалит ее или поставит на не видном месте, разрушит камнем, бросит в воду или огонь... того человека пусть (боги) Ану и Эллиль проклянут».

В храмовых и дворцовых архивах деловые и административные документы (например, о податях, арендной плате и т. д.) хранились в течение многих столетий и содержались в определенном порядке. Частные лица также берегли свои докумен-

ты. Древнейшие архивы относятся еще к первой половине III тысячелетия. В древние периоды в храмовых архивах хранились и частноправовые документы, в том числе принадлежавшие лицам, которые не были непосредственно связаны с храмом [191, с. 146]. Возможно, эти документы депонировались туда добровольно, чтобы надежно сохранить их. Кроме того, в старовавилонское время само составление частноправовых документов часто происходило на храмовой территории [191, с. 146 и сл.].

Хозяйственные и частноправовые документы хранились потому, что они могли понадобиться в будущем в случае возникновения необходимости судебного рассмотрения имущественных тяжб. Например, в одной табличке из Сиппара, написанной при Камбизе, упоминаются документы времени Нергал-шар-уцура, Набонида и Кира. Это принадлежавшие частным лицам долговые расписки, на основании которых «сиппарский жрец и старейшины города» (т.е. Сиппара) вынесли свое решение [Camb 412]. Долговой документ относительно овец, составленный в 8-м году царствования Набонида, понадобился суду через десять лет после того, как он был написан [TCL XII, 119]. В 520 г. раб храма Эанна в Уруке Гимиллу противозаконно передал своему брату документы относительно арендной платы с храмовых полей, сказав при этом, чтобы тот без его согласия никому не показывал их. Поэтому храмовые чиновники оказались не в состоянии собрать арендную плату с полей [TCL XIII, 181].

При погашении ссуды все расписки и их копии передавались должнику. Подобным же образом при продаже домов, рабов и т. д. все старые документы относительно отчуждаемого имущества поступали в распоряжение покупателя⁹. Например, в Nbd 832, фиксирующем продажу рабыни вместе с детьми, говорится, что если в доме продавца будут обнаружены документы или копии относительно этих лиц, то они должны быть переданы покупателю (ср. арамейский папирус Kraeling 12, согласно которому при продаже дома к покупателю перешел и старый документ, свидетельствующий о приобретении данного дома от третьего лица).

От нововавилонского времени сохранились обширные архивы частных лиц и храмов. Из частных архивов наиболее богато представлены архивы деловых домов Эгиби и Мурашу. Большинство документов архива Эгиби составлены в Вавилоне и его предместьях, а некоторые — в других городах, где члены этого дома имели недвижимое имущество или занимались торговлей. К сожалению, документы архива Эгиби разбросаны по самым различным музеям и изданиям. Архив дома Мурашу полностью был найден во время раскопок в Ниппуре в одной комнате, и поэтому он издан более компактно. Всего архив содержит 730 табличек, большая часть которых сохранилась прекрасно.

Написаны они несколькими десятками писцов на очень чистой и мягкой глине коричневого или сероватого цвета. Составлены они в Ниппуре, а небольшая часть (около $\frac{1}{10}$) — в его окрестностях. Архив этот относится ко времени между 455—403 гг. (об изданиях, переводах и исследованиях см. у Кардашиа [35, с. II и сл.]). Сохранились также архивы и других частных лиц. Большинство из них происходит из Вавилона, Сиппара и Ниппура. В Уре найден семейный архив некоего Син-убаллита, собиравшийся более столетия. Часть документов этого архива составлена в Вавилоне, Дилбате и других местах, где Син-убаллит временно бывал по своим делам. Архив относится к концу VII в. [UE IX, с. 46].

Государственными архивами нововавилонского времени мы не располагаем, если не считать отдельных находок с небольшим количеством текстов. Из храмовых архивов особенно следует упомянуть архивы храма Эанна в Уруке и храма Эбаббарра в Сиппаре, которые насчитывают по несколько тысяч документов. Некоторые из документов архива Эанны в отличие от подавляющего большинства остальных текстов написаны не в самом Уруке, а в Вавилоне, Борсиппе и Ларсе, где этот храм имел торговые гавани и различные хозяйственные интересы. Например, документы GC I, 167, 257, 397, 417, 419; YOS VI, 60, 105 составлены в Вавилоне, но найдены в Уруке. Там же обнаружены YOS VI, 124 и 172, которые были написаны в Ларсе, и YOS VI, 136, 157, происходящие из Борсиппы. Такие же расхождения между местом находки и составления документа встречаются и в частных архивах. Например, некоторые документы архива Эгиби были изготовлены в столице Мидии Экбатанах, но найдены в Вавилоне; ср. BE VIII, 31 и 105, написанные в Вавилоне, но фиксирующие соответственно необходимость погашения ссуды в Ниппуре и заклад поля в Кише; VS III, 1, V, 26, происходящие из Сиппара, свидетельствуют соответственно о погашении ссуды в Вавилоне и сдаче поля в аренду в Сиппаре.

К настоящему времени опубликовано также около 800 нововавилонских писем. Они написаны на продолговатых маленьких табличках из глины мелким, убористым почерком. Некоторые из них обожжены, а большинство высушено на солнце. Адресату они посылались в глиняных запечатанных конвертах, что обеспечивало тайну переписки и сохраняло текст от повреждений. На конверте ставили и имя адресата. Сохранилось одно нераспечатанное письмо с несломанным конвертом, которое по какой-то причине не было вручено адресату [СТ XXII, 142]. На некоторых конвертах видны даже и оттиски печатей отправителей. В массе своей эти письма составлены между 600—450 гг. Большинство из них носит характер административно-хозяйственной переписки и происходит из архивов храма Эанна в Уруке и храма Эбаббарра в Сиппаре. Имеются также письма и из част-

ных архивов, в которых лица, находившиеся по разным обстоятельствам вдали от дома, посылают приветы родным, дают советы по хозяйству и просят сообщить семейные новости.

В древности почтовая служба существовала лишь для государственных потребностей¹⁰. Многочисленные письма в Вавилонии посылались либо с оказией, либо через гонцов или агентов, находившихся на службе у частных лиц. Один вавилонянин пишет своей сестре: «Это ужасно! Почему я не получаю известий ни от кого из вас? Сердце мое радуется, узнав, что ты беременна... Пришли мне через кого-либо, отправляющегося этим путем, мину серебра... (и) сумку...» [СТ XXII, 40]. Отправитель другого письма просит: «Я не могу дать ничего тому, кто доставит тебе (это) запечатанное письмо; (поэтому) дай ему $\frac{1}{6}$ (сикля) серебра» [CAD, A/1, с. 12 и сл. с ссылкой на ОЕСТ III, 67:36].

Во все периоды древней истории Месопотамии храмовые, царские и частные писцы занимались перепиской более ранних текстов для различных целей (учебных, научных, для посвящения в храм и т. д.) (ср. [59, § 6, с. 64 и сл.]). Когда писец по недосмотру пропускал строку, он писал ее сбоку, снизу или между строками (примеры и литературу см. [88, с. 101 и сл.]). Имена переписчиков таких текстов нам хорошо известны в отличие от авторов многих литературных произведений (ср. [20, с. 22 и сл.]). Правда, нередко литературные произведения также имели авторов или по крайней мере приписывались определенным лицам. Авторами считались и издатели законов, которые, однако, лишь утверждали их.

По рассказу Беросса, он нашел в Вавилоне много «записей», которые хранились там с незапамятных времен «с большой заботой». Это сообщение подтверждается и колофонами клинописных табличек, где часто указывается, что текст переписан с древнего оригинала и сверен¹¹. В одном колофоне сказано: «Написано в соответствии с его оригиналом и сверено. Табличка Набу-шум-ишкуна, сына Кандалану» [Caplice, с. 15, № 4]. Другой колофон свидетельствует: «Написано в соответствии с оригинальной табличкой из Вавилона. В спешке эксцерпировано» [Caplice, с. 24, № 14]. В нововавилонском тексте СТ XXXIV, 50:IV, 39 говорится, что «первая часть (обрядового текста) скопирована и сверена с оригиналом». По колофону поздневавилонской таблички СТ XLVI, 43, она переписана и сверена с текстом из Вавилона и Ашшура. Здесь имеется в виду копия с таблички в Вавилоне, которая, в свою очередь, основывалась на более раннем оригинале из Ашшура, повествующем о происхождении богов еще до начала человеческой истории [130, с. 64].

В одном тексте селевкидского периода говорится: «(Эта табличка скопирована) с табличек, которые увез из Урука в качестве добычи Набопаласар, царь Приморья. Теперь урукит

Кидинну, жрец... потомок Экур-закира... прочел эти таблички в Эламе, скопировал их во время правления царя Селевка и Антиоха и привез (эти копии) в Урук» [TCL VI, 38].

Часто писцы депонировали прекрасно скопированные тексты в святилище Экур в Ниппуре (там найдены копии надписей Саргона Аккадского и его династии) и в храм Эзида в Борсиппе, бог которого Набу был покровителем писцового искусства. Например, 30 декабря 553 г. один писец скопировал и депонировал в это святилище текст предсказаний, составленный на рубеже II—I тысячелетий. В колофоне говорится: «Написано и сверено в соответствии с оригиналом — красной обожженной табличкой длинного формата, принадлежащей Эзиде» [EBL, с. 149:rev. 8]. Другой писец в 455—454 гг. копировал в Борсиппе вавилонские силлабарии, чтобы преподнести их в качестве votивного дара в Эзиду (тексты см. в [СТ XII]). Нередко в храмы депонировали различные тексты и по распоряжению царей. Например, по свидетельству письма VI в., царь приказал своему чиновнику: «Депонируй в храм (Эанна) те каменные стелы с надписями¹², которые я послал тебе».

Тексты копировали без изменений. Когда писец находил в оригинале лауну, он ее не восстанавливал, как это делается в современной нам литературе в квадратных скобках. В разрушенном месте писец ставил пометку «отломано» (т. е. в оригинале соответствующее место разрушено). Иногда он отмечал, что в тексте есть «старое повреждение» или «свежее повреждение» (hi-pi la-bi-gu/eš-šu/šú). В первом случае имеется в виду, что в самом оригинале есть пометка «отломано» (литературу и ссылки на тексты см. у Крехера [117, с. 438]). Согласно ABL 225:5, «табличка, которую собирается читать царь (т. е. Ашшурбанапал), дефектна и не полна». В ряде текстов содержится пометка ina turri ul šalim — «на (оригинальной) табличке не полностью сохранилось» [SpTU I, 50:30, 83:rev. 4, 10].

Иногда ленивые писцы очень небрежно делали копии. Например, при снятии копии с документа VS V, 7 писец в одном месте написал «отломано» [VS V, 8]. До нашего времени сохранились оба текста — и оригинал и копия, и в первом из них, несмотря на повреждение текста, можно легко разобрать знак PI, вместо которого писец оставил пометку «отломано» (см. [NRV, с. 53]).

Помещения, в которых хранились тексты, в большинстве случаев не отличались от обычных комнат. Архивам и библиотекам в древней Месопотамии и некоторых соседних странах клинописного региона развитию библиотечной техники, хранению книг, их каталогизации, этикеткам и колофонам посвящена хорошо документированная книга М. Вейтемейера [237; резюме этой книги с добавлением раздела о вошечных табличках, найденных в 1959 г. в Нимруде, содержится в 236]. Он отмечает, что первой фазой развития архивов были склады. На-

чая с III тысячелетия некоторые коллекции табличек были найдены в Джемдет Насре в комнатах, прилегающих к кладовым. В Лагаше эпохи III династии Ура (конец III тысячелетия) около 7000 табличек было обнаружено в двух архивных зданиях, каждое из которых состояло из нескольких соединяющихся друг с другом узких комнат. Отсутствие симметрии в плане этих зданий Вейтемейер объясняет тем, что они не были построены по единому замыслу, но расширялись постепенно, по мере накопления текстов. Археологи нашли также много табличек, сложенных на полу комнат и коридоров этих зданий: очевидно, расширение архивных помещений не поспевало за постоянным притоком все новых и новых документов [236, с. 221]. Интересно отметить, что упомянутые здания не имеют дверей. Вероятно, вход туда вел через крышу. Подобные архивные комнаты были найдены во время раскопок в Нузи, Сиппаре и других городах (литературу см. [236, с. 235, примеч. 19; см. также 184, с. 60 и сл.]). Исходя из этого, Вейтемейер пишет, что характерной чертой архивных зданий в Месопотамии было отсутствие дверей и доступ туда по лестнице [237, с. 61]. Однако такой вывод вряд ли можно отнести ко всей Месопотамии, и сказанное касается лишь архивов, возникших при дворцовых складах (ср. [242, стб. 375]). Например, в Уруке в двух комнатах, в которые входили через двери, находилось около 3500 документов хозяйственной отчетности, датированных VIII—V вв. Таблички лежали грудой в углу комнат, служивших архивом храма Эанна [138, с. 17 и сл.]. В древние периоды таблички в Месопотамии чаще всего хранились в ящиках или корзинах, на которых указывалось и содержание самих текстов (ссылки см. [CAD, A/2, с. 230]; ср. [9, с. 50]: в Египте папирусы лежали в ящиках, глиняных сосудах и специальных футлярах). В архиве храмовой администрации в Уре при Варад-Сине (XIX в.) таблички, по-видимому, располагались на деревянных полках в небольшой кладовой. Подобный способ хранения был характерен и для текстов из Эблы. При раскопках в Хорсабаде была обнаружена своеобразная комната, в стенах которой имелось три ряда ниш 25—30 см высотой и шириной и 40—50 см глубиной, разделенные перегородками 10 см толщиной. В этих нишах найдено небольшое количество фрагментов табличек [236, с. 225]. В новоассирийском городе Кальху в особом помещении близ храма обнаружено более 250 фрагментов обожженных табличек [VTE, с. 1]. Некоторые из документов архива Эгиби находились в глиняном горшке [230, с. 86].

В царском дворце Мари археологи нашли колоссальный архив, относящийся к XVIII в. В хеттском архиве в Хаттусасе собраны документы почти за 150 лет.

По свидетельству книги Эзры (VI:1), в Вавилоне в ахеменидское время официальные государственные документы хранились в сокровищнице¹³. В одном арамейском папирусе ахеменидско-

го времени упоминается «дом табличек» на Элефантине (Египет) [АР 2]. Очевидно, это был архив документов на папирусе (ср. [27, с. 138]).

Первые частные архивы начинают появляться в III тысячелетии. Частные лица хранили свои архивы в кувшинах, ящиках и в тростниковых корзинках.

Некоторые таблички храмовых и государственных архивов периода III династии Ура из Лагаша, Уммы, Дрехема и Ура указывают на способы их хранения. В этих городах табличками заполняли целые корзинки. При раскопках найдены корзинки до 0,5 м высотой и шириной, покрытые битумом, чтобы уберечь таблички от сырости. К корзинкам были привязаны ярлыки с указанием содержания и периода, к которому относятся данные документы (обычно один год)¹⁴, или прилепляли опечатанные глиняные буллы. Сами корзинки, по-видимому, хранились на глиняных полках (ср. шумер. *dub-lal* — «носитель табличек», обозначавшее такие полки) [236, с. 221 и сл.]. В Уре *Dub-lal-mah* назывались главная храмовая канцелярия и архив. Это учреждение было обожествлено, и в честь него даже давали имена. О способах хранения документов в более поздние времена определенное представление дают специальные круги, в которых находились кожаные свитки в ахеменидском Персеполе [205, с. 33 и сл.; РТТ, с. 26].

Крупным достижением месопотамской цивилизации было создание древнейших библиотек. Однако не всегда легко отличить библиотеки от архивов. Еще с начала нашего столетия ассириологи пытаются выделить критерии, позволяющие провести грань между библиотеками и архивами. Согласно Вейтемейеру, архив — это собрание документов (включая письма), возникших из административной, юридической и хозяйственной деятельности. По его мнению, библиотека — собрание литературных, математических, филологических, юридических и религиозных произведений, рассчитанных на длительное пользование группой лиц [237, с. 13; 236, с. 218; ср. также 220, с. 24 и сл.; высказывалось также мнение, что в Месопотамии и соседних странах архивные документы и библиотечные книги хранились отдельно; см. 81, с. 99; однако ср. ниже]. Другими словами, по Вейтемейеру, различие между архивом и библиотекой чисто функциональное: архив фиксирует процессы хозяйственной жизни, а в библиотеках хранятся продукты духовной деятельности человека. Действительно, в ряде случаев такой подход является безукоризненным, и выразительными примерами в этом отношении являются архив дома Мурашу и библиотека Ашшурбанапала, хотя в последней, в частности, также имелись архивные материалы (донесения лазутчиков, деловые письма двора, хозяйственные документы и т. д.). Но в других случаях дело обстоит не так просто.

Еще в 1907 г. Унгнад отметил, что в Ниппуре и других

городах в частных домах писцов были найдены тексты, которые по своему содержанию должны быть классифицированы как характерные для библиотек. Однако наряду с литературными и научными текстами в тех же помещениях были обнаружены и деловые документы, и поэтому провести в таких случаях грань между библиотекой и архивом трудно [226, с. 705; см. также 242, стб. 373 и сл.]¹⁵. Когда в конце прошлого века в Ниппуре нашли большое количество текстов, Х. Хильпрехт писал, что они составляли крупную храмовую библиотеку. По М. Ястрову, название «библиотека» следует относить к таким находкам, как собрание Ашшурбанапала, но не к ниппурским коллекциям религиозных и литературных произведений, которыми пользовались в процессе обучения (теперь считают, что это была школьная библиотека) [101, с. 163 и сл.; подробно литературу по этому вопросу см. 168, с. 12 и сл.]. Согласно Ландсбергеру, месопотамская писцовая традиция сохранялась без библиотек до времени Ашшурбанапала и, когда копировали текст, его оригинал выбрасывали [135, с. 94 и сл.].

Однако в связи с этим возникает вопрос: сознавали ли древневосточные писцы разницу между документом и литературным произведением, архивом¹⁶ и библиотекой? К. Вендель и Папритц отвечают на этот вопрос отрицательно [238, с. 11 и сл.; 168, с. 16 и 19; см. там же ссылки на работы специалистов по истории библиотечного дела]¹⁷.

В центрах древней культуры — Уре, Ниппуре, Вавилоне и других городах Двуречья — начиная со II тысячелетия в течение многих столетий в школах создавались коллекции литературных и научных текстов (или, условно выражаясь, библиотеки). Богатые частные библиотеки имели многочисленные писцы Ниппура. В этом городе раскопан квартал, который служил культурным центром всей Месопотамии в течение 1500 лет. В нем жили храмовые писцы, которые наряду со свидетельствами скромного повседневного быта оставили яркий след своей профессиональной работой [121, с. 282]. Существенной частью подготовки к писцовой деятельности считалось умение верно копировать тексты, отражавшие основные направления письменной традиции. Поэтому в больших городах, где было много писцов, возникли обширные частные библиотеки, отражавшие вкусы их владельцев. Желание сохранить письменную традицию было в высшей степени характерно для месопотамской цивилизации. Поэтому начиная со второй половины II тысячелетия вплоть до аршакидского времени литературные и прочие тексты переписывались, сохранялись, не прерывая традиции (см. [159, с. 13 и сл.]).

Сравнительно недавно итальянские археологи сделали сенсационное открытие. На месте древнего города Эбла в Сирии была найдена библиотека из тысяч клинописных табличек на ранее неизвестном семитском языке. Тексты эти относятся ко

времени между 2400—2250 гг. и написаны шумерской клинописью, но часть читалась, как можно уверенно полагать, по-семитски. Среди них имеются силлабарии для изучения шумерского и эблаитского языков, грамматические тексты с глагольными парадигмами. Один текст, содержащий около 1000 слов, сохранился в 18 экземплярах. Таблички были размещены на полках [171, с. 44 и сл.].

В 1962 г. в столице Элама Сузах была найдена библиотека из 11 весьма пространных литературных текстов середины II тысячелетия на аккадском языке. По-видимому, они принадлежали храму (см. предисловие Р. Гиршмана к изданию этих текстов [124, с. IX]).

Обширные библиотеки существовали и в Ассирии. В XIII в. царь этой страны Тукульта-Нинурта грабил библиотеки в вавилонских городах, увозя оттуда таблички, чтобы пополнить свои коллекции. Его добыча включала литературные и медицинские тексты, омина (гадательные таблички), заклинания, молитвы и т. д. К концу II тысячелетия при Тиглатпаласаре I в Ашшуре образовалась библиотека в подлинном смысле этого слова. В этой библиотеке было собрано много литературных произведений и научных трудов, притом каждая табличка имелась в нескольких экземплярах [123, с. 671]. При Саргоне II, Синаххерибе и Асархаддоне крупная царская библиотека существовала также и в Ниневии.

Самой значительной библиотекой в древней Месопотамии была библиотека царя Ашшурбанапала (668—627) в его дворце в Ниневии (см. [29, с. 40 и сл.; 237, с. 50 и сл.; 159, с. 241; о библиотеках и архивах в странах клинописного региона см. также 104; 174, с. 105 и сл.; 166, с. 67 и сл.; 228]). Она была найдена в 1853 г. Х. Рассамом под огромным холмом около деревни Куянджик, на левом берегу р. Тигра. Библиотека была подобрана заботливо и с большим умением. По повелению Ашшурбанапала писцы снимали копии с книг, хранившихся в официальных и частных коллекциях древних городов Вавилонии и Ассирии, или собирали книги сами. Сохранилось много свидетельств об этой работе писцов и ученых. Например, в одном письме, адресованном царю, говорится: «Я поищу, соберу и скопирую много табличек, 20 или 30 канонических (досл. „хороших“) и неканонических („посторонних“»)» [ABL 23:25; ср. CAD, A/1, с. 28]. В другом письме некий ученый сообщает Ашшурбанапалу: «Царь, мой владыка, пусть прочитает таблички. Все, что приемлемо для царя, я положу туда (т. е. в библиотеку), а все, что неприемлемо для царя, удалю оттуда; таблички, о которых я говорю, заслуживают того, чтобы хранить вечно» [ABL 334]. В третьем письме говорится, что табличек слишком много и неизвестно, когда будет закончено их копирование [ABL 18; ср. 169, I, с. 128]. Имеются также основания полагать, что вся частная коллекция одного жреца была инкорпо-

рирована в библиотеку Ашшурбанапала [149, с. 244 и сл.; ср. 123, с. 671].

Относительно некоторых текстов сам Ашшурбанапал пишет: «Я прочитал их и поместил в своем дворце... Если кто-нибудь унесет эту табличку или поместит на ней свое имя наряду с моим, пусть Ашшур и Белет изрекут его гибель, пусть уничтожат его имя и потомство» [29, с. 41]. В колофоне одного текста говорится о мудрости бога Набу, которую Ашшурбанапал лично «запечатлел на табличках... сверил и положил в своем дворце в качестве дара для своего постоянного чтения» [127, с. 110 и сл.].

По своему содержанию тексты библиотеки Ашшурбанапала весьма разнообразны. Среди них найдены анналы, хроники важнейших исторических событий, тексты договоров между государствами, законодательные памятники, архивы государственного управления (письма, в том числе и копии царских писем среднеассирийского времени, контракты, хозяйственные и административные документы), мифы, басни, эпические и другие литературные произведения, гимны, молитвы, заговоры и заклинания, химические рецепты, перечни животных, растений и минералов, литературные комментарии, шумеро-аккадские силлабарии, сборники текстов на шумерском языке с пояснениями трудных для понимания мест, сборники грамматических примеров и упражнений, списки клинописных знаков с указанием их фонетических значений и т. д. Это сотни книг, подводящие итоги научным достижениям шумеров, вавилонян и ассирийцев. Всего сохранилось около 25 тыс. табличек, главным образом фрагментов, написанных ясным почерком, из которых пока издано лишь около $\frac{1}{4}$.

Эти таблички были изготовлены из легкой коричневой или красной глины и тщательно обожжены. По форме они представляют плоские, выпуклые и прямоугольные плитки величиной от 32×22 до $2,4 \times 2$ см при средней толщине 2,5 см. Причем заклинания, грамматические тексты, эпические произведения и справочные пособия написаны на больших плитках в несколько столбцов, а письма, контракты, астрономические отчеты и подобные им материалы — на маленьких подушкообразных табличках, удобных для переноски.

Библиотека Ашшурбанапала была не только крупнейшей для своего времени, но и первой в мире систематически подобранной и в определенном порядке размещенной библиотекой. Многие книги были представлены в библиотеке в нескольких экземплярах, некоторые даже в пяти-шести; таким образом, несколько человек одновременно могли читать один и тот же текст. Серийные тексты, продолжавшие друг друга, состояли из многих табличек одинакового размера. Некоторые серии включали до 40, а иногда даже больше 100 табличек. Составление таких серий диктовалось необходимостью собрать в одном

месте всю доступную информацию по тому или иному предмету. На каждой табличке стоял номер «листа», чтобы по использованию его можно было положить на место. Заглавием серии служили начальные слова ее первой таблички. Последняя строка каждой таблички повторялась в начале следующей таблички. Литературные тексты сопровождалась колофонами, которые соответствуют титульным листам наших книг. Колофон содержал название произведения, т. е. его первую строку (а в частных собраниях, кроме того, еще имя владельца таблички или писца, часто и дату, когда текст был скопирован). Если текст состоял из нескольких и более табличек, колофон каждой таблички указывал название серии и количество табличек в серии. Колофон помещался в конце каждой таблички, которую писали вертикальными столбцами сначала на передней стороне, затем, перевернув по принципу блокнота, заполняли столбцы справа налево. После этого таблички расставляли друг к другу таким образом, чтобы читатель сразу видел колофон [236, с. 226].

На «листах» глиняных книг стоял библиотечный штамп со словами: «Дворец Ашшурбанапала, царя Ассирии, царя четырех стран света».

Книги были классифицированы по определенным темам («отраслям» знаний) и располагались на полках, которые не сохранились, так как библиотека помещалась на втором этаже и обвалилась при разрушении Ниневии в 612 г. Поиски нужного произведения облегчали этикетки, привязанные бечевками к табличкам и указывающие на содержание, названия серий и количество табличек в каждой серии. Это были своего рода каталоги. Такие этикетки были найдены в других городах Месопотамии и в Богазкёе (ссылки на издания см. [159, с. 370, примеч. 15]). Библиотечные этикетки содержали названия серий, а архивные ярлыки отмечали характер документов и время их возникновения. Это, по мнению Вейтемейера, указывает на то, что в Месопотамии существовало четкое различие между техникой архивного и библиотечного дела [236, с. 234]¹⁸. В Ниневии кроме царской была и храмовая библиотека. В колофоне одного текста говорится о «восьми табличках... которые Ашшурбанапал написал, сверил и положил в библиотеку храма (бога) Набу, своего владыки, что в Ниневии» [СТ XVIII, 37:25].

В нововавилонских текстах упоминания о библиотеках встречаются чрезвычайно редко. В одном тексте говорится: «Пусть (богиня) Иштар бросит благосклонный взгляд на ученого, который не изменит ни одной строки и положит (табличку) в библиотеку» [TCL VI, 37: rev. II, 50; ср. CAD, G, с. 86 и сл.]. Другой текст фиксирует выдачу барана «для библиотеки»: E.IM.GU.LA [Pohl I, 75: rev. 21].

Во дворце Навуходоносора II в Вавилоне были найдены остатки библиотеки, состоявшей когда-то из хорошо обожженных табличек, от которых большей частью сохранились лишь фраг-

менты. Одна из этих табличек, содержащая шумеро-аккадский текст, имеет пометку: «Копия из Вавилона. Дворец Навуходоносора, царя Вавилона» [Unger, с. 226, § 34; сама табличка, по-видимому, пока не издана].

Центрами писцового дела были храмы. По свидетельству Страбона (XVI, 1,6), в городах Борсиппе, Сиппаре и Уруке еще в эллинистическое время продолжали функционировать храмовые школы. Однако из клинописных источников нам почти ничего не известно об этих школах в I тысячелетии, и основные наши сведения о них относятся к гораздо более ранним периодам. Можно полагать, что на всем протяжении древней истории Месопотамии школы сохраняли какие-то свои основные особенности, и поэтому здесь уместно будет остановиться на выводах, к которым пришли исследователи шумерских и старовавилонских текстов, а также параллельного материала из других стран Передней Азии, содержащего более или менее подробные сведения о школах и жизни их учеников (см. [114, с. 230 и сл.; 167, с. 179 и сл.; 113, с. 199 и сл.; 185; 179, с. 126 и сл.; 48; 157; 87; 115; 10, с. 174 и сл.; 68, с. 174 и сл.; 7, с. 68 и сл., а также работы, указанные ниже].

Вероятно, уже к середине III тысячелетия по всему Шумеру было много школ. В течение второй половины III тысячелетия шумерская школьная система процветала, и от этого периода сохранились десятки тысяч глиняных табличек. Но о шумерской и старовавилонской школьной системе и ее организации, системе и методах обучения информацию дают лишь тексты первой половины II тысячелетия. От этого времени, в частности, сохранились сотни текстов ученических упражнений, выполненных в процессе прохождения школьной программы [103, с. 37 и сл.]¹⁹. Это списки слов и разных предметов, глагольные парадигмы и переводы с шумерского языка на аккадский. Как отмечает Крамер, почерк их варьируется от жалких каракуль начинающего до элегантного письма оканчивающего учебу.

Шумерская школа, как и в более поздние времена, готовила писцов для хозяйственных и административных нужд, прежде всего государственного и храмового аппарата²⁰, хотя школьная программа включала также литературу и музыку (см. ниже). По мнению Крамера, в Шумере в первой половине II тысячелетия одновременно работало несколько тысяч профессиональных писцов. По подсчетам Ветцольдта, из текстов III династии Ура (2112—1997) известен 1541 писец, в том числе из Лагаша — 620, из Уммы — 384, из Ура — 202, из Дрехема — 168, из Ниппура — 103 [229, с. 5].

Школы, как правило, не находились в ведении храмов, и программа обучения была светской, а религиозное образование и спорт, по-видимому, не входили в систему школьных занятий [229, с. 11]. Нет также каких-либо указаний на обучение в школе иностранным языкам, кроме, конечно, шумерского. Однако

школьники изучали отдельные хурритские, касситские и эламские глоссы. Ссылаясь на гимны царей Шульги и Липит-Иштара, которые были составлены в школе (*edubba*), А. Фалькенштейн считает, что последняя находилась на царской службе [68, с. 185]. Но Шёберг отвергает такое мнение, полагая, что эти гимны были заказаны царским двором директору школы, который затем пользовался ими в процессе обучения [210, с. 172]. Конечно, в школьных библиотеках было и много надписей прежних царей.

Школа была центром образования и культуры, и там будущие писцы кроме обучения письму получали в определенных пределах (в зависимости от предполагаемой в дальнейшем более узкой специализации) грамматические, математические и астрономические знания. Те из учеников, которые собирались стать учеными, должны были хорошо знать право, астрономию, медицину и математику. Но основными предметами обучения были шумерский язык и литература.

О программе школьного образования дают представление прежде всего гимны шумерского царя Шульги (2093—2046) и так называемый экзаменационный текст А старовавилонского периода, сохранившийся в более поздних копиях из Ашшура (около 900 г.) и от селевкидского времени [издание: Sjöberg, ZA 64]. Судя по гимнам Шульги, у шумеров идеалом образования считались полное владение письмом, искусством певца и музыканта, умение выносить разумные и законные решения, а также разбираться в жертвах [229, с. 11; там же приводятся и ссылки на тексты; см. также 135, с. 99]. В упомянутом экзаменационном тексте, составленном в форме диалога между учеником и учителем, содержится перечень всего того, чему ученик должен был выучиться в школе. В их числе названы четыре арифметических действия, умение измерять поля, распределять рационы, делить имущество, владеть искусством пения и игры на музыкальных инструментах. Далее говорится о необходимости владения специальными знаниями, а именно разбираться в тканях, металлах, растениях и т. д. Особо оговаривается, что ученик должен знать техническое арго (*eme* — «язык») нескольких групп жрецов, ювелиров, пастухов и корабельщиков (см. [210, с. 166 и сл.; 135, с. 100]). Судя по другим данным, в школах учили также юридической терминологии и умению запечатывать документы (подробно см. [4, с. 27 и сл.]). Сохранилось одно из юридических сочинений для занятий в школе, которое называется «*Apa ittišu*». Это антология права, юридической и административной лексики, написанная по-шумерски с аккадским переводом. Одновременно это и первоклассный источник по истории вавилонской культуры, быта и экономики [4, с. 28 и сл.]. В школах изучали также Законы Хаммурапи [135, с. 98; 210, с. 164].

Обучение продолжалось много лет, и, поступив в школу ре-

бенком, ученик покидал ее уже молодым человеком. Однако из Месопотамии мы не имеем прямых сведений о возрасте учеников. Если судить по аналогиям, в Египте Нового царства в школу поступали с 5 лет, и начальное обучение там длилось 4 года [30, с. 39 и сл.]²¹. В древней Греции, Риме и в раннеисламское время дети начинали учебу в возрасте от 5 до 7 лет и начальное образование продолжалось от 3 до 7 лет (см. [229, с. 9 и 369; примеч. 17—19, где приведена литература; особенно см. 137, с. 21, 142 и 152]). Ветцольдт полагает, что в Шумере родители сами решали, в каком возрасте отдавать детей в школу, и этот возраст колебался от 5 до 7 лет, а начальное образование занимало не менее 4 лет [229, с. 9]. В отношении нововавилонского времени мы располагаем только указанием в книге Даниила, что обучение «письму и языку халдеев» длилось 3 года. По-видимому, здесь имеется в виду начальное образование (см. [229, с. 9]). По мнению Ветцольдта, последующее образование в Шумере из-за исключительной сложности письма продолжалось до зрелого возраста, а для некоторых профессий и больше [229, с. 10]. Но это маловероятно, и большинство учащихся скорее всего оканчивало школу в 20—25 лет²². При этом некоторые дети, окончившие школу, не могли учиться дальше по экономическим причинам или по решению родителей [229, с. 108].

Учащиеся жили дома, и школ типа интернатов не существовало. Ученик посещал школу ежедневно от восхода солнца до заката. Утром, прибыв в школу, ученик изучал табличку, которую он приготовил в предыдущий день. После этого «старший брат» (младший учитель) готовил новую табличку, которую затем ученик копировал и изучал. Потом «старший брат» и «отец школы» (директор) просматривали копию ученика.

Не только в шумерских, но и в старовавилонских школах обучение велось на шумерском языке [73, с. 18]. Уже в старовавилонское время шумерский был мертвым языком и изучался в школе. Об этом имеются следующие свидетельства текстов: «Твой язык не приспособлен к шумерскому языку»; «Он (ученик) тяжел для шумерского языка, он не может двигать языком правильно» [210, с. 161 и сл.; там же приведены и ссылки на тексты]. Шёберг считает, что ученики, возможно, начинали образование на аккадском языке, но в старших классах продолжали его на шумерском. Но И. М. Дьяконов отвергает такое мнение, считая, что, во всяком случае, до Самсуилины (вторая половина XVIII в.) все преподавание, кроме математики, велось только по-шумерски. Из Ура сохранилась первая пропись для ученика, составленная по-шумерски (указано И. М. Дьяконовым).

По-видимому, уже в это время, как и во все остальные периоды истории Месопотамии, обучение было основано на бесконечных повторениях. Учитель разъяснял ученикам тексты и

отдельные формулы, устно комментируя их. Записанная табличка много раз повторялась, пока ученик не запомнил ее наизусть²³. По мнению Ландсбергера, в ранние периоды истории Месопотамии преобладала живая традиция и поэтому не было надобности в библиотеках [132, с. 126].

В текстах I тысячелетия встречаются выражения *tuppi N ana aḥāzišu... ištur* [BAK 91, 94 etc.] — «табличка N (собственное имя), которую он написал, чтобы изучить...»; *[i]l-tu-ru ana šu-hu-uz LU tup-šar-ru-ú-tam* [Grayson, с. 102; BM 34716:9] — «они написали (табличку) для обучения писцовому искусству». В колофонах астрологических *omina* (гадательные таблички) и других текстах есть выражение *maš'alāti ša ri imṭāni* [BAK 333:26 и др.] — «опрос в соответствии с устами учителя», т. е. ответ учителя на заданный ему вопрос, комментарий учителя [CAD, M/1, с. 355].

Ландсбергер полагает, что в месопотамских школах понятие диктанта появилось довольно поздно, когда были засвидетельствованы выражения *liginna qabū*, *liginna šaṭāru* «диктовать» и «писать диктант» [135, с. 94 и сл.]. Экзамены не упоминаются²⁴. Но экзаменационный текст A указывает на частный опрос ученика, который носил характер экзамена. Возможно, гарантией хорошего образования служило имя самого учителя [229, с. 14].

В школе царя суровая палочная дисциплина, и отношения между учителем и детьми отнюдь не походили на отношения между отцом и сыном. По свидетельству текстов, учеников били на каждом шагу²⁵: за опоздания на урок, за разговоры во время занятий, за вставание без разрешения, за плохой почерк и т. д. Вряд ли ученики испытывали любовь к школе, ибо постоянная порка и бессмысленная зубрежка не могли побудить интереса к науке. Аккадский текст MDP XXVIII, с. 83 из Элама содержит интересные сведения о порке детей в школе. Высокопоставленный эламский чиновник, которому во время правления царя Индатту II (около 1900 г.) была подчинена школа (*edubba*), получил жалобу (вероятно, от родителей учеников) о том, что некий Турукузу, директор школы, бьет учеников. Чиновник распорядился не бить учеников [95, с. 72; 96, с. 292]. Однако это пока единственный известный случай, запрещающий палочную систему в школе. Судя по вавилонским текстам II тысячелетия, между учениками обычным явлением были драки [73, с. 34 и сл.].

В шумерском произведении «О непутевом сыне» отец упрекает своего сына в нежелании следовать профессии родителя и увещевает его заниматься прилежно, не слоняться по улицам, брать пример с достойных учеников²⁶. В другом шумерском произведении рассказывается о том, что по просьбе сына, считавшегося плохим учеником и поэтому часто подвергавшегося физическим наказаниям, отец пригласил учителя в гости, желая

его задобрить. Учителя посадили на почетный стул, угостили ужином и одарили ценным подарком, после чего он начал восхвалять мальчика как способного и прилежного ученика. В упоминавшемся экзаменационном тексте А бывший ученик обвиняет учителя в том, что тот его ничему не обучил, хотя он посещал школу с детства до зрелого возраста. На это учитель отвечает: «Ты уже зрелый мужчина и (уже) близок к старости. (Однако), подобно старому ослу, тебя невозможно обучить чему-либо. Время твое прошло, как у иссохшего зерна... Но еще не поздно: если ты будешь учиться все время, днем и ночью, послушно и без надменности, если ты будешь слушаться товарищей и учителей, то ты еще можешь стать писцом» [135, с. 100; Sjöberg, ZA 64, с. 137 и сл.]. В одном тексте из Киша содержится похвала писцовому искусству и призыв к ученику не проявлять небрежности в учебе, ибо профессия писца обогатит его [Sjöberg, JCS XXIV, с. 126 и сл.]. Судя по клинописным текстам, писцы гордились своей профессией, однако в отличие от египетской литературы²⁷ в этих текстах нет даже намеков на то, что писцы пользовались какими-либо преимуществами в социальном отношении [165, с. 44, примеч. 1]. Но писцовое образование было необходимо для последующего продвижения по службе.

Как полагают, учитель получал жалованье из суммы взносов, собранных с родителей учащихся в качестве платы за обучение²⁸. Н. Шнейдер, исследовав несколько тысяч хозяйственных и административных документов, написанных около 2000 г. приблизительно 500 писцами, показал, что отцы последних были наместниками, начальниками городов, жрецами, писцами и другими состоятельными людьми [206, с. 86 и сл.]. Безусловно, что такое же положение сохранялось и в старовавилонское время. Очевидно, по меньшей мере преобладающее число учащихся шумерских и старовавилонских школ происходило из привилегированных и обеспеченных семей, а бедные не могли позволить себе продолжительное платное образование. По мнению Ветцольдта, хотя хорошее образование было доступно почти исключительно выходцам из высших и средних слоев населения, тем не менее не существовало замкнутой кастовой системы отбора в школу. По свидетельству приводимых им текстов, иногда образование получали сыновья бедных людей и даже рабы. Например, документы говорят о выдаче ученикам-писцам хлеба по распоряжению наместников городов. Далее известны по меньшей мере три писца, которые вышли из среды ремесленников. Кроме того, мать одного писца была пленной, и, вероятно, он сам также принадлежал к рабскому сословию, ибо о его освобождении от такого статуса ничего не говорится. Ветцольдт полагает, что это может свидетельствовать о получении образования одаренным ребенком-рабом. Наконец, в упомянутом выше сборнике юридической лексики под названием

«Ана ittišu» приводятся примеры, когда подкинутый ребенок, который «не знал своего отца и матери» и был подобран на улице или спасен из пасти собаки, мог быть отдан усыновителем в школу²⁹. Как отмечает Ветцольдт, неясно, каким образом в период III династии Ура бедные писцы со скромным жалованьем около 60 л ячменя в месяц могли платить за обучение своих сыновей; скорее всего они сами учили их [229, с. 14, 23, 53 и сл., 71, 118 и 432, примеч. 20; там же даны и ссылки на тексты].

Лишь небольшая часть писцов, окончивших школу, могли или предпочитали заниматься преподавательской и научной работой. Большинство же после завершения обучения становились писцами при дворе царей, в храмах и гораздо реже, вероятно, в хозяйствах богатых людей. Очевидно, были также писцы, нигде не служившие и зарабатывавшие своими профессиональными знаниями.

Рассмотрев свидетельства текстов, относящихся к 2164—2003 гг., Ветцольдт пришел к следующим выводам. В Шумере писцы были заняты во всех сферах общественной жизни и экономики. Для этого времени засвидетельствовано около 40 обозначений функций лиц с писцовым образованием, которые можно объединить в шесть групп.

1. В области государственного управления лица с писцовым образованием занимали должности чиновников высокого ранга — энси и суккала, наместников городов, судей и т. д. и храмового — жрецы некоторых категорий.

2. В сфере полеводства и садоводства писцы могли стать надзирателями и надсмотрщиками.

3. В области скотоводства писцы функционировали как надзиратели.

4. В области ремесла — в качестве надсмотрщиков.

5. В сфере транспорта писцы были главным образом корабельщиками.

6. В счетоводном деле писцы становились сборщиками податей и т. д. [229, с. 90 и сл.].

Например, в Лагаше из 419 писцов в земледелии было занято 76, в скотоводстве — 36, а в храмовом и государственном управлении — 48 [229, с. 20]. Упоминаются царские (*dub-sar-lugal*) и дворцовые писцы (*dub-sar-é-gala*), писцы при начальниках городов, тамкарах, кожевниках и т. д. [229, с. 72]. Засвидетельствовано много случаев, когда писцы занимали две и даже больше должностей одновременно (счетовод, управляющий и т. д.) [229, с. 104]. Ландсбергер считает, что около 70% писцов служило в административном аппарате, 20% — у частных лиц и 10% — врачами, жрецами и т. д. [135, с. 119]³⁰. Писцовое образование открывало доступ к различным постам, в том числе и к самым высоким. Но возможности служебного продвижения зависели не только от способностей и прилежа-

ния самих писцов, но и от экономического и социального положения их родителей, от тенденций к превращению различных должностей в наследственные [229, с. 110]. По мнению Ландсбергера, за исключением периода III династии Ура, когда писец мог претендовать на высшие административные посты, он обычно выполнял обязанности секретаря [135, с. 99]. Вряд ли в обязанности писца входило и выполнение жреческих функций. В Месопотамии шумерского и старовавилонского времени жрецы в основном были неграмотны, и лишь в новоассирийский период некоторые категории их (например, предсказатели) превратились во влиятельных ученых [135, с. 97]. Попутно упомянем очень интересное письмо новоассирийского времени, адресованное «писцами города Кальзу» царю. Эти люди должны были вести наблюдения за луной с целью составления предсказаний для царя, однако из-за необходимости выполнить возложенные на них государственные повинности они не смогли заниматься своими профессиональными делами, и «ученики не учились писцовому делу» [ABL 346, см. 169, т. I, с. 58, № 85].

Исходя из отмеченного выше разнообразия писцовых функций, Ветцольдт полагает, что в новошумерских хозяйственных текстах словом «dub-sar» обозначался человек особого образования, который служил либо в качестве секретаря частного лица, либо как государственный или храмовой чиновник [229, с. 2]. По мнению А. Фалькенштейна, в шумерское время слово «dub-sar» было не обозначением профессии, а почетным титулом, который нередко носили и правители [67, с. 128]. А. Гётце склонен был считать, что dub-sar не «писец» в буквальном смысле, а скорее вообще «образованный человек» [79, с. 23, примеч. 123]³¹. Такого же мнения придерживается и И. М. Дьяконов, который, в частности, ссылается на то, что часть тамкару (купцы) в Уре II тысячелетия на своих печатях называли себя писцами [5, с. 62, примеч. 110].

Относительно продолжительности службы писцов мы пока располагаем лишь исследованием просопографических данных новошумерского времени (2164—2003). Судя по ним, большинство писцов занимались своей профессиональной работой по 20 лет и более. По мнению Ветцольдта, если писцы начинали служить в возрасте от 18 до 40 лет, то они обычно умирали между 50—75 годами [229, с. 373, примеч. 80]. Однако, как известно, один писец проработал 57 лет [229, с. 372, примеч. 78]. Нам представляется более правдоподобным, что писцы, как правило, начинали свою карьеру после 18 лет и умирали после 50.

Из шумерских текстов около 2000 г. известна лишь одна единственная женщина, которая была писцом. Засвидетельствовано также несколько случаев, когда в Сиппаре при обители жриц в старовавилонское время женщина (не жрица) была писцом [191, с. 141; Schorr XXVII, 3; HG IV, 1706; 210, с. 177;

литературу см. 38, с. 84 и примеч. 2—3]. В одном новоассирийском тексте упоминается «шесть арамейских писцов-женщин»: LU.A.BA ar-ta-a-te [ADD 324:11, rev. 1]. В оракуле времени Ашшурбанапала говорится о тексте, который мог быть написан женщиной [148, т. II, с. 329]. В ряде случаев сохранилась переписка между мужьями и женами, и нельзя сказать с полной уверенностью, кто в действительности писал такие письма. Например, Лычковска, издавшая переписку Ламасси с ее мужем Пушукеном, известным канишским жрецом, считает, что она была неграмотна и пользовалась услугами писца [144, с. 89]. Но значит, что был некто мужского пола, посвященный во все деловые секреты купеческого дома и тем не менее ни разу не упомянутый в самой переписке. По мнению И. М. Дьяконова, это маловероятно, скорее всего Ламасси и другие купеческие жены были грамотны (устное сообщение; см. также целый том женской переписки из Мари [ARM X]). Наконец, отметим попутно, что в царстве богов были богини-писцы (например, Нисабба).

Безусловно, в Месопотамии во все периоды в школах обучались лишь мальчики [73, с. 24]³². Единичные случаи, когда женщины получали образование, можно объяснить тем, что они учились дома у своих отцов-писцов.

По мнению Ландсбергера, в древней Месопотамии только в период III династии Ура и в старовавилонское время существовали школы, затем образование попало в руки отдельных семей, передававших писцовые знания в течение столетий от отца к сыну. После старовавилонского времени, когда писцовые центры переместились из Ниппура в Вавилон, большая часть шумерской литературы была предана забвению [135, с. 97; 132, с. 126]. Шёберг также считает, что edubba в качестве образовательного учреждения исчезла к концу старовавилонского периода и после этого появляются писцовые семьи, часть которых специализировалась на сочинении или редактировании литературных текстов (ср. [128, с. 59 и сл.]). По его мнению, даже находки в писцовых кварталах Ниппура, относящиеся к ассирийскому, нововавилонскому и ахеменидскому периодам, не доказывают существования школ в это время. Он полагает, что после старовавилонского времени edubba упоминается лишь в двух текстах. В одном из них рассказывается о боге Набу в связи с edubba (bīt ṭuppi) [KAR 122:10], но это, по предположению Шёберга, не свидетельствует о наличии в то время edubba как действительно еще существовавшего учреждения. Второй текст — ритуальное сочинение с упоминанием глины из bīt ṭuppi [Sjöberg, ZA 65, с. 200:4] — Шёберг считает копией со старовавилонского текста [210, с. 160].

Однако необходимо отметить, что школы упоминаются и в нововавилонских текстах, хотя сведения этих текстов о них чрезвычайно скудны и носят случайный характер. Кроме того,

часть текстов представляет лишь фрагменты, и поэтому толкование их может быть спорным. В плохо сохранившемся и малопонятном письме из Ура некий Ниназу-убаллит пишет своему адресату (имя его отбито): «Смотри, из-за тебя я счастлив (?) в школе» [UET IV, 180:5]. Далее он просит прислать какие-то сосуды. По мнению Эбелинга, в этом письме молодой преподаватель храмовой школы сообщает своему предшественнику о вступлении в должность [NB, с. 171].

В документе Nbd 883 (см. ниже транслитерацию и перевод) фиксируется доставка сезама, собранного в качестве арендной платы с храмовых полей, в школу храма Эбаббарра в Сиппаре. Примечательно, что в тексте говорится о пяти различных школах, после каждой из которых следуют собственные имена («школа такого-то»). По свидетельству Mold 106 (553 г.), в школу храма Эбаббарра необходимо было доставить 44 (?) кур ячменя. В Samb 42 констатируется сдача в аренду поля, принадлежавшего тому же храму, сроком на 10 лет. Арендатор должен был разбить на этом поле финиковую рощу и вносить арендную плату финиками. Далее в разрушенном контексте упоминается школа E.DUB=bit ṭuppi. Возможно, часть фиников надо было доставлять в храмовую школу (ср. у Пейзера [KB IV, с. 260], где, однако, интересующее нас место оставлено без перевода). Наконец, в трех контрактах из Ура, датированных царствованием Камбиза и Дария I и фиксирующих продажу полей и финиковых рощ, принадлежавших частным лицам, отмечается, что соответствующие документы написал «писец школы» — LU.SID/DUB.SAR ša E/KA.IM.DUB/E ṭur-pi [UET IV, 12:39, 13:37, 19:rev. 25].

В слоях нововавилонского времени в одном из помещений храма Эанна в Уруке были найдены так называемые школьные упражнения. Это глиняные таблички, на одной стороне которых учитель писал образец текста, а на другой стороне ученик воспроизводил его. На некоторых табличках сохранились части силлабария с надписью «собственность школы мальчиков». На нескольких кирпичах нацарапаны обозначения маленьких квадратиков (60 квадратиков в 6 рядов, по 10 в каждом ряду). Это счеты, на которых обучали арифметике [UET IX, с. 17].

При раскопках в Ниппуре также были найдены школьные тексты нововавилонского времени [32, с. 8, 13 и сл.].

По свидетельству Mold 21 (Вавилон, 546 г.), усыновитель воспитал своего малолетнего племянника и дал ему писцовое образование. Усыновитель был писцом, и трудно сказать, отдал ли он приемного сына в школу или сам учил его.

Из синхронных свидетельств о школах в соседних с Вавилонией странах определенный интерес представляет указание эламских документов рубежа VI—V вв. из Персеполя о том, что «персидские мальчики, (которые) копируют тексты», получали

с царских складов рационы зерном и вином. В одной группе было 16 учеников, в другой — 13 [PF 871 и I137]. Трудно сказать, какому письму, арамейскому или клинописному, они учились.

Во время раскопок в Ниппуре, Сиппаре, Уре и Уруке в слоях II тысячелетия были найдены остатки зданий, которые считаются школьными помещениями. Они по плану не отличаются от окружающих домов [67, с. 127 и сл.; см. также AJ XI, 1911, с. 365 и табл. 47]. По мнению Крамера, это предположение ошибочно, поскольку единственным основанием для отождествления этих зданий со школами послужил тот факт, что в них обнаружили много табличек [114, с. 236]. Однако школьные помещения вряд ли строились по особым планам и отличались от обычных домов. Скорее всего школы располагались в домах, принадлежавших директорам этих школ (ср. [73, с. 25 и сл.]). Относительно Ниппура высказывалось мнение, что говорить о частных школах в этом городе оснований нет, так как там школьные таблички сосредоточены в четырех домах, три из которых расположены рядом друг с другом [146, с. 148 и сл.]. Однако нельзя исключать, что три школы были расположены рядом, в писцовом квартале (ср. [210, с. 176]), или составляли единую школу в трех помещениях (такое мнение высказал И. М. Дьяконов).

При раскопках в Мари в 1934 г. были найдены две комнаты, датируемые рубежом XVIII—XVII вв.; их можно более или менее уверенно считать школьными помещениями. В них, в частности, сохранилось несколько рядов скамей из обожженного кирпича, на которых могли сидеть один-два или четыре человека [114, с. 236].

Р. Гиршман раскопал в Сузах здание школы первой половины II тысячелетия. В одном углу стоял чан, в котором месили глину для изготовления табличек. Там же находился и глиняный кувшин, в него бросали как мусор исписанные учениками таблички. Сохранившиеся таблички представляют самые начальные этапы обучения, когда ученики проводили лишь линии. По мнению Гиршмана, эта школа (если только ее отождествление верно) была частной, а не храмовой [78, с. 4].

Все найденные при раскопках школьные помещения были рассчитаны на небольшое число детей [229, с. 12]. О численности учеников в школах в одном шумерском тексте конца III тысячелетия отмечается, что в школе Гирсу (квартал Лагаша) было 12 детей, которые уже завершили начальное образование. Как полагает Ветцольдт, в этой школе учеников было в 3—4 раза больше, но каждый год туда принимали около 12 учеников [229, с. 12]. Судя по величине двора, где предположительно велись занятия в одной урской школе, там могло поместиться 20—30 учеников (указано И. М. Дьяконовым). Отметим попутно, что классов не было, старшие и младшие учились вместе.

СТ XXII, 1 (ср. транслитерацию и перевод Эбелинга [NB, с. 1 и сл.]). «Приказ царя Шадуну. Я пребываю в благополучии, (и) пусть радуется твое сердце!

Когда ты увидишь (это) мое письмо, возьми Шуму, сына Шум-укина, его (т. е. Шумы) брата Бел-этира, Аплу, сына Аркат-илани, и ученых Борсиппы³³, которых ты знаешь, (и) посмотри таблички, сколько имеется в их домах, и таблички, сколько находится в (храме) Эзида, а также таблички с амулетами для царя, рек, для (месяца) нисанну, для (месяца) таш-риту...³⁴ вместе с лишними (т. е. дубликатными) табличками, сколько там имеется...³⁵ и редкие таблички... которых в Ассирии нет. Ищи (их) и присылай. Я также написал управителю (храма) Эзида и градоначальнику, чтобы они складывали (таблички) у тебя. Пусть никто не посмеет скрыть таблички, и если увидишь какие-либо таблички, о которых я не написал, но (которые) хороши для дворца, то возьмите их с собою и пришлите (сюда)»³⁶.

ГС II, 167. «[...] мин воска (и) $\frac{2}{3}$ мины (в) сиклях (пасты) *калу*³⁷ для заполнения деревянных дощечек (даны) в распоряжение плотника Набу-баи. 28-й день месяца аддару 19-го года»³⁸.

ГС, 170 (ср. транслитерацию и перевод [195, с. 67]). « $2\frac{1}{3}$ мины (в) сиклях воска (и) 14 сиклей (пасты) *калу* для заполнения деревянных табличек (даны) [в распоряжение] Набу-аххе-шуллима, сына [...] — ушезиба. 16-й день месяца улулу 23-го года Навуходоносора³⁹, царя Вавилона».

ЕКВК 32 (ср. транслитерацию и перевод [57, с. 262 и сл.]): «Письмо Нура к Иддин-Белу, моему брату. Благополучие (тебе)! Пусть (боги) Бел и Набу изрекут благополучие господину моему.

(Это письмо относительно) кожаного свитка, который был в моих руках (и затем) возвращен в царский архив, (а именно свитка) о приданом Атирту, дочери Набу-шум-ибни, жены Набу-уцуршу, который мы искали в царском архиве (и) о котором нам сказали, что он направлен 16 кйслиму 164 г.⁴⁰ в архив царя вавилонян. Пусть (боги) Бел и Набу положат (свиток) в сердце моего господина⁴¹, чтобы прислать (мне) оттуда копию».

TCL XII, 122 (ср. транслитерацию и перевод [NBAD, с. 118 и сл.]). «Бел-римани, сын Лабаши-Мардука, потомка Ашганду, сказал судьям царя Вавилона, следующее: „В 8-м году Набонида, царя Вавилона, Набу-шум-укин, сын Ибны, потомка жреца (богини) Нана, предъявил (иск) на $2\frac{1}{3}$ мины серебра Арад-Гуле, сыну Набу-ле'у, потомку рыбака, и показал расписку (о долге) за ним и его женой Дамкой. Он (кредитор) захватил в качестве залога (рабыню) Ана-ташмету-аткал (и)

ее детей — (дочерей) Амтию, Нана-ана-битишу и (сына) Забаба-иддина, [их (т. е. должников) дом и их имущество в городе] и в степи и обязал их (должников) поручиться друг за друга в уплате. (Но) Арад-Гула денег не уплатил. Он и его жена умерли, и затем Набу-шум-укин привел меня (и заставил стоять) перед вами (судьями), и вы видели документы; он предъявил мне (иск) на 2 $\frac{1}{3}$ мины серебра, за исключением (той суммы) денег, которую он (Арад-Гула) раньше уплатил ему. Вы потребовали с меня (удовлетворения иска)... Я уплатил Набу-шум-укину его деньги, а он отдал мне долговую расписку и дубликат документа. Затем я привел к вам Нергал-убаллиту, наследника Арад-Гулы, и Риминни-Иштар, сестру Дамки, жены Арад-Гулы, и вы видели мои документы. А Нергал-убаллит и Риминни-Иштар [сказали] вам следующее: наследниками Арада Гулы мы не будем [...], и пусть он возьмет рабов Арад-Гулы, его заложенный дом⁴². И они отказались от документа на [...] мин 50 сиклей серебра (по) прежним и последующим (долговым требованиям)... Согласно документу этому, Ана-ташмету-аткал и ее дети — [Амтия, Нана-ана-битишу], и Забаба-иддин [...] — принадлежат мне...

При (вынесении этого) судебного решения... (далее следует длинный список свидетелей, которые присутствовали на заседании суда).

Вавилон, 21-й день (месяца) тебету [...] года Набонида, царя Вавилона»⁴².

Nbd 883. «Сезам — арендная плата, собственность (бога) Шамаша, относительно которой именем (бога) Бела [...] сказал [...]. 2-й день месяца улулу 15-го года Набонида⁴³, царя Вавилона.

1 сут 1 ка — (бог) Шамаш в [...], 2 пан 2 сут — школа Икупу, 7 пан 4 сут — школа Линух-либби-или, 2 пан 1 сут — школа Балату [...], 1 пан 3 сут — школа [...], 2 пан 1 сут — школа [...], всего 2 кур⁴⁴, включая [...], имущество (бога) Шамаша в распоряжении Бунене-ибни, сына Набу-набуру».

VS VI, 154 (ср. перевод [NRV, № 680]). «Иддин-Набу, сын За[баба-иддина, потомка Арад-Нергала], поклялся (богами) Белом, Набу и (царем) Дарием Шеллиби, сыну Иддин-Набу, потомка кузнеца: „Воистину до 2-го дня (месяца) ташириту я приду и принесу долговые расписки и покажу Шеллиби“.

Если он не покажет, то он должен уплатить Шеллиби деньги в соответствии со своими долговыми расписками.

Свидетели (имена трех человек), писец (имя).

Вавилон, 27-й день (месяца) улулу 28-го года Дария⁴⁵, царя Вавилона и стран».

VS VI, 66 (ср. перевод [NRV, № 663]). «(Относительно) таблички, принадлежащей Бел-ле'у, сыну Шум-иддина, потомка Син-или, о воде, поступающей из канала Баниту и которую он (Бел-ле'у) купил за деньги у Белшуну, сына Кудурру, потом-

ка Ирани, а (затем) Мушезиб-Мардук, сын Мардук-нацира, потомка Эпеш-или, взял табличку эту, чтобы рассмотреть, и был в своем доме.

Нергал-ина-эше-этир, сын Мардук-шапик-зера, потомка Эпеш-или, вернул табличку эту и отдал Син-или и его братьям, сыновьям Набу-апли-иддина, потомка Син-или. Син-или и его братья будут пользоваться правом отвода воды для своего сада.

[Если] принадлежащие Бел-ле'у, сыну Шум-иддина, потомка Син-или, табличка или дубликат документа относительно отвода воды, поступающей из канала Баниту и которую он купил за деньги у Белшуну, сына Кудурру, потомка Ирани, обнаружатся в доме Нергал-ина-эше-этира, сына Мардук-шапик-зера, потомка Эа-эпеш-или, либо в другом месте, он (документ или его дубликат) должен принадлежать Син-или и его братьям.

Деревья и финиковые пальмы, которые стоят по краям водостока, принадлежат Нергал-ина-эше-этиру. Син-или и его братья не могут лишить воды Нергал-ина-эше-этира. Из водостока канала Баниту, принадлежащего Нергал-ина-эше-этиру, сыну Мардук-шапик-зери, потомка Эпеш-или, Нергал-ина-эше-этир должен отдавать воду на поле Син-или и его братьев.

Свидетели (имена четырех человек) и писец (имя).

Вавилон, 9-й день (месяца) аддару 2-го года Набонида⁴⁶, царя Вавилона».

ПИСЦЫ-ПЕРЕВОДЧИКИ

Переводчики имели большое значение среди храмовой и государственной администрации, особенно в нововавилонское и ахеменидское время, когда в аппарате управления и на строительных работах, а также в ремесленных мастерских и в войске использовались чиновники, ремесленники и воины из многих чужеземных стран.

Шульги, царь III династии Ура (XXI в.), утверждает, что в его дворце никто не понимал иностранных языков, кроме него самого, который мог говорить по-эламски и по-аморейски [Castellino, с. 256:122—124; 210, с. 167, примеч. 32].

Как показал Гельб, начиная еще с древнейших времен драгомены использовались в Месопотамии для международных связей и внутри страны. В частности, около 2300 г. в одном шумерском тексте упоминается «мелуххский драгоман»¹. В другом шумерском тексте говорится о «кутийском драгомане»². В некоторых документах зафиксирована выдача драгоманам муки, пива, сушеной рыбы и одежды.

В текстах ни разу не упоминаются переводчики с шумерского языка на аккадский. Гельб это объясняет тем, что когда шумерский был господствующим языком в Месопотамии, то в школах параллельно изучали и аккадский. Когда шумерский вымер как живой язык, он стал священным языком науки и литературы и в школах его продолжали изучать [77, с. 104].

В вавилонском тексте, датированном временем около 1600 г., речь идет о «драгоманах ханигальбатских (т. е. митаннийских) воинов/работников». В письмах вавилонских царей к египетским фараонам, сохранившихся в Телль-Амарне (около 1400 г.), речь идет о египетских драгоманах. В этих текстах, в частности, говорится об отправлении драгоманов из Египта в Вавилон и обратно. Попутно можно отметить, что в египетских текстах сообщается об обучении чужеземцев египетскому языку, а также упоминаются «начальники переводчиков» [9, с. 100]. В ново-ассирийских текстах засвидетельствовано египетское слово «hartibi» — «толкователь снов» (?). В одном документе при перечне ремесленников и лиц других профессий, взятых в плен из Египта, сказано: «всего 3 hartibi» (см. ссылки в [CAD, H,

с. 116]). Очевидно, к этим египтянам были приставлены и переводчики. Как на это обратил внимание ван Дайк, в собраниях клинописных текстов начала II тысячелетия до н. э. [VS XVII; YOS XI и др.] наряду с шумерскими и аккадскими текстами встречаются также субарейско-хурритские и эламские закладные тексты [49].

В новоассирийских текстах драгомены упоминаются только несколько раз в текстах около 700 г. В одном из них говорится о драгомене, имя которого не приводится [ABL 387:rev. 5], а во втором — о «Гики, маннейском³ драгомене» — LU tar-gu-ma-ni ša KUR ma-ni-a-a [ADD 865:8; другие ссылки см. ANw, с. 1329].

Согласно мнению Гельба, из статьи которого взята почти вся приведенная выше информация о переводчиках, в тех случаях, когда известны имена драгоменов, в Месопотамии они местного, а не чужеземного происхождения (за исключением Гики, по-видимому, хурритского имени). Это объясняется тем, что переводчикам доверялись такие поручения, которые небезопасно было давать лицам чужеземного происхождения [77, с. 103].

После новоассирийского времени термин «targumanni» в аккадских текстах больше не засвидетельствован. Еще к середине II тысячелетия аккадский язык и письмо стали международными средствами общения по всему Ближнему Востоку, и поэтому отпала необходимость использования драгоменов для переводов с многочисленных языков [77, с. 103].

В текстах нововавилонского и ахеменидского времени вместо термина «targumanni» появляется «serigu», обозначавший писцов-переводчиков, писавших на коже и папирусе по-арамейски (ср. с. 11). Они были чиновниками государственного и храмового управления или служили у частных лиц.

Особый интерес представляет документ Arnaud. Балату, «писец Эанны», и начальник пивоваров того же храма прибыли из Урука в Вавилон и заявили «судьям Набонида, царя Вавилона», что некий Нуреа, сын Кабтии, владеет рабыней, на руке которой имеется клеймо, свидетельствующее о ее статусе храмовой рабыни. Нуреа, которого представители Эанны привели с собой, сказал судьям, что много лет назад, еще в период царствования Амель-Мардука, он купил эту рабыню, затем она бежала и нарисовала на своей руке звездочку, символ богини Иштар. По словам рабыни, еще до того, как Нуреа купил ее, она была посвящена прежним хозяином в храм. Выслушав всех заинтересованных лиц, судьи велели привести *сениру* для прочтения надписи на руке рабыни. Он подтвердил, что «старая надпись давнего времени (šá-ta-ri la-bi-ri šá u-tu gi-qu-tu) на ее руке (на имя богини) Нанайя написана, а другая надпись, (сделанная) под прежней надписью, (на имя) Иштар Урукской написана». Тогда судья спросил Нуреа, почему он купил рабыню, посвященную в храм, и, не получив ответа, передали ее в Эанну.

Как отмечает издатель рассмотренного текста, дей и даже писцов оказался не в состоянии прочитать надпись на руке рабыни и поэтому был вызван сепиру [с. 156]. Из этого, очевидно, надо сделать вывод, что надпись была сделана на арамейском языке и арамейским письмом.

По свидетельству YOS VII, 159, храмовой пастух заявил, что некий Лабаши без его разрешения увел из стада коров. Судья и писец, занимавшиеся рассмотрением этого дела, послали одного сепиру привести Лабаши в суд. Трудно сказать, выполнял ли в данном случае сепиру функции переводчика, или ему было поручено привести правонарушителя по каким-то другим соображениям.

Сепиру, служившие храмовыми чиновниками, занимались, в частности, выдачей орудий труда и сырья храмовым работникам, а также распределяли среди них зерно и финики в качестве продовольствия. Например, сепиру по имени Шаламмаре (имя не аккадское) в 546 г. получил из храма Эбаббарра для выдачи работникам 40 кур 3 пан 3 сут ячменя [Nbd 458], а в 529 г. — 25 мер ячменя как продовольствие для храмовых пекарей [Camb 80]. Затем в 527 г. он выдал храмовым писцам 2 кур фиников [Camb 225], а в 524 г. — 70 кур фиников [Camb 323] и 16 талантов 15 мин шерсти для работников [CT IV, 88—5—12, 336:4—5; в этом документе он назван «сепиру при попечителе» храма Эбаббарра]. Таким образом, этот писец работал в храме Эбаббарра в Сиппаре по меньшей мере 22 года (ср. далее аналогичные документы [BIN I, 95; Dar 50, 209, 230; Nbd 297, 458; Nbk 413, 478; Pinehes, JTVI, с. 27 и др.]). В обстоятельном тексте времени Набонида BIN II, 133 фиксируется выдача 200 кур ячменя и фиников, собранных в качестве арендной платы с полей, пастухам, кузнецам, медникам, ткачам и т. д. Распределял эти продукты сепиру.

В ряде текстов упоминаются «сепиру по продовольствию», которые выдавали финики для храмовых трапез, а также для рационов [CT LI, 50; Cug 50; Dar 314; ср. Stigers 51]. Сепиру Нидинту-Бел, отец которого был писцом-переводчиком, получил с определенных лиц, связанных с храмом деловыми интересами, ячмень для культовых мест бога Шамаша [VS III, 107; Борсиппа, 512 г.]. В присутствии одного сепиру было выдано 2 мины серебра [Nbd 245:9]. Сепиру выполняли также функции счетоводов [GC II, 170].

В Dar 451 содержится сообщение одного сепиру о каком-то распоряжении Дария I относительно взимания арендной платы в храме Эбаббарра (ср. ниже перевод). В другом случае сепиру вместе с чиновниками и писцами на глине пишет (имя адресата отбито) о сборе арендной платы с полей храма Эбаббарра [Dar 344]. Сепиру контролировал также сбор арендной платы с храмовых полей [YOS III, 132, VII, 131]. Иногда сепиру и сами арендовали храмовые поля [BIN II, 133; CT XLIV, 79].

По свидетельству VS VI, 128 (Борсиппа, 510 г.), писцу-сепиру по имени Набу-иттанну были подчинены выходцы из какого-то племени яхудану. В письме YOS III, 32 храмовой чиновник сообщает управителю Эанны о том, что он виделся с несколькими сепиру, получил у них корм для скота, говорил с ними по поводу пропавшей овцы и собирается отправиться с ними в город Ларса. Три писца на глине и сепиру по имени Нидинту⁴, работавшие в храме Эбabbарра, записали какое-то распоряжение Уштана, сатрапа Вавилонии и Заречья [BRM I, 101; ср. с. 89].

В документе YOS VII, 151 отмечается, что судья Римут, писец на глине Ле'у-Мардук, сын Эпеш-или, и сепиру Бау-эреш велели одному рыбаку доставлять в храм Эанна в Уруке рыбу из водоемов, которые находились в его распоряжении. В другом тексте храмовой чиновник сообщает своим начальникам в Эанне следующее: «Что же касается муки, о которой писали владыки (т. е. адресаты), мы — я, писцы на глине Набу-карабишме, Шамаш-аххе-иддин и сепиру Балату — послали отсюда 199 кур муки» [YOS III, 126]. В одном письме храмового чиновника просят сообщить, если в его распоряжении не имеется достаточного числа писцов на глине и сепиру [YOS III, 17, ср. с. 93]. В 530 г. в Уруке храмовой раб Гимиллу, игравший значительную роль в управлении Эанны, поймал беглого храмового раба и противозаконно передал его внаем частному лицу за 5 сиклей серебра в год. Одновременно Гимиллу велел служившему при нем сепиру отправить письмо старосте одного поселения с сообщением, что беглец будет работать у этого старосты, и поэтому последний должен платить Гимиллу 5 сиклей серебра в год. Но вскоре храмовые власти об этом узнали, и дело было передано на рассмотрение суда. На заседании суда староста предъявил полученное им «послание от сепиру при Гимиллу» [YOS VII, 102].

Среди сепиру были и храмовые рабы. Иногда они занимались арендой храмовых полей. Например, некий Манну-ки-аби, «сепиру, раб бога Мардука», был откупщиком арендной платы с полей, расположенных близ Вавилона, и сдал эти поля на год в субаренду за 2,5 мины серебра третьему лицу вместе с храмовыми рабами, которые сидели на этих полях [CT XLIV, 77; ср. там же документ 76, где говорится о другом «сепиру, рабе бога Мардука», также занимавшемся откупом арендной платы]. В урукских документах селевкидского времени неоднократно упоминаются «сепиру — имущество (бога) Ану». Иногда они выступают свидетелями различных контрактов. Например, среди свидетелей одной сделки упомянут Ану-апла-иттанну, сын Нидинту-Иштар, потомка Ану-апла-иттанну [TCL XIII, 245:25], который в другом тексте [TCL XIII, 239:25] назван просто сепиру. Заманчиво было бы перевести соответствующее выражение «сепиру, (ведающий) имуществом (бога) Ану», но грамма-

тика не допускает подобного толкования (LU *si-pir* SA.GA DLX).

Сами сепиру, как и другие чиновники, получали от храма довольствие и денежную плату. В частности, одному из них было выдано 20 сиклей серебра [VS VI, 223]; другому — 1 кур полбы [TCL XIII, 232], а третьему — мука и пиво [VS XX, 49]. Сепиру по имени Икиша, который заведовал храмовым складом муки, получил 4 сикля серебра, а его брат Нидинту-Бел, занимавший такую же должность, — 5 сиклей [Mich 89:47—48]. Далее в том же документе констатируется выдача одному сепиру 3 кур 1 пан 24 ка муки, а другому — 3 сиклей серебра (см. также [BRM I, 81; Lutz II, 94]. Особый интерес представляет документ YOS VI, 32, в котором зафиксирован расход ячменя в храме Эанна во 2-м году царствования Набонида. В частности, в нем речь идет о выдаче продовольствия ткачам, строителям, ювелирам и т. д., а также «сепиру (по имени) Ина-эше-этир 4 кур за месяцы аддару, нисанну, аяру и арахсамну», т. е. за четыре месяца подряд.

Обратимся теперь к функциям царских сепиру. В ряде текстов из Урука, составленных в годы правления Камбиза, выступает Амурру-шарру-уцур, сын Талима, «сепиру царя, который назначен в (храм) Эанна» [YOS VII, 164 и др.; иногда он упоминается и просто по имени, без титула]. Этот писец-переводчик, являвшийся одним из царских надзирателей в Эанне, вместе с рядом других поименно названных лиц (в том числе градоначальником Урука и царским контролером храма города) входил в число «правомочных и полноправных» людей LU *qi-pa-nu* и LU *mār-bani* [YOS VII, 198:9], которые следили за храмовым имуществом. Они рассмотрели дело о недостатке храмового скота и птицы — «документ об остатках (долга мелким и крупным скотом, а также птицей)» — *ṭur-pi šá ri-ha-nu* [YOS VII, 198:12].

Один арендатор храмовых полей поклялся богами и царем Камбизом перед писцом Арад-Мардуком и Амурру-шарру-уцуром, сыном Талима, доставить в храм Эанна 36 кур фиников, остаток еще не уплаченной арендной платы [YOS VII, 194]. Далее, Амурру-шарру-уцур выступает свидетелем при передаче в собственность Эанны двух малолетних рабов несостоятельного должника [YOS VII, 164], при составлении протокола относительно противозаконного увода коровы из храмового стада [YOS VII, 159], документа о поручительстве за одно лицо, к которому храм Эанна имел определенные имущественные претензии [YOS VII, 118], а также текста, где зафиксировано обязательство храма Эанна доставить 200 овец для царского стола [Pohl I, 67], и т. д. (см. также [Pohl I, 76; YOS VII, 109]).

Одновременно с ним в Эанне работал и другой царский сепиру, по имени Шалим-или, сын Аби-Даяна. В частности, в его присутствии составлен протокол об укусе собакой храмовой ра-

быни [YOS VII, 107; см. также судебный протокол относительно храмового раба YOS VII, 114, где Шалим-или упомянут как свидетель].

При Камбизе царские сепиру были введены в состав храмового правления Эанны для контроля над счетным делом [190, с. 25 и 27; 120, с. 136 и сл.].

Государственная администрация посылала для ревизии храмового имущества царских сепиру, и во время своей работы они получали от храма довольствие или деньги [196, с. 290, примеч. 4]. В одном письме сообщается, что «сепиру царя прибыл для измерения полей» [YOS III, 132:6—7].

В документе от 11-го года царствования Набонида отмечается выдача 2 сиклей серебра для «Кидина, сепиру царя, который для измерения полей прибыл» [YOS VI, 242:22—23]. Pohl I, 61 свидетельствует о ревизии храмового скота царскими сепиру и писцами на глине. Через царского сепиру были уплачены деньги землепашцам храма Эанна [Nbd 250]. Судя по плохо сохранившемуся документу, составленному в Дилбате при Дарии I, Нана-зер-ибни, «сепиру — царский гонец», заявил, что определенные поля принадлежат царю. Но расследование показало, что эти поля были собственностью частных лиц и поэтому подлежали передаче им. Сам документ с этим решением составлен в присутствии многих лиц, в том числе нескольких судей, одного перса, а также Мушезиб-Мардука, «сепиру полей». К табличке приложена и печать Нана-зер-ибни, «сепиру — царского гонца» [VS VI, 171].

Документ с долговым обязательством под залог движимого имущества был рассмотрен, в частности, в присутствии нескольких судей и одного сепиру [BE VIII, 107]. По свидетельству документа из Вавилона (513 г.), некий Иддина-Набу должен был уплатить дворцу подать со своих доходов, которые он получал от храма. Расчет был произведен через сепиру, который, очевидно, состоял на царской службе [VS V, 79]. В другом документе из Вавилона фиксируется выдача фиников в 496 г. в качестве продовольствия для «гарда (государственные работники), магов (иранское слово) и „детей дворца“... которые находятся в ведении Бел-этира, сепиру, сына Набу-аххе-буллиты» [VS III, 138/139:2—4]. Апла, «царский чиновник, сепиру дворцовых начальников», по поручению наместника Вавилона получил с представителя дома Эгиби 316 кур фиников [BRM I, 81; перевод см. ниже]. Согласно документу времени Дария I из Вавилона, «царский контролер — сепиру» дал в ссуду некоему лицу 9 сиклей серебра [Dag 544]. Один царский сепиру выступает в качестве арендатора храмового поля [YOS VI, 242]. Другой царский сепиру купил себе дом, уплатив более 5 мин серебра [Nbd 44].

В V в. в Ниппуре и его окрестностях сепиру были объединены в особые артели во главе со старшинами. Они сидели на

государственной земле и коллективно платили царские подати [UM 3, 34]. Иногда они под залог полей брали у дома Мурашу ссуду финиками [BE X, 33; UM 31, 185], а также сдавали последнему в аренду свои поля — (še)zōrāti(meš) šá LU si-pi-ri (meš) [BE IX, 68, 88; UM 11]. Например, поля близ Ниппура, принадлежавшие «артели войска» (ha-aṭ-ri ú-qu) и находившиеся в ведении у одного «старшины над сепиру», были сданы дому Мурашу [Kt 181=BE X, 7]. Арендная плата была вручена самому старшине, и его печать приложена к документу. По свидетельству другого текста, наделы лука определенных лиц близ Ниппура находились «в управлении Лабаши, старшины сепиру дома начальника людей(?)». Он получил из рук представителя дома Мурашу деньги, пиво, баранов и зерно для уплаты царской подати, поскольку поля были сданы в аренду этому дому. К документу приложена и печать этого сепиру [UM 196]. Забин, «старшина сепиру войска», получил с дома Мурашу для уплаты в казну царскую подать с полей, находившихся в аренде у этого дома [BE X, 102; ср. BE X, 118, где упоминается это же лицо]. Дом Мурашу нанял для несения военной повинности вместо себя одного западного семита и снабдил его конем, вооружением и снаряжением. По условиям контракта этот воин должен был вместе с уже упомянутым Забином, «старшиной над сепиру войска», составить документ относительно выполнения повинности и передать его представителю дома Мурашу [Lutz UCP, IX, № 3].

Очевидно, эти сепиру служили переводчиками для многочисленных царских работников и воинских контингентов чужеземного происхождения, размещенных в Ниппуре и его окрестностях.

Естественно, персидская администрация в Вавилонии (а также царский двор, который часть года проводил в Вавилоне), как и в других странах, широко пользовалась услугами переводчиков в общении с местным населением, но сведения клинописных источников о таких переводчиках крайне скудны⁸. Как известно, из административной столицы Ахеменидов в Сузах по всему государству рассылались официальные документы на арамейском языке. Писцы, знавшие два или несколько языков, получив эти документы, переводили их на родной язык наместников областей, которые не владели арамейским языком [203, с. 199 и сл.].

В вавилонских текстах упоминаются также сепиру царевичей. Согласно документу времени Навуходоносора II, Зубудуру, «член (коллегии) писцов-переводчиков царевича Мардук-шум-уцура», по поручению своего хозяина уплатил десятину храму Эбаббарра [Nbk 372]. По-видимому, этот же сепиру упоминается и во фрагментарном Nbk 381:7. Набу-кин-ах, «сепиру царевича Бел-шар-уцура», сына и соправителя Набонида (библейский Валтасар), арендовал на три года дом в Вавилоне у из-

вестного дельца Набу-аххе-иддина, главы дома Эгиби, за 1,5 мины серебра [Nbd 184]. Согласно другому документу, Набу-кин-ах, который на этот раз назван «сепиру — раб (LU si-pi-ru LU qal-la) царевича Бел-шар-уцура», по поручению последнего уплатил храмовую десятину деньгами [Nbd 270]. Далее, «писцы-переводчики царевича Бел-шар-уцура» и управляющий его домом должны были получить с определенного лица 20 мин серебра — цену шерсти, принадлежавшей этому царевичу [Nbd 581]. «Писец-переводчик царевича» упоминается и в списке высокопоставленных чиновников при вавилонском дворе VII в. [Unger, № 26:IV, 15]. Один из «сепиру царевича Камбиза» отдал в ссуду $1\frac{2}{3}$ мины серебра своего хозяина под залог дома в Вавилоне [Cug 177]. Другой писец-переводчик Камбиза упомянут в качестве свидетеля какой-то сделки, при этом он назван «сепиру дома царевича» [Cug 199:10]. Третий сепиру Камбиза, судя по плохо сохранившемуся тексту, получил ячмень из храма Эбаббарра [Cug 364]. Согласно документу времени Нергал-шар-уцура, два человека обязались привести к определенному сроку двух лиц к «воротам дома царевича», чтобы они рассчитались с сепиру по имени Кина относительно «шкур дубленых и шкур крашенных» (nikassu ša šal-la-a-nu ù du-še-e) «в соответствии с пергаменным документом» (a-ki-i ni-i'-a-ri ša...) ⁶ [Ner 55:6—7, 12]. Эти шкуры, очевидно, были предназначены в качестве писчего материала. Наконец, согласно BE X, 5, сепиру царевича получил плату за сданное в аренду поле «телохранителей дома царевича».

В текстах упоминаются также сепиру наместников и других высокопоставленных чиновников (ср. гл. I, § 1). Например, «Абулумур, сепиру наместника Египта (?)», передал в храм Эбаббарра одного человека, по-видимому, в качестве раба [Camb 344]. По свидетельству документа первой четверти V в., сепиру сопровождали восемь высокопоставленных персидских вельмож, направленных из царской резиденции в Сузах в Борсиппу для выполнения каких-то важных поручений. В тексте зафиксирована выдача всем этим лицам денег, баранов, вина, овощей, рыбы, пива и т. д. на общую сумму $29\frac{2}{3}$ мины. В частности, сепиру по имени Либлут получил 1 мину серебра, Мардукá, сепиру наместника Вавилонии Уштана, — $\frac{1}{2}$ мины, Белиттанну, сепиру перса Артапата, — 10 сиклей [Ungnad, № 24].

Один сепиру сатрапа Вавилонии и Заречья, Губару, был послан вместе с писцом на глине и гонцами того же наместника для ревизии скота, принадлежавшего храму Эанна [Pohl I, 61]. В документе из архива Мурашу об уплате арендной платы в качестве свидетеля выступает Бел-аб-уцур, «сепиру наместника страны Аккад Губару» [UM 72], и к табличке приложена его печать. В BE X, 101:25 тот же человек является свидетелем, но теперь он назван «сепиру, который (находится) в распоряжении Губару» (LU si-pi-ri ša ina pān...). В BE X, 128 и UM 133

среди свидетелей назван Дамия, «сепиру Губару», который также приложил к документу свой «железный перетень». В UM 70 в качестве свидетеля упомянут еще один сепиру того же сатрапа, а именно Бел-иттану.

По свидетельству текста начала правления Набопаласара, Шаррани, сепиру какого-то высокого военного начальника (*gabtingu*), обратился за ссудой [ССК, с. 94]. В UM 197 упоминается «сепиру (чиновника) абагакку» (точное значение слова для этого периода неизвестно; ср. PBS XIV, 966, где сохранился оттиск печати «Шамаш-ах-иддина, сепиру дома абагакку»).

Со склада храма Эбаббарра в Сиппаре было выдано 200 кур фиников в качестве «дара царя» двум поименно упомянутым лицам, которые названы «сепиру Набу-аххе-рибы, надзирателя над арабами» [Nbd 297; перевод см. ниже].

Сепиру, назначенные к царским работникам (гарда), иногда сдавали выделенные для них наделы в аренду дому Мурашу [BE X, 95].

Наконец, немало сепиру служило и у частных лиц. Особенно часто в текстах упоминаются писцы-переводчики дома Мурашу, которые выполняли функции агентов, сдавая и беря в аренду поля, получая и внося за своих хозяев арендную плату, уплачивая царские подати, отдавая овец внаем и производя различные выплаты [BE X, 128; Kt 190, 191; UM 133, 135, 136, 142; ср. UM 137, где сразу четыре сепиру дома Мурашу передают заложенное поле в обмен на другое]. Бел-иддин, сепиру персидского чиновника Артабара, вместе с рабом последнего по распоряжению своего хозяина получили с дома Мурашу $6\frac{2}{3}$ кур семян. К расписке приложена и печать этого сепиру [BE X, 60]. Сепиру одного лица получил царскую подать с дома Мурашу, арендовавшего поле у его хозяина, чтобы уплатить ее в казну [UM 95]. Сепиру частных лиц занимались также денежными расчетами последних [Ars 10; Nbd 55] или присутствовали при выдаче материала и орудий труда [Nbd 478].

В текстах из Ниппура часто упоминается некий Нана-иддин, сын Бел-аб-уцура, который в UM 122, составленном в 418 г., назван «сепиру (человека по имени) Мушаллим-Бел». В этом документе он выступает свидетелем при уплате арендной платы с наделов лука военных колонистов — выходцев из области Харайва (на территории современного Афганистана). В других текстах, которые датируются 417 г., Нана-иддин носит титул «надсмотрщик над колесничими» (а не сепиру), и к табличкам приложен оттиск его «железного перстня» [BE X, 124, 128; UM 132 и др.].

В некоторых документах сепиру выступают контрагентами. Один из них продал поле [Dag 394; ср. BE IX, 48:7, согласно которому Рушунпати, сепиру перса Артарема, владел полем близ Ниппура рядом с полями персидских вельмож; он сам, судя по имени, также был иранцем]. Другой сепиру арендовал в

Вавилоне дом за 1,5 мины серебра на три года [Nbd 184]. Сепиру совместно с писцом на глине купил чеснок [Dag 336; возможно, что они в данном случае действовали по чужому поручению]. В TCL XIII, 218, в котором содержится список адресов определенных лиц, отмечается, что некий Итти-Набу-балату живет «в доме сепиру (по имени) Бел-нацир». Согласно Суг 199, сепиру совместно с другими лицами поручился за свидетельство одного человека. Нередко сепиру выступают свидетелями при заключении различных сделок [BE X, 101, 128; BRM I, 98; TCL XIII, 239; UM 51, 72, 122, 128, 193, 224 и др.; см. также упоминания о сепиру во фрагментарных текстах CT LI, 69; rev. 5; Nbk 217:3]. Иногда сепиру имели у себя на службе других лиц [Pohl I, 21:30].

Таким образом, сепиру выполняли обязанности переводчиков, писцов на коже, счетоводов, казначеев, надзирателей, сборщиков арендной платы и т. д. в храмах, государственной администрации, хозяйствах членов царской семьи и у богатых частных лиц. Иногда они были сыновьями писцов-переводчиков, и в таких случаях их должность можно было передавать по наследству. В большинстве случаев сепиру были свободными людьми и в отличие от рабов и представителей различных групп неполноправного населения могли стать владельцами храмовой пребанды. Но в редких случаях среди сепиру (в частности, сепиру царевичей) были и рабы. Небольшая часть храмовых сепиру также состояла из рабов. В документах административного характера сепиру обычно упоминаются совместно с писцами на глине, и их функции были идентичными или сходными.

Большинство сепиру носят аккадские имена и отчества, а некоторые — арамейские, в одном случае и иранское. По мнению Кюммеля, поскольку родовые имена сепиру никогда не приводятся, трудно установить связь этих лиц с другими семьями из Урука [120, с. 136]. На наш взгляд, сепиру в массе своей были арамейского происхождения, хотя уже их предки были ассимилированы местным населением. Что касается родовых имен некоренного населения Вавилонии, они в текстах вообще не приводятся.

Тексты

Nbd 297. «200 кур фиников со склада — дар царя для Мушезиб-Набу и Шамаш-убаллита — писцов-переводчиков Набу-аххе-рибы, (начальника) над арабами, даны. Долговая расписка на ячмень, что за Набу-аххе-рибой, погашена (?).

(Документ составлен) в присутствии (далее следуют имена четырех человек).

7-й день (месяца) абу 8-го года⁷ Набонида, царя Вавилона».

Nbd 458. «12 кур ячменя из рук Эпеш-или, (начальника)

над десятиной, 5 кур из ячменя из Элама (?), 20 кур со [...], 4 кур из [...], 2 кур — продовольствие, 8 кур 2 (пан) 3 сут [...] фиников и 1 пан для Шаламмаре; всего 40 кур 3 (пан) 3 сут ячменя Шаламмаре, писцу-переводчику, (для) 16 работников (храмового) попечителя даны.

17-й день (месяца) кислиму 10-го года⁸»

Rohl I, 61 (ср. транслитерацию и перевод [196, с. 295 и сл.]). «Талим, сын Шулы, Силим-или, сын Нана-[эреша], Набу-аххе-буллит, сын Шамаш-зер-икиши, Гимиллу, сын Хаххару, и Набу-дур-пания, раб (богини) Иштар Урукской, старший пастух мелкого и крупного рогатого скота, имущества (богинь) Иштар Урукской и Нанайи, поклялись (богами) Белом и Набу и Ки-ром, царем Вавилона, царем стран, Набу-мукин-апли, управителю (храма) Эанна, сыну Надина, потомка Дабиби, Набу-ах-иддину, царскому контролеру, полномочному распорядителю Эанны, Син-надин-зери, писцу на глине, и сепиру Иддин-Белу, гонцам Губару, наместника Вавилонии и Зарецья, которые для ревизии мелкого и крупного рогатого скота посланы: „Воистину ничего мы не утаим из крупного рогатого скота Белет Урукской, который находится в нашем распоряжении“.

В (тот) день, (когда) свидетель или осведомитель докажет относительно их (т. е. старших пастухов, что они утаили скот), они подвергнутся наказанию царя.

Свидетели (имена трех человек), писец (имя). Урук, 23-й день (месяца) ду'узу 8-го года Кира⁹, царя Вавилона, царя стран».

Дар 451. «В 21-й день (месяца) тебету, 17-го года¹⁰ Дария сепиру Набу-зер-ибни сказал перед своими коллегами в Сиппаре следующее: „Царь Дарий отдал приказ, что касается [...] Булты, начальника над арендной платой [...], расписки его и долговые документы его пусть будут (?)... и садовники, жрец сиппарский [...] взяли, храму пусть отдадут [...]“».

BRM I, 81. «Стоимость 316 кур фиников Апла, царский контролер, сепиру чиновников Нового дворца, получил из рук Шир-ку, сына Иддины, потомка Эгиби, по желанию Гузану, градо-начальника Вавилона.

Свидетели (имена пяти человек), писец (имя).

4-й день (месяца) арахсамну 26-го года Дария¹¹, царя Вавилона, царя стран».

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПИСЦЫ

Ниже будут рассмотрены тексты, содержащие сведения о писцах на глине, которые носили титул «дворцовые» и «царские писцы», а также о писцах, работавших при областеначальниках и других чиновниках. Эти писцы занимали ведущее место в аппарате управления, а некоторые из них имели доступ к очень влиятельным постам. Из общего числа 3060 нововавилонских писцов поименно упомянуты как находившиеся на государственной службе всего 11 писцов (см. ниже список I). Однако царские писцы часто отмечаются по их титулу без указания собственных имен.

В письме YOS III, 132 сообщается об указаниях, данных дворцовым писцом относительно арендной платы ячменем с полей, принадлежавших храму Эанна. Эти указания были даны храмовому чиновнику и одному сепиру. В Dag 198 фиксируется поступление арендной платы ячменем от земледельцев храма Эаббарра в Сиппаре, живших в определенном поселении. В начале документа отмечается, что дворцовый писец (имя его, как и в предыдущем тексте, не приведено) ревизовал правильность установления арендной платы — «собственности (бога) Шамаша». В YOS VI, 245 говорится о выдаче продовольствия царским писцам, которые прибыли в храм Эанна для измерения посевного зерна (перевод см. ниже). В письме, адресованном около 542 г. чиновникам храма Эаббарра, сообщается о том, что работники, находившиеся в подчинении у попечителя этого святилища, подверглись ревизии, которую предпринял дворцовый писец по имени Даян-шарру-уцур [СТ XXII, 242]. YOS III, 109 — письмо относительно жалобы некоего Набу-белшуну. Сама жалоба в тексте не приведена, лишь сказано, что отправитель письма (известный писец Эанны Шума, см. гл. VI), говорил о ней с дворцовым писцом (имя не указано), а тот сообщит градоначальнику, и таким образом это дело будет доведено до конца.

В TCL IX, 93 говорится, что адресату посланы сосуд с маслом и «превосходный» баран. Далее автор письма просит адресата не проявлять небрежности и оказать ему ответную услугу, а именно отправиться лично к дворцовому писцу (имя его не

приведено) и попытаться точно установить, какие жалобы поступили на отправителя письма, и сообщить ему об этом.

В письме к управителю Эанны [TCL IX, 107] говорится о дворцовом писце, который будет требовать возвращения всего имущества, отнятого у некоего Набу-шум-укина его братом, и освобождения его жены из тюрьмы. По мнению автора письма, одного из храмовых писцов, эти требования дворцового писца надо удовлетворить, так как Набу-шум-укин, по-видимому, не был виновен.

TCL IX, 98 — это письмо к управителю Эанны с сообщением о том, что дворцовые писцы задерживают храмовых чиновников, требуя выдачи им 500 кур ячменя, принадлежавшего некоему Хатину. Храмовые чиновники на это ответили: пусть Хатин выложит перед нами свой долговой документ, и тогда в обмен на последний он получит ячмень. Но писцы с этим не согласились, считая, что храмовые чиновники, получив документ, не отдадут Хатину ячмень. Писцы сказали также, что управитель храма и три поименно названных лица (как видно из других текстов, все они были писцами храма Эанна) должны доставить царю 500 кур ячменя. Но существо дела из письма недостаточно ясно. Возможно, Хатин был посредником в каких-то торговых или других операциях между царем и храмом Эанна.

Во фрагментарном документе VS VI, 276, содержащем перечень каких-то должностей, отмечается, что некий Итти-Мардук-балату «является присутствующим по поручению дворцового писца», т. е. был вместо него при составлении данного документа.

Ряд связанных между собой по содержанию документов проливает свет на отношения между одним должником и его кредиторами в период царствования Амель-Мардука. Некий Набу-апла-иддин получил ссуду в 35 сиклей серебра, заложив свой дом в Вавилоне. Ссуда не была погашена в срок и постепенно обросла процентами. Кроме того, Набу-апла-иддин просрочил долг еще одному кредитору и в конце концов вынужден был продать заложенный дом. Покупателем выступает будущий царь Нергал-шар-уцур. Он обязался погасить всю сумму долга первого кредитора, а сын последнего (отец к этому времени уже умер), в свою очередь, согласился «поговорить с царскими писцами, чтобы те составили документ с печатью об оплате»¹. Нергал-шар-уцур также обязался погасить часть ссуды (в пределах суммы долга) и наследникам второго кредитора, которого тоже уже не было в живых. Старший сын этого кредитора изъявил согласие отправиться к царским писцам для составления документа, удостоверяющего погашение ссуды, и затем передачи его покупателю дома [EvM 16, 19, 22; Sack 7; ср. BRL III, с. 25 и сл.; Sack, с. 53].

В EvM 23 (Вавилон, 560 г.) фиксируется приобретение заложенной финиковой рощи кредитором. Продавец получил от

последнего разницу между суммой есуды и ценой рощи. По словам документа, он деньги «получил (и) ему уплачено перед писцами, которых царь назначил... в город... Он должен составить документ с печатью и передать N (покупателю)» (ср. [Sack, с. 76]). Очевидно, эти царские писцы выполняли нотариальные функции² (ср., однако, у Сан-Николо [200, с. 286]). В BRM I, 41:12 встречается титул «писец города Вавилона» в качестве родового имени.

Контракт о продаже поля был заверен печатью царского писца по имени Цилла [Nbd 964; Вавилон, 540 г.]. В другом аналогичном контракте, заключенном в Борсиппе в 539 г., отмечается, что продавец недвижимости «должен заверить табличку перед царским писцом» (без указания имени) и затем передать ее покупателю [BE VIII, 43:38].

По свидетельству документа из храма Эбаббарра [Nbd 402], царский писец через своего гонца получил 14 железных кубков общим весом на 41 мину (перевод см. ниже). Очевидно, эти кубки были изготовлены храмовыми ремесленниками и предназначались для нужд царского двора.

В списке придворных чиновников при вавилонском царе в VII (?) в. упоминается и «писец дворцового гарема» [Unger, № 26:IV:6].

В ряде документов царские писцы выступают контрагентами. Большой интерес представляет следующий документ о продаже зернового поля и финиковой рощи за 1 мину серебра. В тексте указываются границы продаваемых участков, которые, в частности, были рядом с царскими владениями. Продажу осуществил владелец этих участков Набу-ушабши, сын Мардук-шакин-шума, потомка волопаса. После обычных условий, характерных для контрактов об отчуждении недвижимого имущества, приведены имена четырех свидетелей, которые присутствовали при скреплении документа печатью. Затем следуют имя писца, составившего купчую (Набу-апла-иддин, сын Набу-рибы, потомка ткача), место и дата составления документа (Борсиппа, 552 г.). После этого отмечается, что «Набу-ушабши, сын Мардук-шакин-шума, потомка волопаса, писец царя, депонирует табличку (в архив)» — LU.DUB.SAR ša LUGAL IM:DUB ú-še-eš-še-eb [BE VIII, 44:34]. Таким образом, этот царский писец был владельцем проданной недвижимости и он же передал документ в архив. В конце документа (стк. 35—36) содержится приписка, из которой явствует, что вырученные за продажу поля и сада деньги пойдут «на уплату для имущества (бога) Набу».

Очевидно, на проданное поле претендовал храм, так как владелец этого поля был храмовым должником, и именно этим обстоятельством объясняется необходимость депонирования документа в архив, если мы правильно понимаем текст (ср. [200, с. 285]). За семь лет до этого, в 559 г., этот же Набу-

ушабиши, сын Мардук-шакин-шума, потомка волопаса, продал какую-то постройку за 10 сиклей серебра [BE VIII, 35].

Один дворцовый писец получил с двух арендаторов своего поля 700 кур ячменя [BIN II, 109; перевод см. ниже]. Обязательство погашения долга — остатка цены за купленное поле — зафиксировано перед свидетелями, среди которых назван и дворцовый писец Бел-на'ид [Dag 393].

Естественно, государственный аппарат, разветвленный по всей обширной территории Нововавилонской державы (а впоследствии и Ахеменидской), не мог функционировать без большого числа писцов. Среди них были не только храмовые и царские писцы, но также писцы, находившиеся при областеначальниках, наместниках городов и т. д. Известно, что в ахеменидское время сатрапская канцелярия точно копировала царскую канцелярию в Сузах. Под начальством сатрапа находилось множество чиновников и писцов, в том числе начальник канцелярий (*bēl tēmi* — «владыка приказа»), следивший за выполнением официальных распоряжений.

Как отмечается в VS VI, 128 (Борсиппа, 510 г.), писец Набу-уцуршу, сын Набу-аххе-шуллима, «написал (текст на) дощечке для градоначальника». В одном тексте упоминается «писец гавани» [TCL XIII, 218:14]. Судя по Kt 178, составленному в Ниппуре в ахеменидский период, писец Шуллум, сын Энлиль-кацира, совместно с одним чиновником получил с какого-то лица, очевидно, для передачи в государственную казну 5 сиклей серебра — сумму налога или повинности за год. В тексте расписки этот писец назван *LU dēkū* (фонетическое написание) — объявляющий сбор податей или созыв на выполнение повинности, а в конце текста он упомянут как писец.

Кроме того, при каждом царе был «главный писец», который, в частности, писал и литературные произведения. Например, текст Восьмого похода Саргона II (около 714 г.), полный художественного описания территорий, по которым проходило ассирийское войско, составил Набу-шаллиму, «главный писец... ученый (при) Саргоне, царе Ассирии» — *LU-DUB.SAR šar-ri-i rabū-ú... LU um-ma-an* [TCL III: 428]. Правда, «главные писцы», связанные с дворцом, упоминаются только в новоассирийских текстах. Но они, возможно, были и при халдейских царях, архивы которых пока неизвестны.

Такие писцы-ученые были советниками царя и высокопоставленными чиновниками (ср. [180, с. 1 и сл.]). Если судить по литературным произведениям, особенно большой славой пользовался знаменитый арамейский мудрец Ахикар, главный писец и советник ассирийских царей Синаххериба и Асархаддона. Повесть о нем еще в древности была распространена среди арамейцев, и одна из ее редакций найдена среди арамейских папирусов ахеменидского времени на Элефантине. В этой повести он назван «искусным писцом и ученым» (*spr ḥkum wmhut*). Ахи-

кар обращается к ассирийскому царю Асархаддону: «Я служил царю Синаххерибу, отцу твоему... я стал стар (и) не могу работать у ворот дворца и служить тебе. Вот мой сын по имени Надин стал взрослым. Позволь ему занять мое место писца и советника царя Ассирии и позволь ему быть твоим печатником» [АР, с. 212: I, 14—II, 17—21].

В древности и средние века повесть об Ахикаре была переведена на многие восточные (сирийский, арабский, армянский), греческий, славянские и другие языки, и поговорки его пользовались большой популярностью.

Ученые долго искали в клинописных текстах свидетельств об Ахикаре (литературу см. [180, с. 4 и сл.]), пока во время раскопок в Уруке в 1959—1960 гг. не была найдена копия древней таблички, относящаяся к селевкидскому времени (точнее, к 165 г.), с перечнем «ученых», служивших вавилонским и ассирийским царям. В этом перечне, в частности, упоминается и Ахикар. В тексте «ученые» названы поименно после их царственных владык. Сам перечень начинается с семи царей и их мудрецов (arkallu) еще допотопного периода. Затем приводятся списки послепотопного времени (начиная с Гильгамеша) с указанием имен царей и «ученых» при них. Относительно же Ахикара сказано следующее: «Во времена царя Ашшур-ах-идина (т. е. Асархаддона) (был) ученый Аба-Энлиль-дари, которого ахلامейцы (т. е. арамеи) называют Ахикаром» — um-man-nu [šá LU/ah-la-mi-mu-ú i-qab-bu-ú (m)a-hu-u'-qa-a-ri [UVB XVIII, с. 45, I: 20; полностью текст см. Bagh. Mitt, № 88—89; ср. 128, с. 59 и сл.; об арамейской традиции относительно Ахикара и ее ассирийских источниках см. 83, с. 49 и сл., примеч. 37].

Хотя круг «ученых» при дворе Синаххериба, Асархаддона и Ашшурбанапала довольно хорошо известен, среди этих лиц ни разу не упоминается Аба-Энлиль-дари. Исходя из этого, И. С. Ключков высказывает мнение, что Ахикар не служил при дворе ассирийских правителей и скорее всего не имел близкого прототипа среди реальных персонажей ассирийской истории [8, с. 7 и сл.]. Но такое предположение маловероятно и находится в противоречии с хорошо документированной исторической традицией. Кроме того, такое имя, как Аба-Эллиль-дари, в ново-ассирийский период было еще редким и поэтому вряд ли могло быть использовано для обобщенного литературного образа.

Особо высокопоставленные дворцовые чиновники при вавилонских и ассирийских царях в I тысячелетии назывались «главными учеными» — gab umtāni [165, с. 41].

Письма придворных ученых ассирийскому царю дают обильную информацию об их деятельности. Это письма царских советников в области «науки» (umtāni): писцов (tuṣṣarru), предсказателей по внутренностям животных (bārū), заклинателей (āšīru), врачей (asū) и жрецов-плакальщиков (kalū) (тексты, в том числе и ранее не публиковавшиеся, собраны, переведены

и исследованы С. Парполой, см. [169, т. I—II]). Возникает вопрос: почему ученые обращались к царю письменно, хотя жили при его дворе? Дело в том, что царь их принимал редко. Секретарь царя читал ему «утреннюю почту», после чего последний решал, кого именно из корреспондентов принять лично [169, т. II, с. 21].

Имена некоторых ученых известны и из других источников. Например, в одном кудурру говорится об Эсагил-кини-уббиб, ученом или секретаре при Навуходоносоре I (его имя встречается и в упомянутом выше перечне царских советников из Урука). Позднее он служил и при Адад-апла-иддине, и, таким образом, его деятельность продолжалась не менее 35 лет (см. [28, с. 29, примеч. 132]). Мы располагаем также значительной информацией о Набу-зукун-кене, сочинителе астрономических текстов из города Кальху, который жил между 716—683 гг. Он работал не менее 33 лет при Саргоне II и Синаххерибе. Его сын Адад-шум-уцур был начальником канцелярии («главным писцом» — LU.GAL.DUB.SAR) при Синаххерибе, Асархаддоне и Ашшурбанапале [240, с. 9; 99, с. 99 и сл.; там же даны и ссылки на тексты].

Именно такие ученые собирали и редактировали литературные произведения (эпос, гимны и т. д.) и составляли царские надписи. Они же занимались толкованием предзнаменований, предсказаниями будущего для царя, страны и частных лиц на основании специальных книг, которые находились в употреблении в течение многих поколений [165, с. 41]. Этим же ученым принадлежат многочисленные тексты с химическими рецептами, омина, лексикографические тексты и т. д.

Оппенгейм обратил внимание на следующие тексты, свидетельствующие о роли писцов при царском дворе. В новоассирийском письме ABL 1250:17—22 говорится: «Кто бы ты ни был, писец, который будешь читать (это письмо), не скрой ничего от царя... Говори хорошо (обо мне) перед царем... чтобы (боги) Бел и Набу могли говорить хорошо о тебе царю». Как отмечает Оппенгейм, здесь мы видим обращение к профессиональной чести влиятельного писца, который при желании мог опустить целые части из письма, адресованного царю [164, с. 256]. В ABL 688:15—17 некий Балассу пишет царю Асархаддону: «Писец, который прочитал табличку, не понял (ее)». Таким образом, отправитель письма жалуется царю на неспособность его писца правильно прочитать текст. Из заключительной части эпоса об Эрре видно, что писец мог направиться из одного царского двора в другой в поисках признания и славы [EE, с. 128, примеч. 53; 164, с. 256; 165, с. 45, примеч. 15; см. также 250].

В определенной степени положение советника при ахеменидских царях в V в. Эзры, по-видимому, было похоже на положение секретарей вавилонских и ассирийских правителей. Он был

высокопоставленным персидским чиновником в ахеменидской столице Сузах, писцом (*sāp̄rta*) и ученым, советником царя относительно дел, касавшихся Иудейской провинции (ср. [202, с. 46 и сл.]).

«Царские писцы» Ахеменидов упоминаются и в Книге Эсфирь (VIII, 9), согласно которой они писали письма с царскими распоряжениями к сатрапам и областеначальникам, в каждую страну на языке соответствующего народа и его письмом.

Некоторые сведения о писцах ахеменидского государственного аппарата дают и персепольские тексты на эламском языке, составленные на рубеже VI—V вв. В них, в частности, упоминаются «вавилонские писцы, (пишущие) на шкурах» [PF 1807, 1810, 1828]. Вероятно, они писали по-арамейски (ср. у Халлока [PF, с. 4]).

Геродот (VII, 100) рассказывает, что во время похода Ксеркса против Греции царские писцы записывали численность воинов в каждом отряде и их племенное происхождение, а затем в ходе битв и имена особо отличившихся.

Тексты

BIN II, 109 (ср. транслитерацию и перевод [Sack, с. 78]). «(Относительно) долгового документа на 700 <кур> ячменя с земли в местности Харрубати, принадлежащего дворцовому писцу Шамаш-шар-уцуру, (долга) за Шум-укином, сыном Белзера, потомка Басии, и Циллой, сыном Мардук-шаррани. Из них 580 кур ячменя — цена 5 мин серебра — даны дворцовому писцу Шамаш-шар-уцуру...

Свидетели (имена трех человек), писец (имя).

Местность Харрубати, 20-й день (месяца) ташриту года вступления (на престол) Амель-Мардука³, царя Вавилона».

YOS VI, 245. «(Начиная) с 11-го дня (месяца) ду'узу Даян-эреш получил 2 сут⁴ сладкого пива, 4 сут белого (пива) для царских писцов, которые прибыли для измерения посевного зерна (или посевного поля?)⁵.

11-й день (месяца) ду'узу 9-го года Набонида⁶, царя Вавилона».

Nbd 402 (ср. транслитерацию и перевод [NUVI I, № 58]). «41 мина готовых железных изделий, вес 14 кубков, доставлена дворцовому писцу через Набу-бан-аха, гонца дворцового писца.

(Документ составлен) в присутствии Бел-апла-иддина, Мушезиб-Мардука и Шамаш-аххе-рибы.

19-й день (месяца) нисанну 10-го года Набонида⁷, царя Вавилона».

ХРАМОВЫЕ ПИСЦЫ

Обычно в храмовых документах учетного характера имена писцов, составивших эти тексты, не приводятся (подробно см. примеч. 3 к списку I). В документах, где храм выступает контрагентом (долговые расписки, арендные контракты, купля-продажа имущества и т. д.), после свидетелей и перед датой почти всегда указывается имя писца, который написал соответствующий текст. Иногда в документах приводятся имена двух и более (до четырех включительно) писцов. В таких случаях составителем документа, очевидно, был один из этих писцов, а имена остальных упоминаются, поскольку они являлись храмовыми чиновниками [196, с. 293].

О числе храмовых писцов определенное представление дает следующий список.

Список I

Число писцов различных категорий

В текстах I тысячелетия до н. э. по именам упомянуто всего 3060 писцов. Из них 2681 занимался составлением частноправовых контрактов, 11 находилось на царской (государственной) службе. 368 писцов работало в храмах:

Эанна (святилище Иштар в Уруке) — 303¹
 Эбаббарра (храм Шамаша в Сиппаре) — 50
 Эзида (храм Набу в Борсиппе) — 2
 Э-имби-Ану (храм Ураша в Дилбате) — 2
 Экишнугал (храм Сина в Уре) — 1
 Эмеслам (храм Нергала в Куте) — 6
 Эсагила (храм Мардука в Вавилоне) — 4

Примечания. 1) Не все эти писцы упоминаются в документах как составители контрактов, но небольшая часть их выступает в качестве храмовых чиновников. В таких случаях последние включены в список I лишь тогда, когда в текстах они названы писцами.

2) В 433 документах имена писцов разрушены, и эти тексты здесь не принимаются во внимание.

3) В 462 документах (из общего количества около 10816)

имена писцов не указаны (сюда отнесены и тексты, где писцы выступают в качестве контрагентов, чиновников и свидетелей, однако не приводятся имена лиц, составивших данные документы). Среди таких текстов имеется около 700 писем, в которых имена писцов вообще не отмечаются. Большая часть указанных текстов — храмовые учетные документы (выдачи рационов работникам и корма скоту, расписки о доставке шерсти и других материалов на склады, перечни скота и жертвоприношений для богов, документы о сборе арендной платы и т. д.). В редких случаях писцы не отмечены и в документах из частных архивов (особенно в расписках). Иногда отсутствие писцов (и свидетелей) объясняется тем, что сохранившиеся тексты были лишь набросками, черновиками (в ряде случаев мы располагаем как черновиками, так и документами в окончательной редакции).

4) Приведенные выше цифры наглядно свидетельствуют, что наши источники нередко носят характер случайности и лишь из Эанны и Эаббарры мы располагаем более или менее обширными архивами (однако много тысяч текстов этих архивов также пока еще остаются неизданными). Как отмечает Кюммель, ограниченность находящегося в нашем распоряжении материала из Урука VI в. кругом Эанны отчетливо проявляется в том, что имена писцов хозяйственных и юридических документов совсем не совпадают с именами писцов литературных колофонов [120, с. 109].

Храмовые писцы прежде всего выполняли функции учетчиков храмового имущества. В Суг 31 фиксируется распределение ячменя, фиников и эммера на различные цели (жертвы на культ бога Шамаша, корм крупному рогатому скоту, овцам, продовольствие ткачам и т. д.), выдачей которых занимались три поименно названных «писца (храма) Эаббарра» в Сиппаре. В тексте сказано, что распределение произведено «в соответствии с деревянной дощечкой» этих писцов. Один из них, а именно Бел-апла-иддин, через восемь лет упомянут в качестве свидетеля в долговом документе. На этот раз он назван лицом, имевшим право входа во внутренние храмовые покои (*ērib bīti*) [Суг 399:17]. Через год он с тем же титулом выступает среди лиц, перед которыми была совершена сделка о продаже поля [Самб 44]. Имя второго писца сохранилось не полностью, а третий писец, Бел-иддин, известен и из других текстов.

В 528 г. Бел-иддин вместе с писцом по имени Ки-Набу и сиппарским жрецом распорядился обменять определенное количество фиников, принадлежавших храму, на ячмень [Самб 131]. В 510 г. вместе с сиппарским жрецом, писцами Убаллитсу-Гула и Набу-аххе-иддином и одним сепиру он написал храмовому чиновнику письмо относительно арендной платы [Дар 344; перевод см. ниже]. В 500 г. ему и еще одному писцу Эаббарры было сдано 180 храмовых овец [Дар 558]. В документах архива Эаббарры часто упоминается некий Бел-иддин просто по име-

ни, без указания титула. По всей вероятности, это лицо тождественно писцу, о котором говорилось выше. Примечательно, что он в этих текстах выступает вместе с Ки-Набу, Убаллитсу-Тула и т. д., которые в других документах названы писцами. Функции Бел-иддина по этим текстам не отличаются от характерных для храмовых писцов. Например, он принимает сдаваемые в храм шерсть, масло, сезам, асфальт, арендную плату с храмовых полей и овец, пригнанных в качестве налога. Он также выдает продовольствие для храмовых работников, материалы для работы, корм для скота и птицы. Иногда в его присутствии составляются документы о различных храмовых выдачах². В одном случае [Cyr 276] он выдал 1 талант железа кузнецу, чтобы изготовить кандалы для храмовых работников, совершающих побег. Согласно некоторым документам, Бел-иддин (наряду с другими храмовыми чиновниками) получает продовольствие (*kuṣummatu*), а также определенную долю из храмовых доходов (*raprasu, maššartu*), в частности 3 кур пшеницы, 4 кур фиников и т. д., правда, без указания периода, за который полагалось ему это продовольствие [Camb 84, 123; Dar 98]. В письме, отправленном Бел-иддином и еще одним лицом в храм Эбаббарра, сообщается об обмене овец на ячмень [Dar 291]. Если Бел-иддин, упомянутый во всех указанных выше текстах, одно и то же лицо, то он работал в Эбаббарре 49 лет³. Сказанное о Бел-иддине относится и к Ки-Набу, который в Camb 131 назван писцом, а в других текстах выступает без упоминания титула, занимаясь выдачей продовольствия, сбором храмовой десятины, составлением разных писем хозяйственного содержания⁴.

Кроме того, храмовые писцы одни или совместно с сиппарским жрецом и другими чиновниками выдают ячмень для культовых жертв [BRM I, 100], на корм скоту [Cyr 151, 364; Dar 46], зерно и финики в качестве продовольствия работникам [Nbd 1086; GC I, 234; Cyr 74, 184], обменивают для храмовых нужд ячмень на финики [Camb 131], принимают различные продукты, деньги и золото [GC I, 179, II, 291; YOS VI, 115, 203], присутствуют при ревизии храмового скота [Pohl I, 61], производят подсчет храмовых уток [YOS VI, 141], приобретают для храма овец [BIN I, 108], выдают деньги на аренду лодок и другого имущества [Cyr 55; CT XLIV, 81], доставляют деньги и муку из Урука в Вавилон для выдачи храмовым чиновникам, временно пребывавшим там [GC I, 110, 332, 367, 441], защищают экономические интересы храма [Pohl I, 25] и т. д. Останемся более подробно на некоторых текстах.

YOS VII, 7 — весьма пространный протокол судебного заседания относительно храмового имущества, которое похитил раб храма Эанна Гимиллу. Заседание состоялось в Уруке в 538 г. в присутствии множества лиц, в том числе наместника города, управителя Эанны, царского представителя и четырех «пис-

цов Эанны», а именно Надина, Кины, Мурану и Балату. Отметим лишь некоторые пункты обвинительного заключения. Относительно двух пропавших храмовых коров пастух сказал управителю, царскому контролеру и писцам Эанны, что эти коровы спрятаны в доме Гимиллу, и при обыске они действительно были найдены там [I, 35—36]. Гимиллу был послан «правомочными представителями и писцами Эанны» за одним пастухом, который долго не являлся в храм для отчета. Однако Гимиллу не привел этого пастуха в храм, а отпустил его, отняв у него разное имущество [III, 119]. «Правомочные представители и писцы Эанны» дали начальнику лучников верхнюю одежду на время исполнения служебных обязанностей, но затем Гимиллу противозаконно отобрал у него эту одежду для себя [IV, 140].

По свидетельству YOS VII, 31, некий Мардук-дини-ипуш заявил храмовым чиновникам, что упомянутый выше Гимиллу увел из храмового стада двух баранов. Последний, разумеется, отрицал свою вину, и поэтому было решено к определенному сроку рассмотреть дело в царском суде в Вавилоне, куда должны были отправиться истец, ответчик и представители храма, т. е. управитель, царский контролер и «писцы Эанны». В YOS VI, 223 содержится допрос, который эти же чиновники учинили некоему лицу по поводу пропажи золота, принадлежавшего храму. Судя по Lutz II, 24, ответственные представители Эанны, в том числе управитель и один из писцов, назначили храмового раба на должность начальника черпальщиков воды.

Значительное количество документов фиксирует обязательства различных лиц привести к определенному сроку и передать управителю и писцам Эанны людей, к которым этот храм имел претензии (долг, растрата, хищения и т. д.). Если поручители не выполнят взятых на себя обязательств, они должны возместить храму соответствующий материальный ущерб [GC I, 15; YOS VI, 152, 165, 206, 230, 234; Weisberg 3 и др.]. В одном случае поручитель взялся доставить из Урука в Вавилон храмового должника и передать там его Набу-аххе-буллиту, «писцу Эанны» [GC I, 260]. Из остальных аналогичных текстов определенный интерес представляют два следующих. Четыре писца храма Эмеслам (в городе Кута) в присутствии нескольких свидетелей обязались привести управителя этого святилища для допроса относительно какого-то имущества царя (контекст разбит, перевод см. ниже) [Dag 299]. По свидетельству другого документа, один человек должен был доставить в Эанну своего сына, храмового должника, и передать его управителю и «писцам Эанны» [Weisberg 4; Урук, 522 г.].

Согласно YOS VI, 155, управитель и «писцы Эанны» сдали внаем более 2000 храмовых овец. В другом тексте отмечается, что при подсчете овец, принадлежащих Эанне, обнаружилась недостача и поэтому шесть овец — «долг за писцами» [YOS VII, 8:11]. Правление храма Эсагилы арендовало в Вавилоне дом,

а писцы и другие чиновники выдали из храмового имущества арендную плату [VS V, 119; Вавилон, 458 г.; ср. также VS VI, 320, где фиксируется отчуждение имущества Эсагила несколькими писцами]. В YOS VII, 151 судья, писец и сепиру дают указание одному рыбаку доставлять рыбу в храм Эанны (перевод см. ниже).

Нередко писцы сдавали в аренду храмовые поля. Например, Суг 200 — контракт о сдаче в аренду финиковой рощи («собственности бога Шамаша») сиппарским жрецом и писцами храма Эаббарра. При этом размер арендной платы был установлен писцами (перевод см. ниже). Согласно другому документу, сиппарский жрец и два писца Эаббарры сдали в аренду храмовое поле и финиковую рощу [EKBK 21; перевод см. ниже]. В Dag 116 содержится распоряжение писцов о необходимости взыскать остаток арендной платы финиками с одного лица (см. ниже). В Nbk 36 указаны размеры арендной платы зерном и финиками с различных арендаторов. В тексте отмечается, что арендная плата была определена писцами Эаббарры. В Pohl I, 30 приведены имена лиц, занимавшихся определением арендной платы с полей храма Эанны. Трем поименно упомянутым лицам, а также писцам Луци-ана-нури, сыну Набу-аххе-буллита, потомка Дабиби, и Балату, сыну Мушезиб-Бела, правление храма велело измерить поля и установить арендную плату с них. Эти люди поклялись богами и царскими указами в том, что они не проявят небрежности, полностью определяют арендную плату и соответствующее количество зерна поступит в храмовые закрома. Сам документ написан в Уруке в 543 г. «писцами Эанны» Надином, сыном Бел-аххе-икиши, потомка Эгиби, и Киной, сыном Зерии. Таким образом, в этом документе выступают одновременно четыре храмовых писца. Согласно YOS VI, 232, составленном в Уруке в 544 г., измерением полей и установлением арендной платы кроме упомянутых выше в Pohl I, 30 двух писцов занимался еще писец Набу-ах-иддин, потомок Харбацци. Документ составил писец Мурану, сын Набу-бан-аха, потомка Экур-закира. По свидетельству YOS VI, 150, арендатор храмовых полей и скота должен был показать приплод скота царскому представителю в Эанне и писцам.

В BRM I, 101 фиксируется сдача полей храма Эаббарра в аренду в начале царствования Дария I. В нем, в частности, говорится: «В соответствии с документом, который написали писцы Бел-иддин, Набу-аххе-ушаллим, Убаллитсу-Гула, сепиру Нидинту и царский контролер по распоряжению Уштана, наместника Вавилонии и Заречья, Ина-Эсагила-либура, сиппарского жреца (и) попечителя Эаббарры...» (далее текст содержит условия сдачи в аренду храмовых полей).

Согласно Pohl I, 64 (530 г.), три лица были назначены ответственными «за охрану 110 кур ячменя, собственности (богинь) Иштар Урукской и Нанайи». Ячмень, который поступил в каче-

стве арендной платы с храмовых полей, был измерен и сдан на склад царским контролером и писцом Эанны по имени Арад-Мардук⁵. Лица, ответственные за охрану зерна, «не должны передавать никому ячмень, который находится на попечении Набу-мукин-апли, управителя Эанны, Набу-ах-иддина, царского контролера, попечителя Эанны и писцов Эанны».

Pohl I, 63 (написан в 530 г. в Вавилоне, хотя и происходит из архива Эанны в Уруке) отмечает, что один сборщик арендной платы должен был сдать в Эанну 12000 кур фиников. Документ составили Надин, сын Бел-аххе-икиши, потомка Эгиби, и Арад-Мардук, сын Мардук-шум-ибни, потомка Бел-уцура, «писцы Эанны».

Пространный документ Pohl II, 3, написанный во 2-м году царствования Кандалану (646 г.) и содержащий подробный перечень садов, принадлежавших храму Эанны, с указанием, где они расположены и в чьем ведении находятся, в более позднее время «скопировал (досл. „заново написал“) и депонировал в Эанну»⁶ Набу-ушаллим, сын Син-лике-уннинни, «жрец-заклинатель (богини) Иштар Урукской, писец Эанны, жрец (бога) Нуску»⁷. В конце текста содержатся проклятия по адресу тех, кто уничтожит табличку.

В Pohl II, 15 говорится, что за долги (вернее, за недостачу, обнаруженную при ревизии храмового скота) один пастух вынужден был отдать свой дом храму. Документ составлен в присутствии семи лиц, четверо из которых — многократно упоминаемые в текстах «писцы Эанны» Надин, Кина, Мурану и Балату. По свидетельству YOS VII, 159 (Урук, 527 г.), старший пастух крупного рогатого скота храма Эанны заявил перед царским судьей Римутом и писцом Или-Мардуком об уводе неким Лабаши без его разрешения коровы из стада. В 539 г. у пастуха храма Эанны при проверке недосчитали 20 голов овец. При расследовании дела управитель, царский контролер и «писцы Эанны» установили, что еще за девять лет до этого (в 548 г.) данный пастух передал часть храмовых овец третьему лицу, который по условию в течение пяти лет должен был выплачивать ему определенную часть от приплода и шерсти. Эта совершенно незаконная сделка была скреплена контрактом, найденным писцом и другими чиновниками храма Эанны [TCL XII, 119].

По YOS VII, 66, Нупта, рабыня Надин-аха, после смерти последнего заявила управителю, царскому контролеру и писцам Эанны, что хозяин посвятил ее в храм, но его брат не выполнил завещания покойного. Все указанные чиновники, в том числе и писцы, удостоверились в наличии звездочки, символа богини Иштар, выжженной на ее руке. Согласно YOS VI, 167, несколько человек доложили управителю и писцам Эанны о том, что ячмень и финики, посланные в храм, похищены по пути. Два лица обязались перед теми же самыми чиновниками доставить в

храм сезам [YOS VI, 225]. Один старший пастух «съел овцу» из храмового стада, находившегося на его попечении, и бежал. Узнавшим об этом управителю, царскому контролеру и писцам Эанны пришлось взять палки и погнать в загон брошенных в степи овец [YOS VII, 146]. Как видно из YOS VI, 222, лицо, ответственное за доставку «на стол богини Иштар Урукской» фиников и гранатов, принесло фрукты плохого качества. Писцы Эанны вынуждены были выдать с храмового склада отборные финики и гранаты, однако они в присутствии свидетелей составили соответствующий протокол, опечатали некачественные продукты, а человека, который доставил их, заковали в кандалы.

Значительный интерес представляет документ YOS VI, 10 (ср. [190, с. 66 и сл.]), написанный в Ларсе в 555 г. Высокопоставленный царский чиновник (досл. «начальник перстней-печатей» — *gab-unqāti*) Набу-дини-ипуш дал указание царскому контролеру в Эанне Набу-шар-уцуру в присутствии ряда лиц, включая и Набу-аххе-буллита, сына Ша-Набу-шу, «храмового писца», по каким ставкам надо выдавать продукты для жертвоприношений богам «в соответствии с мерами в (храмах) Эсагила (в Вавилоне) и Эзида (в Борсиппе)», как производить расчеты с рыбаками, ловившими рыбу для храмовых нужд, а также какую часть храмовых доходов отчислять в царскую «кассу».

В сильно поврежденном документе UET IV, 4 (Ур, 403 г.) относительно процесса по поводу одной рабыни приводится список полноправных свободных (*mār-banī*), рассмотревших это дело. Среди них на первом месте назван храмовой писец Нидинту-Син.

Некоторые документы, в том числе и из частных архивов, составлены в присутствии храмовых писцов. Например, при заключении контракта о продаже дома в Вавилоне наряду с несколькими другими лицами присутствовали Набу-нацир, сын Син-табни, «писец храма Мардука», и Балату, потомок Арад-За, «писец храма Мардука». В тексте речь идет о доме частного человека, и документ написал писец Либуру, который не служил в храме [Суг 345]. Контракт о продаже поля и финиковой рощи, заключенный в Уруке в 591 г., составлен Кидин-Мардуком, сыном Набу-зер-укина, слугой богини Иштар Урукской. Этот писец, по-видимому, работал в храме, хотя контрагенты были частными лицами [Scheil, RA XXIV, с. 38].

В письмах, адресованных в храм Эбаббарра в Сиппаре, содержится следующая информация о писцах этого святилища. В СТ XXII, 12 отправитель послания напоминает писцам: «Хотя я (уже) два раза просил (вас), вы еще не прислали (ячменя). Пришлите!» Как видно из текста, этот ячмень предназначался для храмовых нужд (в частности, для корма птицам). В СТ XXII, 39 один храмовой чиновник просит другого сказать некоему Лакипу, по-видимому замешанному, в разных махинациях с храмовым имуществом, следующее: «Не боишься ли ты, что

сиппарский жрец, попечитель и писцы увидят (твои поступки)?»

Дворцовый чиновник обращается к сиппарскому жрецу: «Писец Нергал-шум-ибни находится при тебе. Почему ты удерживаешь его продовольствие? Поскольку он завершил свою работу, ты не должен удерживать его продовольствия... а [он должен выполнять свою] работу. [Если работы] нет в храме, напиши ему (об этом)... Почему он жалуется, говоря следующее: „Работа для меня есть, а мое продовольствие удерживают!“ Об этом я сообщу царевичу: (ведь) царь установил продовольствие (и) на работу его назначил...» [СТ XXII, 150]. Под царем, по всей вероятности, здесь имеется в виду Набонид, а под царевичем — Бел-шар-уцур (ср. у Эбелинга [NB, с. 83]).

Письмо СТ XXII, 126 адресовано писцам Эбаббары с просьбой выдать продовольствие одному лицу. В СТ XXII, 5, посланном писцом Эбаббары двум храмовым чиновникам, рассказывается о разных хозяйственных делах. В СТ XXII, 191, которое, возможно, также происходит из храмового архива, говорится: «Мы передадим эти поля писцу», но существо дела неясно.

В письме ABL 470, адресованном ассирийскому царю, сообщается, что в присутствии попечителя и «писца храма Урука» будет взвешено золото, необходимое для украшения статуи Нанайи.

Гораздо больше данных о писцах содержат письма из архива Эанны в Уруке. В YOS III, 187 говорится, что в распоряжение «храмового писца» посланы волю. Отправитель YOS III, 19 жалуется на трудности по руководству тяжелой работой по вскапыванию храмовой земли, а деньги и шерсть, которые были при нем, уже полностью уплачены наемным работникам. Он просит писца доставить ему 20 мин серебра и 10 мин шерсти. BIN I, 40 адресовано двум писцам Эанны. В нем рассказывается, что автор письма возглавляет нелегкую работу по изготовлению кирпичей, а между тем многие работники уже бежали. Далее он просит прислать в его распоряжение сильных работников и в заключение сообщает о маге (иранское слово) и храмовом писце, поставленных для надзора над ним и его людьми. В BIN I, 41 содержится просьба к попечителю, управителю и «храмовому писцу» доставить деньги для нужд всего хозяйства. Отправитель BIN I, 17 просит у храмового писца денег для уплаты «вавилонянам» (судя по тексту, это были наемные работники). BIN I, 39 — письмо к попечителю, управителю и «храмовому писцу» с извещением, что работников не хватает. В YOS III, 8, адресованном «писцу», говорится, что «в этом году» в храме Эанны совсем нет ячменя (ср. также [BIN I, 31; TCL IX, 70, 119, 120; YOS III, 62], по свидетельству которых писцы Эанны занимались хозяйственными делами).

YOS III, 17 — весьма интересное письмо, отправленное царским контролером Набу-ах-иддином управителю Эанны. Сна-

чала в нем говорится о необходимости расчета с несколькими поименно упомянутыми лицами, а затем о наемных работниках. Затем Набу-ах-иддин сообщает, что он не может передать своему адресату деньги и шерсть без присутствия писца (*ina la LU.SID*), а «писец и деревянная дощечка (т. е. опись) при тебе». Далее Набу-ах-иддин пишет: «Если имеется недостаток в писцах и сепиру... сообщи мне, а я распоряжусь и отправлю писца» (*ki-i LU.SID u LU se-pir ma-tu-ú... šu-pur-am-ma lu-uš-pur-ma LU.SID lu-bu-ku*). В заключение следует подробный отчет о храмовых работах. Ср. также идентичного содержания письмо TCL IX, 129, которое было послано писцу Эанны Надину. Таким образом, письмо почти одинакового содержания было адресовано двум различным чиновникам без указания, что одно из них, по существу, является копией.

В YOS III, 186 управителю Эанны и «храмовому писцу» сообщается о направлении царского гонца с распоряжением от царя. Согласно другому письму, к храмовым чиновникам по приказу царя послан писец по имени Ану-зер-лишир для рассмотрения жалобы каких-то людей [YOS III, 44].

BIN I, 94 содержит жалобу некоего Кинуны управителю, храмовому попечителю и «писцу Эанны». По словам Кинуны, адресаты знают, что писец доверил поле ему. Между тем явился некто, по имени Мушаллим-Мардук, и заявил: «Что (это еще) за писец Эанны? (*man-ma LU.SID é-an-na*). Мое (имущество) принадлежит мне... Почему писец Эанны отдал поле (тебе)?» Когда же Кинуна сказал Мушаллим-Мардуку: «Писец Эанны увидит, как ты без его разрешения берешь это вино», тот бросил Кинуну на дорогу и стал бить по голове. Письмо BIN I, 43 адресовано «писцу Эанны» с жалобой на несправедливые действия какого-то Циллы. Согласно YOS III, 200, писец Белушаллим был направлен контролировать участки земли, принадлежавшие Эанне, поскольку на его имя поступила жалоба относительно каких-то злоупотреблений. В BIN I, 23 жалуются управителю, попечителю и «храмовому писцу» на действия некоего Набу-шум-иддина. Автор письма, в частности, утверждает, что спорное поле принадлежит Эанне, а дом, на который претендует Набу-шум-иддин, на самом деле не его, а тюремное помещение. BIN I, 73 сообщает о храмовом писце, не отдавшем автору письма 4 сикля серебра. В BIN I, 46 управителю Эанны пишут, что несколько человек, включая и писца Набу-ушаллима, требуют денег, а между тем отправитель письма передал храмовому писцу 30 мин серебра. Некий Кина в письме (судя по параллельным текстам, он писец Эанны) выражает возмущение действиями трех своих коллег, которые отдали причитающееся ему продовольствие храмовому писцу Набу-аххе-буллиту, адресатам же придется возместить его продовольствие из их личных средств [YOS III, 55]. В BIN I, 87 просят «храмового писца» передать рабов, относительно которых возникла тяж-

ба, некоему Каллуме. Отправитель TCL IX, 72 обещает храмовому писцу сделать все, что тот ему велел.

По свидетельству документа Pohl I, 31, поля, заложенные храму Эанны, необходимо было передать в ведение управителя и писцов этого святилища (перевод см. ниже).

Три двоюродных брата пожаловались наместнику Вавилонии при Кире Набу-аххе-булиту по поводу дома, который их дед заложил храму Эанны. Наместник послал истцов к управителю, царскому контролеру и «писцам Эанны», и затем их дело было рассмотрено в присутствии градоначальника Урука судьями наместника. Градоначальник и судьи выслушали жалобу их (т. е. истцов) и ознакомились с документами и контрактом, (а также) деревянной дощечкой (описью), собственностью (богини) Иштар Урукской», написанными еще в 25-м году царствования Навуходоносора II (580 г., т. е. более чем за 40 лет до судебного заседания). Из другого документа было установлено, что в 36-м году правления Навуходоносора (569 г.) «попечитель Эанны и писцы Эанны» продали этот дом третьему лицу. Конец документа отломан, и решение суда не сохранилось [BIN II, 134]. Pohl II, 17 содержит перечень домов, принадлежавших Эанне. В одних домах жили храмовые рабы, а другие находились в аренде. Один из домов был сдан Набу-аххе-иддину, «храмовому писцу», за 8 сиклей серебра в год.

Согласно BIN I, 130, храм Эанны купил поле, а соответствующий контракт составил «писец Мардук-этир, сын Бел-шум-ишкуна, потомка Дабибу, писец Эанны».

По свидетельству контракта VS V, 108 (487 г.), храмовые доходы (пребенда) одного лица по неизвестной нам причине переданы храму Э-имби-Ану в Дилбате и находились в ведении управителя и писцов этого святилища. Какой-то другой человек обратился к последним с предложением передать ему право пользования этими доходами в обмен на поле и определенную сумму денег. Управитель и писцы согласились и заключили соответствующую сделку. В тексте среди представителей храма кроме управителя названы писцы Набу-ах-иттанну, сын Ураш-кацира, потомка Дабиби, и Мурашу, сын Бел-иддина, и к документу приложены их печати. Имена обоих писцов (особенно первого из них) часто встречаются и в других текстах (ср. [NRV, с. 153]). Саму табличку написал третий писец — Иддин-Набу, сын Набу-шум-уцура, потомка Э-а-ибни, также известный из большого количества контрактов.

Со временем профессиональные интересы Набу-ах-иттанну и Мурашу, по-видимому, столкнулись. В 484 г. Мурашу в присутствии управителя и попечителя святилища Э-имби-Ану обратился к своему коллеге Набу-ах-иттанну с вопросом: «Что же, (больше) ты не будешь делать писцовую работу?» (*mi-na-a dul-lu DUB.SAR-ú-tu ul te-er-pi-šá*) [VS VI, 331:4]⁸. На это тот ответил: «Отныне(?) работа разделена⁹, (и) я (больше) не бу-

ду делать писцовую работу» (*al-[la]-pak-ki dul-lu par-si dul-lu DUB.SAR-û-tu ul er-pu-šu*). Оба писца согласились с этим и «получили по одному (экземпляру) документа», составленного перед управителем и попечителем храма и несколькими свидетелями. Сам документ написан третьим писцом. Как видно далее из текста, Набу-ах-иттанну оставил за собой определенные функции писцовой работы: ведение «табличек всех расходов» (*GIŠ.DA šá te-lit gab-bi*) было поручено ему, а «таблички всех доходов» (*GIŠ.DA šá ir-bi gab-bi*) — Мурашу.

Исходя из этого текста, Унгнад и Сан-Николо полагают, что под выражением «писцовая работа» здесь имеется в виду счетоводное дело в храме Э-имби-Ану [223, с. 167; 196, с. 293]. По свидетельству BV XCI, Мардук-шум-иддин и Иддин-Набу, сыновья Набу-бан-зера, разделили между собой пребенду в храме Эсагила в Вавилоне. Как видно из текста, Иддин-Набу выполнял в этом святилище счетоводную работу (*LU.SID-û-tu*).

В храмах Эанна и Эбаббарра писцы также занимались счетоводным делом. В этой связи Сан-Николо обращает внимание на выражения «счетоводное дело садовников» (*LU.SID-û-tu šá LU.NU-GIŠ KIRI₆.MES*) [Camb 270:2, 274:27] и «счетоводное дело ремесленников» (*LU.SID-û-tu šá LU.ÉRIN.ME*) [YOS VII, 16:1], которые встречаются в текстах из архивов Эанны и Эбаббарры. По его мнению, в нововавилонское время слово «*ṭupšar-gi*», подобно соответствующим егип. *sš* и греч. *γραμματοῦς*, имело и более широкое значение и им обозначались, в частности, чиновники государственного и храмового управления вообще [196, с. 292].

Нередко храмовые писцы выступают свидетелями при заключении контрактов частными лицами. Например, в 9-м и 45-м годах царствования Артаксеркса II среди свидетелей двух сделок в Уре появляется «храмовой писец» Нидинту-Син [UET IV, 3 и 57/58]. Наконец, в единичных случаях храмовые писцы составляли для третьих лиц и частноправовые документы [UET IV, 30 и др., ср. с. 91].

За свою работу писцы получали от храма продовольствие, а иногда и деньги (ср. с. 109). Например, в Mold 9 (617 г.) фиксируется выдача двум писцам по 199 кур 4 сут и 25 кур фиников, соответственно, а в Sуг 31 одному писцу — 30 кур ячменя (см. также [VS III, 192; Nbd 630]). Несколько документов из храма Эанна свидетельствуют о выдаче писцам пива и зерна наряду с ювелирами, пивоварами и т. д. [GC I, 52, 254; Lutz II, 51; переводы см. ниже]. В тексте с перечнем храмовых расходов в Уре отмечается выплата «писцу ворот(?)» 1 сикля серебра [UET IV, 117].

В документе времени Навуходоносора II говорится о доставке «продовольствия (*kurummatu*)» областеначальнику (*bēl pihā-ti*), писцу, измерителю (*LU mandidi*) и привратнику» [Nbk 36:24; ср. также Camb 357; TCL XIII, 182; VS VI, 30]. YOS VI, 103,

составленный в 549 г., содержит изложение указа царя Наониды о нормах арендной платы при сдаче в аренду определенной площади храмовых земель. В указе устанавливается также плата различным работникам (садовникам, которые копали канавки, и т. д.), а также «довольствие областеначальнику, писцам (LU.SID.MES), измерителям (зерна) и привратникам. В тексте поясняется, что «кроме арендной платы» храму арендаторы обязаны доставлять «с одного (т. е. с каждого) кур (=180 л) фиников или зерна по 3,5 ка (около 3,5 л) продовольствия для областеначальника, писцов, измерителей и привратников». «Они могут (это) съесть» (ср. [42, с. 37]).

Этот указ нашел отражение, в частности, в контракте TCL XIII, 182 (Урук, 520 г.) о сдаче полей Эанны в аренду, согласно которому арендатор обязался снабжать продовольствием писцов¹⁰ и других чиновников. Далее о выдаче ячменя и фиников храмовым писцам см. CT XLIX, 1—3; Mich 79; Owen, № 30; YOS VI, 171. Ср. Camb 225:7 *se-eh-tu₄ šá LU.SID šá maš-šar-tu₄ šá arah*[...] — «непогашенная табличка писца относительно (его доли) доходов». Вероятно, такие выдачи составляли храмовую пребенду (или часть ее), которая выплачивалась писцам. По свидетельству VS V, 107, в святилище Э-имби-Ану в Дилбате подобная пребенда для храмовых попечителя, управителя и писца состояла, по-видимому, из 1 кур 1 сут ячменя или фиников в месяц. Судя по Pohl II, 19, некоторые писцы в качестве пребенды получали храмовые поля.

Тексты

GC I, 205 (ср. транслитерацию и перевод [GC I, с. 32]). «1 глиняную табличку — в распоряжение Шамаш-шум-иддина, сына Набу-балатсу-икби; 1 глиняную табличку — в распоряжение Набу-этира, сына Эа-иддина; 1 глиняную табличку — в распоряжение Арад-Бела, сына Шамаш-иддина¹¹.

5-й день (месяца) ташриту 12-го года Навуходоносора¹², царя Вавилона».

Сут 55. «[...]деньги на аренду лодки выданы [...] и писцами лодочнику Пани-бел-адаггалу.

3-й день дополнительного месяца улулу 2-го года Кира¹³, царя Вавилона, царя стран».

Сут 151. «70 кур ячменя, (полагающегося) Римут-Белу, предназначенного для фуража (и числящегося) за Нуску-шар-уцуром, задержано сиппарским жрецом и писцами. Римут¹⁴ вместе с Набу-шар-уцуром, сыном Итти-Набу-балату, (еще) не получал этого ячменя, 70 кур [...] от сиппарского жреца и писцов.

(Документ составлен) в присутствии [...] начальника.

Свидетели (имена двух человек), писец (имя).

Сиппар, 15-й день дополнительного месяца аддару 3-го года Кира¹⁵, царя Вавилона, царя стран».

Самб 131. «100 кур ячменя в обмен на финики — имущество (бога) Шамаша, которое находится в распоряжении Мушезиб-Бела, сына Силиммада, (и) которое Шамаш-зер-ибни, сын Такиша, доставил по поручению сиппарского жреца Бел-убаллита, (а также) писцов Ки-Набу и Бел-иддина». (Далее в тексте речь идет о расходе этого ячменя на разные цели — на корм скоту, птице и т. д.).

YOS VII, 151. «Судья Римут, писец Ле'у-Мардук, сын Эпешили, и сепиру Бау-эреш сказали Бел-икише, сыну Бании, потомка рыбака, следующее: „[...] рыбу, которая в Уруке [...] ты должен доставлять. [...] рыбу из рук торговца¹⁶ взыскал [...] собирать (подать рыбой) с водоемов, (которые находятся) в твоём распоряжении“.

Урук, 4-й день (месяца) абу 3-го года Камбиза¹⁷, царя Вавилона, царя стран».

Даг 46. «10 кур фиников по распоряжению писцов получил на фураж Арад-Бунене из рук Бунене-ибни.

Свидетели (имена двух человек).

25-й день (месяца) ташриту 2-го года Дария¹⁸, царя Вавилона».

GS I, 332. «6 мин 1 $\frac{1}{4}$ сикля серебра из денег, которые вместе с Набу-шар-уцуром и писцами в Вавилон доставлены, в Эанну [...] 3 (?) мины серебра [...] они получили.

24-й день месяца симану 7-го года Набонида¹⁹, царя Вавилона».

GS I, 367. «24 $\frac{1}{2}$ мины серебра для потребностей (храма) Эанна доставлены в Вавилон с Набу-шар-уцуром и писцами.

23-й день (месяца) кислиму 6-го года Навуходоносора²⁰, царя Вавилона».

GS I, 411. «9 мин $\frac{1}{3}$ (мины) 5 сиклей серебра — в счет денег, которые взяты в Вавилон вместе с Набу-шар-уцуром²¹ и писцами и израсходованы для (потребностей) Эанны.

11-й день (месяца) аяру 5-го года Набонида²², царя Вавилона».

GS I, 110. «3 (кур) 2 сут муки храмовой писец послал вместе с Бел-зери в Вавилон в качестве продовольствия для Иначили-Нергала, Римута, Набу-аххе-иддина и Шепет-Набу-ацбата. 1 пан — для Набу-этира, потомка Аплы, в качестве подати (?) за месяц нисанну. 1 кур 1 пан ячменя — на дорогу (для) Балатсу-ана-Набу (?)

18-й день (месяца) аддару 29-го года Навуходоносора²³, царя Вавилона».

GS I, 179. «2 меры ячменя получил Иштар-дур-эду, который доставил храмовому писцу корзину (для) жертв.

23-й день (месяца) тебету 31-го года Навуходоносора²⁴, царя Вавилона».

Pohl I, 25. «Бел-убаллит, *закзакку*²⁵, сын Набу-балатсу-икби, потомка Эпешили; Табия, градоначальник Урука, потомок Хун-

зу; Габби-илан-шар-уцур, распорядитель имуществом (храма) Эанны; Даян-аххе-иддин, сын Гимиллу, потомка Шигуа; Набу-этир-напшати, сын Арад-Бела, потомка Эгиби; Мушезиб-Бел, сын Шамаш-удаммика, потомка Эпеш-или; Пиру, сын Табнеи, потомка рыбака, — (те люди), в присутствии которых Набу-шар-уцур, царский контролер, полномочный представитель (храма) Эанны, и писцы Эанны сказали Шадуну, сыну Ина-эши-этира, следующее: „1 мина 15 сиклей серебра, необходимого на обожженные кирпичи, 10 сиклей серебра на (изготовление) золотой чаши и 4 сикля серебра для Мардук-шум-укина — всего 1 мина 29 сиклей серебра, что за твоим продовольственным (ведомством?) в Эанне, что с [...], уплати в Эанну“.

Шадуну сказал Набу-шар-уцуру и писцам Эанны следующее: „Пока я не уплачу денег в Эанну, продовольствие будет принадлежать (?) Эанне. Начиная с 9-го дня (месяца) аддару 10-го года Набонида, царя Вавилона, я отпущу продовольствие в распоряжение Набу-шар-уцура в Эанне“.

9-й день (месяца) аддару 10-го года Набонида²⁶, царя Вавилона».

Rohl I, 31. «Поля — доля Бел-этира, сына Мардук-шум-эреша, — (находящиеся в) залоге у (богини) Иштар Урукской, относительно которых Набу-ина-эше-этир, сын Иннин-шум-уцура, потомка Кидин-Мардука, сказал следующее: „Балату, сын Шузубу, потомка Гимил-Нанайи, начиная с 10-го года Набонида, царя Вавилона, отдаст мне, а я урожай соберу и доставлю ему“. Набу-ина-эше-этир должен быть верным (в отношении) Балату и отдать (поле?) Зерии, управителю Эанны, сыну Ибны, потомка Эгиби, и писцам Эанны. Если он не отдаст, то поле, сколько Набу-ина-эше-этир отрезал, должно быть передано Эанне.

Свидетели (имена четырех человек), писец (имя).

Урук, 20-й день (месяца) ду'узу 13-го года Набонида²⁷, царя Вавилона.

Цилла, сын Эришу, потомка Кидин-Мардука, — поручитель за Набу-ина-эше-этира».

BIN I, 108. «1 мина 3 сикля серебра — цена коровы, которая взята у Набу-энатанну, сына Таллы, (и за) которую Рихим — поручитель. (Эту сумму) Балатсу, сын Набу-зер-иддина, отдал храмовому писцу Мардук-этиру, сыну Бел-шум-ишкуна, а за овец уплачено Набу-нациру, сыну Набу-аххе-иддина, потомка Шум-иддина.

(Документ составлен) в присутствии (далее следует перечень имен девяти лиц, среди которых несколько храмовых чиновников).

11-й день (месяца) абу 7-го года Навуходоносора²⁸, царя Вавилона».

Dar 299 (ср. перевод [BRL III, с. 57]). «До 21-го дня (месяца) ду'узу Набу-иттанну, Нергал-шум-уцур, Бел-иддин и На-

бу-кин-уцур, писцы (храма) Эмеслам, должны привести Нидин-ту-Нергала, управителя (храма) Эмеслам, и допросить относительно [...] принадлежащего царскому дому.

<Свидетели> (имена четырех человек, последний из которых, по-видимому, был писцом).

16-й день (месяца) ду'узу 11-го года Дария²⁹, царя Вавилона».

Суг 200 (ср. транслитерацию и перевод [183, с. 150]). «[Зерновое поле], финиковую рощу с плодоносящими деревьями — собственность (бога) Шамаша [Сиппарского]³⁰ — сиппарский жрец Мардук-шум-иддин и писцы (храма) Эбаббарра передали для насаждения сада Римуту, сыну Закира, и его жене Илат, дочери Римута. Он³¹ должен выкопать канавы и беречь сердцевину (пальм) и веточки. Писцы должны установить с него (арендную плату), и согласно арендной плате (установленной) писцами, они должны отдавать финики (храму) Эбаббарра. Вместе с 1 кур (фиников) они должны отдать незрелые финики, (финиковые) плетенки, сердцевину (и) сухие ветки. Стену для сада они должны соорудить. Один ручается за другого.

Свидетели (имена двух человек) и писец (имя).

[...] день (месяца) абу 5-го года Кира³², царя Вавилона, царя стран».

Дар 116. «3 кур фиников — остаток фиников, арендной платы, которая за Шамаш-убаллитом, сыном Надина, — (в качестве) подати (для) писцов Набу-иттанну, сын Набу-шум-лишира, потомка жреца (богини) Иштар Вавилонской, [получил] из рук Булты, потомка [...]».

Свидетели (имена двух человек), писец (имя).

Сиппар, 23-й день (месяца) ду'узу 4-го года Дария³³, царя Вавилона и стран,

По одному документу они получили».

ЕКВК 21. «Сиппарский жрец Иддин-ах (и) писцы Эбаббарры Мардук-кин-али, Бел-иттанну и Мардук-белшуну передали Иддин-Белу, сыну Набу-надин-аха, потомка пастуха коней, для возделывания 1 кур зернового поля, сада (?), финиковой рощи... [расположенных] в Кугуббу (?). С 1 кур поля он должен отдать 1 кур ячменя. Поле... сколько он обрабатывает, согласно [...], в его распоряжение на два года. По одному документу они получили.

Свидетели (имена четырех человек), писец (имя).

Сиппар, [...] (месяца) симану [...] года] Ксеркса, царя Вавилона, царя стран».

Дар 344. «Письмо от Ина-Эсагил-[...] к] сиппарскому жрецу, Бел-иддину, Набу-аххе-иддину, писцу Убаллитсу-Гуле и [...] писцу-переводчику [...]: пусть мои братья³⁴ скажут относительно арендной платы следующее: „Отдай Мардук-шум-ибни финики в счет [арендной платы..]“.

[...] 12-й год [...] царя] Вавилона, царя стран».

GC I, 52. «Гимиллу, сын Ардии, получил для писцов половину кувшина сладкого пива.

8-й (?) день (месяца) улулу 37-го года Навуходоносора³⁵, царя Вавилона».

GC I, 143 (см. транслитерацию и перевод [NUVI, № 19]). «Гимиллу получил для писцов половину кувшина пива.

19-й день (месяца) симану 37-го года Навуходоносора, царя Вавилона».

GC I, 254. «3 сут (для) ювелиров, 3 сут (для) пивоваров, 1 сут (для) плотников, 3 сут, (1) кувшин (для) писцов, [которые в?] Вавилоне. Всего по 3 кувшина получил Гимиллу.

14-й день (месяца) аяру 39-го года Навуходоносора³⁶, царя Вавилона».

Nbd 1086. «5 сут муки для писцов дано Белриманни [...].

24-й день (месяца) абу [...].».

Lutz II, 51. «33 кур 1 (пан) 4 сут (для) скупщиков попечителя (храма Эанны), 10 кур писцу Надину, 5 кур Шамаш-табни-уцуру, 3 кур Иннин-шум-иддину и волопасу Шамаш-удаммику, 1 кур 3 (пан) 4 сут 3 ка...».

НАДИН, ПИСЕЦ ХРАМА ЭАННЫ

Надин, сын Бел-аххе-икиши, потомка Эгиби, упоминается в 169 документах и письмах из архива Эанны. Еще Доуэрти отметил, что этот Надин служил писцом в течение 30 лет, от 3-го года царствования Набонида до 6-го правления Камбиза [52, с. 109 и сл.; ср. Lutz UCP, X, № 8, с. 246]. В действительности его писцовая деятельность в Эанне продолжалась несколько больше (см. ниже).

Во многих документах приводится его полная патронимия, но в единичных случаях пропускается его отчество или, наоборот, родовое имя, однако при этом обычно указывается титул «писец Эанны». Отождествление его личности часто не вызывает сомнения, учитывая, что в Эанне не было другого писца с таким же отчеством и родовым именем. Но в нескольких десятках текстов из того же храма упоминается некий Надин просто по имени или с титулом «писец Эанны». Этот Надин не всегда может быть тождествен интересующему нас лицу, и в тех случаях, когда нет уверенности в их идентичности, соответствующие тексты оставлены без рассмотрения (например, YOS VII, 12, 186, 197; большинство текстов в Pohl II и др.)¹. Однако Надин часто, будучи упомянут просто по имени, фигурирует совместно с Балату, Мурану и Киной в одних и тех же текстах, а эти лица хорошо известны из многих документов как писцы Эанны.

Надин нередко один, без своих коллег, составляет храмовые документы следующего содержания: сдача в аренду полей, домов и лодок, принадлежащих Эанне, поручительства за должников этого святилища, перечни храмового имущества (одежды богов, скот, рабы) и т. д.² Тексты, принадлежащие ему, написаны очень четко и красивым почерком.

В судебных документах о крупных хищениях храмового имущества и в других наиболее важных текстах упоминается от двух до четырех писцов. Так, Надин совместно с другими писцами (Киной, Мурану, Балату, а в иных случаях с Арад-Мардуком и Мардук-нациром) составляет различные протоколы. Например, в TCL XIII, 131, где в качестве писцов названы четыре человека (в том числе и Надин), зафиксировано обязательство привести в Эанну похитителя храмового имущества.

По свидетельству YOS VII, 164, где приведены имена трех писцов, несостоятельный должник передал в собственность храму двух малолетних рабов (см. далее [Figulla; Pohl I, 63, 76, II, 15; YOS VI, 169, 231; VII, 7, 35, 38, 140, 161]).

Надин (иногда вместе с Мурану, Киной и другими своими коллегами) выступает в качестве свидетеля в различных храмовых документах (долговые расписки, поручительства, сдача в аренду полей, протоколы относительно ревизии имущества Эанны, контракты на снабжение последней молоком во время религиозных праздников, предостережение рыбакам не прерывать доставку в храм рыбы и т. д.). Остановимся на некоторых из этих текстов.

Согласно YOS VII, 114, надзиратель над храмовыми рабами Эанны продал одного своего раба и получил за него деньги. Однако этот раб «не вступил» в дом покупателя (очевидно, бежал), и поэтому его бывший хозяин уступил контрагенту в порядке компенсации другого раба. Документ составлен перед управителем Эанны, надзирателем над храмовым фуражом, царским писцом-переводчиком и другими лицами. Далее следует список свидетелей, среди которых упомянут и Надин. Примечательно, что, хотя контракт является частноправовым, он найден в храмовом архиве и храмовые чиновники присутствовали при его составлении. По свидетельству YOS VII, 167, храмовая администрация проверяла годность одного кандидата на должность пивовара и спросила свидетелей, в число которых входил и Надин: «Является ли мать его свободной, чтобы считать его (самого) годным для приема на должность?» (ср. ниже [Pohl I, 48]). Далее при сдаче в аренду храмовой лодки Надин выступает единственным свидетелем [YOS VI, 195]³.

Многие храмовые документы (протоколы судебных процессов, контракты о сдаче в аренду храмовых полей и т. д.) составлены в присутствии (*ina iṣṣuzzu*) управителя Эанны, царского контролера и ряда других храмовых чиновников, включая Надина.

В документе Boissier зафиксировано следующее заявление, сделанное тремя поименно упомянутыми лицами: «В 13-й день месяца симану 8-го года Кира, царя Вавилона, царя стран, после захода солнца, певчие Эбаббарры⁴ били в медные литавры у Больших ворот Эбаббарры и кричали: „Вот затмение!“, и все жители Урука вместе с нами слышали битье в медные литавры». Это заявление было сделано в Уруке в 531 г. перед «собранием (*ruḥru*) полномочных и полноправных», в состав которого входили наместник Урука, управитель Эанны, царский представитель в этом храме, выходец из какой-то местности Шаламу и много других лиц, в том числе писцы Надин и Набу-зер-укин (о нем см. ниже). Сам протокол составлен другим храмовым писцом. В YOS VII, 71 приведен длинный список различных лиц (в их число включены градоначальник Уру-

ка и Надин), в присутствии которых главный певчий и певчие богини Иштар заявили следующее: «После того как мы били в медные литавры у Больших ворот Эанны, не согласовав (дело) относительно пользования литаврами с... управителем и... царским контролером, они (т. е. оба последних) не появились там до тех пор, пока не настало время убрать литавры». Существо текста нам неясно.

По свидетельству YOS VI, 183, один человек сделал заявление перед полноправными свободными об уводе другим лицом быка из храмового стада. В состав этих полноправных входил и Надин наряду с большим числом поименно упомянутых людей, включая царского контролера храма Эанны. YOS VI, 143 — документ о разделе рабов между племянником и дядей, составленный в присутствии царского контролера Эанны, Надина, писца Набу-мушетик-урри (см. о нем ниже) и других лиц. Документ, хотя в нем речь идет об имуществе частных лиц, написан одним из храмовых писцов (ср. аналогичные тексты [TCL XIII, 124; YOS VI, 56, 67, 92, VII, 18]). Вероятно, в данном случае определенное значение мог иметь тот факт, что один из наследников был храмовым писцом.

Согласно Pohl I, 48, в 534 г. в Уруке управитель Эанны и царский контролер заявили большому числу людей (среди них были также Надин и еще один писец, по имени Набу-зер-укин), которые названы «вступающие в храм⁵, предводители, пивовары, пекари, мясники, вавилоняне и урукцы — коллегия (kīništu) Эанны», следующее: «Набу-бан-ах, вступающий в храм (богини) Канишурра, скрепил печатью документ об усыновлении (ṭurri mārūtu) Даян-Мардука, сына брата своего отца, и передал ему свою пребенду (isqu) в храме (богини) Канишурра. Набу-бан-ах привел его к нам для службы у этой богини, а мы без вашего согласия не допускаем его (к службе и) ждем вашего решения». На это «вступающие в храм... вавилоняне и урукцы — коллегия Эанны» — ответили: «Даян-Мардук, которого Набу-бан-ах усыновил, передав ему свою пребенду, — сын прежнего вступающего в храм (богини) Инанны Урукской, его nidū (значение неизвестно) и его документа (sirgu) мы не знаем, но его старший брат, Мардук-шум-иддин, от (одной и) той же матери с ним допущен для вступления в храм перед (богиней) Инанной Урукской. Поэтому Даян-Мардук годен для службы перед (богиней) Канишурра». Таким образом, в тексте зафиксирован факт допуска нового владельца храмовой пребанды к исполнению служебных обязанностей и к пользованию соответствующими доходами (см. у Сан-Николо [194, с. 191 и сл.]).

Документ YOS VII, 150, составленный в Вавилоне в 527 г., фиксирует выплату 1 мины 31 сикля серебра из общей ссуды 4 мины серебра, которые храм Эанны должен был некоему Мардук-шум-уцуру. Ссуда была оформлена на управителя Эанны, царского представителя, Надина, а также еще на трех хра-

мовых писцов (Арад-Мардука, сына Бел-аххе-икиши, потомка Эгиби, Арад-Мардука, сына Мардук-шум-иддина, потомка Бел-апли-уцура, и Мардук-нацира, сына Даян-аххе-иддина, потомка Шигуа; о них см. ниже) как представителей Эанны. Вся эта сумма причиталась с храма как цена 5 талантов шерсти, выданной в распоряжение Надина (ср. [BR VI, с. 118]).

Согласно YOS VI, 198 (Урук, 540 г.) храм Эанны должен был царю 500 кур ячменя. Долг оформлен на управителя Эанны, царского контролера этого святилища, а также на Надина и Кина, «писцов Эанны». Все они поручились друг за друга в том, что к определенному сроку выплатят этот долг у царского причала государственному чиновнику.

В YOS VI, 232 (Урук, 544 г.) речь идет об установлении арендной платы с храмовых полей. Документ написал известный писец Мурану. Храмовое правление послало несколько «установителей (арендной платы) и писцов» совместно с Надином и Киной, «писцами Эанны», для определения арендной платы, причитающейся с земледельцев и арендаторов. По свидетельству Pohl I, 30 (Урук, 543 г.), составленному Мурану, «установители» поклялись перед управителем Эанны, а также «писцами Эанны» Надином и Киной правильно сосчитать арендную плату с храмовых полей, не допуская небрежности.

Судя по YOS VII, 6 (538 г.), писцы Балату, Кина и Надин (каждый в определенные дни) были заняты выдачей овец для храмовых жертвоприношений. Ср. также YOS VI, 239, где зафиксирована выдача Надином каких-то предметов для храмового праздника (544 г.). В YOS VII, 152 (527 г.) отмечается, что в распоряжении Надина (упомянут только по имени) находился один земледelec. Судя по TCL XIII, 231, в распоряжении Надина и еще одного человека находился ячмень, предназначенный в качестве продовольствия для храмовых работников (см. также [BIN I, 120; YOS VI, 182]).

В YOS VII, 170 (526 г.) зафиксировано поручительство за двух храмовых должников, которое дали четыре лица перед писцами Надином и Арад-Мардуком, а также царским контролером. В GC II, 408 (местность Машкани-илу, 528 г.) содержится поручительство, данное перед Надином, доставить к определенному сроку в храм одного должника и «передать Надину, писцу Эанны». В противном случае поручитель был обязан возместить храму соответствующий ущерб. Согласно YOS VII, 176 (525 г.), два поручителя обязались привести к Надину какого-то должника или уплатить его долг — 1 мину 32 сикля серебра. По свидетельству TCL XIII, 154 (527 г.), два лица (одно из них храмовой раб) должны были доставить по первому требованию Надина храмового раба, который ранее был закован в кандалы и заключен в амбаре.

Надин часто упоминается также в служебной переписке храмовых чиновников. Поскольку в письмах он везде назван про-

сто по имени (без патронимии), его идентичность с интересующим нас лицом не всегда бесспорна. Так, в двух письмах, адресованных ряду лиц, среди последних названы и два чиновника по имени Надин, без каких-либо данных для различения их друг от друга. Но в большинстве случаев его можно уверенно отождествить, потому что, во-первых, он назван «писцом Эанны» и, во-вторых, наряду с ним фигурируют известные писцы Балату, Кина и Мурану, которые часто упоминаются вместе с ним и в административно-хозяйственных документах. Письма, как правило, не датированы, но, судя по именам храмовых чиновников (управителя Эанны и царского представителя в этом храме), относятся к тому же периоду, что и рассмотренные выше документы. Некоторые письма отправлены Надином к различным храмовым чиновникам, остальные адресованы ему самому. Отправители в зависимости от своего ранга обращаются к нему, называя его братом, господином или отцом.

Надин сообщает своим коллегам в храме Эанны, будучи сам где-то вне Урука, о том, что храмовые работники остались без продовольствия [YOS III, 65], предлагает отправить из Урука в Ларсу для какой-то цели волов [YOS III, 92], пишет об отправке ячменя из Вавилона в Урук [YOS III, 165] и т. д. (см. также [YOS III, 171]).

В YOS III, 56, адресованном Надину, говорится, что тот ежегодно посылал по одному быку для бога Шамаша, а далее идет напоминание об отправке быка, а также 20—30 овец для жертвоприношения Шамашу. В других письмах корреспонденты требуют от Надина не допускать небрежности относительно жертв [TCL IX, 112; YOS III, 60] и прислать овец, а также два чана вина и пять уток для жертвоприношений [YOS III, 54, 99]. Несколько писем, обращенных к Надину, Мурану, Балату и Кине, содержат просьбу срочно доставить ячмень и несколько десятков голов птиц для жертв [TCL IX, 134; YOS III, 93, 98]. В BIN I, 2 и 33, направленных Надину и еще несколькими лицам, говорится, чтобы адресаты не допускали небрежности в отношении охраны храма и жертвоприношений: «Хлеб должен быть чистый, пиво — сладкое». Далее даются указания относительно рационов храмовым рабам, арендой платы финиками и т. д. Отправитель письма TCL IX, 87 сообщает Надину, Арад-Мардуку и Балату о доставке для жертв богам хлеба, пива и мяса. В YOS III, 41 Балату пишет Надину, Кине и Мурану о разных храмовых делах, в том числе и о скоте для жертвоприношений. В YOS III, 100 просят Надина срочно отправить мед и масло для жертв, чтобы за одну ночь их доставили по назначению. В BIN I, 16 и YOS III, 140 содержится указание Надину, Кине, Балату и Мурану прислать шерсть, соль, горчицу и растительное масло для ремесленников.

В других письмах к Надину его корреспонденты требуют прислать ячмень, ибо в храме нет зерна [BIN I, 29; TCL IX,

108], «хорошую» шерсть [YOS III, 11, 114; TCL IX, 116; в последнем сообщается о необходимости доставить в храм 2 таланта шерсти для женщин], овец [YOS III, 26], продовольствия для работников [YOS III, 136] и деньги для покупки ячменя [YOS III, 68]. Далее ему докладывают о земляных работах [BIN I, 8 и 34], состоянии храмового скота [YOS III, 121], спрашивают у него указания по поводу разных дел [BIN I, 18] или же просят сообщить о ходе работы в храмовом хозяйстве [YOS III, 1]. В письме к Надину и Кине содержится просьба выслать квасцы из страны Кашаббу [YOS III, 14].

В YOS III, 33 какой-то храмовой чиновник жалуется Надину на лежащую на нем тяжелую ответственность, так как необходимо было вскопать 4000 мер земли, из которых к моменту отправки письма обработано только 200 мер. Далее он сообщает, что люди находятся без продовольствия, а серебро и шерсть уже полностью отданы наемным работникам, и просит прислать в свое распоряжение 100 наемников, а также плату и продовольствие для них. В YOS III, 58 говорится, что у отправителя письма мало наемных работников. Восемь человек, которых прислал Надин, недостаточно. К тому же один ткач бежал. В YOS III, 163, адресованном управителю Эанны и Надину, содержится просьба доставить 5 работников и 20 кур фиников. Далее Надин просит выслать плату для 200 наемных работников, которые роют канал [TCL IX, 129].

В BIN I, 7 Надин просит прислать ячмень для земледельцев и срочно написать людям, которые ухаживают за царским скотом, ибо они все делают не так, как положено. Затем отправитель просит выслать 30 кур фиников в качестве продовольствия для работников, которые должны направиться в Вавилон. В YOS III, 53 Надину сообщают, что погруженный на лодки ячмень взяли кредиторы, а отправитель письма не смог положить в амбар ничего из этого зерна, поэтому Надин должен доставить в его распоряжение 700 кур ячменя. Один из корреспондентов Надин информирует о том, что $\frac{1}{4}$ денег, вырученных за продажу рыбы, принадлежит богине Белет Урукской [BIN I, 64].

Автор письма BIN I, 5 просит Надину и Балату, когда они придут в Ларсу, захватить с собой 20 мин серебра и серебряные кубки, о чем им было сказано ранее. В BIN, 66 отправитель сообщает тем же лицам, что он послал им 5 сиклей серебра и работает по мере возможности, но ячмень еще собран не весь.

Согласно BIN I, 11, адресованном Надину и еще одному лицу, автор письма направил некоего Бел-наида в Приморье (область в Южной Вавилонии, у побережья Персидского залива). Поскольку тот не знает этой страны, пусть «мои братья» отправят с ним сведущего человека. В TCL IX, 85 один из корреспондентов сообщает Надину, что «37 наших людей послано

в страну Хумадешу»⁶, и просит прислать с двумя лицами 100 кур ячменя в качестве продовольствия для них. Каждому из этих людей надо выдать по 5 кур фиников и 6 кур ячменя.

В TCL IX, 118 содержится просьба к Надину выдать работникам пять лопат (см. также [YOS III, 88]).

В YOS III, 164 Надину сообщается о двух каких-то лицах не приславших ни 1 ка муки. Отправитель письма YOS III, 116 жалуется Надину, что он в течение 20 лет нес стражу, а теперь по распоряжению некоего Белгимиланни дом его разрушен и домочадцев держат в тюрьме.

В BIN I, 14, адресованном ряду лиц, в том числе Надину, говорится, в частности, о стрижке овец, а в BIN I, 25 — о доле доходов царю, причитавшихся с храма Эанны. В YOS III, 81 Надина и еще двух лиц ставят в известность, что в Вавилоне много ячменя, а в местности, откуда послано письмо, ячмень дороже фиников.

Автор BIN I, 40 информирует Надина и его коллегу о норме при изготовлении кирпичей на одного человека, которая должна составить 110 шт. в день. В YOS III, 77 «писцу Надину» и еще двум лицам сообщается, что отправитель погрузил на лодку 4 кур дильмунских фиников и передал их в Уруке определенным людям, взяв с них расписку.

Пожалуй, из всех писем, в которых упоминается Надин, лишь YOS III, 104 (и то предположительно) носит характер личной, а не служебной переписки. В нем сообщается, что в местности, откуда отправлено письмо, мало овец. Далее корреспондент просит Надина выслать ему 1 мину серебра, обещая отдать последнему овцу.

В нескольких же документах фиксируется выдача Надину фиников и ячменя в качестве доли его доходов из храма (maš-šartu). В сильно разрушенном Pohl II, 21 (дата не сохранилась), по всей вероятности, содержится список выданного продовольствия финиками или ячменем храмовому персоналу. В частности, Надину, сыну Бел-аххе-икиши (родовое имя разрушено), было выдано 23 кур 4 пан 4 сут 3 ка (платежный период не указан или не сохранился). В Freydank 2 (obv. 31: дата разрушена) говорится о получении за один месяц Надином (назван только по имени) 1 кур 3 пан 2 сут 3,5 ка фиников. Freydank 1 (obv. 33; 540 г.) отмечает выдача Надину, сыну Бел-аххе-икиши, за первые три месяца года 7 кур 2 пан 3 сут и 3 кур 5 сут ячменя и фиников соответственно. Здесь же упоминается в качестве получателя продовольствия и известный писец Мурану, которому за один месяц было выдано 4 кур фиников, 1 кур 3 пан 5 сут ячменя (ср. также [Freydank 26]). В YOS VI, 96 (местность Бит-дуллу, двор Белет Урукской, 545 г.) фиксируется получение 5 кур ячменя Надином, сыном Бел-аххе-икиши, и еще одним человеком за три последних месяца года. Lutz II, 51 (без даты и места составления) свидетельствует о получении

«писцом Надином» 10 кур фиников или ячменя (здесь же упомянут и Мурану). По свидетельству YOS VI, 32 (554 г.), Надину, сыну Бел-аххе-икиши, было выдано 2 кур ячменя или фиников. Согласно YOS VII, 52 (533 г.), Надин за два месяца получил 1 сут 3,5 ка тех же продуктов, а известный писец Балату — 3 сут 3 ка. Согласно YOS VII, 110 (529 г.), Надину было выдано [...] 5 сут 2 ка фиников, а Балату — 1 кур 4 сут.

Из приведенных выше текстов можно сделать следующие выводы. Надин работал в качестве храмового писца при Нергал-шар-уцуре, Набониде, Кире и Камбизе, от 3-го года Нергал-шар-уцура до 8-го года Камбиза, т. е. по меньшей мере в течение 35 лет (как писец упоминается в 64 административно-хозяйственных документах). Почти все эти тексты составлены в Уруке или в его окрестностях, а один (Pohl I, 63 — документ об арендной плате с полей Эанны) — в Вавилоне. Во многих контрактах, где Надин выступает свидетелем или выполняет другие служебные функции, он назван также «писцом Эанны» или просто «писцом». Его титул «писец» приводится всего в 88 текстах. В качестве свидетеля он фигурирует в 37 документах, составленных между 3-м годом Нергал-шар-уцура (557 г.) и 4-м годом Камбиза (526 г.). Почти все эти тексты происходят из Урука или его окрестностей, кроме GC I, 353 (в нем зафиксирован долг в 5 мин серебра, который несколько человек должны были Эанне), написанного в Бит-шар-Бабили, т. е. в центре Вавилона. Восемь документов из Урука (от 4-го Набонида до 8-го Кира), касающихся хищения храмового имущества, посвящения рабов в храм, сдачи в аренду храмовых полей и т. д., составлены в присутствии высших храмовых чиновников и многих других лиц, в том числе и Надина. В двух документах из Урука Надин фигурирует среди полноправных свободных, представителей народного собрания Урука при Эанне, которое выносило судебные решения по разным делам. В одном документе Надин упомянут среди «вступающих в храм», т. е. среди храмового персонала, имевшего право входа во внутренние пределы храма, «коллегии Эанны», которая решила дело относительно передачи по наследству храмовой пребенды одного лица.

В 527 г. Надин, будучи в Вавилоне, вместе с другими чиновниками Эанны выплатил часть храмового долга — цены за шерсть, которая была выдана Надину для каких-то служебных целей. Один документ из Урука также фиксирует долг за храмовыми писцами как представителями Эанны, в том числе и за Надином. Далее он был занят установлением арендной платы с храмовых полей, выдачей овец для жертвоприношений, продовольствия для храмовых работников, взысканием долгов с храмовых должников и т. д. Всего таких документов 15, почти все они происходят из Урука или его окрестностей (кроме одного, который составлен в Вавилоне) и датируются от 10-го года Набонида до 5-го года Камбиза (546—525).

Ряд текстов (восемь документов) фиксируют получение Надином фиников или ячменя в качестве доходов, обычно за один месяц около 1,5 кур. Возможно, с годами доля доходов Надина повышалась. Так, в 15-м году царствования Набонида (540 г.) ему за три месяца было выдано 7 кур 2 пан 3 сут ячменя и 3 кур 5 сут фиников, хотя до этого он получал значительно меньше.

Судя по письмам, Надин часто находился и вне Урука, выполняя служебные обязанности на различных храмовых территориях в урукской округе, а также в Вавилоне и Ларсе. Он отпускал продовольствие для храмовых работников, приобретал ячмень в Вавилоне, чтобы переслать в Эанну, выдавал скот, птицу и вино для храмовых жертвоприношений, деньги для покупки ячменя, отправлял квасцы в Эанну, приобретенные из какой-то страны Кашаббу, надзирал за выполнением различных работ на храмовых полях, распределял наемных работников на эти поля, контролировал работу лиц, ухаживавших за царским скотом, находившимся в ведении храма, выдавал инвентарь для работников, следил за стрижкой овец, за доставкой царю доли доходов, причитавшихся с Эанны. Всего Надин упоминается в 53 письмах.

Надин — не единственный писец Эанны, о функциях которого сохранилась столь обильная информация. Таких храмовых писцов было много, но на их деятельности в данной работе подробно мы останавливаться не будем. Кроме того, служебные биографии этих писцов существенно не отличаются от биографии Надина. Поэтому рассмотрим кратко те свидетельства, которые содержат наиболее важные дополнения к уже упомянутым выше текстам. Эти свидетельства будут даны в алфавитном порядке под именами писцов, которые работали приблизительно одновременно с Надином (приведенный список является лишь выборочным). В список включены также и некоторые писцы других храмов.

Адад-ушезиб, сын Самику, в TCL XII, 119; YOS VI, 169 и 231, составленных в 17-м году царствования Набонида (539 г.), упоминается как писец. Но через четыре года, в 535 г., его статус был совершенно другим: он занимал должность надзирателя за храмовыми пастухами (*nāqīdu*) [TCL XIII, 171].

Амурру-бан-ах, сын Амурру-зер-ибни, работал в период правления Набонида. Он взял из Эанны ссуду 28 кур ячменя под поручительство некоего Набу-зер-укина и под залог рабыни. Документ составлен самим писцом-должником [YOS VI, 102]. Однако ссуда не была погашена в срок, и кредитор потребовал от поручителя немедленной уплаты. Поручителю пришлось передать храму в счет уплаты двух своих волов и заложенную рабыню Амурру-бан-аха [YOS VI, 132 и 197; ср. BR VI, с. 108].

Апла, сын Бел-иддина, потомка Эгиби. Если отождествление его личности считать бесспорным (во всяком случае, во

всех текстах приводится полная патронимия), документы, относящиеся к его деятельности, представляют исключительный интерес, хотя их полная оценка не может быть здесь дана. Он принадлежал к знаменитому деловому дому Эгиби и впервые упоминается в долговом документе, составленном в Вавилоне и происходящем из архива Эгиби, т. е. частных лиц, в 577 г. в качестве писца [Nbk 188]. Последний раз он как писец фигурирует через 22 года, в 555 г., в двух документах архива храма Эанны. Однако оба текста составлены не в Уруке, а в Ларсе [YOS VI, 10 и 11]. В первом тексте, в частности, в его присутствии доводится до сведения официальных лиц указ царя Набонида о регулировании храмовых жертв и рационов. Вторым текстом написан им самим и фиксирует сдачу в аренду храмовых полей. В 546 г. Апла снова появляется в Вавилоне, откуда (включая и пригород этого города Шахрину) происходят все остальные тексты, упоминающие его. Он ссужает одному лицу под проценты 2 мины серебра [Mbd 426]. По свидетельству Nbd 566, один из рабов Аплы получил от третьего лица ссуду 6 сиклей серебра. Последний раз Апла упоминается в 509 г. в долговом документе в качестве свидетеля [Dag 349]. К тому времени он, очевидно, был уже очень старым человеком, так как еще за 68 лет до этого начинал свою писцовую деятельность.

Арад-Бел, сын Бел-ушаллима, потомка Адад-шамме, трудился в качестве писца в храме Эбаббарра в Сиппаре в течение 38 лет (559—521) [Camb 19; Cug 184; Dag 27; Nbd 1001; Winckler, ZA II, с. 168 и др.]. Он иногда ездил по служебным делам в Вавилон и другие города. Арад-Бел взял у одного храмового раба в качестве его годовой повинности две «новые одежды» [Camb 398; писцом документа является он сам]. По распоряжению Уштана (Остана), наместника Вавилонии и Заречья, Арад-Бел и еще несколько чиновников получили от двух лиц более 144 кур ячменя [Dag 27; текст плохо сохранился и не вполне понятен]. Арад-Бел заключил от имени храма контракт на изготовление кирпичей [Cug 255].

Арад-Иннин, сын Ибни-Иштара, потомка Гимил-Нанайи, работал писцом в Эанне 19 лет (554—535) [GC II, 354; Pohl I, 31, 39; YOS VI, 152, 202; VII, 33, 38 и др.]. Он входил в число полноправных граждан, в присутствии которых рассматривались различные донесения относительно недостачи храмового имущества [Pohl I, 41; TCL XIII, 124; YOS VII, 18] или судили расхитителей этого имущества [YOS VII, 7]. Совместно с двумя лицами он обязан был привести в храм некоего Нанайи-иддина и передать его там чиновникам и писцам, а в противном случае возместить причитающийся за ним долг ячменем и финиками [YOS VII, 34]. Вместе с одним храмовым чиновником Арад-Иннин должен был доставить из Урука в Вавилон к сатрапу этой страны Губару (Гобрию) некоего Балату, иначе

оба поручителя подвергнутся наказанию. Одновременно в Вавилон направлялись также управитель Эанны и царский контролер этого храма [Pohl I, 45]. Арад-Иннину было приказано также доставить в Вавилон некоего Мардука и передать его там в распоряжение управителя Эанны, отправившегося туда из Урука [YOS VII, 3]. За один месяц Арад-Иннин получил от храма в качестве своего дохода 3 кур 1 пан 18 ка фиников [TCL XII, 112; см. также Freydanck 62].

Арад-Мардук, сын Мардук-шум-иддина, потомка Бел-апли-уцура, как писец Эанны упоминается в 40 текстах в течение 13 лет (535—522) [GC II, 120; Pohl I, 46, 48, 53; TCL XIII, 140, 162; YOS VII, 43, 47 и др.]. Он взыскивал храмовые долги [YOS VII, 170, 194], выдал деньги для аренды храмом лодки [GC II, 107] и т. д.

Ардия, сын Эанна-шум-ибни, работал писцом Эанны в период правления Кира и Камбиза [TCL XIII, 168; YOS VII, 85 и др.]. Он занимался в основном сбором арендной платы с храмовых полей [YOS VII, 95, 113, 124, 131, 142].

Аххе-иддин-Мардук, сын Роба-Мардука, потомка жреца Иштар Вавилонской, был писцом храма Эбаббарра в Сиппаре в 545—526 гг. [Nbd 907, 932, 999; Cug 170, 175; Camb 42, 93; Peek 11 и др.]. По свидетельству Nbd 585, составленному в Вавилоне, пять человек, в том числе Аххе-иддин-Мардук, должны были доставить в Сиппар «утварь (бога) Шамаша Сиппарского» (в тексте дан подробный перечень этого имущества), которая для каких-то целей была взята из Сиппара в Эсагилу — главное святилище в Вавилоне. Он же выступает в качестве свидетеля в контракте о продаже рабыни, заключенном в Вавилоне [Nbd 635]. Согласно Cug 281, один храмовой раб по приказу сиппарского жреца был закован в кандалы и посажен в амбар, а другой раб того же храма перед храмовыми чиновниками, «писцами и старейшинами города» поручился за то, что арестованный раб не убежит и будет выполнять свою работу, и попросил освободить его. Среди свидетелей, перед которыми было сделано это заявление, упоминается и Аххе-иддин-Мардук. Судя по Camb 194, один пастух был заподозрен в хищении находившихся на его попечении храмовых уток, поэтому ему было предписано показать и передать их сиппарскому жрецу, попечителю Эбаббарра и писцам (LU.SID.MES), среди которых назван и Аххе-иддин-Мардук. Обязательство уплаты одним лицом определенной суммы денег храму зафиксировано в присутствии сиппарского жреца, попечителя Эбаббарра, царского контролера и Аххе-иддин-Мардука [Camb 240].

Балату, сын Арад-Набу, потомка выжимальщика растительного масла, был писцом и чиновником Эанны начиная от 17-го года Навуходоносора II до 11-го года Набонида (588—545), т. е. в течение 43 лет [GC I, 398; Pohl I, 17; YOS VI, 16, 17, 143, XVII, 15 и др.]. По свидетельству YOS VI, 10 (Ларса,

555 г.), он и его брат Набу-бан-ах допустили какое-то нарушение во время выполнения своих служебных обязанностей и поэтому были лишены храмовой пребенды. Вероятно, эта мера наказания была временной, так как, согласно GC I, 387, через 10 лет Балату в качестве месячной доли своих доходов получил из Эанны 1 кур ячменя. В 583 г. ему было выдано для торговли 10 сиклей [серебра?] и 1 мина шерсти [GC I, 188], а спустя много лет (в 565 г.) — $2\frac{1}{4}$ сикля серебра для покупки шерсти храму [GC I, 291]. Экономическое положение этого пйсса, вероятно, было не очень благополучным, поскольку в 555 г. он взял в храме Эанна ссуду 20 сиклей серебра, заложив для этого свой дом. Он сам был писцом соответствующего документа [GC I, 398].

Балату, сын Мушезиб-Бела, работал писцом Эанны от 2-го года Нергал-шар-уцура до 3-го года Кира (558—536), т. е. в течение 22 лет [GC I, 418; Pohl I, 19; TCL XII, 66, 68; YOS VI, 22, 43—45, VII, 27 и др.]. Он часто выезжал из Урука по служебным делам, в связи с чем упоминается десять поселений и городов, в которых он бывал [Mich 4; YOS VI, 78 и др.]. В частности, он вместе с другими писцами занимался измерением площади храмовых полей [Pohl I, 30], установлением арендной платы с них [YOS VI, 232], приобретением драгоценных камней для храма [GC I, 327], перевозкой храмовых денег, предназначенных для торговых операций [BIN I, 3, 71]. Балату присутствовал также среди полноправных, перед которыми было сделано заявление одного должностного лица относительно храмового имущества [YOS VI, 183].

Балату, сын Син-ибни, потомка волопаса, работал писцом Эанны в период между 11-м годом Набонида и 7-м годом Кира (545—532) [Pohl I, 37; TCL XII, 106; YOS VII, 5, 15, 35 и др.]. Согласно Agnaud, в 539 г. Балату вместе с начальником пивоваров Эанны привел к судьям царя Набонида в Вавилоне человека, который ранее купил у третьего лица храмовую рабыню, поскольку сделка эта носила противозаконный характер. В YOS VII, 13, отмечается, что дом Балату был сдан в аренду.

Бания, сын Табнеа, потомка рыбака, был писцом в Эанне в 573—555 гг. и по служебным делам нередко ездил в Вавилон и Борсиппу [GC I, 113, 117, II, 85; TCL XII, 48, 62, XIII, 170; Weisberg 6 и др.].

Бел-апла-иддин, «писец Эаббарры» при Кире и Камбизе [Суг 31 и др.], был одним из «вступающих в храм» [Суг 339; Camb 44].

Бел-икиша, сын Бании, потомка рыбака, трудился в качестве писца в Эанне при Набониде, Кире, Камбизе и в начале царствования Дария I (часть дат разрушена, работал по меньшей мере 19 лет, между 539—520 гг.) [BIN I, 102, 103, 129; TCL XIII, 172; YOS VII, 181 и др.]. По свидетельству YOS VII, 151, три

официальных лица (судья, писец и сепиру) велели Бел-икише потребовать у одного торговца рыбы для храма. По-видимому, этот же писец послал в храм «для стола Бёлет Урукской» 200 гранатов [TCL IX, 114].

Бел-надин-апли, сын Мардук-шум-иддина, потомка Бел-апли-уцура, упоминается в 30 с лишним текстах из Урука и его окрестностей. Он работал писцом в Эанне не менее 18 лет (542—524) [BIN II, 130; Pohl I, 32; TCL XII, 112, XIII, 161; YOS VII, 181, 187 и др.]. Судя по YOS VII, 95, он был одним из арендаторов храмовых полей и совместно с другим лицом доставил в Эанну в качестве арендной платы 75 кур 1 пан 4 сут фиников. Согласно Pohl I, 32, он (назван только по собственному имени) уплатил храму с арендованного поля 5 кур ячменя. Вероятно, отправитель письма BIN I, 93, упомянутый лишь по собственному имени, был тождествен интересующему нас лицу. Это письмо адресовано одному из персидских царей и содержит донос на какого-то человека, который, если верить Бел-надин-апли, согрешил против царя. В другом письме Бел-надин-апли упрекает храмового чиновника Бельгимилланни в том, что тот в предыдущем году удержал причитавшийся ему в качестве продовольствия ячмень (немногим более 113 кур). Далее в письме содержится требование выдать этот ячмень и проценты на него, а также финики и ячмень за текущий год гонцу, которого Бел-надин-апли направляет к адресату [YOS III, 40]. Один из корреспондентов сообщает Бел-надин-апли об отправке в храм 2 талантов (60 кг) гранатов и просит прислать расписку о получении, а также вино [BIN I, 21]. Другой корреспондент пишет ему, что на 1 мину серебра куплены квасцы, а оставшиеся 8 мин посланы в его распоряжение через гонца [BIN I, 57].

Гимиллу, сын Иннин-зер-иддина, писец Эанны, упоминается в течение 28 лет (552—524) в 66 документах [BIN II, 111, 116; GC II, 100, 102, 115; YOS VII, 9, 10, 18, 24 и др.]. По свидетельству BIN I, 165, для каких-то храмовых нужд он получил 133-ствола ивового дерева.

Иддин-Набу, сын Шакин-шума, потомка Гимил-Нанайи, работал писцом в Эанне в течение 35 лет (596—561 гг.) [Pohl I, 8; TCL XII, 59; YOS XVII, 13, 337 и др.]. Иногда по служебным делам его посылали в Вавилон [Pohl I, 8]. Он известен также как арендатор храмовых полей [TCL XII, 59]. Последний раз упоминается в документе в 533 г. (но тогда, пожалуй, его уже не было в живых), в котором речь идет о том, что его племянник заявил о находке «таблички на имя Иддин-Набу» [Pohl I, 55].

Иннин-зер-ушабши, сын Нанайа-караби, трудился писцом в Эанне в течение 23 лет (571—548). [GC I, 65, 260; YOS VI, 119 и др.]. В GC I, 247 он носит титул «dēkū», т. е. выполнял функции чиновника, занимавшегося сбором налогов и созывом на

повинности (согласно тексту, за эту работу он получил определенное количество соли и пряностей). За три месяца в качестве продовольствия (*kuḡummatu*) ему было выдано из храма [1 ?] кур 2 пан 3 сут пряностей, 3 кур 2 пан 3 сут соли [GC I, 249].

Иштар-мукин-апли, сын Иннин-зер-ушабши, фигурировал как писец в Эанне при Набониде [YOS VI, 122, 148 и др.]. Значительный интерес представляет документ YOS VI, 143, в котором речь идет о разделе имущества между ним и его дядей (братом отца) Набу-мушетик-урри. Последний еще при жизни брата получил в качестве своей доли наследства двух рабов, а теперь еще одного раба. Племяннику же достались два раба, из которых один владел домом и другим имуществом. Этот раб был отцом двух сыновей; из них старший достался племяннику, а младший — дяде. В тексте указывается, что каждый наследник получил свою долю рабов, но дома были оставлены в общем владении. Документ составлен в присутствии храмовых чиновников.

Кина, сын Зериц, один из коллег Надина, также часто упоминается в текстах времени Набонида и Кира. По свидетельству TCL XIII, 133, Кина, Мурану и еще несколько полноправных рассмотрели дело о противозаконной продаже одним пастихом храмового скота.

Мардук-нацир, сын Даян-аххе-иддина, потомка Шигуа, работал писцом в Эанне в 532—520 гг. [BIN II, 108; GC II, 113, 120; YOS VII, 73, 109, 115 и др.].

Мурану, сын Набу-бан-аха, потомка Экур-закира, выполнял функции писца Эанны, свидетеля контрактов и храмового чиновника по меньшей мере в течение 20 лет, между 12-м годом правления Набонида и 6-м годом Камбиза (544—524) [GC I, 380; Pohl I, 27, 30, 45, 46; YOS VI, 108, 159, 203, VII, 5—7, 18, 35 и др.; всего 38 документов]. Примечательно, что Набу-бан-ах, отец Мурану, также был писцом Эанны.

Мушезиб-Мардук, сын Бел-убаллита, потомка Амель-Эа, был писцом Эанны при Набониде и Кире [YOS VI, 77, 122 и др.]. В присутствии полноправных людей, включая его, было заслушано заявление царского гонца относительно трех храмовых коров, съеденных какими-то людьми [YOS VI, 131]. Во время одной из служебных поездок на дорожные расходы для себя и людей, которые были с ним, он получил 1,5 сикля серебра [YOS VI, 133]. Этот писец арендовал также храмовое поле и уплатил Эанне 16 кур финигов [YOS VII, 35].

Набу-апла-иддин, сын Бел-убаллита, потомка солевара, работал писцом в Эанне в течение 15 лет (541—526) [BIN I, 113; TCL XIII, 154; YOS VII, 63, 118, 130 и др.]. В 527 г. ему (однако не указано его родовое имя) была дана из храма овца вместо доли доходов финиками и ячменем, период оплаты не указан [YOS VII, 143; см. также TCL XII, 112].

Набу-аххе-буллит, «писец Эанны» в период правления Нергал-шар-уцура, присутствовал при вынесении судебного решения относительно сына храмового раба, отданного в антихрезу третьему лицу и пожелавшего после погашения ссуды вернуться в Эанну. Наряду с Набу-аххе-буллитом в качестве представителей храма присутствовали также попечитель Эанны и другие лица [Scheil, RA XII, с. 8].

Набу-бан-ах, сын Ибны, потомка Экур-закира, из знаменитого писцового рода, был писцом Эанны (о его деятельности см. статью Р. Зака [189, с. 42 и сл.]). Однако Зак допускает неточность, полагая, что имя этого писца засвидетельствовано начиная лишь с 23-го года царствования Навуходоносора II [189, с. 43]. Еще в документе от 12-го года этого царя (593 г.) он функционирует в качестве писца [TCL XII, 34 составлен в Вавилоне, но относится к архиву храма Эанны]. Судя по недавно опубликованным текстам, Набу-бан-ах работал писцом уже от 9-го года Навуходоносора II (596 г.) [YOS XVII, 33, 38]. Последний раз как писец он упомянут в текстах от 1-го года Амель-Мардука (561 г.). Таким образом, он служил в храме не менее 35 лет [BIN I, 133; GC I, 113; Pohl I, 10; TCL XII, 62 и др.]. Кроме Урука он писал храмовые документы в Вавилоне и других городах, вплоть до Тира в Финикии. Например, согласно GC I, 94, составленному в 564 г. в Тире, Набу-бан-ах и попечитель Эанны взяли ссуду 3 мины серебра, которые предполагалось израсходовать, в частности, для приобретения продовольствия храмовым пастухам. При этом оба должника поручились друг за друга. Перед именем Набу-бан-аха стоит логграмма для писца LU.SID, а после имени — LU.SID *é-an-na* («писец Эанны»). В 561 г. Набу-бан-ах вместе с попечителем Эанны выплатил в Вавилоне представителю храма Эсагила 2 мины серебра из общей суммы 3 мины, которую градоначальник Урука (очевидно, как доверенное лицо Эанны) должен был этому храму [TCL XII, 62].

Сохранилась также служебная переписка Набу-бан-аха (она не использована в упомянутой выше статье Зака). Например, он сообщает одному чиновнику о побеге храмового раба и о необходимости поймать его, отнять одежду, которую тот привнес с собой, а его самого заключить в кандалы [TCL IX, 83]. В TCL IX, 76 говорится, что Набу-бан-аху из Вавилона послано письмо относительно храмового ячменя. Царский контролер обращается к Набу-бан-аху, называя его «братом», т. е. как к равному по занимаемому положению. Он просит его срочно выслать 2 таланта шерсти и распорядиться о покраске 160 козьих шкур [BIN I, 26]. Другой храмовой чиновник пишет Набу-бан-аху о серебре, которое тот послал с определенным лицом, что там не хватает 3 сиклей [YOS, III, 147; см. также BIN I, 50, 60, 72, 91; YOS III, 142—144, 195].

Набу-бан-ах, сын Набу-балату-икби, потомка Син-лике-ун-

нинни, служил писцом в Эанне в течение 31 года (572—541) [GC I, 233, 412; YOS VI, 61 и др.]. По свидетельству YOS VI, 71/72, царский контролер в Эанне заявил 16 лицам, включая интересующего нас писца, — «вавилонянам, урукитам, старейшинам, вступающим в храм и коллегии Эанны» — о том, что царевич, наследник престола (имеется в виду Бел-шар-уцур), распорядился о расследовании дела о храмовых одеждах. Для каких-то целей одежды богини Инанны из храма Эзида в Борсиппе и Иштар из Эанны были взяты, по-видимому, в Вавилон. По прошествии определенного времени эти одежды надо было вернуть. Однако Иштар Урукская не получила своих одежд, и кто-то сообщил об этом царевичу, а последний велел доложить ему, почему богине не выдают ее имущество.

Набу-бел-шуну, сын Бел-ах-ушабши, потомка Амель-Эа, трудился в качестве писца в Эанне в течение 27 лет (561—534) [TCL XII, 60, XIII, 138; Pohl I, 47]. Согласно последнему тексту, перед этим писцом и еще семью полноправными одна женщина заявила, что ее сын Набу-уцуршу говорит: «Мардук-шум-уцур — мой отец». Однако, по ее словам, последний не женился на ней, а отцом Набу-уцуршу является Набу-зер-укин, и никто другой. После этого сам Набу-уцуршу, который был допрошен упомянутыми лицами, сказал: «Все свои документы⁷ я запишу на имя Набу-зер-укина, отца моего».

Набу-белшуну, сын Инанна-шум-эреша, потомка Эа-илуту-ибни, работал писцом в Эанне в 530—525 гг., писал документы в Уруке и восьми различных поселениях близ этого города [BIN I, 110, 125; GC II, 407; YOS VII, 84, 135, 156 и др.].

Набу-зер-укин, сын Набу-кацира, потомка Аррабту, служил писцом в Эанне в течение 22 лет (544—522) [BIN I, 113; Pohl I, 42, 48; VOS VII, 55, 75, 79 и др.]. Выше (с. 109) было рассмотрено несколько наиболее интересных текстов, где упоминается и он.

Набу-кий-апли, сын Мардук-шум-иддина, потомка Балату, был писцом в Эанне при Кире и Камбизе [YOS VII, 26, 196 и др.].

Набу-мушетик-урри, сын Балату, потомка Дамику, фигурировал как писец в Эанне в течение 19 лет (565—546) [TCL XII, 58; YOS VI, 57, 73, 129 и др.]. Согласно TCL XII, 58, он, будучи арендатором храмового поля, должен был в счет арендной платы доставить 20 кур ячменя. Составителем документа является сам Набу-мушетик-урри. Далее он купил за 1 мину 5 сиклей серебра двух-рабынь и дочь одной из них [YOS VI, 73 — частноправовой документ, который хранился в храмовом архиве]. По свидетельству YOS VI, 92, Набу-мушетик-урри, попечитель Эанны и градоначальник Урука изложили существо дела относительно владения одним домом, а «собрание вавилонян, урукитов (и) судьи» рассмотрели это дело и вынесли свое решение. Этот же писец как представитель храма выдал

трем лицам из имущества Эанны $15\frac{1}{6}$ мины серебра под залог поля [BIN I, 101]. Набу-мушетик-урри занимался также сбором арендной платы с храмовых полей [YOS VI, 63 и 194].

Надин, сын Бел-ле'у, потомка Син-лике-уннинни (родовое имя нередко пропускается), функционировал как писец в Эанне при Набониде [YOS VI, 164 и др.]. Он выступает писцом долговой расписки YOS VI, 164 и свидетелем в аналогичном документе YOS VI, 166. В обоих текстах контрагентами являются частные лица, а храм вовсе не упоминается, но тем не менее документы происходят из храмового архива. Однако для этого могли быть причины, которые нам неизвестны. Нередко этот писец оказывался в стесненных обстоятельствах и прибегал к займам. По свидетельству одной долговой расписки, он занял 13 кур фиников и $1\frac{1}{8}$ сикля серебра [YOS VI, 48; см. также VI, 119 и 132]. По свидетельству YOS VI, 153, Гимиллу, брат Надина, должен был привести последнего к определенному времени в Урук и передать его некоему Шамаш-ах-иддину. Судя по тексту, Надин ранее занял у него 24 сикля серебра, а теперь утверждал, что он погасил ссуду полностью. Шамаш-ах-иддин утверждал о получении только половины этой суммы. Поэтому Надин должен был либо доказать необоснованность претензий кредитора, либо же уплатить 12 сиклей серебра и проценты по ним. Согласно YOS VI, 89, Надин совместно с одним человеком получил в храме Эанны 100 кур ячменя в обмен на семена какого-то растения (kasū — горчица?). Оба лица дали поручительство друг за друга. Трудно сказать уверенно, являлись ли они в данном случае храмовыми агентами или же частными контрагентами.

Нана-эреш, сын Гимиллу, трудился в качестве писца в Эанне при Кире и Камбизе [YOS VII, 68, 109, 124 и др.]. Обычно он занимался сбором арендной платы с храмовых полей [YOS VII, 84 и 171; в первом тексте он назван «гонцом управителя Эанны и царского контролера, распорядителя имуществом» храма]. Согласно YOS VII, 38, храмовые чиновники передали ему в служебное пользование поле и финиковую рощу, принадлежавшие Эанне, с условием, что он будет платить арендную плату, которую установят «измерители».

Пиру, сын Табнеа, потомка рыбака, был писцом в Эанне при Набониде [YOS VI, 77, 145 и др.].

Убаллитсу-Гула (патронимия его не приводится в текстах) известен как писец храма Эаббарра в Сиппаре в период между 11-м годом Набонида и 22-м годом Дария I, т. е. в течение 45 лет (545—500) [Nbd 567; Cyr 13; Dar 10, 13, 107 и др.]. Он принимает и выдает шерсть, деньги, растительное масло и ячмень для храмовых работ, жертв и т. д. [Cyr 13; Dar 33, 107, 113, 130, 471, 535; Nbd 567]. Dar 291 является письмом от Убаллитсу-Гулы и Бел-иддина (писца Эаббарры, известного и из других текстов) [Dar 558 и др.] к храмовому чиновнику

с указанием выдать определенному лицу 117 кур фиников — цену 90 овец и 2 быков. Dar 101 представляет собой письмо от Хабацира (писца Эбаббарры) и Убаллитсу-Гулы к одному лицу с распоряжением выдать некоему Рибе для нужд храма 10 кур фиников. По свидетельству BRM I, 101, Убаллитсу-Гула, два писца Эбаббарры (Бел-иддин и Набу-аххе-ушаллим), сепиру и царский контролер по приказу Уштана, персидского наместника Вавилоний, и высших чиновников Эбаббарры составили документ об условиях сдачи в аренду храмовых полей. Убаллитсу-Гула, сепиру и ряд других лиц пишут о сборе арендной платы с полей Эбаббарры [Dar 344]. Согласно фрагментарному Dar 558, писцам (DUB.SAR.MES) Бел-иддину и Убаллитсу-Гуле для каких-то целей было выдано 52 овцы и 75 баранов. Далее последний в качестве своей доли доходов от храма получил за месяц 2 кур ячменя [Dar 10]. Значительный интерес представляет СТ Н, 2, по свидетельству которого один чиновник Эбаббарры заявил правлению храма об исчезновении куска полотна, принадлежавшего храму. Правление велело обыскать храмовой персонал, в результате чего у Убаллитсу-Гулы было найдено «египетское полотно». Однако он заявил, что купил его за муку и финики в присутствии свидетелей у одного египтянина, проживавшего в Сиппаре. Свидетели подтвердили его слова, а полотно, из-за которого был устроен обыск, позднее нашли в храме.

Шадуну, сын Гула-зер-ибни, работал писцом в Эанне при Кире [YOS VII, 99].

Ширикту-Кусу, сын Балату, фигурировал в качестве писца в Эанне в 535—525 гг. [BIN I, 169; YOS VII, 37, 45 и др.]. В его распоряжении находился один храмовой раб, которому затем удалось бежать [YOS VII, 44]. Исключительный интерес представляет документ YOS VII, 179, согласно которому Ширикту-Кусу и его брат Хабациру, сыновья храмового раба Балату, а также еще два лица, храмовые рабы Эанны, были направлены управителем последней в одно поселение для измерения ячменя. Согласно тексту, все четыре храмовых раба поклялись богами Белом и Набу в том, что они отдадут управителю его долю продовольствия и доходов (ср. [51, с. 65]). Следовательно, упомянутый писец был сыном храмового раба и по своему социальному статусу сам также принадлежал к храмовым рабам.

Шума, сын Ибни-Иштара, потомка прачечника, был писцом в Эанне в течение 26 лет (567—541) [GC I, 189, 261; TCL XII, 75; YOS VI, 59, 87 и др.]. Иногда он ездил по служебным делам в Вавилон [GC I, 353 и 419]. Наряду с царским контролером, попечителем Эанны и другими лицами — «вступающими в храм, коллегией Эанны» или в составе полноправных — Шума был занят расследованием дела о пропавшем храмовом скоте [YOS VI, 77 и 183].

Эанна-липи-уцур, сын Тариби, фигурирует как писец в Эанне при Набониде [YOS VI, 99 и др.]. Он был занят главным образом сбором арендной платы с храмовых полей. Согласно YOS VI, 159, этот писец вместе с двумя другими лицами обязан был к определенному сроку сдать на храмовые склады 1330 кур ячменя и 860 кур 3 сут фиников — недостачу, которая обнаружилась при подсчете доставленной ими в храм годовой арендной платы. Позднее все три лица заявили «управителю Эанны и писцам Эанны», что они передали 316 кур ячменя рабу царского контролера для распределения среди храмовых рабов в качестве рационов [YOS VI, 167].

Эанна-шум-ибни, сын Ахешши, был писцом в Эанне в течение 37 лет (573—536) [BIN I, 103; GC I, 231, 237, 248, 412; YOS VII, 2, 15, 25 и др.].

Сколько всего писцов работало одновременно в Эанне? Как мы видели, вместе с Надином в одних и тех же документах часто упоминаются и пять других писцов: Арад-Мардук, Балату, Кина, Мардук-нацир и Мурану. Надин трудился в Эанне начиная от 3-го года правления Нергал-шар-уцура до 8-го года Камбиза. В этот же период в Эанне было не менее 30 писцов, имена которых приведены выше (на самом деле, их было больше, поскольку список, как было указано, является выборочным). Кроме того, не все тексты из архива Эанны, очевидно, сохранились, а часть их еще не раскопана. К тому же несколько тысяч административных и хозяйственных документов этого храма, относящихся к интересующему нас времени, еще не изданы. Учитывая, что годы деятельности многих писцов в приведенном выше списке не вполне совпадают (а иногда и значительно расходятся), а также очевидный и хорошо засвидетельствованный факт регулярной смены состарившихся писцов начинающими, можно прийти к следующему выводу: в Эанне одновременно работало не менее 20 писцов. Надо полагать, что приблизительно такое же число писцов было и в других крупных храмах страны [прежде всего в Эсагиле (Вавилон), в Эбаббарре (Сиппар) и в Эзиде (Борсиппа)].

Поскольку делопроизводство в значительной мере велось на глиняных табличках, писцы, писавшие на глине, были незаметны. Но они не все занимались постоянно писцовой работой. Храмовой писец — это прежде всего чиновник, осуществляющий хозяйственные и деловые операции храма. Многие писцы выполняли функции также счетоводов.

Таким образом, писцы не являлись жрецами, их деятельность носила светский характер и не была связана с жреческими традициями, хотя немногих писцов по их функциям и титулам можно отнести к кругу жрецов. Например, писец Шамаш-табни-уцур, сын Мардук-шапик-зери, потомок Син-ликесуннинни, который служил в храме Эанна при Кире и Камбизе, в тексте YOS VII, 71:12 назван galamahhu (главный певчий

погребальной службы) (см. [120, с. 109, 132 и 147]). Храмовые писцы были главным образом чиновниками административно-хозяйственного аппарата. Наиболее высокопоставленный из них, а именно «писец Эанны» (*ṭuršar Eaṇna*), совместно с управителем храма (*šaṭammi*) и попечителем (*qiri ša Eaṇna*) входили в состав храмового правления — высшего исполнительного органа храмового самоуправления, пока реформа Набонида не поставила на место «писца Эанны» царского контролера (*gēš šar-gi*). Если до этой реформы титул «писец Эанны» носило только одно лицо, то после нее он распространился на нескольких храмовых чиновников [190, с. 29 и сл.; 120, с. 109].

Писцы работали либо в одиночку, либо группами под руководством храмового управителя. Они трудились на различных подвластных храмам территориях. Так, в одном тексте отмечается, что в случае недостатка в писцах в определенном месте они будут направлены туда. Иногда и царь посылал писцов для работы в храм, поручив им специальные функции ревизоров и контролеров храмового имущества.

По мнению Кюммеля, некоторые писцы только в течение короткого времени и большей частью лишь в начале своей деятельности служили писцами, а после этого становились важными чиновниками. Мы это наблюдение сформулировали бы по-другому: храмовой писец прежде всего был чиновником, который занимался не только делопроизводством, но также осуществлял хозяйственные и деловые функции храма (устанавливал арендную плату с полей, выдавал различные продукты для жертвоприношений, взыскивал долги, производил счетоводные операции и т. д.). Таким образом, должностные обязанности писцов были весьма разнообразны.

Значительный интерес представляет и такой вопрос: занимали ли писцы какие-либо официальные должности, кроме тех, которые были связаны с их профессиональной работой? Как мы видели, Адад-ушезиб, сын Самику, работал в Эанне писцом, а через несколько лет занял должность надзирателя за храмовыми пастухами. Р. Зак отмечает, что, насколько позволяют судить тексты, писцы Эанны могли претендовать на какие-либо должности в храмовом правлении, только бросив писцовую работу [189, с. 46 и сл. и примеч. 17]. Из состава писцов выходили чиновники высшего храмового руководства. Рядовой храмовой писец мог стать «писцом Эанны». Кюммель приводит ряд примеров, когда простые храмовые писцы и «писцы Эанны» становились управителями этого храма [120, с. 109 и 146].

Если среди храмовых писцов не было частновладельческих рабов, то в очень редких случаях писцами являлись и храмовые рабы. Частные лица, очевидно, не могли позволить себе отдать в учение на долгие годы молодых рабов с надеждой извлечь выгоды от их образования через 10—15 лет. Вероятно, и храмы лишь в единичных случаях считали такие затраты це-

лесообразными. Поэтому храмовые писцы, как правило, были полноправными свободными. За свою работу они регулярно получали плату натуральными продуктами (ячмень, финики, растительное масло, пряности) и в редких случаях деньгами. Однако писцы отнюдь не относились к числу высокооплачиваемых групп населения, и их вознаграждение не превышало платы рядового ремесленника. Храмовые писцы владели земельными участками, сдавали и брали в аренду поля, занимались торговлей, ростовщичеством и т. д. Отсюда и экономическое положение писцов было далеко не одинаковым: среди них были как преуспевающие богачи, так и разорившиеся бедняки, которые из-за долгов лишались своих домов.

ПИСЦЫ ЧАСТНОПРАВОВЫХ ДОКУМЕНТОВ

Писцы в Месопотамии не обязательно находились на службе у храма или дворца. Писец, который не служил в государственном или храмовом аппарате, был независимым лицом, и таких писцов было особенно много в I тысячелетии до н. э. (ср. [165, с. 43]). Это были писцы, которые составляли контракты для частных лиц, и их следует отличать от писцов, которые занимались копированием литературных и иных текстов (о них см. [ВАК]), хотя, конечно, в ряде случаев одни и те же лица совмещали оба вида работы.

В нововавилонских текстах упоминается 2630 профессиональных писцов, которые составляли частноправовые документы. Сначала приведем несколько списков, дающих суммарное представление о численности писцов в различные периоды (по годам правления царей), количестве их в отдельных городах, а также их социальном и этническом происхождении.

Список II

Хронология деятельности писцов

- Набу-апла-иддин (около 870) — 1 писец
- Мардук-апла-иддин II (721—710) — 2
- Саргон II (709—705) — 2
- Мардук-закир-шуми II (703) — 2
- Ашшур-надин-шуми (699—694) — 1
- Халлушу (694—693) — 1
- Асархаддон (680—669) — 14
- Ашшурбанапал (668—632?) — 20
- Шамаш-шум-укин (667—648) — 47
- Кандалану (647—627) — 26
- Ашшур-этель-илани (627—624?) — 7
- Син-шуму-лишир (624?) — 3
- Син-шар-ишкун (?—612) — 20
- Набопаласар (625—605) — 72
- Навуходоносор II (604—562) — 548
- Амель-Мардук (562—560) — 52
- Нергал-шар-уцур (559—556) — 77

Лабаш-Мардук (556) — 2
 Набонид (555—539) — 557
 Кир II (539—530) — 226
 Камбиз (530—522) — 272
 Бардия (522) — 6
 Навуходоносор III и IV (522—521) — 8
 Дарий I (521—486) — 464
 Ксеркс (486—465) — 39
 Бел-шиманни (482) — 3
 Шамаш-риба (482) — 4
 Артаксеркс I (464—424) — 111
 Дарий II (423—405) — 32
 Артаксеркс II (404—359) — 17
 Селевкидский и аршакидский периоды — 85

Примечания. 1) В 102 документах с указанием имен писцов не приводятся даты этих текстов (не считая около 700 писем, преобладающее большинство которых не датировано); в 131 документе даты разрушены (сюда не включены тексты, где даты не сохранились, если те же самые писцы упомянуты в других документах, которые датированы).

2) Если один и тот же писец упоминается в нескольких или многих текстах, он учитывается только один раз и его деятельность относится к тому времени, когда он в качестве писца фигурирует впервые. Например, когда определенный писец появляется в документах, датированных царствованиями Набонида, Кира II, Камбиза и Дария I, в списке его функционирование причисляется ко времени правления Набонида.

3) Годы правления ассирийских царей приведены, исходя из того, сколько времени они занимали вавилонский престол, независимо от их царствования в Ассирии. В список включены только данные документов из вавилонских городов, а ассирийские тексты, датированные по правлению этих царей, во внимание не принимаются.

4) Отнесение того или иного писца к царствованию Артаксеркса I и II несколько условно, так как в спорных случаях эти писцы датируются временем Артаксеркса I.

5) При оценке сведений приведенного списка следует иметь в виду отдельные моменты случайности находок архивов времени правления того или иного царя, но тем не менее в определенной степени список адекватно отражает периоды расцвета клинописного делопроизводства и процесс его постепенного замирания.

Список III

Отнесение писцов по городам

Аилтамму (местность в Мидии) — 1
 Амнат (Хамат в Сирии, совр. Хама) — 2

Асуруккану (местность в Мидии) — 1
 Бит-дин-Адад (Сирия) — 4
 Бит-таби-Бел (район в Вавилоне) — 3
 Бит-шар-Бабили (район в Вавилоне) — 17
 Борсиппа — 247
 Вавилон — 1289
 Гузана (Северная Месопотамия) — 1
 Дилбат — 29
 Кар-Набу — 11
 Кар-Нинурта — 2
 Кар-Ташмету — 10
 Киш — 29
 Куту — 6
 Ларса — 67
 Нириб (Нейраб, Сирия) — 2
 Ниппур — 195
 Опис — 11
 Пахирту — 13
 Сиппар — 165
 Тир (Финикия) — 1
 Ур — 69
 Урук — 380
 Хумадешу (Юго-Западный Иран) — 5
 Шахрину (предместье Вавилона) — 42
 Шушан (Сузы, столица Элама) — 4
 Экбатаны — 1

Примечания. 1) Если один и тот же писец упоминается в документах, составленных в разных городах (например, в Вавилоне, Борсиппе, Сиппаре и т. д.), то в списке учитывается только один город — основное место жительства писца (иногда этот вопрос приходится решать из большинства текстов).

2) 289 писцов упоминаются в мелких поселениях, расположенных близ больших городов, и данные об этих писцах не включены в список.

3) В 213 текстах названия городов, где они были написаны, разрушены (не считая тех случаев, когда они могут быть выяснены из других документов).

4) Места жительства 93 писцов не отмечены в документах (опять-таки без учета тех текстов, когда эти места устанавливаются, исходя из параллельного материала).

Список IV

Социальное и этническое происхождение писцов

Писцы-потомки:

«ассирийцев» — 5
 волопасов — 11
 (выходцев из местности или племени) Гахал — 24

глашатаев — 1
 гончаров — 23
 выжимальщиков сезамного масла — 5
 «египтян» — 17
 жрецов (SID) — 190
 измерителей (зерна и т. д.) — 9
 иссинцев (т. е. выходцев из города Иссин) — 12
 корабельщиков — 2
 корзинщиков — 19
 кузнецов — 21
 лекарей — 5
 мельников — 1
 мясников — 4
 начальников строителей — 45
 нотариусов (? kānik bābi) — 7
 пастухов овец — 7
 пекарей — 1
 писцов — 3
 плотников — 12
 поваров — 2
 прачечников — 13
 привратников и сторожей — 8
 резчиков печатей — 1
 рыбаков — 32
 садовников — 4
 солеваров — 13
 «сотников» — 3
 строителей — 20
 судей — 1
 (выходцев из арамейской области) Суху (на среднем Евфрате) — 16
 табунщиков — 17
 ткачей — 7
 торговцев зерном — 7
 храмовых рабов — 3
 различных храмовых чиновников — 4
 цирюльников — 4
 ювелиров — 4

Примечания. 1) В большинстве остальных текстов в качестве родовых имен употреблены обычные собственные имена или (гораздо реже) они вообще не приведены.

2) В единичных случаях встречаются родовые имена по названиям профессий, значения которых пока неясны. Три писца возводили свой род к «не знающим отца», т. е. сиротам (abi-ul-īdi).

3) Следует иметь в виду, что указанные выше предки писцов нередко жили в отдаленные времена, за много поколений до интересующих нас лиц.

Имя писца, составившего документ, как правило, приводится после имен свидетелей (обычно от 3 до 7 человек, редко до 30 и более, иногда 1 или 2) перед городом, где был написан текст, и датой. Лишь в единичных случаях имя писца стоит после даты. Очень редко не указывается имя писца в тех случаях, когда приводятся имена свидетелей [Nbk 309; Nbd 466, 845; Camb 348]. Вероятно, в таких перечнях последнее имя является именем писца. В нескольких текстах после указания имени писца продолжается список свидетелей, т. е. имя писца дается в середине или ближе к концу списка свидетелей [Bodl AB 241; Dag 463, 573; VS IV, 145, V, 93].

В более ранних нововавилонских документах встречаются различные варианты для указания имени писца. Например, в контрактах о продаже полей в Ниппуре в 643 г. перед именем писца имеется выражение LU *ṭupšarru ka-ni-ik* (*ṭit*)*ṭuppi* — «писец, который скрепил печатью (эту) табличку» [BE VIII, 1:rev. 8, 17:rev. 8]. Обычно в ранних текстах в аналогичных случаях вместо «запечатал», «скрепил печатью» встречается фраза LU.SID/DUB.SAR.šá-*tir* (*ṭit*)*ṭuppi* — «писец, который написал документ» [BIN I, 114:16; BRM I, 38:37; Hunger 3:27, 4:28; Pohl I, 2:29; UET IV, 16:41 и др.; ср. BR VIII/VII, с. 45]. В Nbd 633 (расписка о получении денег) после перечня имен свидетелей говорится: *ina ma-har... LU.DUB.SAR.MEŠ šá-ṭa-ru šá-tir* — «перед N и N₁ (собственные имена), писцами (этот) документ написан». В Kt 14 (Борсиппа, время Кандалану) перед именем писца стоит выражение LU.SID šá-*tir* NA₄.KISIB — «писец написал (документ с) печатью». Такие расхождения в формулярах документов, по-видимому, объясняются тем, что в разных городах существовали различные писцовые традиции и школы (ср. [183, с. 62 и 77]). В текстах VI в. и позже обычно просто указывается: «писец N (имя)»¹.

В нескольких документах второй половины VI в. из Ура о продаже полей и садов писцы, составившие соответствующие контракты, названы «писцами школы» (*edubba*), и при этом во всех случаях фигурируют разные писцы [UET IV, 12:39, 13:37, 19:rev. 25]. Один контракт о продаже рабыни частного лица в Уре в 386 г. составлен «писцом Син-аххе-иддином, храмовым писцом, сыном Мурашу, потомка Син-рим-илани» [UET IV, 30:rev. 12—13]. Согласно Camb 384, старшина купцов в присутствии одного египтянина, а также писцов Римута, Мурашу (и) «писца сокровищницы» Хабацира, когда по поводу сделки о продаже рабыни частного лица возникли споры, заявил, что продавцы получили половину покупной цены рабыни.

Иногда в конце частноправовых документов приводятся имена от двух до четырех писцов². Это главным образом контракты о продаже полей, садов и домов (а в единичных случаях и документы о продаже рабов и долговые расписки). Писцы, подобно другим людям, нередко выступали свидетелями при за-

ключении различных сделок или контрагентами, но в таких случаях они обычно упоминаются просто по имени и патронимикону, без указания их профессии³.

Довольно часто в нововавилонских документах писцом выступает один из контрагентов, чаще всего должник, иногда родственник контрагента⁴.

Сохранился уникальный текст из Ниппура, написанный около 620 г., согласно которому должником денежной ссуды является писец, названный «своим собственным писцом» — LU.SID gam-ni-šú [Kt 41:9], т. е. писцом собственного дела или документа (см. у Сан-Николо [BR VIII/VII, с. 126]; там же обращается внимание на то, что через три недели после получения упомянутой ссуды писец Набу-гамил, сын Аплы, в документе Kt 42 снова фигурирует в качестве должника, но контракт составил не он, а другой писец).

В литературе неоднократно ставился вопрос относительно того, были ли писцы, составлявшие деловые документы (контракты и т. д.), государственными нотариусами или частными лицами. Сан-Николо полагает, что в халдейское и ахеменидское время (а иногда и в более ранние периоды) деловые документы нередко писали не профессиональные писцы, а один из свидетелей или даже сам контрагент [193, с. 41; 191, с. 143]. По мнению Р. Цадока, документы Samb 388 и Sm, № 2, составленные в городе Хумадешу и затем доставленные в Вавилонию, были написаны не профессиональным писцом, так как Набу-шум-иддин, сын Шулы, потомка Эа-эпеш-или, писавший данные тексты, никогда не выступает писцом в самой Вавилонии, хотя и упоминается в частноправовых контрактах из этой страны [246, с. 71]. Однако, на наш взгляд, контрагенты или их родственники, составлявшие деловые тексты, в большинстве случаев не отличались от профессиональных писцов, которые, подобно другим вавилонянам, занимались торговлей, ростовщичеством и т. д.⁵ Необходимо отметить, что такие писцы-контрагенты были довольно грамотными людьми. Например, они знали, что иранские и египетские теофорные имена (Багадад, Митрадат, Патан-Эси и др.) следует писать с детерминативом для обозначения богов [BE X, 9, 111 и др.].

По мнению Сан-Николо, писец деловых документов не был служебным лицом и в Месопотамии вообще не было организованного в государственном масштабе составления документов. Поэтому профессиональные писцы были лишь частными нотариусами (Privatnotare) [191, с. 143]. Как полагает Оппенгейм, писец не выполнял функций нотариуса [159, с. 281]. Кардашиа же считает, что писец не просто выполнял свои профессиональные обязанности, но играл роль нотариуса, который занимался юридической деятельностью [36, с. 105; 35, с. 24]⁶. Во всяком случае, писец нес ответственность за составление документов. Интересные сведения об этом дает текст Nbd 720 (+TCL XIII,

219); по его свидетельству, судьи велели «привести писца, который написал (поддельную) долговую расписку, (и) заключить его в оковы»⁷.

Об официальном положении писца свидетельствуют следующие данные. Согласно Nbd 738, один вавилонянин продал из-за долгов своего раба третьему лицу. Затем покупатель раба передал последнего своему кредитору в залог «перед писцом Раман-шезибом и судьей». К документу приложена и печать этого писца. Nbd 1113, который содержит протокол заседания суда относительно беглого раба, принадлежавшего частному лицу, составлен в присутствии того же писца и нескольких судей. По другому тексту, «свидетель (при составлении) документа и сын его Римут-Набу, написавший документ⁸, несут ответственность за свидетельство» одного лица, передавшего распоряжение дворцового чиновника.

Еще более сложным является вопрос о гонораре писцам. По мнению Ландсбергера, в старовавилонский период за небольшую сумму денег можно было продиктовать писцу жалобу или письмо [135, с. 99; однако автор не ссылается на какие-либо тексты]. Оппенхейм пишет, что, насколько известно, нет никаких свидетельств о выплате какого-либо вознаграждения писцам, которые составляли контракты для частных лиц или писали письма для них. Но, продолжает он, естественно предположить, что писец получал гонорар за свою работу, поскольку те люди, которые делали отметку ногтем на табличке (вместо оттиска печати), получали за это определенную плату [165, с. 45, примеч. 8]. Как указывает Оппенхейм, работа писцов старовавилонского периода не была хорошо оплачиваемой (*гемпинератив*)⁹. Это мнение основано на том, что, хотя из Сиппара сохранилось около 2000 юридических текстов, датированных в пределах менее чем за три десятилетия (см. [93]), в них мало встречается случаев, когда отец и сын были писцами. Но в Нузи, как полагает Оппенхейм, ситуация была другая, поскольку там язык документов отличался от местного, писцов, вероятно, было мало, и поэтому их труд оплачивался лучше [165, с. 44, примеч. 2].

По мнению Э. Порады, в Сиппаре старовавилонского времени писцы в большинстве случаев не были зажиточными людьми¹⁰. Она отмечает, что среди старовавилонских печатей, принадлежавших писцам, некоторые очень красивы, но большинство вырезано в спешке и небрежно и этот факт хорошо отражает положение писца в обществе [175, с. 155]. Примечательно, что в старовавилонских текстах писцы восхваляют свои заслуги и говорят о невежестве и лживости своих соперников [71, с. 42].

Согласно Сан-Николо, профессиональные писцы в Месопотамии за составление документов брали плату (*Gebühr*), которая, по его мнению, как и все тарифы в Передней Азии, регулировалась, хотя сведений об этом нет [191, с. 145]. По-

путно Сан-Николо отмечает, что в старовавилонском документе VS VII, 204:55 о дарении земли сумма в 1 сикль серебра для писца, по-видимому, была именно гонораром [191, с. 145, примеч. 1].

Более обстоятельно вопрос о вознаграждении услуг государственных и храмовых писцов в конце III тысячелетия рассмотрен Ветцольдтом. В начале своей деятельности писец, находившийся на службе у храма или государства, чаще всего получал около 60 л ячменя в месяц. Писцам выдавали также муку, растительное масло (по крайней мере один писец имел его от 5 до 8 л в месяц), финики и шерсть. Ученики-писцы получали с государственных складов в Лагаше по 2 л хлеба в день. Во время служебных поездок обычный рацион писцов равнялся 2 л хлеба в день. В довольно редких случаях писцам выдавали и рыбу [229, с. 111 и сл.; там же приведены и ссылки на тексты].

По мнению Ветцольдта, в оплате услуг писцов во все времена наблюдались значительные колебания, зависевшие от занимаемого ими служебного положения и от характера продуктов, которые им выдавали. В древние периоды писцы кроме ячменя, вероятно, регулярно получали также растительное масло и шерсть, но в отличие, например, от ткачей им не выдавали мяса. В общей массе писцы не относились к хорошо оплачиваемым группам населения. Их плата в основном не превышала платы ремесленников и сельскохозяйственных работников, а нередко была и ниже¹¹. Но у некоторых писцов в зависимости от их социального и имущественного положения, а также личных способностей была возможность занять высокие и хорошо оплачиваемые должности. Например, Нарам-Суэн назначил писца Лугаль-ушумгала энси города Лагаша [ВНШП, VI]. Кроме того, профессия писца, с точки зрения общества, считалась престижной. Так, даже один царевич служил писцом [229, с. 116 и сл.; там же ссылка на текст], но вряд ли кто-либо из представителей высших слоев населения работал ремесленником. Немногие писцы владели значительным имуществом: землей, скотом, рабами и лодками. Иногда писцы дарили другим лицам рабов, мелкий скот или лодку или давали ссуду до 2 мин серебра, что в натуральном исчислении равнялось годовому довольствию рядового писца, получавшего в месяц 60 л ячменя, или стоимости 8 рабов. Очевидно, была большая разница в экономическом положении простого писца, занимавшего подчиненное положение, и писца из богатой семьи, к тому же имевшего хорошее образование [229, с. 119 и сл.].

Что же касается текстов I тысячелетия, то сохранился один документ из архива Мурашу [UM 74; перевод см. ниже], в котором имеется ясная оговорка относительно платы для писца. Согласно этому тексту, арендатор поля (представитель дома Мурашу) уплатил 39 кур ячменя, из них 36 — в качестве аренд-

ной платы, а 3 — за составление документа. В этой связи Ю. Аугарфель обращает внимание на талмудическое сочинение *Mišnā Bābā batrā* 10,3, где говорится, что «должник обязан вносить плату за написание (документа)». Документ UM 74 написан таким образом, как будто бы арендатор был должником [Augarfel, с. 28], а это соответствовало обычной практике.

В документе UM 205 из того же архива Мурашу (перевод см. ниже) также содержится оговорка, что сумма арендной платы с поля включала и гонорар «за написание документа», размер которого, однако, в тексте не указан. Оба упомянутых документа были составлены одним и тем же писцом Нинурта-аб-уцуром, сыном Эллиль-шум-иддина, который написал почти 200 текстов архива Мурашу.

В арамейском контракте об аренде земли, заключенном в Египте в период царствования Дария I, предусматривается плата в 1 сикль серебра за составление соответствующего документа [Bauef-Meissner]. Очевидно, здесь имеется в виду плата для писца.

Других прямых указаний об оплате писцов в нововавилонских документах и параллельных текстах не содержится. В связи с этим вопросом определенный интерес представляет термин «*atru*» (от *watāru* — «иметь излишек», пишется: *at-ri*, *a-tar*, *DIRIG*), по поводу значения которого высказывались различные мнения. Дословно его можно перевести «добавочная (плата)»¹². Слово это встречается начиная с древних периодов, но в нововавилонское время им обозначалась добавочная плата, которую покупатель недвижимого имущества (домов, полей)¹³ давал продавцу. Например, в BE VIII, 44 зафиксировано, что финиковая роща продается за 1 мину 1 сикль серебра, включая 1 сикль в качестве *atru*¹⁴. Иногда эта сумма составляла 3,5 сикля серебра. Обычно *atru* при продаже полей и домов равнялась 1—3 сиклям серебра, иногда 2 кур ячменя (в денежном исчислении около 2 сиклей)¹⁵. Редко она вносилась вместе с одеждой (*kī atrī u lubarī*) (о соотношении общей покупной цены и *atru* см. [214, с. 206]).

Относительно реального значения этого термина высказывались различные мнения. Ландсбергер полагал, что, поскольку денежная плата обычно производилась серебром низшего качества, словом «*atru*» обозначалось соответствующее возмещение ущерба с учетом пробы серебра [133, с. 286]. Но это мнение не подтвердилось. Как считал Унгнад, *atru* — вид нотариального сбора, который продавец платил писцу за то, что тот заверял документ печатью или оттиском ногтя. В свою очередь, продавец эту сумму получал с покупателя [222, с. 125]. Согласно Сан-Николо, посвятившего обстоятельное исследование выяснению значения этого термина, *atru* — приплата, вносимая покупателем недвижимого имущества, за скрепление документа печатью [200, с. 283]. Наконец, в Чикагском словаре

отмечается, что атру — гонорар, который уплачивался за приложение печати или ногтя к документу [CAD, A/II, с. 502]. Ср. приводимые там же примеры: «включая $\frac{1}{2}$ сикля серебра за запечатание таблички в качестве добавочной платы отдано» [Pohl II, 4:1, 18]; «включая $\frac{1}{2}$ сикля серебра в» соответствии с добавочной платой за приложение печати» [UET IV, 21:20].

К тому же существует немало косвенных данных, свидетельствующих о том, что профессиональные услуги писца оплачивались. Исключительный интерес представляет наблюдение С. Вейнгорта и А. Унгнада, согласно которому все мужчины из рода Эгиби (включая и приемных сыновей) получали образование писца, а младшие сыновья, обделенные наследством, часто служили писцами, зарабатывая этим себе на жизнь. Многие писцы находились на службе у купцов и разных дельцов, составляя для них контракты или занимаясь деловой корреспонденцией. Например, по свидетельству Даг 336 (перевод см. ниже), писец на глине и сепиру выполняли обязанности агентов частных лиц, уплачивая за них деньги и приобретая различные товары. Как выше говорилось, Нинурта-аб-уцур, сын Эллийшум-иддина, один из писцов, работавших на дом Мурашу, составил около 200 документов и таких писцов было немало. Совершенно очевидно, что они получали за свою работу вознаграждение.

Нередко писцы для написания контрактов ездили из одного города в другой, и трудно представить, что их услуги в таких случаях не оплачивались. Например, Мардук-икишанни, сын Бел-ушаллима, потомка Атамар-илуссу, в 511 г. составил контракт в Дилбате, а через четыре дня написал новый документ в Вавилоне [VS V, 161 и 74/75; ср. NRV, с. 94]. Апла, сын Мушаллим-Мардука, трудился писцом в царствование Набонида в Вавилоне и Борсиппе [Nbd 128, 187, 260; Liv 2; TCL XII, 78]; в этих городах работали также Набу-напишти-уцур, сын Набушум-укина, потомка Иддин-Папсуккаля [Cyr 137; Kr 117], и Мардук-шум-иддин, сын Шапик-зера, потомка Дики [Dag 265, 273, 418]. Риба-Мардук, сын Мардук-зер-ибни, потомка жреца Иштар Вавилонской, фигурирует как писец в Вавилоне и Сиппаре [Nbk 73, 436]. Подобных «бродячих» писцов было немало (ср. гл. VIII).

В новоавассирийских документах не засвидетельствован ни один случай, когда обязанности писца выполняла женщина. Но такие единичные факты известны для ранних периодов истории Месопотамии; жрицы, женщины из высших слоев населения, выступали писцами юридических документов.

Как уже указывалось, в Египте еще во II тысячелетии были писцы, которые могли читать и в случае необходимости писать клинописью по-аккадски. В одном новоассирийском тексте упоминается писец египетского происхождения — LU.A.BA LU.mi-ṣu-ḡa-a-a [ADD 324; obv. 11, rev. 1; возможен также перевод

«египетский писец»]. В арамейских папирусах из Египта, относящихся к ахеменидскому периоду, фигурировало довольно значительное число вавилонян. Часть их была направлена туда персидской администрацией для военной и гражданской службы. Некоторые из этих вавилонян выполняли обязанности писцов, писавших по-арамейски на папирусе (например, Набу-тукульти) [AP 28:14].

Любопытно отметить, что в нововавилонских текстах довольно часто упоминаются писцы египетского происхождения, которые писали клинописные документы¹⁶. Эти писцы, очевидно, родились уже в Вавилонии и носили аккадские имена, стремясь приспособиться к окружавшей их среде, но сохранили свое этническое название «miširāja» — «египтянин» как родовое имя. Подобным же образом нередко отмечаются и выходцы из Суху, арамейской провинции на Евфрате, которые также имели аккадские имена (ср. [246, с. 64, примеч. 34]).

Хотя в Вавилонии халдейского и ахеменидского периодов жило значительное число чужеземцев (выходцы из Малой Азии, Ирана, западные семиты и т. д.), судя по имеющимся данным, среди них почти не было писцов клинописных табличек. Интересно отметить, что таких писцов нет и среди иудейских колонистов, которые еще при Навуходоносоре II в большом числе были уведены в Вавилонию¹⁷. Эти люди были представителями верхних слоев общества со значительным процентом грамотных людей, а позднее, через несколько поколений, многие их потомки добились высокого положения и в Вавилонии. Тем не менее они не приобщились к местным писцовым традициям.

Р. Цадок отмечает, что из вавилонских текстов I тысячелетия до н. э. известны всего три писца с неаккадскими патронимиконами. Но даже среди этих писцов двое были потомками древних вавилонских писцовых семей Апкаллу и Мукин-зера. Два патронимикона этих писцов (Забида и Забину) являются обычными арамейскими именами [246, с. 64, примеч. 34]. Тот же автор обращает внимание на документ VS III, 55, составленный в 541 г. в Вавилоне, в котором писцом выступает лицо с вавилонским именем, но не с аккадским отчеством (Бел-икиша, сын Имбадена). В этом же тексте контрагентом (должником) является Удуне, сын Имбадена, по-видимому, брат писца. Ссылаясь на Итун, имя эламского полководца в новоассирийских текстах [APN, с. 109], Цадок склонен считать Удуне эламским именем и полагает, что упомянутый писец принял вавилонское имя Бел-икиша позднее вместо эламского. Но скорее всего он родился уже в Вавилонии и тогда же получил отмеченное аккадское имя. Имбаден, имя его отца, очевидно, является эламским. В том же тексте наряду с лицами, носящими вавилонские имена, в качестве поручителя и свидетелей фигурируют Алдашу, сын Аттенны, Забиря, сын Лалхенны, и Шадиреду, сын Амбазиниза, которые, по всей вероятности, были

эламитами. Поскольку контрагент выбирал необходимого ему писца по своему усмотрению, эламит предпочел писца и свидетелей, которые знали эламский язык [246, с. 63; 247, с. 188].

Малочисленность писцов чужеземного происхождения можно объяснить трудностями в получении писцового образования для людей невавилонского происхождения, которые к тому же часто недостаточно хорошо знали аккадский язык, поскольку в повседневной жизни он все больше и больше вытеснялся арамейским.

В связи с этим возникает вопрос, насколько широко была распространена грамотность в Вавилонии рассматриваемого периода. Но прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, остановимся на основных выводах, к которым пришли исследователи на материале более ранних периодов.

По мнению Ландсбергера, в Месопотамии образование носило замкнутый характер и грамотность была лишь привилегией писцов: даже жрецы, цари, наместники и судьи не умели читать и писать. Как известно, в заключении к Законам Хаммурапи говорится, что всякий, кто несправедливо подвергается обиде, может попросить прочесть эти законы и добиться правосудия. Но Ландсбергер полагает, что призыв Хаммурапи был бесполезным, так как неграмотные судьи продолжали судить по обычному праву, а великолепный кодекс изучался лишь в школах [135, с. 98]. Однако в I тысячелетии жрецы и лекари в отличие от ранних периодов умели читать и писать [132, с. 126].

Обычно ассириологи считают, что профессия писца, как правило, наследовалась в семье от отца к сыну (см., например, [191, с. 142 и сл.])¹⁸. В подтверждение такого мнения ссылаются и на сообщение Диодора (II, 29 и сл.), согласно которому занятия философией у халдеев в отличие от греков наследовались в писцовых семьях [187, с. 31]¹⁹. Действительно, в одной шумерской табличке из Государственного Эрмитажа говорится: «После того как Энлилем все было названо, сын делу отца должен следовать, (иначе) никогда почета и уважения он не заслужит» [7, с. 76]. Очевидно, на самом деле такое требование не всегда выполнялось, иначе не возникла бы потребность говорить об этом. В Законах Хаммурапи содержится предписание, что отец должен обучить сына своему ремеслу (§ 188—189). Ветцольдт приводит множество примеров из нововавилонского периода о наследовании профессии писца в семье, так же как должностей наместников, жрецов и занятий ремесленников [229, с. 105 и сл.]. Такие же примеры относительно писцов нововавилонского времени дают Ламберт и Кюммель [126, с. 4—7; 120, с. 127—134; см. также ВАК, с. 17 и сл.; Weisberg, с. 77]. Н. Б. Янковская обратила наше внимание на существование писцовых династий в Нузи.

В текстах селевкидского времени из Урука отмечаются це-

лые писцовые династии [208, с. 14 и сл.; 120, с. 127; ср. 191, с. 143, примеч. 1]. По мнению Нейгебауэра, упоминание в колофонах этих текстов прародителей позволяет установить два рода, из которых выходили писцы астрономических текстов Эфемерид. Предком одного такого рода был Экур-закир, носивший титул «жрец-заклинатель Ану и Анту из святилища Реш, писец (серии) Энума Ану Энлиль²⁰, из Урука». Родоначальником второй династии был Син-лике-уннинни — «писец Энума Ану Энлиля, певчий (бога) Ану и (богини) Анту из Урука»²¹. Имена обоих этих предков встречаются в колофонах других селевкидских текстов. Как считает Нейгебауэр, пока трудно уверенно сказать, имеются ли здесь в виду действительно писцовые роды или же школы писцов²². Кроме того, известно, были ли писцы Эфемерид составителями этих табличек или лишь их переписчиками. С уверенностью можно говорить только о том, что сами эти тексты происходят из «жреческих кругов» [14, с. 138]. В некоторых колофонах отмечается, что писец написал табличку «для продления своих дней и ради благополучия своего потомства». Иногда такие колофоны содержат проклятия по адресу тех, кто унесет табличку.

В любом случае сказанное может относиться лишь к писцам-ученым, занимавшимся составлением и переписыванием научных текстов. На наш взгляд, нововавилонские тексты не позволяют утверждать, что в I тысячелетии наследование занятия отца было обязательным в семье. Профессия писца — составителя контрактов не была исключительно наследственной, и не существовало замкнутых писцовых каст, хотя в некоторых семьях (например, Син-лике-уннинни и Экур-закира) традиции писцового искусства продолжались веками [208, с. 18 и сл.]. В контрактах из Ура, датированных временем царствования Артаксеркса II, упоминаются писцы Нидинту-Син и Син-аххе-иддин, которые были потомками писца Син-рим-или [UET IV, 3:30, 30:rev. 12,57/58:23]. Известно также немало случаев, когда отец и сын или братья работали писцами (например, Нергал-нацир и Шамаш-удаммик, сыновья Набу-мушетик-урри, потомка Нур-иле [Neg 21, 22]; Бел-икиша и Шапик-зер, сыновья Нергал-ушаллима, потомка Син-караби-ишме [EvM 17; Nbd 244 и др.]; Шамаш-надин-зер и Шамаш-балату-укин, сыновья Бунене-ибни [BE IX, 35 и др.]; Набу-шум-ибни и Римут, сыновья Шум-ли-шира, потомка Илима [Bodl A93, A95]; Бел-ах-иддин, сын Набу-шум-ишкунна, потомка Набу-мукин-апли, и его сын Мар-бит-иддин [Kt 165 и др.; см. также ниже]). Много писцов было из семей Дабиби, Нур-Сина, Эгиби и т. д. (ср. [120, с. 144; 189, с. 46]). Рассмотрев профсографию Урука VI в. до н. э., Кюммель пришел к выводу, что традиционная передача отцовской профессии и соответствующее обучение в семье были правилом не только у писцов и жрецов, но также у ремесленников и других групп населения. Однако, по замечанию этого же ав-

тора, косвенные данные свидетельствуют о перемене традиционной профессии во многих семьях; он приводит ряд примеров в пользу такого заключения [120, с. 156 и сл., ср. с. 97, где с ссылкой на YOS VI, 123 и 202 указано, что из семьи одного надзирателя над садами²³ вышло два писца].

Следующие факты свидетельствуют о том, что профессия писца не была обязательно наследственной. Во-первых, многие писцы были выходцами не только из высших слоев населения или потомками жрецов или писцов, но также потомками (правда, часто далекими) различных ремесленников, пастухов, рыбаков и т. д. (см. список IV). Например, в ряде текстов из Урука времени Камбиза писцом выступает Бел-икиша, сын Бании, потомка рыбака. Подобных писцов были сотни. Во-вторых, как уже говорилось, семья Эгиби давала своим сыновьям писцовое образование, хотя в большинстве случаев они отнюдь не служили писцами. Следовательно, не существовало никаких законов, требовавших наследования профессии в семье. Такое наследование было традицией, которую в I тысячелетии до н. э. уже часто нарушали.

На древнем Востоке преобладающее большинство людей было неграмотным. Даже цари лишь в редких случаях умели читать и писать²⁴. Например, шумерский царь Шульги, по его собственным словам, хорошо учился в школе (*edubba*) письму и счету, успешно окончил ее, а позднее основал в Ниппуре и Уре две школы и отдал одного своего сына учиться [73, с. 23, примеч. 3; 229, с. 10; там же приведены и ссылки на тексты]. Ашшурбанапал также хвастается своим писцовым образованием и детально говорит о своих ученых достижениях [Asb II, с. 92 и 254 и сл.: 13—25]. По-видимому, Ашшурбанапал собирался стать жрецом и поэтому получил образование, а царский престол получил в силу неожиданных обстоятельств. Если верить политическому памфлету, составленному после захвата Вавилона Киром и направленному против Набонида, последний надменно хвастался: «Я — мудрец, я вижу сокровенное, (хотя и) не владею тростником для письма» (*qan ṭur-pu ul i-di*) (см. [136, с. 92, V:10]).

Возникает вопрос: получали ли такие правители, как Шульги и Ашшурбанапал, образование в общей школе или в специальной дворцовой школе? Шульги отдал своего сына в общую школу и, вероятно, и сам получил образование в такой же. Ашшурбанапал же учился в *bit-redūti* (т. е. в дворцовой школе для царевичей). Ветцольдт склонен предполагать, что царевичей обучали письму, чтению и счету, но лишь немногие из них получали полное писцовое образование [229, с. 10]. С. Парпола приводит одно письмо новоассирийского времени, согласно которому ученые занимались обучением царевичей. Автор письма заверяет, что такие занятия — большая честь и высокое доверие для него [ABL 604; см. 169, т. I, с. 24].

Впрочем, Ландсбергер не склонен был придавать значение утверждениям Шульги и Ашшурбанапала, что они хорошо владели грамотой. По его замечанию, оба эти правителя часто хва-
стаются совершенно невероятными вещами, а между тем писцы составляли для Ашшурбанапала тексты с элементарными объяснениями шумерских знаков [135, с. 110 и сл.]. Как полагает И. М. Дьяконов, Ашшурбанапал владел грамотой плохо. Допуская, что могли существовать отдельные периоды, например во время правления III династии Ура или в старовавилонскую эпоху, когда представители высших слоев посылали своих детей в школу, Ландсбергер считает такое положение нехарактерным для Месопотамии. По его мнению, даже в указанные периоды выходцы из привилегированных слоев вряд ли получали хорошее образование, скорее всего такие люди относились к категории *dub-sar huggum* (досл. «хурритский писец»), которые умели немного читать и писать с ошибками [135, с. 118]. Но И. М. Дьяконов обращает внимание на незначительное количество хозяйственных и юридических текстов старовавилонского времени с орфографическими ошибками. Правда, старовавилонские писцы плохо знали шумерский язык, но он уже был мертвым и еще не играл роли священного языка. По мнению И. М. Дьяконова, уже во II тысячелетии до н. э. в городах Вавилонии в отличие от средневековых городов грамотность была распространена довольно широко и вовсе не являлась монополией писцов и жрецов. В частности, он указывает на то, что при раскопках в Уре в слоях II тысячелетия в домах частных лиц, которые не были писцами, нашли не только архивы делового характера, но и литературные тексты. Кроме того, как считает И. М. Дьяконов, старшие пастухи вовсе не пользовались услугами писцов, а сами знали грамоту в достаточном для своей работы объеме [5, с. 62 и сл. и примеч. 110].

Ветцольдт справедливо ставит вопрос: только ли лица, названные *dub-sar*, владели письмом и умением читать в полной мере? По его мнению, нуждались в образовании некоторые группы жрецов и было много других профессий, требовавших предварительной писцовой подготовки [229, с. 107 и сл.]. Исследование И. Ренгера показало, что из множества жрецов и жриц древних периодов лишь две группы (жрицы *luki-g* и начальники певчих *gala-mah*) умели читать и писать [182, с. 110 и сл.]. Согласно высказанному нам мнению И. М. Дьяконова, в древней Месопотамии было очень много грамотных людей, в том числе подавляющее большинство чиновников, торговцев и жрецов.

Во всяком случае, в нововавилонское время, по-видимому, грамотность была распространена довольно широко. Например, в старовавилонское время письма писались под диктовку писцами и адресату читались ими же. Поэтому старовавилонские письма начинаются формулой: «Такому-то скажи» (не

исключено, однако, что, это могло быть данью традиции). В письмах нововавилонского времени такая формула совершенно не встречается, и это, вероятно, можно объяснить тем, что адресат иногда сам был в состоянии прочитать полученную им корреспонденцию²⁵.

Ниже в алфавитном порядке будут рассмотрены наиболее интересные сведения о деятельности некоторых писцов.

Апла, сын Нергал-убаллита, потомка Бел-этира, служил писцом в Вавилоне в течение 24 лет (578—554) [Nbk 172; Nbd 65, 67].

Арад-Мардук, сын Киттии, потомка жреца бога Эа, был известен как писец в Вавилоне в течение 45 лет (553—508)²⁶. Иногда к документам прилагается и его печать [Dag 367, 379]. Он упоминается и в качестве свидетеля контрактов [Nbd 183, 434; Camb 189]; в его присутствии составлена расписка о получении денег [Nbd 657]. По свидетельству Cug 114, он выдал ссуду 1 мину серебра под проценты. Он владел рабом-кузнецом, которого отдал внаем [Dag 206].

Ардия, сын Дадии, потомка Набайи, трудился писцом в Вавилоне при Дарии I [Dag 202 и др.]. Согласно Dag 229, он входил в число полноправных свободных, перед которыми было зафиксировано обязательство одного садовника по отношению к третьему лицу.

Бел-иддин, сын Бании, потомка Аррабту, фигурировал как писец в Вавилоне в период правления Набонида [Nbd 529, 602, 671 и др.] и свидетель контрактов [Nbd 508, 832, 838]. В 545 г. он продал Итти-Мардук-балату из дома Эгиби раба за 50 сиклей серебра [TCL XII, 99]. Судя по другим документам, продажа эта была вызвана долгами. В следующем году он взял у того же Итти-Мардук-балату 10 сиклей серебра под проценты и залог рабыни [Nbd 585]. В том же году он занял у Итти-Мардук-балату еще 2 сикля серебра. В долговой расписке отмечается, что общая сумма его долгов составляла 22 сикля [Nbd 602]. Через два года наступило, по-видимому, полное разорение Бел-иддина. Будучи не в состоянии расплатиться с кредитором, он отдал ему в счет долга трех рабынь включая и ранее заложенную [Mold 29; Nbd 953]. После этого он в текстах уже не упоминается.

Бел-иддин, сын Бел-упаххира, потомка Дабиби, был писцом и свидетелем (лишь в одном документе) в Вавилоне, Борсиппе и других городах при Нергал-шар-уцуре и Набониде [Ner 66, 67; Nbd 4, 5, 11, 15, 18, 34, 42, 103, 107, 130, 145, 148, 151, 210 и др.].

Бел-икиша, сын Нергал-ушаллима, потомка Син-караби-ишме, работал писцом в Вавилоне в течение 32 лет (563—531) [BRM I, 51; Cug 177, 317; EvM 17; Nbd 244].

Бел-риба, сын Калбы,—писец в Вавилоне при Дарии I [Dag 569; TCL XIII, 197, 198]. Судя по Dag 163, он был очень

беден, так как вместе с рабыней третьего лица арендовал «рабское помещение» на крыше одного дома за 5,5 сикля серебра в год.

Бел-риманни, сын Мушаллим-Мардука, потомка жреца бога Шамаша, трудился как писец и контрагент (главным образом брал большие денежные и натуральные ссуды) в Сиппаре в течение 35 лет (533—498) [BRM I, 30; Cug 260; VS III, 9, 99, 135a, IV, 145, 200, VI, 121 и др.].

Бел-убаллит, сын Кирибту, потомка сиппарского жреца, служил писцом в Сиппаре в течение 18 лет. (547—529) [Nbd 342, 636, 638; Samb 42, 102 и др.].

Бел-убаллит, сын Зерии, потомка Или-Мардука, фигурировал как писец, свидетель и контрагент в Вавилоне, Борсиппе и Кише в течение 22 лет (540—518) [Nbd 829, 1013; Dag 133].

Бел-упаххир, сын Надин-аха, потомка Суккуа, был писцом в Борсиппе в период царствования Ксеркса [Ungnad, с. 79; Amherst 249; писец и арендатор поля для насаждения финиковых пальм].

Бел-ушаллим, сын Зерии, потомка Набайи, был известен как писец, свидетель и контрагент в Вавилоне в течение 24 лет (571—547) [Nbk 269, 271; EvM 11; Nbd 280; Mold 53 и др.]. Он женился на Гула-каишат, получив в приданое 5 мин серебра, 2 рабов и домашнюю утварь. Позднее мать его жены, Силим-Иштар, передала Гула-каишат все свое имущество, сохранив за собой право распоряжаться им до своей смерти, но без передачи третьему лицу. Как отмечается в документе, Гула-каишат также не могла передать это имущество другому лицу, кроме своего мужа [Nbk 283]. По Nbk 344, Бел-ушаллим перед свидетелями заявил, что известный делец Иддин-Мардук, сын Икиши, потомка Нур-Сина, передал его теще Силим-Иштар 2 мины $6\frac{2}{3}$ сикля серебра. В Nbk 345 зафиксирован долг в 2 мины $28\frac{2}{3}$ сикля серебра, который Бел-ушаллим и Силим-Иштар обязаны вернуть упомянутому выше Иддин-Мардуку в два срока. Оба должника поручились друг за друга, и, кроме того, их имущество было объявлено залогом. Писцом документа был сам Бел-ушаллим.

Даян-шум-иддин, сын Зерии, потомка Набайи, выступал писцом и контрагентом в Вавилоне, Борсиппе, Уруке и других менее известных городах в течение 16 лет (568—552) [EvM 21; Nbd 8; Nbk 326; Ner 26 и др.]. Он выдавал своим компаньонам для торговли серебро, финики, ячмень, чеснок, покупал и продавал в значительном количестве шерсть, овец и волов [EvM 12, 18, 20; Nbd 19, 34, 112; Ner 21, 22, 33, 35], предоставлял денежные и натуральные ссуды под проценты и под залог недвижимого имущества [Nbd 86, 107, 141; Ner 24, 67, 68; Sack 29], а иногда и сам прибегал к таким ссудам [Nbd 30; Ner 69]. В редких случаях он фигурировал и как свидетель различных контрактов [Nbd 68, 82]. Даян-шум-иддин выпол-

нял также банковские операции, выплачивая по поручению третьих лиц их долги [Lab 3]. По свидетельству Nbd 85, по поручению одной супружеской пары он купил за 11,5 мины серебра дом в Борсиппе. В документе отмечается, что вся денежная сумма была внесена клиентами банкира и последний не имеет никакой доли в доме. Купчая была составлена на имя Даян-шум-иддина, но он должен был передать ее новым владельцам дома.

Иддин-Набу, сын Набу-шум-уцура, потомка Эа-ибни, работал писцом в Дилбате в течение 27 лет (509—482) [VS III, 153, 156, 158, 165, V, 76, 83, 107, 108, 110, VI, 157, 331].

Икиша-Мардук, сын Шузубу, потомка нотариуса (? kânik ša bābi), фигурировал как писец и свидетель в Вавилоне в течение 42 лет (544—502) [Camb 45; VS IV, 82, 84, 85, 186, V, 40, 43/44, 47, 90, VI, 97, 129 и др.]. Его брат Иддин-Набу также был писцом [VS IV, 127, V, 57/58 и др.].

Итти-Набу-балату, сын Мардук-бан-зери, потомка Бел-этира, функционировал в качестве писца, контрагента и свидетеля в Вавилоне и его окрестностях в течение 46 лет (542—496) [Camb 2, 17, 81, 280, 287; Liv 34; Mold 31 и др.]. Свою самостоятельную деятельность он начал с приобретения раба [Nbd 1044], но позднее его благополучие, по-видимому, пошатнулось. Так, по свидетельству Camb 110, он вместе с двумя своими братьями уплатил долг, который, в частности, включал более 126 кур фиников (остальные цифры отбиты), добившись согласия кредиторов не обращаться в суд по поводу долговых расписок. Эти долги наделал еще отец Итти-Набу-балату, и для их погашения пришлось продать часть семейного имущества.

Стремясь поправить свое экономическое положение и заручиться могущественной поддержкой, Итти-Набу-балату в 536 г. женился на Ташметум-табни, дочери главы дома Эгиби итти-Мардук-балату. За невестой было обещано приданое из 10 мин серебра, пяти рабов и домашней утвари [Cug 143]. Однако получить его оказалось делом нелегким. Через девять лет после многократных напоминаний со стороны зятя и столь же многократных обещаний со стороны тестя Итти-Набу-балату потребовал по крайней мере долговой расписки на приданое, в которой отмечалось, что он вообще ничего не получил от Итти-Мардук-балату [Camb 214]. Тем временем Ташметум-табни, по-видимому, умерла, и в 527 г. Итти-Набу-балату женился на ее сестре, Ина-Эсагил-рабат, взяв в приданое поле (размеры его не сохранились), трех рабов и домашнюю утварь [Camb 215].

В том же году зять и тесть совместно купили поле и «получили по одному документу» [Camb 217]. Это и другие поля оставались в общем владении зятя и наследников тестя и после смерти Итти-Мардук-балату и сдавались в аренду [Dag 171].

В 514 г. Итти-Набу-балату купил за 3,5 мины серебра дом в городе Кише [Dag 245]. Наконец, Итти-Набу-балату нередко выступал свидетелем контрактов, заключенных третьими лицами [Camb 118²⁷, 187, 189; Cug 249, 322, 323, 346; Dag 70, 95; Liv 16; Nbd 956; Nbk 13²⁸; VS IV, 166].

Итти-Набу-балату, сын Мардук-шум-уцура, потомка кузнеца, был писцом и контрагентом в Вавилоне и Борсиппе в период правления Камбиза и Дария I [Camb 286, 360, 362, 365; Sm 8; Dag 26, 80 и др.]. По свидетельству Camb 349, в его присутствии был произведен обмен полями. Согласно Dag 23, он выдал одному лицу ссуду 13 мин серебра.

Калба, сын Набу-аххе-иддина, потомка Эгиби, выступал в качестве писца, свидетеля и контрагента в Вавилоне, Борсиппе, Кише и других городах в течение 61 года (559—498)²⁹. На самом деле он был племянником (сыном сестры) Набу-аххе-иддина, главы дома Эгиби. В 546 г. Набу-аххе-иддин усыновил Калбу. Еще до формального акта усыновления в 554 г. последний в одном тексте назван сыном Набу-аххе-иддина [Nbd 71]. Поэтому и в документе об усыновлении сказано, что Набу-аххе-иддин «с малолетства воспитал (Калбу) и научил читать табличку» [Mold 21; ср. 224, с. 62; CAD, L, с. 183 и сл.]. В отличие от родных детей Набу-аххе-иддина Калба не получил наследства и вынужден был зарабатывать на жизнь трудом писца и торговлей. По свидетельству Dag 468, Калба поклялся показать Мардук-нацир-апли и Нергал-ушезибу, сыновьям Итти-Мардук-балату (т. е. внукам Набу-аххе-иддина), утварь — часть совместного имущества — и передать ее им обоим (документ составлен в 504 г. в Вавилоне). Согласно Mold 31, при подсчете прибыли от торговли между Калбой и Итти-Мардук-балату было установлено, что Калба должен ежегодно платить своему брату 10 сиклей серебра. Совместно с известным дельцом Иддин-Мардуком из семьи Нур-Сина он выделял для торговли 2,5 мины серебра, и на часть этой суммы было куплено 15 кур фиников и 30 чанов «первосортного» пива [Nbd 966]. Далее Калба приобрел за 2 мины 1 сикль серебра поле и финиковую рощу в 1 пан 5 сут 5 ка [Dag 194], сдал в аренду дом в Хурсагкаламе (пригороде Киша), которым он совместно владел с неким Силим-Белом, за 26 сиклей серебра в год [Nbd 967]. Судя по Dag 114, Калба сдавал в аренду также и поля.

Калба, сын Циллы, потомка Набайи, был писцом, контрагентом и свидетелем в Вавилоне и Кише в течение 37 лет (547—510) [Camb 330, 331; Cug 340; Dag 26; Nbd 367 и др.]. В его присутствии отдали на хранение денежный вклад [Nbd 383], по поручению третьего лица он выдал ссуду [Camb 338]. Далее Калба купил рабыню за 2 мины 5 сиклей серебра [Camb 287], а через много лет продал раба и его жену за 4 мины серебра [Dag 340], сдал в аренду поле [Camb

360] и вместе с Мардук-нацир-апли из дома Эгиби продал поле за 9 мин 20 сиклей серебра [Dag 26].

Лабаша, сын Зерии, потомка Набайи (возможно, двоюродный брат или дядя, во всяком случае, родственник предыдущего писца и родной брат писца Бел-ушаллима), фигурировал как писец, контрагент и свидетель в Вавилоне в период царствования Набонида [Nbd 340, 383, 388, 441, 500 и др.]. Он продал рабыню за 5 сиклей серебра [Nbd 648], вместе со своей женой Гула-каишат (очевидно, раньше она была женой его брата Бел-ушаллима; в таком случае налицо левиратный брак) взял ссуду 1 мину 11 сиклей серебра под залог раба и поручительство третьего лица [Nbd 461; ср. также Mold 27, согласно которому он получил еще ссуду 2 мины серебра]. Документ Nbd 508, фиксирующий продажу рабов писцом по имени Набу-эреш, составлен в присутствии Лабаша и его жены. По данным Nbd 69, некий Римут при свидетелях обратился к Лабаша с вопросом: «Кто принял имя отца Икиши?» На это Лабаша ответил: «(Он) — не брат (мой)». По-видимому, Лабаша оспаривал, что Икиша был сыном Зерии и, следовательно, его братом. В ожидании процесса по этому делу Римут потребовал от Лабаша недвусмысленного заявления относительно родственных связей с Икиши (см. [BRL IV, с. 15]).

Лабаша, сын Зер-укина, функционировал в качестве писца и контрагента в Ниппуре и Вавилоне во время правления Кира и Камбиза [BE VIII, 61, 83 и др.]. Совместно с двумя другими лицами он ссудил 183 кур фиников [BE VIII, 83; документ составлен им самим], уплатил третьему лицу через посредника определенную сумму денег (цифры отбиты) и передал 1 пан 4 сут муки за выполнение государственной повинности (ilku) [BE VIII, 92].

Мардук-балатсу-икби, сын Бании, потомка Набайи, трудился писцом в Вавилоне, Борсиппе и Литану при Дарии I [Dag 64, 93, 114, 172 и др.].

Мардук-икишанни, сын Бел-ушаллима, потомка Атамарануссу, служил писцом в Вавилоне и Дилбате при Дарии I [VS V, 74/75, 161; первый документ составлен в Вавилоне, а второй — всего через четыре дня в Дилбате; ср. NRV, с. 94].

Мардук-нацир, сын Шакин-шума, потомка жреца Иштар Вавилонской, был известен как писец и свидетель в Вавилоне, Сиппаре и Шазбаке в течение 17 лет (546—529) [Camb 42, 44, 102; Суг 96, 126, 170; Nbd 417, 559, 854 и др.].

Мардук-шапик-зер (сокр. Шапик-зер), сын Набу-шум-идина, потомка торговца зерном, работал писцом в Вавилоне в течение 24 лет (554—530)³⁰. Он часто выступал свидетелем контрактов, заключенных третьими лицами³¹, в том числе о продаже поля [Nbd 687]. Мардук-шапик-зер занимался также ростовщицеством, выдавая ссуду [Nbd 335, 504]. Он купил у писца по имени Набу-эреш рабыню-старуху за 14 сиклей се-

ребра [Nbd 388] и совместно с Итти-Мардук-балату и его братьями из дома Эгиби приобрел поле [Nbd 1031]. Мардук-шапик-зер и Итти-Мардук-балату, совместно занимались торговлей, выдавая различным лицам (в том числе и своим рабам) деньги (до 5 мин), пустые чаны (более 100) и т. д., а затем распределяя выручку между собой [Nbd 199, 572, 652, 653; Mold 15].

Мардук-шум-ибни, сын Набу-шум-укина, потомка Или-бул-лут-Мардука, фигурировал в качестве писца и контрагента в Вавилоне и Борсиппе в период правления Набонида [Nbd 655, 830 и др.]. В его присутствии был составлен контракт о продаже поля [Nbd 687]; вместе со своей матерью он взял в ссуду 25 сиклей серебра под залог рабыни [Nbd 655] и продал другую рабыню за $1\frac{1}{3}$ мины для покупки поля [Nbd 829, 837].

Мардук-шум-ибни, сын Шулы, потомка Илийи, выступал как писец и контрагент в Борсиппе в течение 34 лет (529—495). Он сдавал в аренду дом и поля, занимался ростовщичеством и владел пребендой в храме Эзида [BE VIII, 79, 111, 115; VS III, 64/65, 72, 88, IV, 101, V, 37, 86, 96, 137].

Мардук-этир, сын Иддин-Мардука, потомка Эпеш-или, трудился писцом в Вавилоне при Дарии I и двух его предшественниках [Nbk 7; Dar 151; Sm 9 и др.]. Часто он присутствовал при продаже полей [Dar 26, 152, 321; TCL XIII, 190].

Мушезиб-Мардук, сын Бел-убаллита, потомка Мушезиба, функционировал в качестве писца, контрагента и свидетеля в Вавилоне, Описе и Сиппаре в период правления Навуходоносор II [Nbk 369, 407, 426, 430].

Мушезиб-Мардук, сын Набу-нацира, потомка жреца бога Эа, работал писцом в Вавилоне, Экбатанах (Мидия) и в местности Тахмакка (в Западном Иране) в течение 20 лет (547—527) [Camb 153, 165, 195, 431; Sug 29, 60, 194, 270; Liv 19, 22; Nbd 395, 1091; TCL XIII, 160].

Набу³²-апла-иддин, сын Балату, потомка Шанашишу, был известен как писец и контрагент в Вавилоне во время правления Амель-Мардука, Нергал-шар-уцура и Набонида [Sack 35 и др.]. Согласно Liv 10, он выплатил своим кредиторам огромную сумму в 11 мин серебра; кроме того, продал рабыню и сдавал в аренду дом [Mold 11; Nbd 238, 239]. Его дочь Ама-Бау продала поле или дом (текст разрушен) за 6 мин 1 сикль серебра [Liv 10].

Набу-зер-ибни, сын Итти-Набу-балату, потомка Эгиби, действовал в качестве писца, контрагента и свидетеля в Вавилоне, Борсиппе и других местах в течение 18 лет (525—507) [BRM I, 73, 74; Camb 290; Dar 124, 126, 203, 238 и др.]. По свидетельству Dar 265, он поручился за свою сестру в том, что та не возбудит имущественной тяжбы с Мардук-нацир-апи из дома Эгиби.

Набу-зер-икиша, сын Аплы, потомка Эгиби; был писцом,

контрагентом и свидетелем в Вавилоне и Борсиппе в течение 22 лет (545—523) [Camb 343, 372; Cug 248, 252, 320, 338; Nbd 765, 772; 829 и др.]. Он входил в состав третейского суда, созданного для рассмотрения имущественной тяжбы [Cug 302]. По свидетельству VS V, 53, он купил в Вавилоне семью рабов из четырех человек за 8,5 мины серебра.

Набу-зер-лишир, сын Набу-зер-укина, потомка Даннеа, служил писцом в Сиппаре в течение 44 лет (575—531) [Nbk 228; Cug 313 и др.].

Набу-зер-укин, сын Набу-шум-укина, потомка прачечника, работал писцом в Вавилоне при Набониде [Nbd 801 и др.]. Многократно под залог двух рабов он получал денежную ссуду [Nbd 316, 443, 468].

Набу-кацир, сын Итти-Мардук-балату, потомка Эа-илутабани, трудился писцом в Борсиппе и его окрестностях при Набониде [Bodl, A 101, 102, 178; Kt 1, 84, 157, 227; TCL XII, 85, 97]. Известно, что он был одним из переписчиков (составителем копии) Вавилонской хроники [Millard, Iraq, 1964, XXVI, № 16—32].

Набу-нацир, сын Ина-Эсагил-зера, потомка жреца бога Эа, функционировал в качестве писца, контрагента и свидетеля в Вавилоне в течение 55 лет (597—542) [Nbk 72; Nbd 286, 438, 760, 761 и др.]. В 561 г. он купил в Кише обвалившийся дом (цифры с указанием цены разрушены, но при составлении контракта было внесено 50 сиклей серебра, а остаток предполагалось уплатить позднее) [CT LI, 41/Sack 75; сам документ написан в Вавилоне]. В 548—546 гг. Набу-нацир брал значительные ссуды (от 23 до 70 кур) ячменем у главы дома Эгиби Набу-аххе-иддина [Nbd 286, 395, 438].

Набу-ушаллим, потомок египтянина, служил писцом в Вавилоне в течение 32 лет (535—503) [Camb 349; Cug 160/161; Dar 37; Liv 33; BV XCIV].

Набу-шум-иддин, сын Шулы, потомка Эа-эпеш-или, выступал как писец и контрагент в 526—515 гг. В 523—522 гг. он ездил в город Хумадешу, где, очевидно, занимался торговлей. Лишь в документах из этого города он упоминается в качестве писца [Camb 388; Sm 2]. Вместе со своим братом Мардук-шум-иддином он владел финиковыми рощами в Вавилоне и других городах, которые сдавались в аренду [Dar 38, 169, 224, 226]. По свидетельству Camb 260, они наняли одно лицо для выполнения общественной повинности.

Набу-шум-лишир, сын Мушезиб-Бела, потомка Набу-шеме, работал писцом в местности Шубат-Гула в течение 41 года (603—562) [EvM 8; Nbk 27, 358, 389, 400; SR 277].

Набу-эреш, сын Табнеи, потомка Аху-бани, был известен как писец и контрагент в Вавилоне при Набониде [Nbd 336, 501, 508; Mold 25 и др.]. Он начал писцовую деятельность, будучи состоятельным человеком, однако неудачи непрерывно

преследовали его и, по-видимому, привели к полному разорению. В 547 г. он совместно со своим братом продал раба за 55 сиклей серебра [Nbd 336]. В том же году и в течение следующих двух лет Набу-эреш продал еще трех рабов [Nbd 340, 367, 434], рабыню-старуху [Nbd 388], семью рабов, состоявшую из трех человек (муж, жена и четырехлетняя дочь) [Nbd 400, 509]. Купил эту семью Итти-Мардук-балату из дома Эгиби. Однако третье лицо обратилось в суд с виндикацией по поводу ребенка. Царские судьи рассматривали этот иск [Nbd 495, 508], но само решение не сохранилось.

В те же самые годы, когда Набу-эреш продал рабов, он взял ссуду у упомянутого выше Итти-Мардук-балату под залог — антихрезу рабыни, а также под залог раба и поля. В первом случае сумма долга составила 30 сиклей, в двух других — 1 мину и 1 мину 15 сиклей соответственно [Nbd 340, 605].

Набу-эреш имел по меньшей мере 10 рабов и поле, но постепенно он лишился всего. Судьба его поля выясняется из Суг 337, составленного в 530 г. (возможно, что в это время самого Набу-эреша уже не было в живых или из-за полного разорения он был предан забвению). В тексте говорится: «(Документ относительно) поля против Ворот (бога) Забабы в Вавилонском округе, которое взамен долгового требования Набу-эреша... (дана полная патронимия его) списали с Эсагил-белет и передали Набу-эрешу. А он отдал это поле в залог в распоряжение Набу-утира, раба Итти-Мардук-балату. Затем Эсагил-белет... сказала Итти-Мардук-балату... следующее: „(Что касается) моего поля, которое ты захватил в залог у Набу-эреша, дай мне подарок, и я передам поле тебе“».

Надин, сын Мардук-шум-уцура, потомка Аху-бани, выступал как писец и свидетель в Вавилоне в течение 35 лет (579—544) [EvM 22; Nbd 687, 1132; Nbk 166, 188 и др.].

Нергал-ушезиб, сын Итти-Мардук-балату, потомка Эгиби, был членом семьи Эгиби, писцом и контрагентом в Вавилоне в 517—502 гг. [Dag 166, 488]. Он сдавал в аренду поля и финиковые рощи, которые принадлежали ему и его братьям [Dag 154, 402—404, 425], выдавал ссуду [Dag 415 и др.], продавал поля, сады и дома [Dag 465—467; Liv 33]. Дом, которым Нергал-ушезиб владел совместно со своим братом Мардук-нацир-апли, был сдан в аренду за 32 сикля серебра в год [Dag 499]. Известный писец Калба, сын Набу-аххе-иддина из семьи Эгиби, должен был передать Нергал-ушезибу и Мардук-нацир-апли часть имущества, которое находилось в их общем пользовании [Dag 468]. Нергал-ушезиб упоминается и как свидетель различных контрактов [Dag 382, 409, 410].

Нидинту, сын Син-иддина, потомка Син-шамуха, работал писцом в Уре в течение 22 лет (481—459) [UET IV, 25, 48/49, 52].

Нидинту-Мардук, сын Итти-Набу-балату, потомка начальника строителей, фигурировал в качестве писца и свидетеля в Вавилоне в течение 12 лет (501—489) [Dag 530; VS V, 98, VI, 141, 143, 321 и др.]. В 501 г. он женился на Таблуту, получив в приданое 8 мин серебра [Dag 522; BV, № С; расписку о получении этой суммы он составил сам].

Нидинту-Син, сын Син-этира, потомка Син-рим-или, трудился писцом в Уре в течение 43 лет (403—360) [UET IV, 3, 4].

Нинурта-аб-уцур, сын Эллиль-шум-иддина, был одним из писцов, которые служили дому Мурашу в Ниппуре. В течение 9 лет (425—416) он написал 171 документ, найденный в архиве Мурашу [BE IX, 74, 76, 77, 80 и др.], но лишь в трех контрактах упоминается в качестве свидетеля [UM 11, 28, 92] и ни разу не выступал контрагентом. Очевидно, основным источником доходов этого лица была работа писца.

Нинурта-мутир-гимил, сын Зер-китти-лишира, фигурировал как писец, свидетель и контрагент в Ниппуре и Вавилоне при Набониде и Кире [BE VIII, 59, 65 и др.]. По свидетельству BE VIII, 63, он передал одному лицу для пастбы и ухода сроком на четыре года стадо из 14 овец, 7 баранов, 2 коз и 1 козла. За свою работу контрагент должен был получить 32 сикля серебра, а приплод и шерсть предполагалось поделить между ним и собственником овец. Он продал дом [BE VIII, 58], выдавал и брал ссуды ячменем [BE VIII, 54, 57, 59].

Римут, сын Набу-шум-ишкуна, потомка Гахала, был известен в качестве писца, контрагента и свидетеля в Вавилоне и Описе в течение 20 лет (580—560) [Nbk 166, 369; EvM 15, 19; Ner 2, 7 и др.]. Он выдавал ссуды ячменем (иногда более 86 кур) и деньгами [Nbk 152, 191, 212, 214]. Для хранения или, возможно, взыскания долга третье лицо передало ему вексель на 2 мины серебра и 1 талант шерсти [Nbk 188].

Табнеа, сын Набу-шум-аукина, потомка Нупу, неоднократно выступал как писец, контрагент свидетель в Вавилоне в течение 38 лет (554—516) [Mold 11; Nbd 1024; Peek 15; VS IV, 109].

Убар, сын Набу-ина-эши-этира, потомка Шанашишу, был писцом, контрагентом и свидетелем в Вавилоне, Борсиппе, Дилбате и других городах в течение 13 лет (518—505) [Dag 127, 387, 390—392 и др.]. Иногда он выдавал денежную ссуду [Dag 412], арендовал для каких-то целей дом [Dag 428], но чаще занимался торговлей совместно с рабом третьего лица [Dag 269 и др.]. В одном случае Убар и его контрагент заняли 100 кур фиников, 50 кур ячменя и 60 пустых чанов. Ссуда эта, предназначенная для торговли, была дана на три года. Прибыль предполагалось разделить между обоими контрагентами, а в пользу кредитора необходимо было ежегодно платить по 2 мины серебра [Dag 395/396].

Убар, сын Надина, трудился писцом в Ниппуре и Вавилоне

между 425—419 гг., писал документы, вошедшие в архив Мурашу [BE X, 15, 79; UM 144 и др.].

Шапик-зер, сын Нергал-ушаллима, потомка Син-караби-ишме, фигурировал как писец, контрагент и свидетель в Вавилоне в течение 47 лет [Nbk 136, 137; Nbd 131, 184, 243; Mold 16; Sug 177 и др.]. Совместно с одним лицом он владел полем в 5 кур 4 сут, которое было сдано для обработки [Nbk 141; контракт написал он сам]. Согласно Nbd 424, в течение года арендная плата с этого поля составила 46 кур 1 пан ячменя. Брат Шапик-зера, Бел-икиша, также был писцом (см. выше).

Шузубу, сын Забаба-ах-иддина, потомка Леу-Мардука, был писцом и свидетелем в Сиппаре в течение 25 лет (517—492) [Barton 4; TCL XIII, 199; VS IV, 105, 163, V, 103, VI, 147 и др.].

Тексты

UM 74 (ср. транслитерацию и перевод [Augapfel, с. 28]). «36 кур ячменя — арендная плата полностью с поля за 3-й год [царя Дария], с зерновых полей, принадлежащих артели [...], что в руках Ре'ану, сына Бел-этира [...] (и) Мушаллим-Мардука, надзирателя артели [...], (с полей), которые находятся в распоряжении Римут-Нинурты, потомка Мурашу.

Этот ячмень, 39 кур, арендная плата с зерновых полей за 3-й год, включая плату за написание таблички³³, Ре'ану получил из рук Римут-Нинурты, потомка Мурашу, он оплачен. Ре'ану должен вместе с Мушаллим-Мардуком составить (расписку) относительно этого ячменя, 36 кур, арендной платы с этих зерновых полей за 3-й год, и передать Римут-Нинурте.

Свидетели (имена шести человек), писец (имя).

Ниппур, 2-й день месяца [...] 3-го года Дария, [царя стран]³⁴.

(Оттиски) печатей (свидетелей)».

UM 205 (ср. транскрипцию и перевод [Augapfel, с. 41]). «5 мин серебра, 20 баранов — остаток арендной платы со всех (наделов) лука...³⁵, принадлежащих артели шушану сокровищницы, что в местах по берегу канала Син-магир, за 4-й год [царя] Дария, включая (плату) за написание таблички³⁶, (с полей), принадлежащих Ишрибияма и находящихся [в распоряжении] Римут-Нинурты, потомка Мурашу, — получил Исмун, надзиратель шушану сокровищницы, [гонец?] Артахшара, из рук Римут-Нинурты, потомка Мурашу. Он оплачен.

(Документ составлен) [перед] Белшуну, судьей канала Сина, Свидетели (имена семи человек), писец (имя).

Ниппур, 16-й [день] месяца [...] 4-го года Дария³⁷, царя стран.

Золотой перстень Исмунa, надзирателя над шушану сокровищницы.

(Оттиски) печатей (свидетелей)».

Дар 336. «2 мины серебра низшей (?) пробы, принадлежащие Набу-шар-буллиту, управляющему дома Кудурру, уплатили писец на глине Иддин-Бел и писец-переводчик Нергал-шум-иддин за чеснок Ширке, сыну Иддины. Серебро, цену чеснока, писец на глине Иддин-Бел, сын Итти-Набу-балату, из рук Ширки, сына Иддины, получил. Он оплачен, включая (сумму) расписки на 1 мину серебра, которая по распоряжению писца на глине отдана Набу-иттанну, сыну Арад-Бела.

Свидетели (имена шести человек), писец (имя).

Вавилон, 15-й день (месяца) аддару 12-го года Дария³⁸, царя Вавилона, царя стран».

ПИСЦЫ-ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ

1. Набу-аххе-иддин, глава дома Эгиби

Во многих документах из Вавилона и Описа Набу-аххе-иддин, сын Шулы, потомка Эгиби, выступал писцом в течение 46 лет, начиная от 15-го года Навуходоносора II до 9-го года Набонида¹. Дед Набу-аххе-иддина, Набу-зер-укин, также был писцом [Nbk 55; ср. 224, с. 57].

В нескольких текстах из Вавилона, составленных между 554—547 гг., Набу-аххе-иддин упоминается среди судей царя Набонида, которые решали дела относительно различных имущественных тяжб². Довольно редко он упоминается и среди свидетелей, присутствовавших при заключении различных контрактов. Последние датируются временем между 567—548 гг. и происходят из Вавилона, кроме Snyder, составленного в Уруке [Nbd 77, 243, 310; Nbk 334; Ner 59]. В одном случае Набу-аххе-иддин является поручителем за ссуду в 12 мин серебра [Ner 39], в другом — за 4 мины, занятые для уплаты храмовой десятины [Nbk 430; документ написан в Сиппаре].

Часто Набу-аххе-иддин выдавал денежные и натуральные ссуды как под залог, так и без него. Остановимся сначала на документах о ссудах под залог.

В 548 г. в Вавилоне он ссудил писцу Набу-нациру, сыну Ина-Эсагил-зера, потомка жреца бога Эа, 16 кур 4 пан 2 сут ячменя, не считая более раннего долга в 50 кур ячменя [Nbd 286]. В следующем году тот же писец взял у Набу-аххе-иддина 45 кур ячменя [Nbd 395], а в 546 г. — 23 кур 1 пан 4 сут ячменя и 20 сиклей серебра, при этом деньги были даны под обычные 20%, а ячмень беспроцентно [Nbd 438]. Еще один писец получал от Набу-аххе-иддина финики [Nbd 254]. Обычно он давал ссуду финиками от 1 до 40 кур [Nbd 45, 575; Nbk 376, 478] и ячменем от 1 до 20 кур [Nbd 251, 393; 520, 616; Nbk 343/CT LI, 42]. По свидетельству Nbk 411, в 562 г. Набу-аххе-иддин ссудил 135 кур ячменя Бел-этирanni, управляющему Нергал-шар-уцу-ра (будущего царя). Однако не исключено, что здесь имеется в виду арендная плата с поля.

Денежные ссуды Набу-аххе-иддина обычно не превышали

4—5 сиклей [Nbk 407; Nbd 211, 396; в последнем тексте сумма не сохранилась]. Далее он ссужает 2 мины серебра, 1 талант шерсти, 1 кувшин топленого масла [Nbk 188] и 20 балок [Nbd, 66; см. также Nbk 256, 409; Ner 45].

Документы о ссудах под залог немногочисленны, суммы колеблются от 18 сиклей до 1 мины серебра, залогом обычно служили рабы, а иногда и дома, которые отдавались в антихрезу. Все сделки заключены в Вавилоне и его пригороде Шахрину [Nbk 231, 377, 420; Nbd 238, 239, 316, 340, 468].

В ряде документов Набу-аххе-иддин сам является должником денежных ссуд от 4 сиклей до 2 мин 45 сиклей серебра. Обычно ссуда была краткосрочной и беспроцентной [Mold 20; Nbd 8, 603; Nbk 214]. Лишь в одном случае сумма в 2 мины 45 сиклей дана под обычные 20% [Ner 27]. В Nbk 191 и 212 зафиксирован долг в 86 кур 2 пан 3 сут ячменя, из которых 18 кур составляли цену одного раба, приобретенного Набу-аххе-иддином. Последний взял в долг также 11 пустых чанов [Nbk 320, 325].

Во многих текстах речь идет о купле-продаже рабов. В 579 г. Набу-аххе-иддин купил рабыню за 25 сиклей [Nbk 166], а через два года — раба за $46\frac{1}{26}$ сикля [Nbk 195]. В 564 г. вавилонянка по имени Римат продала принадлежавшую ей рабыню некоему Набу-этиру за 23 сикля [Nbk 386]. Через 13 месяцев после этого Набу-аххе-иддин предъявил претензии на эту рабыню и, уплатив Набу-этиру и его жене 23 сикля, забрал ее. Кроме того, Набу-этир обязался передать новому хозяину документ о приобретении им рабыни у Римат. На чем было основано право виндикации в данном случае, неясно. Через несколько лет Набу-аххе-иддин включил эту рабыню в приданое своей дочери. В 563 г. он купил новую рабыню за 23 сикля [BRM I, 51], в 562 г. — рабыню, которая была передана ему в антихрезу [Sack 19], в 561 г. — двух рабов и их жен за 2 мины [Ner 2] и в 559—558 гг. — еще две семьи рабов [TCL XII, 65; Ner 42], в 556 г. — раба (в счет ссуды, предоставленной его хозяину) [Liv 13], в 555 г. — раба за 40 сиклей [Nbd 244], в 552 г. — рабыню за 50 сиклей [Nbd 147], в 551 г. — раба за 1 мину 5 сиклей (сумма долга за продавцом) [Nbd 194], в 549 г. — рабыню, ее сына и трех дочерей за 2 мины 35 сиклей [Nbd 257], а также двух рабов — соответственно за 45 и 52 сикля [Nbd 126/274, 270], в 544 г. — двух рабынь за 37 и 31 сикль [Nbd 671, 680] и в 534 г. — рабыню и ее сына за 40 сиклей [Mold 12].

Значительный интерес представляют следующие два документа. В 1-м году царствования Нергал-шар-уцура (559 г.) некая Белилиту продала Набу-аххе-иддину своего раба по имени Базузу за 35 сиклей серебра [Ner 23]. По свидетельству Nbd 13, в 555 г. «Белилиту... заявила судьям Набонида, царя Вавилона, следующее: „В месяце абу 1-года Нергал-шар-уцура... я продала своего раба Базузу за $\frac{1}{2}$ мины 5 сиклей серебра Набу-аххе-ид-

дину... но денег он не уплатил, а составил долговую расписку“.

Царские судьи выслушали (ее) и велели привести к ним Набу-аххе-иддина и поставить (его) перед ними. Набу-аххе-иддин принес контракт, который он заключил с Белилиту, и показал судьям (документ, свидетельствующий о том, что) он уплатил серебро — цену Базузу...

Судьи посоветовались и постановили обратить против Белилиту весь ее иск в $\frac{1}{2}$ мины 5 сиклей серебра и отдали (эту сумму) Набу-аххе-иддину».

По свидетельству ряда документов, Набу-аххе-иддин покупал поля, сады и финиковые рощи близ Вавилона, которые обычно находились рядом с его владениями [Nbd 178, 193, 203, 418, 477, 1111]. Относительно одного поля продавец возбудил судебный иск, так как Набу-аххе-иддин не уплатил 2 мины серебра — цену этого поля. Последний обязался расплатиться с контрагентом [Nbd 355, 359]. Он приобрел в Вавилоне также два дома за 3 мины 7 сиклей серебра и 1 мину 13 сиклей соответственно [Ner 34; Sack 21].

Набу-аххе-иддин нередко сдавал принадлежавшие ему поля и дома в аренду. Например, раб совместно со свободным арендовал у него финиковую рощу, с которой в качестве арендной платы надо было доставить 1065 кур фиников [Liv 12]. В остальных случаях сумма арендной платы составляла несколько десятков кур фиников [Nbd 47, 309/CT LI, 44; Nbd 353, 623, 634/CT LI, 45].

По свидетельству Nbd 184, Набу-аххе-иддин сдал в аренду на три года дом Набу-кин-аху, сепиру царевича Бел-шар-уцура, получив ссуду в 1,5 мины серебра. Проценты от этой суммы равнялись арендной плате. В другом случае дом был сдан в аренду за 2 сикля серебра в месяц [Nbd 224]. По свидетельству плохо сохранившегося Nbd 608, Набу-аххе-иддин судился из-за арендной платы за дом.

Довольно часто Набу-аххе-иддин выступал в качестве банкира, принимая на хранение вклады или уплачивая деньги по поручению третьих лиц. Например, в 557 г. некая Гугуа совместно со своим сыном передала Набу-аххе-иддину на хранение долговую расписку на 1 мину 10 сиклей серебра [Ner 60], а в 555 г., продав дом за 5 мин 4 сикля депонировала у того же банкира 5 мин 2 сикля [Nbd 44] и в следующем году еще 1 мину серебра [Nbd 65]. В TCL XII, 120 речь идет о доверенном Набу-аххе-иддину вкладе в 11 мин 18 сиклей серебра. Но к тому времени, когда вкладчики потребовали эти деньги обратно (539 г.), Набу-аххе-иддина уже не было в живых (см. также [Nbd 1047, 1048; Sack 6]). Согласно Nbd 383, сам Набу-аххе-иддин доверил Калбе из дома Эгиби 1 мину 44 сикля серебра для последующей уплаты третьему лицу.

Некий царский чиновник купил раба, поручив уплатить его цену Набу-аххе-иддину [Ner 7]. Последний по поручению царя

Нергал-шар-уцура передал третьему лицу 11 мин серебра [Nbr 9]. Один из вкладчиков Набу-аххе-иддина приобрел поле в Кише, уплатив через своего банкира 10 мин серебра [Nbd 133]. По свидетельству Nbd 270, управляющий имуществом царевича Бел-шар-уцура ссудил одному лицу 45 сиклей серебра для храмовой десятины, а позднее эта сумма была погашена через Набу-аххе-иддина. Набу-аххе-иддин внес также 2 мины 5 сиклей серебра, чтобы по поручению одного из своих вкладчиков купить золото [Nbd 177], а также передал 7 мин 52 сикля серебра за дом, приобретенный другим вкладчиком [Sack 10, 11; см. также Nbd 51].

Набу-аххе-иддин также занимался торговлей — либо через посредство агентов [Mold 14], либо основывая коммерческие товарищества на равных паях со своими контрагентами [Nbd 235, 300; ср. также TCL XIII, 160/Camb 169]. В частности, он для какой-то цели (скорее всего для торговли) покупал медь и железо [Nbd 131], «старые пустые чаны» [Nbd 204], лодку [Nbd 536; совместно с двумя другими лицами], «ожерелье с серебряными застежками» [Nbd 501], драгоценные камни [Nbd 267], продает осла [Nbk 140] и «ожерелье с золотыми застежками» [Nbd 216].

Набу-аххе-иддин заказывал у ремесленников различные изделия. По свидетельству Nbk 307, он заказал у одного раба третьего лица «тюрган (для) ношения» стоимостью 3 сикля серебра, у других лиц — «медный котел» [Nbk 426], кровать из пальмового дерева за 3 сикля серебра [Nbd 171] и 800 связок тростника [BRM I, 57].

Судя по Mold 21, Набу-аххе-иддин усыновил мальчика по имени Калба и обязался дать ему в последующем писцовое образование.

Как зафиксировано в Nbk 172, некий Нергал-убаллит не будет предъявлять к Набу-аххе-иддину иска и судиться с ним, ибо он уже получил свое имущество полностью. Из Nbk 142, составленного четырьмя годами раньше, видно, что Шула, отец Набу-аххе-иддина, должен был Нергал-убаллиту 2 мины 14 сиклей серебра, а после смерти Шулы долг перешел к его наследнику и все имущество было объявлено залогом. Согласно Nbd 760, Набу-аххе-иддин обещал дать в качестве приданого своей дочери 2 кур поля, пять рабов и домашнюю утварь, но это приданое по каким-то причинам осталось не возмещенным до его смерти³.

Таким образом, Набу-аххе-иддин в течение 46 лет (590—544) упоминается в документах сначала как писец (590—578), затем как контрагент, писец, свидетель, поручитель, царский судья, банкир и т. д. Он жил в Вавилоне, где и составлено преобладающее большинство документов его архива. Некоторые документы написаны в Шахрину (предмestье Вавилона), Бит-шар-Бабили (район царского дворца в Вавилоне), Описе, Кише,

Сиппаре, Уруке и других городах, куда Набу-аххе-иддин ездил по делам. После смерти своего отца Шулы в 581 г. он стал главой дома Эгиби. [Nbk 141; ср. 224, с. 60; 235, с. 31 и сл.]. Если предположить, что Набу-аххе-иддину, когда он начал заниматься писцовой работой, было приблизительно 30 лет, то прожил он около 80 лет.

2. Итти-Мардук-балату из дома Эгиби

Итти-Мардук-балату, сын Набу-аххе-иддина, потомка Эгиби, упоминается приблизительно в 260 документах в течение 33 лет (554—521) [Nbd 77; Nbk 10; о его родственных связях см. 235, с. 15—17; 224, с. 61 и сл.; о его деятельности см. 116, ч. II; 13, с. 183 и сл.]. Его отец, как мы видели выше, был крупным дельцом и главой дома Эгиби. Сохранились также некоторые сведения о его матери Кудашу (в Суг 49 она выступает в качестве контрагента), сестре и других родственниках [Nbd 760]. В 542 г. Итти-Мардук-балату женился на Нупте, дочери Иддин-Мардука из семьи Нур-Сина и его жены Ина-Эсагил-рамат, происходившей из дома Набая [Nbd 697 и 755]. Все эти три семьи (особенно Нур-Сина) были могущественными деловыми домами, и благодаря женитьбе на Нупте Итти-Мардук-балату упрочил свое экономическое и социальное положение. В качестве приданого за Нуптой он должен был получить 24 мины серебра, но вместо части этих денег ему выделили поле [Nbd 755; Суг 129, 130].

Согласно изданным текстам, Итти-Мардук-балату впервые выступил писцом в Вавилоне в 544 г., т. е. через семь лет после того, как уже упоминался в качестве контрагента. Одновременно он в этом тексте является и контрагентом [Nbd 625]. Через два года он снова фигурирует в Вавилоне как писец и контрагент, получая определенную сумму денег как цену рабов — приданого своей жены Нупты [Nbd 755]. В 541 и 540 гг. он опять упоминается в качестве писца двух документов, составленных в районе царского дворца в Вавилоне [Nbd 863 и 1005; в первом из них за ним зафиксирована ссуда в 1 мину серебра]. В 537 г. Итти-Мардук-балату находился в каком-то городе Уразуметану, в Западном Иране, где он выступил одновременно писцом и должником [Суг 37]. Через два года он упоминается в Борсиппе в качестве писца и кредитора [Суг 172]. Наконец, в 525 г. он составил контракт где-то в «военном лагере» [Camb 276]. Примечательно указание Nbd 289, что Итти-Мардук-балату в 549 г. купил в Вавилоне за 2 кур ячменя «деревянную дощечку», по-видимому, для письма (GIS.DA šá e-si-ki).

В единичных случаях Итти-Мардук-балату фигурирует как свидетель при заключении различных сделок [Nbd 531; Суг 302].

В течение 548—521 гг. он давал в ссуду различные суммы денег (от 10 сиклей до 3½ мин серебра) обычно под 20% в

год (очень редко без процентов). Большинство долговых расписок составлено в Вавилоне⁴. При этом несколько документов написано в районе царского дворца в Вавилоне [Mold 31; Nbd 861, 974, 1056]. Иногда ссуда выдавалась далеко от Вавилона — в Борсиппе [Cug 172], Уруке [Cug 219], в местности Бит-рахе [Cug 240] и даже в какой-то эламской местности Аилтамму Дур-Гураш [Cug 227; документ датирован 533 г. и содержит оговорку, что ссуду надо погасить в Экбатанах, т. е. в столице Мидии].

Другие тексты фиксируют выдачу Итти-Мардук-балату ссуд (обычно от нескольких сиклей до двух мин) в Вавилоне под проценты и залог домов, полей и рабов⁵. В 532 г. он получил в Уруке в счет долгового требования 2 мины 24 сикля серебра [Cug 242]. Нередко он давал ссуды также продуктами (финиками, ячменем и чесноком) и шерстью под залог домов и полей, расположенных в Вавилоне и его предместьях Шахрину и Бит-таби-Бел или близ этих местностей. В некоторых случаях оговаривается, что ссуду надо погасить меркой кредитора⁶. Как отмечается в Samb 17 (529 г.), 100 кур фиников и 20 сиклей серебра, принадлежащих Итти-Мардук-балату, отданы в ссуду под залог поля и эта ссуда была взята как эквивалент *aparikīš* (работы по контракту?) за один месяц. По свидетельству Samb 261, два лица получили от Итти-Мардук-балату 33 кур фиников, что соответствовало размеру требуемого налога. Согласно Samb 192, Итти-Мардук-балату вернул из долгового залога поля и дома, которые находились у канала Сурра в вавилонском округе.

В ряде контрактов, заключенных за 554—522 гг., Итти-Мардук-балату упоминается как должник, взявший ссуду деньгами и продуктами (иногда под проценты и под залог рабов и домов). Большинство этих расписок составлено в Вавилоне [Nbd 77, 688, 816, 853, 863; Cug 317; Samb 38, 334]. По свидетельству Samb 153 (Вавилон, 527 г.), он должен был вернуть к определенному сроку своему контрагенту различную утварь, а в противном случае выплатить ему 4 мины 9 сиклей серебра — цену этой утвари.

Значительный интерес представляют долговые расписки, составленные за пределами Вавилонии. Одна такая долговая расписка написана в какой-то местности Тахманка в Иране [Cug 29; ср. 246, с. 73]. В 538 г. Итти-Мардук-балату занял 20 сиклей серебра с условием погашения в Вавилоне (беспроцентный заем). Документ составлен в городе Уразуметану [Cug 15]. В 537 г. он получил в том же городе ссуду в 1 мину серебра, обязавшись погасить ее без процентов в Вавилоне [Cug 37], а в Экбатанах, столице Мидии, занял 1½ мины серебра с условием возврата ее к определенному сроку финиками «в соответствии с курсом цен Вавилона» [Cug 60]. В 530 г. Итти-Мардук-балату получил в городе Хумадешу «открытый кошелек», содержав-

ший 4 мины 45 сиклей серебра, с условием передачи брату кредитора в Вавилоне [Krecher]. В 523 г. он занял в том же городе 12 мин серебра, не считая более ранней ссуды в 2 мины. Этот долг также предполагалось возместить в Вавилоне брату кредитора [Hecker 47].

В 522 г. в том же городе Хумадешу Итти-Мардук-балату получил огромную ссуду в 11½ мин серебра под проценты, к тому же ранее он занял еще 14 мин серебра [Sm 2].

Согласно контрактам, заключенным в 547—522 гг., Итти-Мардук-балату покупал и продавал дома в Вавилоне и поля за городскими воротами, а также обменивал недвижимое имущество, стремясь к тому, чтобы его поля и дома были сосредоточены компактно в определенных районах. Цены, уплаченные за поля и дома, обычно равнялись 3—4 минам при каждой отдельной сделке⁷. По Суг 345, он приобрел в квартале Шуанна в Вавилоне дом за 8 мин 57 сиклей серебра; одна из сторон этого дома была до 50 локтей в длину.

Синхронные документы фиксируют сдачу полей и финиковых рощ, принадлежащих Итти-Мардук-балату, в аренду за часть урожая фиников (обычно несколько десятков кур, иногда более 100 кур), ячменя и полбы (по несколько кур), редко деньгами⁸. В Sm 9 арендатором поля выступает один из рабов Итти-Мардук-балату. По свидетельству Nbd 578, поле было сдано в аренду для разбивки сада.

Купленные им, а также взятые в долговой залог и антихрезу дома Итти-Мардук-балату сдавал в аренду сроком от одного до трех лет. Сумма арендной платы колебалась от 5 до 36 сиклей в год⁹.

Итти-Мардук-балату был крупным работорговцем. В 547 г. он купил в Вавилоне рабыню и ее малолетнего сына за 1 мину 10 сиклей серебра [Liv 1] и раба [Nbd 367], в 546 г. — раба, его жену и их четырехлетнюю дочь за 2 мины [Nbd 400] и через одного из своих агентов — еще раба [Liv 14]. В 545 г. он приобрел семь рабов (в том числе семью из трех человек) [Nbd 495, 508, 509; TCL XII, 99], в 544 г. — двух рабынь [Nbd 635 и 675]. В 542 г. он купил в Вавилоне трех рабынь [Mold 29], а также рабыню вместе с тринадцатилетней дочерью и шестимесячным сыном за 1 мину 5 сиклей, затем отдал их в залог, через девять месяцев продал третьему лицу, а впоследствии вернул эту рабыню одну [Nbd 765, 772, 790, 832]. В 541 г. он приобрел в Сиппаре поле и уже уплатил за него, но по каким-то причинам сделка была расторгнута, и владельцы поля отдали контрагенту вместо земли рабыню, которая была оценена в 1½ мины [Nbd 829, 837, 903; см. также Nbd 1113]. В 540 г. он купил трех рабынь [Nbd 953], а в 536 г. — раба за 2 мины 32 сикля [Cug 120]. В 539 г. Итти-Мардук-балату приобрел 4 кур 3 пан 3 ка (немногим менее 6 га) земли за 5 мин 49 сиклей, двух рабов и рабыню за 5 мин, несколько домов за 24 мины

37 сиклей [Суг 160/161], в Вавилоне раба вместе с сыном [Суг 171] и в 532 г. — рабыню [Суг 261].

В 528 г. Итти-Мардук-балату продал в Описе за 1 мину 25 сиклей рабыню, на запястье которой были клейма с надписями на аккадском и эламском языках [Самб 143, 144]. По-видимому, эта рабыня была первоначально куплена им в Эламе. В 527 г. он продал в Вавилоне трех рабов и двух рабынь [Самб 165; 189; Liv 19], а также получил от партнера по торговле свою долю: двух рабынь вместе с сыном одной из них (все они были оценены в $4\frac{1}{2}$ мины), трех рабынь и 10 мин 16 сиклей серебра, не считая поля, которое было оставлено в общей собственности [TCL XIII, 160].

В 525—524 гг. Итти-Мардук-балату купил семь рабов, в том числе уведенную в плен (очевидно, во время похода Камбиза в 525 г. против Египта) египтянку вместе с трехмесячной дочерью [Самб 290, 309, 334]. Одновременно он приобрел у одной вдовы дом, находившийся в Борсиппе, но вместо денег отдал ей купленную им рабыню и двух ее дочерей. Вдова, в свою очередь, продала этих рабынь третьему лицу, но позднее они снова оказались в распоряжении Итти-Мардук-балату. В 523 г. последний уступил их за $2\frac{2}{3}$ мины первоначальному владельцу [Самб 290, 309, 377, 388]. В 524 г., будучи в Иране, в городе Хумадешу, Итти-Мардук-балату обменял дом в Кише на трех рабынь [Самб 362].

Остановимся кратко на занятиях рабов, принадлежавших Итти-Мардук-балату. Один из них был отдан для обучения ткацкому делу сроком на пять лет [Суг 64], другой — пекарному делу [Суг 248], третий — портняжному делу на два года три месяца [Самб 245], четвертый в течение четырех лет учился «мастерству изготовления печатей у Куддая, резчика печатей, раба царевича Камбиза» [Суг 325].

Некоторых рабов отдавали внаем разным лицам за денежную или натуральную плату [Nbd 299, 610 и др.]. Многие его рабы выполняли обязанности агентов, сдавая дома в аренду, занимаясь торговлей, регулированием денежных расчетов своего хозяина с контрагентами, получая арендную плату с домов, полей и т. д. [Самб 253, 257; Dag 275, 413; Nbd 776; TCL IX, 124]. Наиболее привлекательных рабынь он устраивал в публичные дома или отпускал на оброк с условием выплаты ему определенной части доходов с их ремесла [Nbd 679 и 682]. Многие рабы находились на оброке, вели хозяйство на свой страх и риск, занимались торговлей, ремеслами, ростовщичеством и т. д.¹⁰. Иногда его рабы даже покупали себе собственных рабов [Nbd 681].

Одной из сфер деятельности Итти-Мардук-балату была торговля. Вместе с неким Шапик-зером он внес для торговли 1 мину серебра, договорившись, что прибыль будет разделена пополам [Nbd 199]. По свидетельству Nbd 572, оба упомянутых

контрагента вручили двум своим рабам 5 мин серебра и 130 пустых чанов для занятия торговлей. Выручку предполагалось разделить поровну между обоими контрагентами. В документе оговаривается, что оба раба будут питаться и одеваться из части полученной суммы. В другом случае эти же контрагенты выдали двум своим рабам для торговли 1 мину серебра [Nbd 653], а одной женщине — 40 сиклей серебра [Nbd 652]. Согласно Nbd 787, Итти-Мардук-балату, его братья и еще одно лицо отпустили для торговли 200 чанов «отменного» пива, 90 кур фиников, 15 кур специй и т. д. Вместе со своим компаньоном он выделил 2 мины и 4 сикля серебра, чтобы купить 70 сосудов вина для последующей продажи [Nbd 1013]. Набу-утир, раб Итти-Мардук-балату, выручил от торговли $5\frac{1}{2}$ мин серебра и $\frac{1}{6}$ этой суммы вручил своему хозяину в качестве доли последнего кроме оброка [Nbd 838]. В 530 г. Итти-Мардук-балату отдал своему контрагенту в Борсиппе в счет урегулирования с ним денежных расчетов осла [Суг 338]. С той же целью в 527 г. в местности Дипини он взял у некоего Таддану жернова [Camb 223] ¹¹.

По свидетельству ряда документов, Итти-Мардук-балату заказывал у ремесленников различные изделия для собственных нужд и торговли. Например, одному рабу третьего лица он вручил определенную сумму денег с условием, что тот сделает ему четыре пары обуви общей стоимостью 5 сиклей серебра [Nbd 566]. Другому лицу он выдал 23 кур фиников для приготовления 25 чанов «сладкого» пива, не считая пива, сваренного этим человеком раньше [Nbd 600]. Далее он передал 1 мину серебра для изготовления дубленой кожи [Суг 148] и выплатил 8 сиклей серебра за какую-то кирпичную постройку [Mold 28]. Судя по TCL XII, 101 (Вавилон, 545 г.), Итти-Мардук-балату заказал одному ювелиру ожерелье из 303 камешков «в хорошем состоянии» (документ оформлен как абстрактная долговая расписка).

Итти-Мардук-балату занимался также профессиональными банковскими операциями, т. е. был заимодавцем, принимал на хранение вклады, давал и получал векселя, уплачивал долги своих клиентов, вносил за них плату за различные операции (купля рабов и т. д.), финансировал и основывал коммерческие товарищества ¹². Остановимся на нескольких документах, связанных между собой по своему содержанию.

Некий Бел-риманни продал свой дом Бел-аххе-иддину; последний внес 11 мин 18 сиклей серебра (цену дома) Набу-аххе-иддину, отцу Итти-Мардук-балату, очевидно, по поручению продавца дома. Затем как покупатель, так и банкир умерли. Банкиру наследовал его сын Итти-Мардук-балату. Через четыре года после смерти покупателя дома и банкира продавец дома Бел-риманни потребовал «кошелек с вкладом» в 11 мин 18 сиклей от Итти-Мардук-балату, отцу которого этот вклад был доверен. Но тот отказался вернуть эту сумму без решения везирей.

и судей, и оба они отправились к судьям. Последние спросили Зерию, попечителя храма Эсагила в Вавилоне, имеются ли у храмового правления какие-либо претензии на указанный вклад. Зерия ответил отрицательно, и затем Итти-Мардук-балату возвратил вклад Бел-риманни в присутствии судьи. После этого Бел-риманни отдал из полученной суммы 6 мин серебра на хранение тому же банкиру под залог «большого дома, в котором живет Итти-Мардук-балату» [Nbd 1047]. Дом этот был расположен в районе царского дворца в Вавилоне, где и были составлены в 539 г. все относящиеся к данному делу документы [Nbd 1047, 1048; TCL XII, 120; ср. BRL I, с. 30].

Из других текстов, содержащих сведения об Итти-Мардук-балату, особый интерес представляет Nbd 720, (+TCL XIII, 219)¹³. Это судебный протокол, составленный в 543 г. в Вавилоне (см. транслитерацию, перевод и комментарий Сан-Николо [192, с. 179 и сл.; ср. 116, с. 62]). Итти-Мардук-балату заявил «судьям Набонида, царя Вавилона», что Шапик-зер и Бел-убаллит, сыновья Шум-укина, одолжили у некоего Римута 5 мин серебра. За эту ссуду, которая осталась непогашенной, Римут взял в залог их поле и впоследствии продал его Набу-аххе-иддину, отцу Итти-Мардук-балату. После смерти Набу-аххе-иддина оба брата явились к его сыну и предъявили ему долговое требование на 1/2 мины серебра, т. е. на часть первоначальной ссуды. Итти-Мардук-балату взял этот документ и, читая его, спросил: «Кто такой Римут, который забрал у вас поле в залог?» Тогда Шапик-зер вырвал табличку из рук Итти-Мардук-балату и «своими зубами раскрошил ее» (ina šin-pi-šú ik-su-us). Очевидно, Итти-Мардук-балату сразу заметил, что долговая расписка была поддельной. Изложив существо дела, он обратился к судьям с просьбой: «Теперь вынесите нам решение».

Когда судьи допросили Шапик-зера и Бел-убаллита, те ответили, что долговое требование погашено, и у них нет никаких претензий к истцу, и это он привел их в суд, а не они его. По постановлению суда братья должны были уплатить истцу «за ложь» 50 мин серебра штрафа.

По свидетельству Nbd 632, Итти-Мардук-балату нанял чело-века для выполнения общественной повинности в течение полу-года, от месяца арахсамну до конца месяца нисанну 13-го года правления Набонида (543 г.; ср. Суг 224, согласно которому Нергал-рицуа, раб Итти-Мардук-балату, уплатил третьему лицу определенную сумму денег за несение повинности своего хозяи-на в 533 г.). Характерно, что для выполнения государственных повинностей Итти-Мардук-балату нанимает свободных, а не по-сылает своих рабов.

В 531 г. во время имущественной тяжбы между двумя братьями своего отца Итти-Мардук-балату выступил в Вави-лоне третейским судьей [Суг 302; ср. также Суг 381, согласно которому несколько лиц сделали заявление перед Итти-Мардук-

балату по поводу пропавшего золота и какого-то другого имущества].

Судя по Dag 26, где говорится о приобретении поля Мардук-нацир-апли, старшим сыном Итти-Мардук-балату, и при этом отмечается, что при расчете за него долговые расписки Итти-Мардук-балату не были учтены, к весне 521 г. последнего уже не было в живых. Если в 554 г., когда он впервые упоминается в качестве контрагента, ему было около 25 лет, он прожил не менее 58 лет. Хотя Итти-Мардук-балату умер (или, возможно, погиб) во время политической смуты в Вавилонии, охваченной восстаниями против персидского господства, дела его отнюдь не находились в расстройстве. Так, его сын и глава дома Эгиби Мардук-нацир-апли в 519 г. в Вавилоне лишь по одной долговой расписке получил с двух должников своего отца 44 мины серебра [Dag 93; ср. BRM I, 75; см. также составленный в том же году Dag 70, согласно которому Мардук-нацир-апли уплатил контрагентам своего отца $\frac{5}{6}$ мины серебра].

Нам нет необходимости подсчитывать, каким имуществом располагал Итти-Мардук-балату, поскольку сохранился документ о разделе в 508 г. наследства между тремя его сыновьями. В этом документе поименно упоминается более 100 рабов. Дележу подлежали также 16 домов и других зданий в Вавилоне и Борсиппе, 12 мин серебра и т. п., а поля, крупный рогатый скот, овцы, ослы, лошади и беглые рабы с их имуществом пока были оставлены в общей собственности [Dag 379]. Разумеется, каждый сын Итти-Мардук-балату имел также личное имущество. Кроме того, Итти-Мардук-балату еще при своей жизни выдал замуж сестру и трех дочерей, выделив для них соответствующее приданое, составившее в общей сложности 18 рабов, 4 рабыни, 30 мин серебра, различную утварь и поля [Nbd 760; Суг 143; Camb 193, 214, 215].

Писцовая работа определенно не была основной деятельностью Итти-Мардук-балату или сколько-нибудь существенным источником его весьма значительного состояния. Он был типичным представителем тех вавилонских писцов, которые преимущественно являлись деловыми людьми и пользовались своими профессиональными знаниями, чтобы выгодно заниматься торговлей, ростовщичеством и банковскими операциями.

При жизни Итти-Мардук-балату в Вавилонии происходили бурные политические события. В 539 г. она была захвачена персами. Можно не сомневаться, что Итти-Мардук-балату, который, как и другие представители вавилонского делового мира, мечтал о безопасных дорогах в близкие и далекие страны, восторженно приветствовал чужеземных завоевателей. Вероятно, он был среди тех, кто 29 сентября 539 г. торжественно встречал въезд в Вавилон персидского царя Кира, дорога перед которым была усыпана зелеными ветками. Итти-Мардук-балату покупал и продавал дома, поля и рабов в Вавилоне, Борсип-

пе, Кише, Описе, Уруке и др. В некоторых из этих городов он владел и недвижимым имуществом. Постоянно он жил в Вавилоне «в большом доме».

Вскоре после захвата страны персами Итти-Мардук-балату отправился в столицу Мидии Экбатаны¹⁴ и затем несколько раз посещал различные области Западного Ирана и Элама, где занимался торговлей (прежде всего приобретением рабов для последующей продажи их в Вавилоне). В 522 г., когда в Вавилонии произошло восстание против персидского господства, далекий от политики Итти-Мардук-балату находился в иранском городе Хумадешу, куда он ездил еще и в предыдущем году. Не имея возможности получить из Вавилонии какие-либо денежные суммы, он вынужден был прибегать к большим ссудам, обязуясь погасить их по возвращении в Вавилон.

3. Мардук-нацир апли, глава дома Эгиби

Мардук-нацир-апли был старшим сыном Итти-Мардук-балату, потомка Эгиби. В контракте TCL XIII, 193:3 про него сказано: «Ширку, второе имя которого — Мардук-нацир-апли, сын Иддины, потомка Эгиби». В нескольких десятках текстов он назван Ширку (/Ширик и другие варианты имени), сыном Иддины, потомка Эгиби, но в преобладающем большинстве документов он упоминается как Мардук-нацир-апли, сын Итти-Мардук-балату, потомка Эгиби. Идентичность Ширку и Мардук-нацир-апли не вызывает никаких сомнений. По мнению Вейнгорта, Иддина — второе имя Итти-Мардук-балату [235, с. 15]. Однако Унгнад считает это мнение несостоятельным и полагает, что Итти-Мардук-балату, не имея собственных детей, усыновил детей своего брата-неудачника Иддины [224, с. 63]. К тому же Иддина (в ряде текстов он назван Иддин-Набу, а Иддина было его сокращенным именем) был писцом [Camb 31 и др.] и постоянно находился в долгах; в частности, он занял большую сумму денег даже у персидского царевича Камбиза под поручительство своего брата Нергал-этира [Cug 177].

Против мнения, что Итти-Мардук-балату усыновил Мардук-нацир-апли, не свидетельствует и упоминание в документе Dag 187:4 Мардук-нацир-апли как сына Нупты, жены Итти-Мардук-балату, ибо после усыновления он считался сыном своих приемных родителей [224, с. 63].

Впервые Мардук-нацир-апли в качестве контрагента выступил в 524 г., еще при жизни отца, затем в сентябре 521 г., когда в Вавилонии правил восставший против Дария I Навуходоносор IV (ср. [235, с. 21]). Пока в изданных текстах он последний раз упомянут в 17-м году царствования Дария I, в апреле 495 г. [TCL XIII, 198]. Таким образом, в течение 29 лет он фигурировал более чем в 300 текстах. Вероятно, он родился около 550 г. О времени его смерти пока нет данных, поскольку

документы Британского музея, датированные последними годами царствования Дария I, еще не опубликованы.

Мардук-нацир-апли был женат на Абат-Бау, дочери известного дельца Калбы из влиятельной семьи Набая [Dag 26; март 520 г.]. Она тоже активно занималась делами, нередко выступая контрагентом [Dag 119, 236, 242, 429, 457; Pinches, BOR II, с. 3 и сл.].

После смерти отца Мардук-нацир-апли пришлось улаживать расчеты с его контрагентами. В частности, от двух должников своего отца он потребовал уплаты 44 мин серебра [Dag 93, 519 г.] и в том же году доставил одному кредитору последнего 50 сиклей [Dag 70].

С 518 по 499 г. Мардук-нацир-апли выступал в качестве писца в 14 документах, которые составлены в Вавилоне или его пригороде Шахрину (лишь один текст из этой группы происходит из Борсиппы, а другой — из местности Сиклам). В большинстве этих документов он одновременно упоминается и как должник по различным денежным или натуральным ссудам¹⁵. Согласно документу из Борсиппы, он получил арендную плату за дом [Dag 210]. Всего лишь в двух текстах, написанных Мардук-нацир-апли, он не являлся контрагентом: первый из них — долговая расписка на 1½ мины серебра [Dag 346; Сиклам, 509 г.], второй — запись заявления одного лица относительно какого-то имущества [Dag 214; Вавилон, 502 г.].

В единственном тексте Мардук-нацир-апли упомянут как свидетель контракта [Dag 489; ссуда на 34 сикля серебра], и один раз он выступил свидетелем в судебном процессе [Dag 260, имущественная тяжба]. В 521 г. в Борсиппе совместно с каким-то другим лицом он поручился за должника, который взял ссуду 13 мин серебра [Dag 23].

Ряд долговых расписок, согласно которым Мардук-нацир-апли являлся кредитором различных денежных сумм, относятся к 522—500 гг. и происходят из Вавилона и его пригородов Битаби-Бел и Шахрину, а также из Борсиппы. По Nbk 17, он при свидетелях выдал огромную ссуду — 14⅓ мины 9 сиклей серебра — под проценты своему рабу Набу-ялу. Другое лицо получило от него 5 мин 50 сиклей серебра под проценты, не считая прежнего долга в 4 мины 12 сиклей серебра, 150 кур фиников, 10 кур пряностей и 20 мин железа [Dag 142]. По свидетельству Dag 309. Мардук-нацир-апли ссудил под залог раба 8 кур ячменя, 34 кур фиников и 13 сиклей серебра. Как оговаривалось в контракте, в случае, если должник не расплатится в срок, заложенный раб станет собственностью кредитора за 34 кур фиников и 13 сиклей серебра, а 8 кур ячменя останутся еще не погашенными. Мардук-нацир-апли выступил также кредитором сумм от ½ до 9½ мин серебра, чеснока (по несколько сот кур), ячменя (десятки кур), овец, утвари и каких-то одежд, даваемых обычно под залог полей¹⁶. Согласно Dag 497, Мардук-на-

цир-апли вручил некоему Бел-иттанну под поручительство третьего лица 1 мину серебра. Документ составлен в Сузах, столице Элама, а долг необходимо было вернуть в Вавилоне. По данным нескольких текстов, определенные лица в присутствии полноправных свободных поручились, что должники Мардук-нацир-апли не убегут [Dag 502, 505 и 506]. По свидетельству Dag 339, один раб поклялся богами Белом, Набу и царем Дарием привести к установленному сроку и передать Щирке какого-то человека, «который находился в его распоряжении». По-видимому, здесь имеется в виду должник Мардук-нацир-апли (ср. также Dag 187, где содержится аналогичное обязательство по поводу долговых расписок другого лица, одного из должников Мардук-нацир-апли).

Его жена Амат-Бау также выдавала денежные ссуды [Dag 119 и 236].

В 521—499 гг. Мардук-нацир-апли в Вавилоне и его пригородах (один раз также в Кише) брал в ссуду деньги (от 25 сиклей до 11 мин и больше, а обычно 2—5 мин) или финики и ячмень (часто по несколько десятков кур, иногда и более 100 кур)¹⁷. В большинстве случаев ссуда была процентной. Нередко оговаривается, что ссуда выдается без процентов, но превратится в процентную, если не будет погашена в срок. Иногда Мардук-нацир-апли получал денежную ссуду под залог домов. Согласно одному тексту, ему дали ссуду 2 мины $4\frac{1}{2}$ сикля серебра, не считая прежнего долга в $7\frac{1}{3}$ мины. Ссуда была беспроцентной, но в случае несвоевременного погашения должна была стать процентной, а в ее обеспечение «дом его (т. е. должника) взят в залог» [Dag 417]. Под залог дома ему ссудили также 10 мин серебра, 71 кур, фиников и 10 кур ячменя [Dag 515]. В ряде документов фиксируется, что для получения ссуды (от 50 сиклей до $4\frac{1}{2}$ мин) он отдает дома в антихрезу, т. е. в пользование кредиторов взамен процентов [Dag 474, 511, 519; Liv 26]. По свидетельству Dag 575, он взял денежную ссуду (сумма не сохранилась) под залог — антихрезу раба. При этом должник обязался снабжать своего раба одеждой, а если последний «уйдет в другое место», будет платить кредитору ежедневно по 3 ка ячменя. 3 мины серебра Мардук-нацир-апли получил под залог раба и рабыни с условием, что они будут принадлежать кредитору, если он не погасит ссуду в срок [Dag 319; см. также Dag 205, 213, 262, 263, 284, 300; Liv 23, согласно которым Мардук-нацир-апли вовремя вернул различные денежные и натуральные ссуды].

Среди кредиторов Мардук-нацир-апли были, в частности, царский писец-переводчик [Dag 544] и раб, принадлежавший третьему лицу. У этого раба он занял под проценты $5\frac{5}{6}$ мины серебра [Dag 337], а позднее еще $4\frac{2}{3}$ мины, которые затем были уплачены через агентов этого раба [Dag 380]. Значительный интерес представляет документ Dag 366 (Вавилон, 509 г.), кото-

рый является поручительством одного лица за Мардук-нацир-апли (в тексте он назван Ширку) в том, что он приведет его к определенному сроку и передаст кредитору, а в противном случае обязан отдать последнему «в соответствии с долговой распиской» поле площадью 1 кур. Согласно Dag 458 (505 г., Вавилон), один имбукиец (выходец из Малой Азии) ссудил Мардук-нацир-апли 50 сиклей серебра. Среди свидетелей наряду с вавилонянами выступают три имбукийца, «кimmerиец» (т. е. сак) и харзибаец (представитель одного из малоазийских племен).

Особого внимания заслуживают несколько документов, составленных вне Вавилона. В документе Dag 437, написанном в 506 г. в Сузах, столице Элама, отмечается, что Мардук-нацир-апли получил $2\frac{1}{3}$ мины серебра с условием возврата в следующем году в Вавилоне. Если ссуда не будет погашена в оговоренный срок, она станет процентной. Долговая расписка Dag 490 (503 г.), фиксирующая за Мардук-нацир-апли ссуду 3 мины, также, по-видимому, была составлена в Эламе (в Городе Хумбана, т. е. верховного эламского бога). По свидетельству Dag 411, написанного на «Канале эламского царя» в 507 г., Мардук-нацир-апли занял 2 мины серебра, не считая более ранней ссуды — $1\frac{1}{2}$ мины, — полученной «для работы на Канале царя эламского». Очевидно, Мардук-нацир-апли взял подряд на ремонт этого канала. Но в документе оговаривается, что ссуду необходимо погасить в Вавилоне через четыре месяца. Наконец, в Liv 25 речь идет об очень крупной ссуде — 23 мины серебра, — к которой Мардук-нацир-апли прибег в 506 г. Знаки с указанием места составления документа не сохранились (возможно, оно также находилось в Эламе), но ссуду надо было возвратить в капитале (т. е. без процентов) в Вавилоне.

В течение 521—502 гг. Мардук-нацир-апли в окрестностях Вавилона купил много полей, которые обычно находились рядом с его собственными полями [Dag 61, 140, 151, 217, 227, 228, 273, 287, 325, 469, 503]. Остановимся на некоторых текстах. Поле и финиковую рощу общей площадью 6 кур (около 8 га) он приобрел за 32 мины серебра [Dag 321/TCL XIII, 190]. Поле, на котором росли финиковые пальмы, площадью 1 кур 5 сут, расположенное на берегу канала Куты и граничащее с полем самого Мардук-нацир-апли, последний купил за $9\frac{1}{2}$ мин 9 сиклей [Ball], поле, сад и финиковую рощу в 3 сут — за $28\frac{1}{2}$ сиклей [Dag I, 73], поле в 1 кур 3 пан 2 сут — за $9\frac{1}{2}$ мин 9 сиклей [BRM 26]. Ср. документ о разделе имущества Dag 379, в котором, в частности, речь идет о полях, приобретенных Мардук-нацир-апли на свое имя, на имя своей жены Амат-Бау или других лиц.

В 521 г. в Вавилоне Мардук-нацир-апли уступил поле за $9\frac{1}{2}$ мин. В документе отмечается, что расписки Итти-Мардук-балату, отца Мардук-нацир-апли, «не включены в цену этого

поля» [Dag 26]. По поручению Мардук-нацир-апли его брат продал 2 сут 3 ка поля и финиковую рощу, расположенных близ Вавилона [Dag 466]. Согласно Dag 265, он обменял поле площадью 2 кур, находившееся близ Дилбата, на поле в 6 кур в вавилонском округе, граничившее с полем, которым он владел совместно со своими братьями. В Dag 80 отмечается, что в 519 г. поле — собственность Мардук-нацир-апли, его братьев и их дяди (брата отца) — было поделено.

Обычно Мардук-нацир-апли сдавал свои поля в аренду. В документах 520—504 гг., составленных в Вавилоне, его пригородах, на различных хуторах и каналах, расположенных близ этого города, зафиксировано внесение арендной платы финиками (от 1 до 60 кур, но иногда и несколько сот кур) и ячменем (обычно 2—3 кур). В некоторых текстах отмечается, что арендную плату необходимо доставить в один прием меркой самого Мардук-нацир-апли или же меркой в 1 пан в доме арендодателя¹⁸. По свидетельству Dag 390, в качестве арендной платы надо было доставить 3 кур «отличного ячменя». Согласно Dag 351, арендная плата с одного поля составила 200 кур фиников и 70 кур ячменя.

Согласно некоторым документам, поля и сады, с которых должна была поступить арендная плата, являлись совместной собственностью Мардук-нацир-апли и его братьев, а иногда и третьих лиц [Dag 79, 171, 203, 238, 255, 402, 403, 441; TCL XIII, 192]. Совладельцем полей с Мардук-нацир-апли был, в частности, высокопоставленный персидский чиновник (заведующий сокровищницей) Багасар. По свидетельству Dag 527, с поля, которым владели Мардук-нацир-апли, его братья и Багасар, необходимо было доставить 60 кур фиников в один прием в качестве арендной платы. В Dag 534 отмечается, что Багасар получил свою долю арендной платы за 501 г. через своего раба от одного из рабов Мардук-нацир-апли. Судя по Dag 296, последний поручился за некоего Арад-Бау, который должен был доставить Багасару 170 кур ячменя и другие продукты в качестве арендной платы с его поля. Обычно поля сдавались в аренду сроком на год. В одном случае поле Мардук-нацир-апли и его братьев было сдано на пять лет за ежегодную арендную плату 38 кур фиников и т. д. [Liv 24].

Как отмечается в ряде документов, Мардук-нацир-апли сдавал поля для насаждения финиковых пальм обычно сроком на пять лет [Dag 35, 316]. В Dag 315 говорится, что чеснок, собранный в качестве подати для храма бога Бела (т. е. Эсагилы в Вавилоне), находился в распоряжении арендаторов Мардук-нацир-апли. Лишь в одном случае он уплатил владельцу поля 23 кур ячменя — арендную плату за 509 г. [Dag 347]. Судя по этому тексту, по-видимому, в данном случае он сам являлся арендатором поля.

По свидетельству Dag 326, в 510 г. Мардук-нацир-апли ку-

пил дом в Вавилоне за 5 мин 23 сикля серебра. Довольно много текстов фиксирует сдачу в аренду домов, принадлежавших Мардук-нацир-апли (иногда отмечается, что домами он владел совместно со своими братьями). Эти дома находились в Вавилоне и Борсиппе (из последнего города происходит половина документов данной группы). В зависимости от площади и качества домов арендная плата колебалась от 5 до 50 сиклей серебра в год [Dag 64, 210, 256, 259, 330, 359, 378; 424, 428, 499]. В одном случае арендная плата за дом в Борсиппе равнялась 1,5 мины серебра [Dag 191]. Согласно Dag 60, в 519 г. он сдал склад у причала в Вавилоне, которым он владел совместно с братьями, за 4 ка (около 4 л) хлеба в день. В одном документе Мардук-нацир-апли сам выступает в качестве арендатора дома [Dag 485; Вавилон, 503 г.; сумма арендной платы составляла 20 сиклей серебра в год]. По свидетельству Dag 410, Мардук-нацир-апли судился с несколькими лицами (все они были родственниками) относительно дома, расположенного в Вавилоне, рядом с домом перса Партамму (ср. также Dag 435, где в разрушенном контексте упоминается дом «внутри Вавилона», принадлежавший Ширку, сыну Иддины).

Судя по TCL XIII, 196, Ширку совместно с одним лицом арендовал у наместника Вавилона мост, получив также согласие стражников этого моста, за 15 сиклей в год. Доходы за прохождение лодок под мостом предполагалось разделить между контрагентами в определенной пропорции.

Мардук-нацир-апли регулярно основывал коммерческие товарищества для торговли. Документы об этом виде деятельности происходят из Вавилона, Борсиппы и Дилбата. Например, он дал своему рабу Набу-ялу и одному свободному для торговли 100 кур фиников, 50 кур ячменя, 60 пустых чанов. Выручку необходимо было разделить между двумя последними. Через три года они должны были вернуть кредитору взятое у него имущество, а также платить ему ежегодно по 1 мине серебра [Dag 395/396; Вавилон, 508 г.; в первом документе сумма эта равняется 2 минам, что, по-видимому, является опиской писца или издателя]. В 512 г. в Дилбате Мардук-нацир-апли вручил тем же лицам для совместной торговли 22 кур ячменя [Dag 269]. В 518 г. Мардук-нацир-апли выдал для торговли 15 мин серебра двум лицам, которые должны были отдать ему половину выручки и взаимно поручились друг за друга [TCL XIII, 184]. В том же году он ссудил еще 12 мин серебра для торговли на тех же условиях [Dag 134]. В 507 г. в Борсиппе он выдал 1 мину серебра для торговли [Dag 418]. Согласно Dag 280, Мардук-нацир-апли совместно с неким Бел-икишей выделил 100 кур фиников для торговли. Одновременно Мардук-нацир-апли сдал своему контрагенту дом, расположенный в Борсиппе, в аренду на год за $1\frac{1}{2}$ мины серебра. Контракт же был заключен в Вавилоне в 512 г. В следующем году Мардук-нацир-апли вручил

тому же контрагенту для торговли 5 мин серебра и 20 пустых чанов, а также получил с него 20 сиклей серебра в качестве арендной платы за дом [Dag 305; ср. также Dag 170, согласно которому он передал для торговли одному лицу 5 мин серебра; Dag 336 — это документ о выплате 2 мин серебра Мардук-нацир-апли в качестве доли его прибыли с торговли; Dag 470 говорит о выдаче Аамат-Бау, женой Мардук-нацир-апли, 30 сиклей серебра для торговли].

В 517 г. Мардук-нацир-апли послал в Элам «вместе с колесничими» наместника Вавилона своего торгового агента, уплатив ему 50 сиклей серебра в качестве его наемной платы за 6½ месяцев. За этого агента поручилось третье лицо, которое одновременно составило и данный контракт [Dag 154]. В 499 г. Мардук-нацир-апли уплатил 30 сиклей серебра наместнику Вавилона из той суммы, которую он предполагал выручить в Эламе в следующем году [Dag 577]. В том же году он выдал четырем лицам «плату и продовольствие за три месяца, (чтобы отправиться) в Элам» [Dag 572]. Из этих текстов видно, что Мардук-нацир-апли регулярно посылал своих агентов для торговли в Элам вместе с вавилонянами, которые ездили туда по государственным делам, и отдавал определенную часть доходов наместнику Вавилона.

Сохранились также контракты о купле рабов и скота. В 516 г. Мардук-нацир-апли приобрел в местности Хаххуру раба за 4 мины 10 сиклей серебра [Dag 212]. Судя по имеющимся данным, это самая высокая цена, реально уплаченная за раба в нововавилонское и последующее время. Другой раб был куплен за 2 мины серебра [BRM I, 72; см. также Dag 70, 376/CT LI, 51; Dag 537]. Согласно Dag 429, жена Мардук-нацир-апли продала семью рабов (мужа, жену, двух дочерей и четырех сыновей) за 24 мины серебра. Однако покупатель не уплатил цену рабов, поэтому сделка была расторгнута: Если в доме покупателя будет обнаружен «дубликат документа» относительно приобретения этих рабов, его необходимо передать Аамат-Бау. Попутно отметим, что последняя отдала «своего раба, кожевника, за его наемную плату в 10 (пар) кожаной обуви (в распоряжение мастера)... Он (мастер) должен обучить его (раба) в совершенстве кожевному делу... (Затем) он (раб) должен взяться за починку обуви в доме (своей хозяйки)» [Dag 457; Вавилон, 505 г.].

Из текстов относительно приобретения скота упомянем следующие. Мардук-нацир-апли купил «пятилетнего черного осла с клеймом, (изображающим) мотыгу и топор, на левом боку» за 2 мины серебра [Nbk 13] и «бурого трехлетнего быка за 16 кур фиников» [Dag 282], а также 14 волов, однако только 3 из них были приведены к нему. Продавец и еще одно лицо поклялись передать к определенному сроку остальных 11 волов одному из рабов покупателя. В противном случае они обязаны

были уплатить Мардук-нацир-апли 200 кур фиников и 30 кур ячменя [Dag 392; документ составлен в местности Шазумма].

Мардук-нацир-апли передал в совместное владение «жирного быка» некоему Убару сроком на 5 лет за 20 сиклей серебра. Вместо этих 20 сиклей Убар должен был отдать своему контрагенту другого быка, а также нес ответственность за пастбу и уход за первым быком. Выручку от последнего предполагалось разделить поровну [Dag 257]. Очевидно, это был племенной бык.

Судя по Dag 138, Мардук-нацир-апли (здесь его отчество Арад-Мардук, что, по-видимому, является опиской писца или издателя) арендовал лодку за 1 кур 2 сут фиников. Согласно Dag 576, Мардук-нацир-апли выдал двум лицам 20 сиклей серебра «за хождение с лодкой» — очевидно, для торговли.

В текстах архива Эгibi упоминается много рабов, принадлежавших Мардук-нацир-апли. Часть их работала агентами, выполняя различные поручения своего хозяина (расчеты с кредиторами и должниками, сбор арендной платы и т. д. [Dag 243, 309, 413, 424]).

По свидетельству Dag 509, писец Бел-упаххир, сын Нергал-иддина, контрагент Даян-бел-уцура, раба Мардук-нацир-апли, отказался вернуть свои долги Даян-бел-уцуру. Поэтому Мардук-нацир-апли потребовал, чтобы Бел-упаххир либо доказал, предъявив все необходимые расписки, необоснованность претензий к нему, либо же уплатил ему (Мардук-нацир-апли) все взятое у Даян-бел-уцура. В другом документе Мардук-нацир-апли дает поручительство за своего раба, что тот погасит денежную ссуду [Dag 271]. В Dag 504 содержится обязательство одного лица привести и передать Мардук-нацир-апли рабыню. Возможно, здесь имеется в виду рабыня, скрывшаяся от своего хозяина. Согласно Dag 207, некий Лабаши увел из дома Мардук-нацир-апли рабыню, но по требованию хозяина ему пришлось вернуть ее. Некий Набу-апли-иддин пожаловался в суд, что его раб бежал, а позднее какой-то Набу-убаллит дал этому рабу другое имя и продал его Мардук-нацир-апли [Dag 53].

Мардук-нацир-апли занимался также банковскими операциями. Разные лица передавали в его распоряжение вклады на хранение [Dag 552, 573]. По поручению своих клиентов он рассчитывался с третьими лицами ячменем [Dag 286, 290, 371] и деньгами [Dag 302, 310, 483, 573]. По свидетельству TCL XIII, 197, он совместно с одним человеком получил деньги за несение повинности каким-то лицом в течение двух лет. Очевидно, эти деньги были переданы для последующего вручения тому, кто взялся выполнить чужую повинность. В пользу такой интерпретации документа свидетельствует и TCL XIII, 198, согласно которому некий Гузану получил деньги из рук Мардук-нацир-апли за несение повинности в течение одного года. Судя по BRM I, 81, «Апла, царский контролер, писец-переводчик дворца», полу-

чил от Ширку (Мардук-нацир-апли) по поручению третьего лица 316 кур фиников. Он также уплатил одному вавилонянину от имени своего клиента 3 мины 25 сиклей серебра для выполнения царской повинности («чтобы пойти пред лицо царя») [Dag 156; Вавилон, 517 г.]. В том же году Мардук-нацир-апли по просьбе управителя храма Эмеслам в городе Кута выдал одному ткачу 3 таланта шерсти [Dag 182].

Несколько документов освещают судебные процессы Мардук-нацир-апли. По свидетельству Dag 189, некий Либлут поклялся богами Белом, Набу и царем Дарием явиться к определенному сроку в суд для тяжбы с Мардук-нацир-апли относительно кровати из пальмового дерева. В Dag 206 содержится распоряжение наместника Вавилона, чтобы Мардук-нацир-апли выплатил некоему Арад-Мардуку более 6 мин серебра в качестве двухлетней наемной платы раба-кузнеца, принадлежавшего последнему. Очевидно, по поводу этой платы между контрагентами возникли разногласия, и им пришлось прибегнуть к административному решению своего спора. Далее, садовник Укубу в присутствии свидетелей дал клятву прийти к Мардук-нацир-апли по поводу имущественных претензий последнего [Dag 229]. Согласно Dag 176, некий Набу-убаллит обязался прибыть к установленному сроку для тяжбы с Мардук-нацир-апли относительно выручки Аплы, торгового партнера последнего, который, по-видимому, пытался присвоить часть прибыли. В Dag 468 зафиксировано обязательство Калбы передать какую-то утварь, часть совместного имущества, Мардук-нацир-апли и его брату Нергал-ушезибу.

Несколько документов свидетельствуют о пошлинах и подажах, выплаченных Мардук-нацир-апли. Судя по плохо сохранившемуся тексту Dag 204, он уплатил какой-то налог надсмотрщику над каналами. В Dag 268 зафиксирована передача им надзирателю причала 70 кур ячменя в качестве пошлины.

Упомянем еще два документа. Мардук-нацир-апли отдал внаем 150 предметов различной утвари [Dag 391] и, по свидетельству Dag 270, заказал одному ремесленнику лопату.

В течение по меньшей мере 29 лет Мардук-нацир-апли занимался работой писца, торговлей, банковскими операциями и т. д. Постоянная его резиденция находилась в Вавилоне, но его деятельность известна по всей Вавилонии и в соседних странах (Мидии, Эламе и Юго-Западном Иране). Он лично многократно ездил в Борсиппу, Дилбат, Куту, Киш, Сузы, Хумадешу и т. д., где занимался торговлей. Впоследствии Мардук-нацир-апли стал посылать для торговли в Элам своих агентов.

Вскоре после смерти Мардук-нацир-апли его наследников постигло разорение. В 482 г. его сын Нидинту-Бел, чтобы прокормиться, стал сдавать в аренду расположенную в Вавилоне тростниковую хижину за 3 л ячменя в день [Ars, № 16; ср. 235, с. 22].

4. Табия, сын Набу-апли-иддина, потомка Син-или

Полное имя Табии было Таби-цилли-Мардук, но обычно оно пишется сокращенно. Как писец он выступал только в документах, в которых являлся контрагентом (обычно арендодателем, иногда кредитором и т. д.) [VS III, 8, 9, 13, 59, V, 11 и др.].

Табия часто сдавал поля в аренду. По свидетельству VS V, 11, в 573 г. в местности Кар-ташмету он сдал в аренду для разбивки сада поле площадью 2 кур 3 пан 2 сут. В том же году два арендатора доставили ему в Кар-ташмету в качестве арендной платы 110(?) кур фиников [VS III, 12]. Через два года в местности Адам он сдал поле четырем арендаторам, один из которых (Набу-киланни) был его собственным рабом. Контракт написал сам Табия, и все арендаторы поручились друг за друга в том, что они выплатят ему 122 кур ячменя, 1 кур 1 пан 3 сут горчицы и отдадут все стебли [VS III, 13]. В 583 г. в местности Бит-эпеш-или Табия вручил 1-мину серебра некоему Мушезиб-Белу («для посева»). Мушезиб-Бел должен был передать Табии $\frac{1}{3}$ выручки и нес ответственность за охрану и орошение поля, а также за доставку ячменя [VS IV, 17]. В 576 г. в той же местности три арендатора уплатили Табии аренду ячменем (1 кур 1 пан, 6 и 18 кур соответственно) [VS III, 9—11]. В 574 г. он сдал на пять лет поле, расположенное на берегу канала близ Вавилона, для разбивки сада [VS V, 10]. В 569 г. в городе Марада два арендатора транспортировали Табии 100 кур фиников [VS III, 14], а через два года арендатор из Вавилона уплатил ему определенное количество ячменя [VS III, 19]. В 558 г. три арендатора доставили ему в Вавилон в общей сложности более 35 кур фиников [VS III, 41, 43]. В 563 г. в местности Банитая он получил от арендатора 1 кур 1 пан ячменя [VS III, 35] и в 559 г. там же сдал в аренду еще одно поле [VS V, 19]. В 556 г. упоминавшийся выше Араби, раб Табии, доставил последнему в качестве арендной платы 5 кур фиников, другой его раб (Ша-Набу-шалим) — 3 кур, а два свободных — 4 и 12 кур соответственно [VS VI, 60]. По свидетельству VS III, 50, тот же Ша-Набу-шалим уплатил с поля в местности Банитая 100 кур фиников. В 551 г. в Вавилоне Табия сдал своему рабу Арраби поле сроком на 10 лет для насаждения финиковых пальм. В контракте, в частности, оговаривается, что Табия должен предоставить в распоряжение арендатора новые железные лопаты [VS III, 14]. В том же году Табия получил от двух арендаторов в Вавилоне 47 кур 2 пан 3 сут фиников [VS III, 49]. Через два года Табия сдал в аренду поле в Бориппе, а соответствующий контракт был написан в Вавилоне [VS V, 26]. В 547 г. Табия получил с одного поля 17 кур фиников. Кроме того, 3 кур было уплачено в качестве храмовой десятины и 6 кур выдано работнику, который трудился на арендованном поле [VS VI, 80]. Далее Табия вручил од-

ному арендатору 15 кур ячменя для посева [VS III, 27] и получил от различных арендаторов 10, 13 и 27 кур 2 пан 3 сут ячменя соответственно [VS III, 17, 29, 42; первый из этих документов составлен в Хурсагаламме, т. е. Кише]. В документах почти всегда оговаривается, что арендную плату необходимо было платить меркой Табии.

Как выше говорилось, среди арендаторов Табии наряду со свободными были и три его собственных раба, а именно Арраби, Набу-киланни и Ша-Набу-шалим. Согласно VS III, 59, еще один его раб (Иддин-Набу) являлся арендатором, контракт же написал сам Табия. По свидетельству VS III, 40, в 560 г. Набу-ах-ушур, пятый раб Табии, должен был доставить последнему в Вавилон более 100 кур фиников. Другие рабы Табии занимались улаживанием денежных расчетов своего хозяина [VS VI, 291] или действовали как самостоятельные контрагенты [VS III, 47, IV, 199]. Судя по VS VI, 41, составленному в 571 г. в Вавилоне, одного раба Табия отдал внаем. В этом документе три лица берут на себя обязательство вернуть к определенному сроку его раба, а в противном случае уплатить Табии 2 сикля серебра в качестве наемной платы за шестимесячный период. В 556 г. Табия нанял в Вавилоне на полгода одного раба некоего Лабаша. В документе оговаривается, что если нанятый раб прервет работу, а Лабаша не даст замены, то последний должен платить Табии по 3 сикля серебра в месяц. Вся наемная плата за раба была выдана сразу при заключении контракта [VS V, 14].

В 575 г. Табия взял в Вавилоне в залог антихрезу раба-пекаря в счет ссуды 36,5 сикля серебра. Должник вынужден был заложить еще двух рабов в качестве гарантии, что он будет снабжать отданное внаем лицо продовольствием [VS V, 9]. В 554 г. в Вавилоне и в 548 г. в каком-то другом месте Табия купил двух рабов [VS IV, 43, V, 22]. По свидетельству VS IV, 27, Бабуну, жена Табии, в 567 г. израсходовала 1 мину 22 сикля серебра для приобретения рабов в Вавилоне. Поименно упоминается не менее 10 рабов Табии, которые, по всей вероятности, составляли лишь часть принадлежавших ему людей.

Табия выступал также кредитором, выдавая свободным и рабам денежные и натуральные ссуды финиками и ячменем (нередко более 100 кур). Соответствующие документы составлены в Вавилоне, Сиппаре и других городах [VS III, 8, 52, 197, IV, 33, VI, 39, 43, 44, 78, 297]. Иногда он и сам прибегал к ссуде. Например, в 548 г. он занял под залог поля 55 сиклей серебра [VS IV, 44]. Через два года он обязался погасить долг своего зятя в сумме $1\frac{2}{3}$ мины серебра с условием, что взамен этих денег он удержит раба и рабыню из приданого дочери [VS IV, 46].

Занимался Табия и торговлей. Например, в 582 г. в местности Бит-Набу-леу он совместно с одним лицом выделил для

торговли 3 кур 2 пан 4 сут ячменя [VS III, 7], а вместе с другим своим компаньоном в 546 г. продал быка [VS V, 29; см. далее VS III, 31, IV, 19, 30, VI, 58, 67, 195]. Он покупал также поля [VS V, 12]. Значительный интерес представляет документ VS V, 20, написанный в 555 г. в Вавилоне. Судя по нему, Табия купил у Нуреа и его сына поле площадью 1 пан 4 сут. Позднее Нуреа и его жена послали гонца к Табии и составившему контракт писцу Бел-нациру для передачи следующего: «2 сут поля, которых не хватает до 2 пан поля, запишите в нашу табличку». Табия удовлетворил эту просьбу и получил обратно 19 сиклей серебра. По-видимому, при заключении контракта владельцы поля утверждали, что его площадь равнялась 2 пан, и оно было куплено без измерения. Позднее, когда Табия проверил размер поля, они согласились возместить ему часть покупной цены, и было решено внести в соответствующий документ необходимые изменения.

Сохранилось и несколько текстов, излагающих имущественные тяжбы Табии. По свидетельству VS VI, 182, один раб в присутствии свидетелей заявил Табии о том, что некий Мардук-риба и его сын унесли ячмень с его поля, когда они жали там. Табия судился также с различными лицами из-за денег и другого имущества [VS VI, 38, 45, 50, 52, 55].

В остальных текстах говорится о передаче Табией барана для храма бога Бела, по-видимому, в качестве десятины [VS VI, 81] и о найме свободных для выполнения повинностей [VS IV, 34, VI, 56].

Табия упоминается в документах из Вавилона, Борсиппы, Сиппара, Киша, Марады и других городов как писец, арендодатель, кредитор и торговец в течение 38 лет (583—545) (лишь в VS V, 146 он является свидетелем). Начиная с 544 г. его сыновья выступали в документах в качестве арендодателей полей [VS III, 54, 62, 92 и др.].

В I тысячелетии до н. э. в Вавилонии существовали следующие категории писцов:

- 1) писцы-переводчики (сепиру);
- 2) царские, или государственные, писцы;
- 3) храмовые писцы;
- 4) писцы на службе у частных лиц для составления контрактов.

В документах административного характера сепиру обычно упоминаются совместно с писцами на глине, и функции обеих этих групп писцов часто были идентичными или сходными. Сепиру писали на коже и папирусе по-арамейски, а остальные писцы — клинописью на глине на вавилонском диалекте аккадского языка.

Сепиру были чиновниками храмового и государственного аппаратов управления, а также служили у богатых частных лиц. Сепиру храмов занимались, в частности, выдачей орудий труда и материала храмовым работникам. Были также специальные «сепиру по продовольствию», которые отпускали продукты для храмовых трапез во время празднеств и выдавали рационы для храмовых работников. Кроме того, сепиру выполняли функции счетоводов, контролировали сбор арендной платы с храмовых полей, а иногда и сами арендовали у храмов земельные участки. Сепиру, как и другие чиновники, получали от храма довольствие ячменем, финиками и т. д., реже денежное вознаграждение. Обычно им выдавали по 1 кур ячменя или фиников (эти продукты стоили одинаково) в месяц, т. е. 6 л в день.

Государственная администрация часто посылала сепиру (иногда вместе с царскими писцами на глине) для ревизии храмового имущества (скота, зерна), измерения храмовых полей и т. д. При Камбизе царские сепиру были введены в состав управления храма Эанна в Уруке для контроля над счетным делом. Иногда царские сепиру являлись арендаторами храмовых полей.

Царские сепиру, естественно, выполняли также обязанности агентов. Например, один «сепиру — царский гонец» заявил в городе Дилбате в период правления Дария I о том, что определенное поле принадлежит царю. К соответствующему документу приложена печать самого сепиру. Другой царский чиновник,

«сепиру дворцовых начальников», по поручению наместника Вавилона получил с представителя известного делового дома Эгиби определенное количество финииков.

В V в. до н. э. в Ниппуре и его окрестностях сепиру, служившие в государственном аппарате, составляли особые группы, во главе которых стояли специальные начальники. Они сидели на царской земле и коллективно платили царские подати. В текстах из Ниппура, в частности, упоминается «сепиру войска», которые служили переводчиками многочисленных воинских контингентов чужеземного происхождения, размещенных в этом городе и его окрестностях. Сепиру находились также при работниках царского хозяйства и имений персидских вельмож. По крайней мере часть этих работников также была чужеземного происхождения. Некоторые из таких сепиру были иранцами.

Иногда сепиру сопровождали высокопоставленных государственных чиновников, направленных царем для выполнения различных важных поручений. Эти сепиру получали жалованье деньгами и довольствие финииками, ячменем, мясом, вином, овощами и пивом.

Естественно, сепиру находились и в аппарате управления при областеначальниках, наместниках отдельных провинций и т. д. Например, в распоряжении Губарру, «наместника страны Аккад» (V в.), было по меньшей мере три сепиру.

Часть сепиру была на службе у царевичей. Так, в текстах упоминаются три сепиру царевича Камбиза, а в одном документе времени Навуходоносора II говорится о «члене (группы) писцов-переводчиков царевича Мардук-шум-уцура». Такие сепиру выполняли обязанности секретарей и агентов (платили храмовую десятину, регулировали денежные расчеты своих хозяев, сдавали в аренду их поля и дома, взыскивали долги и т. д.).

Наконец, среди сепиру были и такие, которые обслуживали частных лиц. В текстах многократно упоминаются сепиру делового дома Мурашу. Например, в одном только документе перечислены четыре сепиру, находившиеся на службе у этого дома. Они выполняли функции агентов, сдавая и беря в аренду поля, получая и внося за своих нанимателей арендную плату, уплачивая по их поручению царские подати и производя различные расчеты.

Нередко сепиру выступали и самостоятельными контрагентами, продавая поля, арендуя дома и т. д. Некоторые сепиру пользовались услугами других лиц.

Иногда сепиру были сыновьями писцов-переводчиков, и в таких случаях их должность можно было передавать по наследству.

Как правило, сепиру принадлежали к сословию полноправных граждан и в отличие от рабов и представителей различных групп зависимого населения могли стать владельцами храмо-

вой пребенды. Лишь в очень редких случаях среди сепиру храмов и царевичей были рабы.

Судя по документам, основную массу писцов составляли люди, писавшие на глине. В пока опубликованных текстах I тысячелетия до н. э. по именам упомянуто всего 3060 таких писцов. Преобладающее большинство их функционировало в период правления халдейских (в 626—539 гг.—1406 писцов) и ахеменидских царей (в 539—331 гг.—1150), главным образом между 604—486 гг. (2382 писца). Почти все они жили в больших городах (в том числе 1289 в Вавилоне и его пригородах, 247 в Борсиппе, 195 в Ниппуре, 165 в Сиппаре, 380 в Уруке и т. д.). Из этого общего количества 2681 занимались составлением частнопрововых контрактов, 368 работали в храмах и 11 находились на царской, или государственной, службе. Однако эти цифры свидетельствуют о том, что в ряде случаев наши источники носят характер случайности, так как мы еще не располагаем государственными архивами из Вавилонии. А более или менее полные храмовые архивы мы имеем лишь из храмов Эанны в Уруке и Эаббарра в Сиппаре.

Естественно, государственный аппарат, разветвленный по всей огромной Новоавилонской (а впоследствии и Ахеменидской) державе, не мог функционировать без большого числа писцов. Писцы, служившие при царе, носили титул «дворцовые», или «царские писцы». Они играли большую роль в аппарате управления, а некоторые из них могли занять при случае очень влиятельные посты. В текстах упоминаются также «писцы, которых царь назначил в город», и «писцы гавани». Значительное число государственных писцов работало в канцеляриях при областеначальниках и в провинциальном управлении.

Много писцов было занято в аппарате управления главных храмов страны: Эанны (святилище Иштар) в Уруке, Эаббарры (храм Шамаша) в Сиппаре, Эсагилы (святилище верховного бога Мардука) в Вавилоне, Эзиды (храм Набу) в Борсиппе, Э-имби-Ану (святилище Ураша) в Дилбате, Экишнугала (храм Сина) в Уре и Эмеслама (святилище Нергала) в Куте.

В Эанне одновременно трудилось не менее 20 писцов. Очевидно, приблизительно такое же число писцов было и в других крупных святилищах (прежде всего в Эсагиле и Эаббарре). Функции писцов носили светский характер и ни в какой мере не были связаны с жреческой деятельностью. Но не все они были постоянно заняты писцовой работой. Храмовой писец прежде всего был чиновником, который не только занимался делопроизводством, но также осуществлял хозяйственные и деловые операции храма: устанавливал размер арендной платы с полей, отпускал птицу, скот, вино и различные продукты для жертвоприношений, выдавал продовольствие и орудия труда работникам, надзирал за выполнением различных работ на храмовых полях, взыскивал ссуды с должников и т. д. Многие пис-

цы выполняли также функции счетоводов. Согласно текстам, писцы действовали либо в одиночку, либо целыми группами под руководством храмового управителя. Их посылали работать на различные подвластные храмам территории. Так, в одном письме сообщается, что в случае недостатка в писцах в определенном месте они будут направлены туда. Многие из писцов Эанны и других храмов ездили по служебным делам в Вавилон, Ларсу и т. д., включая финикийский город Тир. Иногда в храм писцов направлял царь, чтобы они контролировали храмовое имущество.

В Эанне до реформы Набонида один из писцов наряду с попечителем и управителем входил в состав правления — высшего исполнительного органа храмового самоуправления. Сходное положение, по-видимому, наблюдалось и в других главных храмах страны. Согласно реформе Набонида место «писца Эанны» в храмовом правлении занял царский контролер.

Многие писцы работали в храмах десятилетиями (некоторые от 30 до 40 лет и более), и такая служба являлась основным источником их доходов. Обычно храмовые писцы получали за свой труд около 1—1,5 кур ячменя или фиников в месяц, а иногда и больше (до 3 кур), а некоторые — даже деньги. Кроме того, писцы арендовали храмовые поля, занимались торговлей, ростовщичеством и т. д.

При желании храмовые писцы могли оставить свою службу и обратиться к другим делам (главным образом составлению частноправовых документов). Писцы не занимали одновременно каких-либо официальных должностей в храмовом правлении, кроме тех, которые были связаны с их профессиональной работой. Однако они могли достичь различных должностей, бросив писцовую работу. Например, некий Адад-ушезиб в документах, написанных в 539 г., упоминается как писец храма Эанны. Но через четыре года его статус был совершенно иной: он стал надзирателем над храмовыми пастухами.

Если судить по статистическим данным, деятельность храмовых писцов в среднем продолжалась 20—25 лет, в то время как писцы, занятые составлением частноправовых контрактов, работали 35—40 лет. Из этого можно сделать следующие выводы. Во-первых, храмовые писцы впоследствии переходили на другие должности. Во-вторых, средняя продолжительность жизни писцов равнялась приблизительно 60—70 лет.

Деятельность преобладающего большинства нововавилонских писцов не была связана с государственной или храмовой службой. Это были писцы, которые писали контракты для частных лиц, и их следует отличать от литературных писцов, занимавшихся копированием текстов, хотя, конечно, в ряде случаев одни и те же лица совмещали оба эти вида работы.

Писец составлял документы по определенным формулярам с использованием соответствующих юридических выражений и нес

ответственность за подлинность условий контракта или другого текста делового характера. За написание поддельных долговых расписок или иных подобных документов писец, естественно, подвергался наказанию.

Вопрос относительно гонорара писцов, занимавшихся обслуживанием частных лиц, неоднократно обсуждался ассириологами, но пока остается не вполне выясненным из-за полного отсутствия клинописных свидетельств об этом в текстах III—II тысячелетий. Однако в двух документах из архива Мурашу (V в.) содержится ясная оговорка о плате писцу. В одном случае она равнялась 3 кур (540 л) ячменя, однако в тексте не указано, за какой период она причиталась (представляется невероятным, чтобы писец получил ее за составление одного лишь документа, в котором речь идет об арендной плате с поля). Во втором тексте говорится, что арендная плата с поля включала и плату за написание таблички, но размер ее не приводится. Оба текста были написаны одним и тем же писцом, который в течение девяти лет составил 171 документ, найденный в архиве Мурашу. Надо полагать, за свою работу он регулярно имел соответствующее вознаграждение, которое и было основным источником его доходов (поскольку в качестве контрагента этот писец вообще не упоминается). Кроме того, многие писцы находились на службе у купцов, ростовщиков и т. д., писали для них контракты или занимались деловой корреспонденцией. Очевидно, они получали плату за свою работу. Нередко писцы для написания контрактов ездили из одного города в другой, и, безусловно, в таких случаях их услуги оплачивались. В ряде богатых семей младших сыновей, которые могли рассчитывать лишь на небольшую часть наследства, отдавали учиться, чтобы они могли зарабатывать на жизнь работой писца. Наконец, многие писцы были заняты своей профессиональной работой от 30 до 60 лет и не стали бы выполнять ее безвозмездно. Однако, если судить по аналогии с храмовыми писцами, то писцы, составлявшие контракты для частных лиц, в общей массе оплачивались не особенно хорошо. Это, вероятно, отчасти можно объяснить и тем, что писцы клинописных табличек не могли развить каллиграфию в отличие от писцов более позднего времени, пользовавшихся роскошным пергаментом и яркими красками (на это наше внимание обратила А. И. Еланская). Хотя вознаграждение храмовых писцов зависело от квалификации выполняемой ими работы, служебного положения и, вероятно, стажа, в основном их плата не превышала платы ремесленников и сельскохозяйственных работников, а в ряде случаев была даже ниже. Поэтому большинство писцов (как храмовых, так и тех, которые были заняты составлением частноправовых контрактов) стремились иметь дополнительные источники доходов, занимаясь торговлей и ростовщичеством, арендуя поля и т. д.

Хотя в Вавилонии халдейского и ахеменидского времени

проживало значительное число чужеземцев (иранцы, западные семиты, выходцы из Малой Азии и т. д.), среди них почти не было писцов клинописных табличек. Правда, в текстах довольно часто упоминаются лица египетского происхождения, составлявшие клинописные документы. Но эти люди, очевидно, родились уже в Вавилонии, так как они носили аккадские имена, сохранив свое этническое название в качестве родового имени. Подобным же образом известны единичные случаи, когда писцы были эламского происхождения, хотя они также имели местные имена. Искключительную малочисленность писцов-чужеземцев можно объяснить трудностями в получении писцового образования для людей, которые недостаточно хорошо знали аккадский язык, поскольку в повседневной жизни он все больше и больше вытеснялся арамейским.

Как обычно считают ассириологи, в древней Месопотамии образование носило замкнутый характер, было привилегией лишь писцов и наследовалось в семье от отца к сыну. Однако, во всяком случае, в I тысячелетии профессия писца не была исключительно наследственной и не существовало замкнутых писцовых каст, хотя в некоторых семьях традиции писцового искусства продолжались веками. О том, что профессия писца не была обязательно наследственной, говорит следующий факт: многие из писцов были не только выходцами из высших слоев населения и потомками жрецов или писцов, но также и ремесленников (строителей, плотников, ткачей, кузнецов и т. п.), мелких торговцев, пастухов, рыбаков и других представителей рядового населения.

Преобладающее большинство храмовых писцов по своему социальному положению принадлежало к полноправным гражданам, а часть их владела и храмовой пребендой. Известны чрезвычайно редкие случаи, когда храмовыми писцами были храмовые рабы. А среди писцов, занятых составлением частных правовых контрактов, судя по текстам, вообще не было рабов. Очевидно, частные лица в отличие от храмов, владевших большим числом рабов, не могли отдавать своих рабов учиться грамоте на долгие годы, чтобы позднее извлекать из их труда доходы, не превышавшие плату рядовых ремесленников.

Хотя по своему социальному положению писцы, за единичными исключениями, являлись полноправными свободными, их экономическое положение, естественно, было далеко не однородным. Среди них можно выделить следующие три группы. Жизненный уровень основной массы писцов не был выше уровня рядового населения (ремесленников, арендаторов земли и т. д.), хотя профессия писца и считалась престижной. Кроме того, в VII—VI вв. этот уровень по сравнению с соседними странами (за исключением Египта) и предшествующими периодами истории самой Месопотамии был довольно высоким.

Ввиду неизбежного экономического расслоения из среды ос-

новой массы писцов выделялись как писцы-предприниматели, так и те, которых по условиям их жизни можно отнести к самым низам свободного населения. Для предпринимателей писцовая работа постепенно переставала быть сколько-нибудь существенным источником доходов. Эти люди покупали и сдавали в аренду дома и поля, занимались торговлей и ростовщичеством. Они владели десятками рабов, большим количеством скота, многочисленными домами, которые находились в разных городах, и полями. Такие писцы производили также банковские операции (принимали на хранение вклады, давали и получали векселя, уплачивали долги своих клиентов и т. д.), основывали и финансировали коммерческие товарищества, ездили по торговым делам не только по городам Месопотамии, но и в соседние страны (Мидию, Элам, Персию и др.) или посылали туда своих агентов. Некоторым из этих писцов удавалось установить тесные деловые связи с царской семьей и придворными, а иногда они заседали даже в качестве царских судей.

Но неустойчивая экономическая конъюнктура в условиях интенсивного роста товарно-денежных отношений приводила к разорению отдельных представителей даже таких богатых предпринимателей, не говоря уже о писцах среднего состояния. По долговым распискам и другим документам можно проследить процесс постепенного обнищания многих писцов, в результате которого они лишались своих домов, полей, рабов и другого имущества и вынуждены были искать поручительства других лиц, чтобы получить даже самые незначительные ссуды. Некоторые писцы не имели даже возможности завести и содержать семьи и должны были за ничтожную плату арендовать временные пристройки на крышах домов, предназначенные для обитания рабов, и жить там с рабынями, принадлежавшими другим лицам.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I

¹ Ср. египетские обозначения должностей писцов: «писец документов», «писец войска», «царский писец — старший военачальник», «царский писец, великий (искусством) врачевания» [9, с. 6].

² Ср. выражение «LU.A.BA. sa-bit turri» — «писец — депозитарий контракта» в новоассирийском тексте ADD 234: rev. 13.

³ Сравнительно недавно Кауфман высказал мнение, что, несмотря на определенные семантические трудности, рассматриваемое слово восходит к аккадскому глаголу eġēu — «крутить» [107, с. 124, примеч. 44].

Глава II

¹ Сравнительно недавно был опубликован документ с планом поля, который, судя по почерку, относится к селевкидскому времени. В этом тексте передняя сторона и края таблички стерты и вновь использованы. Издатель отмечает, что пока неясно, было ли такое вторичное использование материала сделано под влиянием синхронной практики многократного употребления пергамента [NN, с. 96]. Вообще говоря, писцы клинописных текстов всегда умели писать по стертому.

² Na-at-ru šá LU ma-gal-la-a-a (BE X, 81:3); ma-gal-la-a-ta-kar-ra-nu (BE X, 95:3).

³ GC II, 58:1—2: (is) lē'u šá la iškūri (GAB. LAL).

⁴ BE X, 52. См. далее: BE VIII, 17, 28, 33, 50, 51, 53, 62, 100, 121; BRM I, 22; R V, pl. 67, № 3; Kr 99; Negab 7, 12, 15, 18; UM 149; YOS VI, 164.

⁵ В этом отношении определенный интерес представляет арамейский папирус из Элефантины Kraeling 12 (комментарий см. там же, с. 268), фиксирующий продажу дома. По-видимому, как полагает издатель, контрагенты были недовольны работой писца. Поэтому он решил заново написать документ. Но когда новый вариант был готов и оказался не лучше первого, вероятно из-за спешки писца, решили сохранить и прежний экземпляр, хотя он и не был закончен, и оба текста привязали друг к другу.

⁶ Как отмечает Ярон, в арамейских папирусах Элефантины наряду с ошибками встречается и довольно много исправлений и дополнений, сделанных писцом при перечитывании текста. Иногда такие исправления отражают изменение условий контракта в последний момент его заключения. Во всех этих случаях подлинность исправлений текста и дополнений к нему никак не оговаривается и не удостоверяется. Поэтому основной гарантией против подделок было то, что документ свертывали, связывали и затем на него ставили печати, после чего трудно было его открыть и изменить текст таким образом, чтобы это не бросалось в глаза [244, с. 13 и сл.].

⁷ Archi, с. 14:10; BE VIII, 115:37; BV XCIV:37; Camb 223:52; Dar 367:44, 455:30, 470:17, 551:32; Liv 33:27; Nbd 85:19, 687:43; UET IV, 34:rev. 3; VS III, 187:18, V, 96:1.r.

⁸ Borger, с. 2, II:7:NA₄.NA-RU-A.

⁹ В старовавилонское время долговые расписки, по-видимому, ходили по рукам как векселя (указано И. М. Дьяконовым).

¹⁰ Как известно, у Ахеменидов функционировала регулярная почтовая

служба, которая, по-видимому, восходила к ассирийской почте. На больших дорогах находились станции с постоялыми дворами, расположенные на расстоянии дневного перехода друг от друга и охраняемые государством. Меняя лошадей, гонцы в день преодолевали до 300 км [Herod. VIII, 98]. До нашего времени сохранился кожаный мешок, в котором из Вавилона и Суз доставляли официальные документы в Египет. В этом мешке были найдены письма египетского сатрапа Аршамы управляющим его имениями. На одной стороне писем содержатся адреса и краткое содержание посланий, на другой — сами письма на коже, составленные на арамейском языке. В Книге Эсфирь (III, 12, VIII, 10) говорится, что письма, скрепленные печатью персидского царя, доставляли по назначению «на конях, на дромадерах и мулах царских».

¹⁰ См., например, медицинский текст IV в. SpTU I, 43 : 33—34: kima (GIM) labiri (BE)-šú šatir (SAR)-ma ba-ri; см. также SpTU I, 94 : rev. 54; Unger, № 1 (на с. 237) : 12—13: «5-я табличка (по названию) „Вавилон“ полностью окончена. В соответствии с табличками-копиями (из) Вавилона написано и сверено». Выражение ki ri labirišu šatirma bari Элман переводит: «Экзамен, (устроенный) ученым, скопировано и сверено в соответствии с табличкой», т. е. с оригиналом [65, с. 27]. Однако ассириологи вряд ли согласятся с такой интерпретацией.

¹² YOS III, 4 : 6—8 : (aban) a-su-mi-ne-e-ti... šá ga-la-la šá-aṭ-re-e-ti.

¹³ Весьма примечательно, что в Афинах до конца V в. до н.э. не было центрального государственного архива и документы хранились в соответствующих учреждениях, деятельность которых они отражали. Часть этих текстов записывались на «побеленных досках». Когда уже не было надобности в каких-либо текстах, доски снова белили и использовали для новых записей [34, с. 15 и сл.].

¹⁴ Прекрасные образцы таких ярлыков см. в [Ник.].

¹⁵ Относительно Египта М. А. Коростовцев пишет, что невозможно провести грань между библиотеками и архивами, поскольку как документы, так и книги в большинстве случаев были папирусными свитками [9, с. 50].

¹⁶ Папритц обращает внимание на то, что даже современные специалисты вкладывают различное содержание в понятие «архив». Например, во Франции архивом считаются собрания документов, возникших в общественной или частной канцелярии. Но немцы различают материалы канцелярские (Kanzlei- bzw. Registraturgut) и архивные (Archivgut). Однако, когда требуется уточнение термина, французы пользуются выражением archives vivantes (= Registraturgut) и archives historiques (= Archivgut). По мнению Папритца, в древней Месопотамии не было archives historiques и все документальные тексты отсюда составляют огромную массу Registraturgut [168, с. 17 и сл.].

¹⁷ В эллинистических папирусах также не проводится различие между архивом и библиотекой (указано И. Ф. Фихманом).

¹⁸ В музее Пенсильванского университета есть древнейший шумерский список книг, который Крамер считает первым известным библиотечным каталогом (возможно, на самом деле это был учебник для заучивания). В его сохранившейся части зафиксированы и названия 24 произведений, состоящие из части первой строки [10, с. 246]; о древних каталогах клинописной литературы и их перечни (в том числе и нововавилонские) см. [118, с. 478 и сл.].

¹⁹ Подобные школьные тексты (главным образом на острака, но также на деревянных дощечках и папирусе) в большом количестве известны и из Египта. Среди них имеются грамматические упражнения, списки слов, предметные словари по группам вещей, перечни топонимических названий, богов, птиц и т.д. [239, с. 214 и сл.]. Слово для обозначения школы (*t sb'jt) в Египте впервые засвидетельствовано в период X династии (конец III тысячелетия) на надгробной надписи номарха [239, с. 214]. В египетских текстах упоминается также выражение «дом жизни», где писали религиозные, медицинские, астрономические и другие тексты. Некоторые египтологи считают, что это были центры писцовой деятельности, своего рода скриптории [74, с. 167 и сл.; 239, с. 220]. Было раскопано несколько таких зданий, и там нашли штампы с надписью «дом жизни» и острака со списками царских писцов. На-

пример, в Телль-Амарне «дом жизни» был расположен в 400 м от храмового комплекса и состоял из двух зданий, в каждом из которых было несколько комнат [9, с. 55, 70 и сл.].

²⁰ В Египте обучение в еще большей степени было ориентировано на чисто практические цели и к середине III тысячелетия были разработаны методы обучения будущих писцов их профессиональной работе (подсчет налогов, учет трудовых и военных резервов и т. д.) [239, с. 214; 229, с. 11; там же дана и литература].

²¹ В Афинах начальное образование продолжалось от 7 до 14 лет, а в эллинистическое время — от 6—7 до 12 лет.

²² В Египте образование высших египетских чиновников периода Среднего и Нового царств заканчивалось между 20 и 25 годами [30, с. 39]. В Риме образование, необходимое, чтобы занять высокую должность, длилось до 20-летнего возраста учащегося [229, с. 17].

²³ В Талмуде приводится случай, когда учитель до 400 раз повторял урок, пока ученик не запомнил его наизусть (см. [65, с. 20, примеч. 10]).

²⁴ Нет также никаких сведений о существовании экзаменов в Египте [239, с. 220].

²⁵ Такая же палочная дисциплина господствовала и в египетских школах, о чем, в частности, свидетельствуют поговорки: «Ухо мальчика на его спине»; «Ты бил меня по спине, и учение твое входило в мои уши». Как отмечает Дж. Вилсон, египетское слово sb'jt — «учение» имело еще значения «дисциплина», «наказание» (см. его выступление по докладу Ландсбергера [135, с. 103]).

²⁶ Хорошо известны подобные же египетские поучения нерадивым ученикам: «Обезьяна (и та) понимает слова... обучают (даже) львов и обьезжают лошадей... не проводи ни одного дня в безделье» [9, с. 144 и сл.].

²⁷ В Египте писец принадлежал к привилегированному социальному слою. Он был освобожден от повинностей и налогов, имел возможность занять высокие государственные посты, и его профессия считалась выгодной [9, с. 13 и сл. и 145; 94, с. 363].

²⁸ В письме из Телль-Амарны, отправленном учителем одному знатному человеку города Шехема (в Палестине) между 1450—1350 гг., говорится: «В чем я виноват, почему ты не платишь мне? (Ведь) мальчики, которые при мне, продолжают учиться» [16, с. 99].

²⁹ Этот пример нельзя считать убедительным, так как усыновитель, очевидно, был богатым человеком [73, с. 24].

³⁰ Особое место занимали писцы в Аррапхе: они обслуживали нужды общины, к которым сами принадлежали.

³¹ В Египте слово со значением «писец» практически было синонимом для обозначения любого чиновника [30, с. 6]. В древней Греции писцы γραμματεῖς были на частной и государственной службе (в суде, финансовых учреждениях, надсмотрщиками над торговыми и военными гаванями, надзирателями над общественным строительством), а также в храмовом управлении. В Риме писец (scriba) был частным секретарем, государственным или муниципальным чиновником, а также секретарем различных объединений [229, с. 2 и 365, примеч. 13; там же приведена литература].

³² Таким же было положение в Египте, откуда в течение всей истории до захвата страны греками известны лишь две грамотные женщины. Одна из них служила писцом в храмовой канцелярии в период XXVI династии, а другая была приближенной царицы XIII династии [9, с. 5, 36 и сл.; ср. 239, с. 220]. Но в Египте девочек учили пению, танцам и игре на музыкальных инструментах [239, с. 220]. Вероятно, в Вавилонии этому же учили гетер и священнных блудниц. Разумеется, и в других странах древнего Востока женщины учились грамоте лишь в редких случаях.

³³ LU um-ma-nu ša bār-sip (ki).

³⁴ Далее продолжается перечень серий текстов, которые надо было разыскать. Среди них ритуальные тексты, молитвы и т. д. В частности, упоминается серия: «Пусть (боги) Эа и Мардук совместно принесут мудрость». Не-

которые названия серий пока трудно перевести. Ср. комментарий Эбелинга [NB, с. 2 и сл.].

³⁵ Далее опять следует перечень требуемых серий, в том числе: «Когда он в степи бродит»; «Вступление во дворец» и т. д.

³⁶ Судя по содержанию, автором письма был царь Ашшурбанапал [NB, с. 2].

³⁷ Минерал желтого цвета; см. CAD, K, с. 94; AHw, с. 428.

³⁸ Имя правителя не указано.

³⁹ 582 г.

⁴⁰ 148 г. до н. э.

⁴¹ По-видимому, это выражение имеет значение «пусть напомнят».

⁴² Ср. [I, с. 90 и сл.], где документ рассмотрен в связи с рядом других текстов, которые дополняют друг друга и помогают выяснить возникшую ситуацию.

⁴³ 541 г. до н. э.

⁴⁴ Около 300 л.

⁴⁵ 494 г.

⁴⁶ 554 г. до н. э.

Глава III

¹ Мелухха — в III—начале II тысячелетия до н. э. область к северу и востоку от Персидского залива и Аравийского моря (совр. Пакистан). В I тысячелетии до н. э. название Нильской Эфиопии в торжественном стиле.

² Кутни — народ в горах Загроса.

³ Манна — государство между Мидией и Ассирией.

⁴ Он упомянут еще в *Dag* 50 : 5 и 209 : 3 как сепиру в храме Эбаббарра.

⁵ Античные авторы в ряде случаев сообщают интересные данные об ахеменидских переводчиках. Согласно Геродоту (III, 140), когда один грек явился во дворец Дария I в Сузах, толмачи при дворе сразу обратились к нему по-гречески. Персидский царь посылал в Грецию с требованием «земли и воды» переводчика, который говорил по-эллински (Plut., Them. 6). Царевич Кир Младший давал приказы своим греческим наемникам через переводчика (Xen., Anab. I, 2, 17 и I, 8, 12). Персидский сатрап Тиссаферн вел переговоры с греческими войнами, оказавшимися в Вавилонии, через переводчика (Xen., Anab. I, 3, 17). При возвращении домой через армянские деревни эти воины объяснялись с местным населением с помощью переводчика, говорившего по-персидски (Xen., Anab. IV, 5, 10). Среди пленников, захваченных в Персии войнами Александра Македонского, оказался человек, который знал персидский и греческий языки (Curt. V, 4, 4 и 10). Александр Македонский в Средней Азии пользовался услугами переводчика, родом ликийца, хорошо говорившего на местных диалектах (Arrian. Anab. IV, 3, 7).

Согласно Геродоту (II, 154), фараон Псамметих передал греческим войнам, поселившимся в Египте, египетских юношей для обучения греческому языку. Эти египтяне, по Геродоту, были предками египетских толмачей V в. Сам Геродот настолько зависел в Египте от услуг переводчиков, что преувеличивал их значение и численность, считая их отдельной кастой наряду с кастами жрецов и воинов (Herod. II, 164).

⁶ Ср. AHw, с. 784, где слово «*pīāgi*» в данном контексте переведено «пергамен», хотя обычно оно имеет значение «папирус». У Доузрти соответствующее место переведено: «согласно папирусному документу Кины» [52, с. 131; ср. также 58, с. 212].

⁷ 548 г.

⁸ 546 г.

⁹ 531 г.

¹⁰ 505 г.

¹¹ 496 г.

Глава IV

¹ EvM 16:13—14, 19:14—16: a-na LU.SID.MES šá LUGAL i-qab-bu-ma IM.KISIB a-pil-tú i-kan-na-ku. Ср. Sack. 7:12, где содержится такое же выражение с вариантами глагольных форм, и EvM 22:15—16, где вместо LU.SID.MES употреблена логограмма LU.DUB.SAR.MES.

² Ср. новоассирийский текст ABL 1238:3, где упомянуты «старшины, городской писец (и) руководители всех жителей города». В письме ABL 530, написанном в вавилонском диалекте и адресованном ассирийскому царю (VII в.), некий Гимиллу жалуется на то, что «городской писец, наместник города, староста (и) начальник полка» заключили его в темницу, хотя он ни в чем не виновен. Далее ср. ABL 829:3—4, где упоминается «начальник десятка писцов города Арбела» (LU.GAL 10-*ti* šá LU.A.BA.MES...).

³ 562 г.

⁴ 12 л.

⁵ A-na LU.SID.MES šá LUGAL šá a-na muhhi ma-ša-hu šá (še)zēri il-li-ku-nu.

⁶ 547 г.

⁷ 546 г.

Глава V

¹ Их список, нуждающийся в некоторых дополнениях, см. теперь у Кюмеля [120, с. 119 и сл.].

² Nbk 14; Nbd 81, 86, 207, 278, 478, 583, 687, 1003, 1024, 1100, 1172; Cuy 34, 233, 364, 374; Camb 7, 63, 79, 84, 87, 100, 105, 123, 133, 300, 313; Dar 98, 179, 291, 549; ср. NNB, с. 31 и сл.

³ См. Nbd 278 и Dar 549 (самый ранний и самый поздний тексты, где встречается этот писец). Судя по просопографическим данным, Nbk 14 следует отнести ко времени Навуходоносора III или IV, а не II, как это делали исследователи до сих пор. В последнем случае хронологический разрыв между первыми двумя документами и Nbk 14 составил бы 85 лет, и тогда исключается возможность того, что в них могли быть упомянуты одни и те же лица. Документы Nbd 81, 86 и 207, по-видимому, относятся ко времени правления одного из ахеменидских царей, не Набонида, поскольку имя его в них не упоминается.

⁴ Nbd 81, 86, 208, 704, 747, 773, 909, 939, 975, 1038, 1099, 1100, 1112; Cuy 133, 136, 260, 286, 305, 365, 369, 373; Camb 7, 170, 198, 211.

⁵ Ср. египетский контракт Pap. Louvre E 7837, фиксирующий аренду полей, принадлежавших одному жрецу. Контракт датирован 36-м годом царствования Амасиса (534 г.), и по его условиям, в частности, владелец поля должен был уплатить налог храму Амона. Он берет на себя также обязательство удалить от арендатора «писцов храма Амона», чтобы они не беспокоили его относительно уплаты этого налога, и говорит ему: «Писец храма Амона измерит мои поля от моего имени» [Malinine, с. 91, № XII].

⁶ Eš-šeš iš-tur-ma [... ina éj-an-na ú-kin.

⁷ LU.GALA (=kalū)... LU.DUB.SAR é-an-na LÚ.KID.BAR (=šangū).

⁸ Ср. перевод Унгнада и Сан-Николо в NRV, № 683: «Ты не должен делать никакой писцовой работы». См. также [22, с. 112].

⁹ Ср. перевод в CAD, D, с. 175: «работа остановлена».

¹⁰ В этой связи определенный интерес представляют следующие египетские документы VI—IV вв. о доходах храмовых писцов. В одном из таких текстов зафиксировано дарение доходов, которые давала должность писца в храме бога Хнума на Элефантине. Определенная часть их передавалась одной женщине. Эти доходы состояли из полотна, масла, молока, хлеба, говядины, дичи, вина, лампы и овощей [143, с. 116: там же приведена литература об аналогичных текстах ахеменидского времени о дарении доходов, которые обеспечивала должность писца в храме Осириса]. В другом документе говорится о передаче 1/3 доходов, приносимых должностью писца в храме бога Хнума

[66, с. 355]. Далее должность корабельного и окружного писца в том же храме Хнума была куплена у одного жреца этого святилища каким-то писцом и передана третьему лицу на 6 месяцев 25 дней в обмен на другие храмовые доходы [143, с. 118].

¹¹ По-видимому, эти таблички были даны писцам для записи (ср. [GC I, с. 32]), хотя упомянутые лица неизвестны из других источников как писцы.

¹² 593 г.

¹³ 537 г.

¹⁴ Так, в копии, очевидно, вместо «Римут-Бел».

¹⁵ 536 г.

¹⁶ Тамкару.

¹⁷ 527 г.

¹⁸ 520 г.

¹⁹ 548 г.

²⁰ 599 г.

²¹ Ср. GC I, 380 : 11 и другие документы, где приведен его титул «царский контролер, распорядитель (имуществом) Эанны».

²² 552 г.

²³ 576 г.

²⁴ 574 г.

²⁵ Титул высокопоставленного чиновника. Точное значение неизвестно.

²⁶ 546 г.

²⁷ 543 г.

²⁸ 598 г.

²⁹ 511 г.

³⁰ Г. Рис восстанавливает здесь: «(расположенные) [в Вавилоне?]».

³¹ Т. е. арендатор, ср. дальше мн. ч.

³² 534 г.

³³ 518 г.

³⁴ Т. е. адресаты.

³⁵ 568 г.

³⁶ 566 г.

Глава VI

¹ В двух документах времени Набонида (YOS VI, 48 и 164) упоминается писец Надин, сын Бел-ле'у. Оба документа найдены в архиве Эанны, хотя данный храм в них вовсе не упоминается, и речь там идет о ссуде частных лиц. Но для хранения этих документов в храмовом архиве, возможно, были причины, которые нам неизвестны.

² BIN I, 118, II, 115, 130; GC I, 394, II, 104; Freydank 108; Lutz UCP, X, № 8; Pohl I, 27, 31, 39, 76; TCL XII, 70, 90, 119, 121, XIII, 147, 166; Wiesberg 3; YOS VI, 33, 40, 41, 64, 71/72, 116, 123, 131, 145, 151, 155, 156, 159, 169, 170, 175, 177, 179, 193, 221, 222, 225, 235, VII, 2, 23, 63, 68, 122, 125, 126, 127, 130, 131, 165, 180, 190, 202.

³ См. также аналогичные тексты [GC I, 353, 380, 412, II, 120; Pohl I, 24, 45, 46; TCL XII, 69, 75, XIII, 140; YOS VI, 26, 34, 59, 61, 77, 78, 89, 108, 122, 134, 148, 195, 203—205, 233, 236, VII, 3, 5, 49, 65, 70, 79, 90, 96, 114, 167.

⁴ Так, в копии; ср., однако, следующий текст.

⁵ Т. е. те, кто имел право входить во внутренние пределы храма (ērib-bitāti).

⁶ В других текстах упоминается как «город Хумадешу». Р. Задок показал, что этот город был расположен в Иране [246, с. 67 и сл.].

⁷ ú-il-tim(meš)-ia ma-la ba-šu-ú.

Глава VII

¹ В синхронных арамейских документах обычно сначала находится имя писца (иногда указывается, что писец писал «под диктовку» одного из контрагентов), а затем приводятся имена свидетелей (см., например, [AP 2 : 18,

5:15, 6:16—17; Kraeling 8:22b]). В четырех арамейских папирусах из Египта в отличие от остальных перечень свидетелей предшествует имени писца, что согласуется с вавилонской практикой, но находится в противоречии с египетской [244, с. 11; там же приведены ссылки на тексты и литературу]. Ср. в арамейском документе VII в. Tell Halaf 5:3—4: N (имя) «действовал в качестве писца (l spr) расписки» (ср. [142, с. 140]).

² BE VIII, 107; Camb 233, 384; Cug 160, 345; Dar 152, 299, 367; Nbd 85, 116, 633, 687; Nbk 164; Sack 22.

³ Лишь в следующих текстах указывается, что свидетель или контрагент по профессии был писцом: Hunger 17; UET IV, 3, 4, 34 (первый документ относится к 608 г., а остальные — к IV в.).

⁴ Этот факт был отмечен еще в прошлом веке Э. и В. Ревилью (см. [BOR I, с. 119]; ср. также у Кардашиа [36, с. 105]). Сан-Николо приводит следующие примеры, когда писцом являлся контрагент или его родственник: VS IV, 10, 16, 48, 61, 107, 154, 176, V, 14, 32 [193, с. 41]. Ниже приводится полный перечень документов, где писцом был контрагент (должник, кредитор, получатель арендной платы, продавец и т. д.) или поручитель (последний — довольно редко): BE VIII, 57, 59, 83, 100; BRM I, 59/Mold 20; BRM II, 16; Camb 78, 161, 164, 251, 398, 428; Cug 37, 58, 76, 114, 119, 141, 172, 240, 249, 260; Dar 17, 45, 84, 119, 120, 132, 154, 178, 210, 216, 217, 225, 228, 258, 278, 333, 345, 356, 524; EvM 2; GC II, 131; Hunger 17; Jacob-Rost 7, 8; Kr 41, 56, 63, 178, 196, 205/BE VIII, 8; Liv 25, 26; Mich 59; Mold 16, 26, 30; Nbd 8, 19, 36, 47, 59, 112, 183, 191, 254, 267, 286, 289, 438, 470, 504, 541, 625, 665, 688, 750, 755, 861, 863, 1111; Nbk 345, 377; Ner 27, 32; Revillout, с. 117; Rutten, RA XLI, с. 101; Scheil, RA XVI, с. 112; Scheil, RA XXVI, с. 17; TCL XII, 92, XIII, 201; UET IV, 99; Ungnad, с. 79 (Amherst 249); VS III, 3, 10, 15, 74, 135a, 177, IV, 10, 16, 31, 42, 49, 60, 77, 107, 120, 124, 162, 200, VI, 152/153, 180, 181; YOS VI, 48, 104, VII, 57, XVII, 16, 24. В следующих документах писец являлся родственником контрагента (обычно брат последнего, редко — сын): VS III, 55, 64/65, 149, V, 65, VI, 186 (писец — кредитор, а брат — его должник). Ср. VS XX, 86 — документ о дележе рабов между двумя братьями, один из которых был писцом данной таблички.

⁵ Р. Ярон считает, что писцы арамейских документов из ахеменидского Египта не обязательно были профессиональными писцами, хотя некоторые из них определенно являлись таковыми. По его мнению, всякий, кто умел, мог составить документы, а некоторые контракты писались одним из контрагентов. В арамейских папирусах с Элефантины засвидетельствованы имена лишь 15 лиц, которые в течение всего V века были заняты составлением документов [245, с. 39; 244, с. 12]. Один из этих писцов трудился не менее 15 лет, а его сын — 18 лет, другой писец — 35 лет [154, с. 22]. Как полагает И. Наве, не менее 32 ostraka с Элефантины — работа одного и того же писца [154, с. 37 и 39]. В документах из Нисы (около 3000 текстов), подавляющее большинство которых относится к 80—40-м годам I в. до н.э.) представлено не менее 30 различных почерков (указано В. А. Лившицем).

⁶ Такого же мнения придерживаются К. Деллер относительно новоассирийских писцов и Э. Липинский в отношении арамейских писцов [44, с. 30; 142, с. 95]. Вавилонских писцов селевкидского времени О. Шредер также считал нотариусами [208, с. 14 и 18].

⁷ A-na a-ba-ku [LUDUB.SAR. ša-tir ú-il-ti pa-qa-a-ti id-di-šú-nu-ma.

⁸ Cug 311:9: DUB.SAR ša-tir IM.DUB.

⁹ Ср., однако, более раннее шумерское произведение о школьной жизни, согласно которому даже молодые писцы приносили домой 10 кур ячменя (в год?), масло, шерсть и овец [7, с. 68 и сл., если позволительно воспользоваться материалами литературного произведения].

¹⁰ При этом она ссылается на доклад R. Harris (Scribes in Old Babylonian Sippar), прочитанный в 1970 г. на заседании Американского востоковедного общества.

¹¹ Известно, что в древней Греции учитель начальной школы получал

плату, равную плате ремесленника, и его профессия отнюдь не считалась почетной [137, s. 22].

¹² Ср. YOS VI, 150: 15: at-gi «излишек (земли)».

¹³ Редко и при продаже скота (например, [Pohl I, 15: 7]). Ср. EvM 14: 3, где речь идет о добавочной плате при продаже бревен. Однако в контрактах о продаже рабов это слово никогда не встречается.

¹⁴ Такая же сумма atru имеется в контрактах о продаже полей TCL XII, 33; VS V, 5. Ср. TCL XII, 8, в котором при цене поля в 3 мины и 10 сиклей серебра 10 сиклей было выплачено как добавочная плата. При продаже пребенды (isqu) пекаря в храме за 5 сиклей 1 сикль составил atru [Hunger 8 и 9], но при отчуждении такой же пребенды за 1 2/3 мины серебра было уплачено 2 сикля atru [Hunger 11].

¹⁵ TCL XII, 19. См. также BE VIII, 1, 3, 7, 43, 159; BIN I, 127, 130; Cyr 245; Dar 26, 37, 194, 227, 321, 325, 367, 477; Kr 5; Nbd 132, 193, 203, 687; Nbk 4, 164; Pohl I, 2, 3.

¹⁶ BV XCIV; Camb 86, 349; Cyr 10, 160/161; Dar 37; GC fl, 357; Kr 68; Liv 33; Nbd 65, 67, 334, 679, 1031, 1110; Nbk 261, 328, 359; VS III, 107, 150, IV, 23, 96, VI, 179.

¹⁷ По мнению Ярона, 6 из 15 писцов, написавших элефантинские контракты на арамейском языке в иудейской колонии, носят нееврейские имена. Однако в некоторых случаях можно установить, что писец с нееврейским именем на самом деле был иудеем. Поэтому пока нет надежных критериев для определения этнического происхождения писцов на Элефантине, но, возможно, часть их состояла из арамеев. Во всяком случае, документы, составители которых, вероятно, не были иудеями, ни по формальным признакам, ни по существу не отличаются от остальных арамейских текстов с Элефантины [244, с. 12 и сл.].

¹⁸ Согласно Портену, у египтян, арамеев и иудеев писцовое искусство до определенной степени было наследственным [177, с. 192; см. там же ссылки на тексты и литературу]. По мнению Грело, каллиграфия арамейских папирусов с Элефантины свидетельствует о существовании специализированного персонала профессиональных писцов, носившего кастовый характер и противостоявшего неграмотной массе [85, с. 49]. Однако ср. ниже.

¹⁹ Ср. также Diod. I, 81: в Египте лишь дети жрецов обучались иероглифическому и демотическому письму, а остальные египтяне вообще не учились грамоте, за исключением ремесленников и художников, которые знали письмо в скромном объеме. Как полагает М. А. Коростовцев, в Египте писцами становились не только дети знати и высокопоставленных лиц, но нередко и выходцы из народа [9, с. 14]. Но египетский вельможа Уджагорресент (VI в.) заявляет, что в медицинской школе при храме богини Нейт в Саисе среди учеников не было детей «ничтожных» [178, с. 23 и сл.]. В Египте существовали семьи, в которых должность писца передавали от отца к сыну в течение многих поколений [40, с. 329—337; 21, с. 39—42]. Во время почти всего правления XII династии (2000—1785) пост писца, приставленного к строениям царских гробниц в Египте для учета их работ и надзора за ними, был в руках одной семьи, шесть членов которой были писцами, следуя друг за другом [41, с. 625]. С. Олдред считает, что вряд ли фараон мог найти образованных людей вне малой наследственной касты писцов [18, с. 50].

²⁰ «Когда Ану и Энлиль...» — каноническая серия табличек о небесных предзнаменованиях. Писцы этой серии составляли и изучали астрономические и астрологические тексты.

²¹ Автор поздней версии эпоса о Гильгамеше.

²² Но в данном случае вряд ли можно говорить о школах писцов, поскольку фамильные имена, которые приводятся в нововавилонских текстах, почти всегда свидетельствуют в пользу мнения о существовании писцовых родов.

²³ Rab-bani.

²⁴ По мнению М. А. Коростовцева, египетские фараоны умели читать и писать. Например, фараон V династии Исеси утверждает, что он «писал свои»

ми двумя пальцами» [9, с. 8]. По некоторым сведениям, в Египте существовала дворцовая школа, в которой учились царевичи [30, с. 12 и 16].

²⁶ В отличие от вавилонской практики, когда писцы писали имена свидетелей контрактов, в арамейских папирусах с Элефантины свидетели обычно расписывались сами. Часто их имена, естественно, написаны корявым почерком, неумело и неразборчиво (ср. [AP, с. 14]). Примечательно, свидетели были грамотны, даже если их грамотность иногда ограничивалась лишь умением писать собственные имена. Характерно также, что в архиве частного лица на Элефантине была найдена повесть об ассирийском мудреце Ахикаре. Только в одном элефантинском контракте на арамейском языке [Kraeling 7] свидетели не расписались лично, а перечислены писцом (ср. [Kraeling, с. 203]). В синхронных египетских демотических текстах свидетели также расписывались сами и, следовательно, были грамотны в демотике (ср. [154, с. 22; 177, с. 192].

²⁶ Ball; Dar 100, 102, 227, 312, 321, 367, 379; Liv 1; Mold 21, 25; Nbd 131, 323, 340, 533, 672, 1111; TCL XII, 101, XIII, 190.

²⁷ В тексте по описке писца или издателя — Итти-Шамаш-балату.

²⁸ До сих пор документ относили ко времени правления Навуходоносор II, что по просопографическим данным невозможно. Здесь может иметься в виду только Навуходоносор III или IV.

²⁹ BRM I, 74; Camb 184, 214, 217; Cyr 315; Dar 35, 123, 126, 129, 171, 266, 305, 310, 319, 336, 338, 353, 468, 488, 492; Pinches, BOR II, с. 3; TCL XII, 65, XIII, 195 и др.

³⁰ Camb 3; Cyr 120, 140, 148, 254, 261, 316, 321; Nbd 77, 346, 372, 390, 391, 433, 442, 520, 566, 585, 587, 603, 623, 724, 903, 956, 1126; TCL XII, 94.

³¹ Cyr 143, 228, 268, 322, 323, 335, 338, 346; Liv 1; Nbd 71; 338, 392, 395, 400, 434, 470, 509, 533, 602, 669, 675, 687, 760, 1111. Все эти тексты, кроме Nbd 338, составленного в Борсиппе, происходят из Вавилона.

³² Следует обратить внимание на множество теофорных имен с Набу, богом — покровителем писцов, что может свидетельствовать в пользу мнения о наследственном характере писцовых традиций.

³³ Lib-bu-ú šá-ta-ri-šú šá ṭuppi(IM).

³⁴ Т. е. Дария II (421 г.).

³⁵ Далее указаны различные категории земель, однако соответствующие термины пока не поддаются переводу.

³⁶ Lib-bu-ú šá-ta-ri ṭuppi.

³⁷ 420 г.

³⁸ 510 г.

Глава VIII

¹ BRM I, 48, 59/Mold 20; Liv 8, 35, 122; Nbd 8, 1111, 1128; Nbk 107, 133, 152, 187, 266, 325, 361, 363, 365, 366, 369, 419; Ner 27, 55, 58; Sayce, № 48; R, plate 67, № 1. В четырех из этих текстов он одновременно является и контрагентом (должником и покупателем поля).

² Liv 73/TCL XII, 86; Nbd 64, 356. Известны также и другие случаи, когда писцы заседали в качестве судей; ср., например, Nbd 13 и 1128, где некий Нергал-бануну назван писцом, и Nbd 64, в котором это же лицо упомянуто среди судей.

³ См. также Nbd 9, 50, 53, 433 (упоминаются дома Набу-аххе-иддина в Вавилоне), 165; TCL XIII, 230 (речь идет о его полях); Nbd 499 (один из его рабов арендовал помещение на крыше амбара), 609, 755; TCL XIII, 219; Sayce, № 52.

⁴ Camb 43, 122, 166, 185; Cyr 237, 245, 254, 270, 322; Liv 34; Mold 26, 27; Nbd 308, 404, 541, 945, 1120; Nbk 3, 5, 8, 10.

⁵ Camb 195, 208, 213; Cyr 249, 252, 268, 335; Mold 22; Nbd 433, 443, 461, 479, 552, 585, 602, 830, 1110; TCL XII, 103.

⁶ Camb 104, 257; Cyr 239, 291; Nbd 311, 346, 512, 523, 587, 995.

⁷ Archi, с. 12; Camb 217, 226, 375; Cyr 264, 320, 346; Nbd 372, 633, 687, 1031; Nbk 4.

⁸ Camb 2, 3, 122, 173, 174, 179, 246, 257; Cug 140, 316; Nbd 578, 701, 715, 973; Sm 8, 9; TCL XIII, 144. Ср. [12, с. 84 и сл.].

⁹ Camb 97, 117, 182, 184, 187; Cug 228, 274; Nbd 500, 967; Peek 16.

¹⁰ Camb 68, 161; Cug 315, 337; Nbd 526, 605, 674, 769, 838, 845, 874, 875, 931, 1114 и др.

¹¹ Далее о торговой деятельности Итти-Мардук-балату см. [Nbd 389 и 625].

¹² Nbd 391/TCL XII, 94; Nbd 392, 470, 584, 669, 675, 755, 801, 1091; Liv 9; TCL XII, 92.

¹³ Дополняющие друг друга обломки одного и того же текста.

¹⁴ Предположение Олмстеда [158, с. 60], что Итти-Мардук-балату отправился в Экбатаны либо по царскому вызову, либо с делегацией вавилонян, и там царские чиновники требовали от него взятки, и поэтому, оставшись без средств, он вынужден был занимать деньги, лишено оснований.

¹⁵ Dar 132, 178, 217, 225, 228, 258, 278, 333, 356; Liv 25, 26.

¹⁶ Dar 30, 44, 45, 48, 157, 164, 167, 246, 294, 401, 413, 439, 486, 494, 501, 541.

¹⁷ Dar 15, 31, 51, 95, 131, 132, 137, 153, 165, 178, 214, 225, 258, 266 (/CT LI, 48), 278, 279, 354, 356, 406, 433, 440, 447, 449, 450, 455, 456, 472, 486, 507, 529, 536, 539, 560.

¹⁸ Dar 144, 155, 172—175, 261, 264, 273, 328, 331, 332, 335, 350, 353, 357, 363, 374, 387, 389, 423, 426, 448, 478, 498; TCL XIII, 192.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Транслитерация избранных текстов

1. BIN I, 108

1) 1 mana 3 šiqil kaspu šim būrti 2) šá ina qātē(2) (md)nabū-e-na-ta-nu apli-šú šá (m)ta-al-la 3) ul-tu-ku (m)ri-hi-im na-šá-a' 4) a-na (md)mardur-ētir apli-šú šá (md)bēl-šum-iškun(un) 5) LÚ.ŠID bitī (m)balāṭ-su apil-šú šá (md)nabū-zēr-iddin 6) it-ta-din ū a-na immeri(meš) 7) a-na (md)nabū-nāšir apli-šú šá (md)nabū-ahhē(me)-iddin 8) apil (m)šum-iddin na-din ina ušuzzu(zu) 9) šá (md)nabū-ētir-napšāti(meš) apil-šú šá (md)bel-lē'u [...] 10) [m](d)nergal-nāšir apil-šú šá (m)a-qar [...] 11) [...] (amēl)rab [...] 12) (md)nergal-uballiṭ(it) apil-šú šá (m)ba-la-[tu] 13) (m)nad-na-a (amēl)man-di-di 14) (m)man-na-a-ki-i-ar-ba-il (amēl)bēl pi-qit-ti 15) šá (amēl)qī-i-pi 16) (m)balāṭ-su apil-šú šá (m)kud-di-ja 17) (m)ahu-lu-mur apil-šú šá (md)nabū-ah-ēreš 18) (m)ardi-a apil-šú šá (md)nabū-šar-ilāni (me) 19) (md)nabū-riḅa apil-šú šá (m)bul-luṭ-a 20) (arah)abu ūmu 11(kám) šattu 7(kám) 21) (d)nabū-kudurri-ušur šar bābili(ki)

2. GC^{III} I, 110

1) 3(pan) 2 sātu qé-me a-na kurummati(hi.a.meš) 2) šá (m)ina šilli-(d)nergal (m)ri-mut 3) (md)nabū-ahhē(meš)-iddin [u (m)še-pit-(d)nabū-aš-bat 4) a-na bābili(ki) LÚ.ŠID bitī 5) it-ti (m)bēl-zēri 6) iš-pu-ru 7) 1 pān a-na (md)nabū-ētir 8) apil (m)aplā(a) <a>-na šip-šu 9) šá (arah)nisanni 1 kur 1 pān 10) ina uṭṭati šá ha-ra-né-e (m)balāṭu(tu)-a-na-(d)nabū 11) (arah)addaru ūmu 18(kám) šattu 29(kám) 12) (d)nabū-kudurri-ušur 13) šar bābili(ki)

3. GC I, 179

1) 2 ma-ši-hu šá uṭṭati 2) (md)ištar-dūr-e-du 3) šá (qan)sil-li tab-ni-ti 4) a-na LÚ.ŠID bitī iš-šu-ú 5) it-ta-ši 6) (arah)tebētu ūmu 23(kám) šattu 31(kám) 7) (d)nabū-kudurri-ušur šar bābili(ki)

4. GC I, 52

1) a-hi ni-sip šikāri ṭābi 2) a-na LÚ.ŠID.ME 3) (m)gi-mil-lu apil (m)ardi-a 4) "ma"-hi-ir 5) (arah)ululu ūmu 87(kám) 6) šattu 37(kám) 7) (d)nabū-kudurri-ušur 8) šar bābili(ki)

5. GC I, 254

1) 3 sātu (amēl)kuṭimme(me) 2) 3 'sātu (amēl)kapšarre(me)
 3) 1 sātu (amēl)nagāre(me) 4) 3 sātu ni-sip ana LÚ.ŠID.MEŠ
 5) [...] supuhru 6) [iš-šu-u? a-]na? bābili(ki) 7) naphar 3-ta ni-sip
 8) (m)gi-mil-lu mahir(ir) 9) (arah)ajaru ūmu 14(kám) 10) šattu
 39(kám) 11) (d)nabū-kudurri-ušur 12) šar bābili(ki)

6. VS VI, 66

1) (tiṭ)ṭuppu šá (md)bēl-lē'u apli-šú šá (m)šumu-iddina apil
 (md)sin-ili 2) šá ta-lu-ku me-e šá ul-tu nār (d)bānitu(tu) 3) i-na-
 āš-šu-ú šá ina qātē(2) (m)bēl-šú-nu apli-šú šá (m)kudurru apil (m)ir-
 a-ni 4) a-na kaspi im-hu-ru-ma (m)mušēzib-(d)mardur apil-šú šá
 (md)marduk-nāšir (5) apil (m)ēpeš(eš)-ili (tiṭ)ṭuppi šu-a-ti a-na a-ma-
 ri iš-šu-ú-ma 6) ina biti-šú im-ma-āš-šú-ú (tiṭ)ṭuppi šu-a-ti 7) (md)
 nergal-ina-eše-ētir apil-šú šá (m)marduk-šāpik-zēri apil (m)ēpeš(eš)-
 ili 8) ú-tir-ma a-na (md)sin-ili ú ahhē(meš)-šú 9) mārē(meš) šá
 (md)nabū-apli-iddina apil (md)sin-ili id-din 10) (md)sin-ili ú ahhē
 (meš)-šú ina ta-lu-ku me-e šá 'ki'-ri-šú-nu 11) ú-šu-us-zu lu-ú (tiṭ)-
 ṭuppu lu-ú gabrū (tiṭ)ṭuppi 12) šá ta-lu-ku me-e šá ul-tu nār (d)bā-
 nitu(tu) 13) i-na-šá-a šá (md)bēl-lē'u apli-šú šá (m)šumu-iddin apil
 (md)sin-ili 14) šá ina qātē(2) (m)bēl-šú-nu apli-šú šá (m)ku-dūr-ru
 apil (m)ir-a-ni 15) a-na kaspi im-hu-ru šá ina bit (md)nergal-ina-
 eše-ētir 16) apli-šú šá (md)marduk-šāpik-zēri apil (md)é-a-ēpeš(eš)-ili
 17) lu-ú ina a-šar šá-nam-ma in-nam-ma-ru 18) šá (md)sin-ili ú
 ahhē(meš)-šú šu-ú 19) iš-ši ú (iš)gišimmar (meš) šá ina ku-ma-ri
 har-ri 20) iz-zī-zu šá (md)nergal-ina-eše-ētir šú-nu 21) me-e (md)-
 sin-ili u ahhē(meš)šú a-na (še)zēri 22) šá (md)nergal-ina-eše-ētir
 ul i-kal-lu-ú ul-tu 23) har-ri šá nār ba-ni-ta(1)-a-a šá (md)nergal-ina-
 eše-ētir apli-šú šá 24) (md)marduk-šāpik-zēri apil (m)ēpeš(eš)-ili
 a-na (še)zēri šá (md)sin-ili 25) u ahhē(meš)-šú (md)nergal-ina-eše-
 ētir me-e ul-tu har-ri-šú 26) i-nam-din (amēl)mu-kin-nu (m)iddin-
 (d)marduk apil-šú šá (m)iqiša(šá-a) 27) apil (m)ēpeš(eš)-ili (md)mar-
 duk-zēr-ibni apil-šú šá (md)bēl-upahhir(ir) 28) apil (m)ēpeš(eš)-ili
 (m)balāt-su apil-šú šá (m)bēl-šú-nu apil (m)ēpeš(eš)-ili 29) (md)na-
 bū-šum-lišir apil-šú šá (m)iddin-(d)marduk apil (m)ēpeš(eš)-ili 30) u
 LÚ.ŠID (md)ea-ušallim apil-šú šá (md)nabū-sēr-iqiša(šá) 31) apil
 amēl)pahāri bābili(ki) (arah)addaru 32) ūmu 9(kám) šattu 2(kám)
 (md)nabū-na'd 33) šar bābili(ki)

7. GC I, 411

1) 9 mana 1/3 5 šiqil kaspu 2) i-na kaspi šá it-ti 3) (md)nabū-
 šar-ušur u LÚ.ŠID.ME 4) a-na bābili(ki) na-šú-ú 5) a-na é-an-na
 it-te-ek-kil 6) (arah)ajaru ūmu 11(kám) šattu 5(kám) 7) (d)nabū-
 na'id šar bābili(ki)

8. GC I, 367

1) 24 1/2 mana kaspu 2) a-na hi-ši-lh-ti šá é-an-na 3) it-ti (md)nabū-šar-ušur 4) u LÚ.ŠID.MEŠ a-na 5) bābili(ki) na-ši 6) (arah)kislimu ūmu 23(kám) šattu 6(kám) 7) (d)nabū-na'id šar bābili(ki)

9. GC I, 332

1) 6 mana 1 šiqil 4-tú kaspu 2) ina kaspi šá a-na bābili(ki) 3) it-ti (md)nabū-šar-ušur 4) ū LÚ.ŠID.MEŠ na-šu-ú 5) a-na é-an-na it-[te-ek-kil] 6) 3? mana kaspu š-á[...] 7) iš'su'-[u? ...] 8) ma-ah-ru 9) (arah)simanu ūmu 24(kám) šattu 7(kám) 10) (d)nabū-na'id šar bābili(ki)

10. Nbd 297

1) 2 ME kur suluppi 2) ultu bit makkūr ni-din-it šarri 3) a-na (m)mu-še-zib-(d)nabū ū 4) (md)šamaš-uballit(it) (amēl)si-pir(meš) 5) šá (md)nabū-ahhē(meš)-ri-ba 6) šá muh-hi ar-ba-a-a nadin(in) 7) ū-il-ti a-na (še)uṭṭati 8) ina muh-hi (md)nabū-ahhē(meš)-ri-ba 9) e-li-it ina ušuzzu(zu) 10) šá (md)mardukna-šir apli (m)šakin-šumil 11) (md)šamaš-bān-ah apli (m)ri-ba-(d)marduk 12) (m)šu-la-a apli (md)šamaš-ah-iddin 13) (md)ea-iddin (amēl)man-di-di 14) (arah)abu ūmu 7(kám) šattu 8(kám) 15) (md)nabū-na'id šar bābili(ki).

11. YOS VI, 245

1) ul-tu ūmi 11(kám) 2) šá (arah)du'ūzi akalū ūmu(mu) 2 sātu šikāri ṭābi 3) 4 sātu pa-šu-ú a-na 4) LÚ.ŠID.MEŠ šá šarri 5) šá a-na muhhi ma-ša-hu 6) šá (še)zēri il-li-ku-nu 7) (md)dajān-ēreš 8) mahir(ir) 9) (arah)du'ūzu ūmu 11(kám) 10) šattu 9(kám) (d)nabū-na'id šar bābili(ki)

12. Nbd 458

1) 12 kur (še)uṭṭati ina qāte(2) (m)ēpeš(eš)-ili 2) šá muh-hi eš-ru-ú 3) 5 kur ultu (še)uṭṭati šá (māt)elamti 4) 20 kur ultu bit makkūr [...] 5) 4 kur ultu bit [...] 6) l-en 2 kur kurummati (hi.a) [...] 7) 8 kur 2(pan) 3 sātu ku[...] 8) šá suluppi [...] 9) u 1 pan a-na (m)šā-lam-ma-ré-e 10) naphar 40 kur 3(pan) 3 sātu (še)uṭṭati 11) a-na (m)šā-lam-ma-ré-e (amēl)si-pi-ri 12) 16 šābē(meš) šá (amēl) qēpi nadna(na) 13) (arah)kislimu ūmu 17(kám) 14) šattu 10(kám) [(d)nabū-na'id šar bābili(ki)?]

13. Pohl I, 25

1) (md)bel-uballit(it) (amēl)za-zak-ku apil-šú šá (md)nabū-balaṭ-su-iq-bi apil (m)ēpeš(eš)-ili 2) (m)ṭābi-ja (amēl)šakin ṭēmi uruk(ki) apil (m)hu-un-zu-ú 3) (m)gab-bi-ilāni(meš)-šar-ušur (amēl)qī-i-pi šá

é-an-na 4) (md)dajān-ahhē(meš)-iddin apil-šú šá (m)gi-mil-lu apil (m)ši-gu-ú-a 5) (md)nabū-ētir-napšati(meš) apil-šú šá (m)arad-(d)bē apil (m)e-gi-bi 6) (m)mu-še-zib-(d)bēl apil-šú šá (md)šamaš-udam-miq(iq) apil (m)ēpeš(eš)-ili 7) (m)pir-u' apil-šú šá (m)tab-né-a apil (amēl)bā'iri 8) šá ina ušuzzu(zu)-šú-nu (md)nabū-šar-ušur (amēl)rēš šarri 9) (amēl)bēl pi-qit-tu. é-an-na ù LÚ.ŠID.MEŠ šá é-an-na 10) a-na (m)šá-du-nu apil-šú šá (m)ina-ešē-ētir iq-bu-ú 11) um-ma 1 mana 15 šiqil kaspu šul-lum-du 12) ina a-gur-ru kaspu 10 šiqil kaspu ina šul-lum-du 13) šá šap-pi hurāši ù 4 šiqil kaspu šul-lum-du 14) ana (d)marduk-šum-ukin 15) naphar 1 mana 1/2 9 šiqil kaspu šul-lum-du 16) šá muhhi kurummati(hi.a)-ka šá ina é-an-na šá it-ti (amēl) [...] biti 17) a-na é-an-na e-ṭi-ir (m)šá-du-nu 18) a-na (md)nabū-šar-ušur ù LÚ.ŠID.MEŠ šá é-an-na 19) iq-bi um-ma a-di muhhi šá kaspi a-na é-an-na 20) e-eṭ-ṭe-ru kurummatu(hi.a) a-na é-anna 21) tan-na-ki-il ul-tu ūmi 9(kám) šá (arah)addari 22) šatti 10(kám) (d)nabū-na'id šar bābili(ki) kurummatu(hi.a) 23) ina pān (md)nabū-šar-ušur ina é-an-na ú-maš-ši-ir 24) (arah)addaru ūmu 9(kám) šattu 10(kám) (d)nabū-na'id 25) šar bābili(ki)

14. Pohl I, 31

1) eqlēti(meš) zittu šá (md)bēl-ētir apli-šú šá (md)marduk-šum-ēreš 2) bit maš-ka-nu šá (d)ištar šá uruk(ki) šá (md)nabū-ina-ešē-ētir 3) apil-šú šá (md)in-nin-šum-ušur apil (m)ki-din-(d)marduk 4) iq-bu-ú um-ma (ma)ba-la-ṭu apil-šú šá (m)šu-zu-bu 5) apil (m)gi-mil-(d)na-na-a ul-tu šatti 10(kám) 6) (md)nabū-na'id šar bābili(ki) im-mi-dan-ni-ma 7) a-nak-as-ma ebūra a-nam-da-áš-šú (md)nabū-ina-ešē-ētir 8) (m)ba-la-ṭu ú-ka-a-ni-ma a-na 9) (m)zēri-iá (amēl)šā-tam é-an-na apli-šú 10) šá (m)ib-na-a apil (m)e-gi-bi ù 11) LÚ.DUB.SAR.MEŠ šá é-an-na i-nam-din 12) ki-i la i-din-nu eqlu ma-la 13) (md)nabū-ina-ešē-ētir ik-ki-su a-na é-an-na i-nam-din 14) (amēl)mu-kin-nu (md)dajān-ahhē(meš)-iddin apil-šú 15) šá (m)gi-mil-lu apil (m)ši-gu-ú-a 16) (md)in-miḥ-šum-ušur apil-šú šá (m)iddi-na(na)-(d)nabū 17) apil (m)ki-din-(d)marduk (md)nabū-zēr-ukin apil-šú 18) šá (md)nabū-kašir apil (m)ar-rab-tum (m)arad-(d)innin-na 19) apil-šú šá (m)ibni-ištar apil (m)gimil-(d)nana(a) LÚ.ŠID 20) (m)na-di-nu apil-šú šá (md)bēl-ahhē(meš)-iqiša(šá) 21) apil (m)e-gi-bi uruk(ki) (arah)du'uzu 22) ūmu 20(kám) šattu 13(kám) (d)nabū-na'id 23) šar bābili(ki) (m)šil-la-a apil-šú 24) šá (m)e-ri-šú apil (m)ki-din-(d)marduk pu-ut 25) (md)nabū-ina-ešē-ētir na-ši

15. Nbd 883

1) šamaššamnu imit makkūr (d)šamaš [...] 2) šá ina (d)bēl iq-bi iq?-[...] 3) (arah)ululu ūmu 2(kám) šattu 15(kám) 4) (md)nabū-na'id šar bābili(ki) 5) 1 sātu 1(qa) (d)šamaš ina ŠEŠ[...] 6) 2(pan) 2 sātu É.DUB šá (m)li-qu-pu 7) 2(pan) 4 sātu É.DUB šá (m)li-nu-uh-

lib-bi-ili 8) 2(pān) 1sātu É.DUB šá (m)balātu [...] 9) 1 (pān) 3 sā-tu É.DUB šá (m)[...] 10) 2(pān) 1 sātu É.DUB šá (m)[...] 11) nāp-
nar 2 kur 12) a-di ina bīt [...] 13) makkūr (d)šamaš ina pān
14) (md)bu-ne-ne-ibni apil-šú šá 15) (md)nabū-na-bu-ru

16. Nbd 1086

1) 5 sātu qé-me ina lib-bi 2) šá LÚ.ŠID.MEŠ a-na 3) (md)bēl-
ri-man(an)-ni 4) nadna(na) ir[...] 5) (i)šqa[...] 6) (d)nabū[...] 7)
[...]-iš na-šú-ú 8) (arah)abu umu 24(kám) [...]

17. Cyr 55

1) [...] kaspu a-na i-di (i)šeleppl 2) [...] i-mit-tum it-ti 3) [...] -di
biti ū LÚ.ŠID.MEŠ 4) a-na (m)pa-ni-(d)bēl-a-dag-gal 5) (amēl) ma-
lahu nadin(in) (arah)ulūlu 2(kám) 6)amu 3(kám) šattu 2(kám) (m)ku-
ra-áš 7) šar bābili(ki) šar mātāti

18. Cyr 151

1) 70 kur (še)uṭṭati šá (m)ri-mut-(d)bēl a-na 2) ki-is-za-tum a-na
muh-hi (md)nusku-šar-ušur 3) ina qātē(2) (amēl)šangi sip-par(ki)
u LÚ.ŠID.MEŠ ka-šu-ú 4) (m)ri-mut (še)uṭṭata-a, 70 kur 5) it-ti
(md)nabū-šar-ušur apli-šú 6) šá (m)itti-nabū-balātu ana muh-hi
(amēl)šangi sip-[par(ki)] 7) u LÚ.ŠID.MEŠ [...]ul e-tir 8) ina ušūz-
zu(zu) (m)[...](amēl)rēš [...] 9) (amēl) mu-kin-nu [...] 10) apil-šú šá
(m)ki-rib-tum [...] 11) (md)nergal-šar-ušur [...] 12) (m)še-e-gu-su
LÚ. ŠID 13) (md)šamaš-šum-ukin apil-šú šá (md)bēl-ibni 14) sip-
par(ki) (arah) addaru ár-ku-ú umu 15(kám) 15) šattu 3(kám) (m)ku-
raš šar bābili(ki) šar mātāti

19. Cyr 200

1) [...] kur zēri] (i)šgišimmaru (i)šbil-tum makkūr (d)šamaš
2) [sippar](ki) a-na (amēl)nukarribu-ú-tu 3) [a-na] (m)ri-mut apli-šú
šá (m)za-ki-ri ū (f)i-lat 4) marat-su šá (m)ri-mut aššat-su (md)mar-
duk-šum-iddin 5) (amēl)šangi sippar(ki) ū LÚ.ŠID.MEŠ šá é-bab-
bar-ra 6) id-di-nu-u' hi-ru-ú-tu i-hi-ir-ri 7) lib-bi ū ha-ru-ut-tum
i-na-aš-šar 8) LÚ.ŠID.MEŠ im-mi-du-ši-ma a-ki i-mit-tum 9) šá
LÚ.ŠID.MEŠ suluppē a-na é-babbar-ra 10) i-nam-din-nu-u' it-ti 1
kur tu-hal-la 11) gi-pu-ú man-ga-ga bil-tum šá hu-ša-bi 12) i-nam-
din-nu-u' i-ga-ri (i)škiri 13) ip-pu-šú-u' 1(en) pu-ut 2(i) na-šú-ú
14) (amēl)mu-kin, (m)šum-iddin apil-šú šá (md)nabū-bān-ahi 15) apil
(md)sin-karābi-išme (m)lu-uša-a-na-nūri 16) apil-šú šá (m)šum-ukin
apil (amēl)šangi (d)ištar bābili(ki) 17) u LÚ.ŠID (m)lqīša(šá)-(d)mar-

duk apil-šú šá (m)e-til-pi-i-(d)šamaš 18) apil (amēl)šangi (d)šamaš
bābili(ki) (arah)abu 19) ūmu [...] (kám) šattu 5(kám) (m)ku-raš šar
bābili(ki) šar mātati

20. Camb 131

1) 1 ME (kur) (še)uṭṭati šu-pel-tum šá suluppī makkur (d)ša-
maš 2) šá ina pān (m)mu-še-zib-(d)bēl apli-šú šá (m)su-lum-ma-da
3) šá (md)šamaš-zēr-lbni apli-šú šá (m)ta-qīš 4) ina na-aš-par-tum šá
(md)bēl-uballit(i) 5) (amēl)šangi sippar(ki) (m)ki-i-(d)nabū 6) ū
(md)bēl-iddin LÚ.DUB.SAR.MEŠ iš-šá-a'-... 21) (arah)kislimu ūmu
13(kám) šattu 2(kám) (m)kám-bu-zi-ja 22) šar bābili(ki) šar mātāt

21. Dar 46

1) 10 kur suluppī ina qí-bi 2) šá LÚ.ŠID.MEŠ (m)arad-(d)bu-
nene 3) ina qātē(2) (md)bunene-lbni ina ki-is-sa-tu-šú 4) ma-hi-ir
5) (amēl)mu-kin, (m) [...] 6) apli-šú šá (m)bēl-šú-nu apli (amēl)rab
banē 7) (m)arad-(d)bunene (amēl)ši-rik (d)šamaš 8) (arah)tašritu
ūmu 25(kám) 9) šattu 2(kám) (m)da-ri-a'-muš 10) šar bābili(ki)

22. Dar 116

1) 3 kur suluppī ri-hi-tú 2) suluppī imittu šá ina muh-h
3) (md)šamaš-uballit(i) apli-šú šá (m)na-din 4) ina ki-šir šá
LÚ.ŠID.MEŠ 5) (md)nabū-it-tan-nu apli-šú šá 6) (md)nabū-šum-lišir
apil (amēl)šangi (d)ištar bābili(ki) 7) ina qātē(2) (m)bul-ṭa-a apli
(m)[...] 8) (md)[... ma-hi-ir?] 9) (amēl)mu-kin-nu 10) (m)ešē-ēṭir
apil-šú šá (md)bēl-[...] 11) (md)nabū-it-tan-nu apli-šú šá 12) (md)-
šamaš-apli-ušur LÚ.ŠID 13) (md)šamaš-iddin apli-šú šá (m)ta-qīš
14) sip-par(ki) (arah)du'uzu ūmu 23(kám) šattu 4(kám) 15) (m)da-
a-ri-mu-šú šar bābili(ki) u mātati 16) l-en šá-ṭa-ri il-qu-ú

23. Dar 299

1) a-di ūmi 21(kám) šá (arah)du'uzi 2) (md)nabū-it-tan-nu (md)
nergal-šum-ušur 3) (md)bēl-iddina(na) u (m)nabū-kin-zēr 4) LÚ
DUB.SAR.MEŠ šá é-mes-lam 5) (m)ni-din-ti-(d)nergal (amēl)šá-tam
é-mes-lam 6) ib-ba-ku-nim-ma a-na muh-hi [...] 7) ša bit šarri iš-
ša-a'-i-li <(amēl)mu-kin-nu> 8) (md)za-ba₄-ba₄-per'u-ušur (m)itti-
(d)marduk-balātu 9) [...] (m)arad-(d)marduk ū 10) (m)ri-mut-(d)bēl
bābili(ki) (arah)du'uzu 11) ūmu 16(kám) šattu 11(kám) 12) (m)da-
ri-ja-muš šar bāb<III>

24. Dar 336

1) 2 mana kaspu šá gin-nu šá (md)nabū-šar-bul-lit 2) (amēl)rab
biti šá bit (m)kudurru (m)iddin-(d)bēl LÚ. DUB.SAR 3) ū (md)ner-
gal-šum-iddin (amēl)si-pi-ir a-na 4) šūmi a-na (m)ši-rik(I)-ki apli-šú

šá (m)iddinā(na-a) 5) id-din-nu-u' kaspu šim šumi 6) (m)iddin-(d)bēl LÚ.ŠID apil-šú šá (m)itti-(d)nabū-balaštu 7) ina qatē(2) (m)ši-rik(l)-ki apli-šú šá (m)iddinā(a) ma-hir 8) e-tir a-di giṭṭa šá 1 mana kaspu 9) šá qí-bi šá (m)iddin-(d)bēl LÚ.ŠID 10) a-na (md)nabū-it-tan-nu apli-šú šá (m)arad-(d)bēl 11) nadnu(nu) 12) (amēl)mu-kin-nu (m)kal-ba-a apil-šú šá (md)nabū-ahhē(meš)-iddin 13) apil (m)e-gi-bi (md)bēl-iddin apil-šú šá (m)mušēzib-(d)marduk 14) apil (m)e-ṭe-ru (m)mušēzib-(d)bēl apil-šú šá (m)ap-kal-lum 15) apil (m)ašlakti (m)iddin-(d)nabū apil-šú šá (m)šá-du-nu 16) apil (m)šarru-a-zu-ú (m)iddinā(na-a) apil-šú šá (m)kabti-lá 17) (md)adad-na-ta-nu apil-šú šá (md)marduk-ušur-šú 18) (md)nabū-ušur-šú LÚ.ŠID apil (m)mušēzib-(d)marduk 19) bābīli(ki) (arah)addaru ūmu 15(kám) 20) šattu 12(kám) (m)da-ri-mu-šú 21) šar bābīli(ki) šar mātati

25. Dar 344

1) tuppi (m)ina-é-sag-il-[...] 2) (amēl)šangū sippar(ki) (md)bēl-iddin 3) (md)nabū-ahhē(meš)-iddin (m)ú-bal-liṭ-su-(d)gu-la 4) LÚ. DUB.ŠAR u (m)[...] (amēl)si-pi-ri 5) a-na [...] ina (iṣ)sūt 6) ah-a-ni (d)[...]-din šá 7) ah-a-ni liq-bu-ú [...] 8) suluppu ina (iṣ)sūti 9) a-na (md)marduk-šum-iḫni i-din 10) [...]šattu 12(kám) 11) [šar] bābīli(ki) šar mātati

26. Dar 451

1) ūmu 21(kám) šá (arah)ṭebēti šattu 17(kám) (m)da-ri-ja-muš 2) šá (md)nabū-zēr-iḫni (amēl)si-pi-ir mahrū(ú) 3) (amēl)ki-na-at-ti-šú ina sippar(ki) 4) liq-bu-ú um-ma (m)da-ri-i'-šú šarru 5) ṭe-e-mu il-ta-kan um-ma 6) ša? [...] šá (m)bul-ṭa-a (amēl)rab (iṣ)sūti 7) [...] '...'-ú-du-u' 8) giṭṭanu(meš)-šú ū il-ti(meš)-šú 9) li[...]ri ha[...]šú 10) ina pān (amēl) [...]šar.meš 11) i-ba-áš-ma [...] u (amēl)nuka-rippi(meš) 12) (amēl)šangū sip-par[(ki)] ... -meš 13) il-qu-ú [...] bit 14) ilāni(meš) lid-din-[u ?]

27. BRM I, 81

1) gi-mir šá 3 ME 16 kur suluppi 2) (m)ap-la-a (amēl)reš šarri (amēl)si-pir šá 3) (amēl)rešē(meš) šá ekalli eš-šú ina qatē(2) 4) (m)ši-ir-ku māri šá (m)iddinā(a) mār (m)e-gi-bi 5) ina lib-bi šá (m)gu-za-nu (amēl)šākin ṭēmi bābīli(ki) 6) ma-hi-ir 7) (amēl)mu-kin-nu (md)nergāl-šum-iḫni māru šá 8) (m)šul-lu-mu (m)iddinā(na-a) māru šá (m)qišti-ja 9) (m)ni-din-tum māru šá (md)marduk-šum-iddin 10) (md)bēl-it-tan-nu māru šá (m)itti-(d)nabū-balaštu 11) mār (md)bēl-e-ṭe-ru (m)ni-din-tum-(d)bēl 12) māru šá (md)nabū-dumqu-ilāni(meš) mār (m)na-din še'i 13) (md)marduk-ētir LÚ.ŠID māru šá (md)nabū-šum-iškūn(un) 14) mār (m)mu-kal-lim bābīli(ki) (arah)arah-samnu 15) ūmu 4(kám) šattu 26(kám) 16) (m)da-ri-ja-muš šar bābīli(ki) šar mātati

1) (m)iddin-(d)nabū mārū šá [(md)]za-[ba₄-ba₄-iddin apil (m)arad-
(d) nergal] 2) ina (d)bēl (d)nabū u (m)da-ri-ja-[muš] 3) a-na (m)še-
el-li-<bi> māri šá (m)iddin-nabū 4) apil (m.amēl)nappāhi it-te-me
ki-i a-di-i 5) ūmi 2(kām) šá (arah)tašrīti al-la-ak-am-ma 6) gi-lī-tā-
nu a-na-āš-šam-ma 7) a-na (m)še-el-li-bi 8) ú-kal-la-mu ki-i 9) la
uk-te-li-mu-{mu} 10) a-ki-i ú-il-ti-šú kaspu 11) šá (m)še-el-li-bi it-
tan-nu 12) (amēl)mu-kin (md)marduk-[...] mārū šá 13) (md)nabū-
ahhē(meš?)-iddin apil (m.amēl)mu-kal-li[m] 14) (md)nabū-ušallim
mārū šá (md)marduk-zēr-ibni 15) (m) "...-ki mārū šá (md)bēl-ētir
16) (md)bēl-bul-lit-su LÚ.ŠID apil (m)rab banē 17) bābīli(ki)
(arah)ulūlu ūmu 27 (kām) 18) šattu 28(kām) (m)da-ri-ja-[muš] 19) šar
bābīli(ki) u mātāti

29. EKBK 21

1) 1 kur (še)zēri (iš)kirū(i) bīt (iš)gišimmari makkūr [(d)šamaš?] 2)
i-na KU gu-ub-bu (m)šum-ušur (amēl)šangū sippar(ki) 3) (md)marduk-
kīn-apil (md)bēl-it-tan-nu u (md)marduk-bēl-šū-nu 4) LÚ.DUB.
SAR.MEŠ šá é-babbar-ra a-na e-re-šu-ú-tu 5) 1 kur (še)zēri a-na
1 kur (še)uṭṭati a-na (m)iddin-bēl apli-šú šá 6) (md)nabū-šum-ušur
apil (amēl)rē'i sīsē id-di-in-<nu> 7) (še)zēra-a-ta šihru? ma-la ip-
pu-uš a-ki-i 8) [...]šú ina pāni-su a-di 2-ta sanāte(mes) 9) [...]šú?
l(en)-ta-a₄ šá-ja-ri 10) ti-te-qu-ú 11) (amēl)mu-kin-nu (md)bēl-ubal-
lit(it) mārū šá (md)bēl-kašir 12) apil (md)sin-šá-du-nu (m)ha-āš-da-
a-a mārū šá 13) (md)adad-šum-iddin apil (amēl)man-di-di (m)gimil-
d)šamaš 14) u (m)bēl-šū-nu mārē(meš) šá (md)nabū-balāt-su-iqbī
apil (md)sin?-šadi(i) 15) LÚ.DUB.SAR (md)marduk-bēl-šū-nu apil
(amēl)šangi [...] 16) sippar(ki) (arah)simānu [...] 17) (m)ah-ši-ar-šú
(...) 18) šar bābīli(ki) šar mātāti

30. GC II, 167

1) [...] mana iškūri 2) 2/3 mana 1 šiqu ka-lu-ú 3) a-na mul-
lu-ú 4) šá (iš)lē'i(meš) 5) ina pān (md)nabū-ba-ni (amēl)nagāru
6) (arah)addaru ūmu 28(kām) 7) šattu 19 (kām)

31. Lutz II, 51

1) 33 kur 1(pān) 4 sātu (amēl)mu-sah-hi-re-e 2) šá (amēl)qī-i-pi
3) 10 kur (m)na-din LÚ.ŠID 4) 5 kur (md)šamaš-tab-ni-ušur 5) 3 kur
(md)in-nin-šum-iddin 6) u (md)šamaš-damiq (amēl)rē'u alpi 7) 1 kur
3(pān) 4 sātu 3 qa 8) 3 [...]meš 9) 3 3(kām) 3 2(kām) (m)mu-ra-
nu 10) 3(kām) 3(kām) 3(kām) (m)ki-ru-ú

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Календарь и таблицы мер

Вавилонский календарь

Нисанну (первый месяц года)=март — апрель

Аяру=апрель — май

Симану=май — июнь

Ду'узу=июнь — июль

Абу=июль — август

Улулу=август — сентябрь

Ташриту=сентябрь — октябрь

Арахсамну=октябрь — ноябрь

Кислиму=ноябрь — декабрь

Тебету=декабрь — январь

Шабату=январь — февраль

Аддару=февраль — март

Аддару дополнительный=март

Меры веса

Сикль=0.8 г

Мина=60 сиклей=505

Талант=60 мин=30 кг

Меры для измерения сыпучих тел и жидкостей

Ка=1 л (условно; в действительности 1 ка=0,97 л)

Сут=6 ка=6 л

Пан=6 сут=36 л

Кур=5 пан=180 л

Меры площади

Кур=12 350 кв.м

Меры длины

Палец=0,02 м

Рука=4 пальца=0,08 м

Локоть=24 пальца=0,5 м

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- ВНИШП — Шилейко В. К. Вотивные надписи шумерийских правителей. Пг., 1915.
- Ник. — Никольский М. В. Документы хозяйственной отчетности древнейшей эпохи Халдеи из собрания Н. П. Лихачева. — Древности восточные. III/2. СПб., 1908.
- Никольский — Никольский М. В. Вавилонский контракт о продаже дома времени Шамаш-шум-укина. — Древности восточные. I/2. М., 1891; с. 143—165.
- ABL — Harper R. F. Assyrian and Babylonian Letters. London — Chicago, 1892—1914.
- AD — Driver G. R. Aramaic Documents of the Fifth Century B. C. Ox., 1965.
- ADD — Johns C. H. Assyrian Deeds and Documents. I—IV. Cambridge, 1898—1923.
- AGH — Ebeling E. Die akkadische Gebetsserie «Handerhebung». B., 1953.
- Amherst — Pinches Th. G. The Amherst Tablets. L., 1908.
- AP — Cowley A. Aramaic Papyri of the Fifth Century B. C. Ox., 1923.
- Archi — Archi A. Testi in cuneiforme. — Or. Ant. 1975, XIV, с. 11—15.
- ARM X — Archives Royales de Mari, t. X: Correspondance féminine. P., 1978.
- Arnaud — Arnaud D. Un document juridique concernant les oblats. — RA. 1973, 67, с. 147—156.
- Ars — Strassmaier J. N. Arsaciden-Inschriften. — ZA. 1888, III, с. 129—158.
- Asb — Streck M. Assurbanipal und die letzten assyrischen Könige bis zum Untergang Ninivehs. I—III. Lpz., 1916.
- AUA — Lidzbarski M. Altaramäische Urkunden aus Assur. — WVDOG. 1921, 38.
- Augapfel — Augapfel J. Babylonische Rechtsurkunden aus der Regierungszeit Artaxerxes I. und Darius II. Wien, 1917.
- Bagh. Mitt. — Dijk J. van — Mayer W. R. Texte aus dem Reš-Heiligtum in Uruk-Warka. — Baghdader Mitteilungen. Beiheft 2. B., 1980.
- BAK — Hunger H. Babylonische und assyrische Kolophone. Kevelaer und Neukirchen-Vluyn, 1968.
- Ball — Ball C. J. A Babylonian Deed of Sale. — PSBA. 1892. XIV, с. 166—169.
- Barton — Barton G. A. Some Contracts of the Persian Period from the KH Collection of the University of Pennsylvania. — AJSL. 1900, XVI, с. 65—82.
- Bauer-Meissner — Bauer H. und Meissner B. Ein aramäischer Pachtvertrag aus dem VII Jahre Darius I. — SPAW. 1936, с. 414—424.
- BBS — King L. W. Babylonian Boundary-Stones and Memorial Tablets in the British Museum. L., 1912.
- BE — The Babylonian Expedition of the University of Pennsylvania. Series A: Cuneiform Texts. Philadelphia. Vol. VIII: Clay A. T. Legal and Commercial Transactions Dated in the Assyrian, Neo-Babylonian and Persian Periods, Chiefly from Nippur, 1908. Vol. IX: Hilprecht H. V. and Clay A. T. Business Documents of Murashû Sons of Nippur Dated in the

- Reign of Artaxerxes I, 1898. Vol. X: Clay A. T. Business Documents or Marushû Sons of Nippur Dated in the Reign of Darius II, 1904.
- BIN — Babylonian Inscriptions in the Collection of J. B. Nies. New Haven. Vol. I: Keiser C. E. Letters and Contracts from Erech, Written in the Neo-Babylonian Period, 1917. Vol. II: Nies J. B. and Keiser C. E. Historical, Religious and Economic Texts and Antiquities, 1920.
- BL — Driver G. R.—Miles J. C. The Babylonian Laws. I—II. Ox., 1952—1955.
- Bodl — Thompson R. C. A Catalogue of the Late Babylonian Tablets in the Bodleian Library. L., 1927.
- Boissier — Boissier A. Extrait de la Chronique Locale d'Uruk.—RA. 1926, 23, c. 13—17.
- Borger — Borger R. Vier Grenzsteinurkunden Merodachbaladans I. von Babylonien.—AfO. 1970, XXIII, c. 1—26.
- BR VIII/VII—San Nicolò M. Babylonische Rechtsurkunden des ausgehenden 8. und 7. Jahrhunderts v. Chr. München, 1951.
- BR VI—San Nicolò M.—Petschow H. Babylonische Rechtsurkunden aus dem 6. Jahrhundert v. Chr. München, 1960.
- BRL I—IV—Köhler J.—Peiser F. E. Aus dem babylonischen Rechtsleben. Bd I—IV. Lpz., 1890—1898.
- BRM — Babylonian Records in the Library of J. P. Morgan, N. Y. P. I: Clay A. T. Babylonian Business Transactions of the First Millennium B. C., 1912. P. II: Clay A. T. Legal Documents from Erech, Dated in the Seleucid Era, 1913.
- BV — Peiser F. E. Babylonische Verträge des Berliner Museums. B., 1890.
- Camb — Strassmaier J. N. Inschriften von Cambyses, König von Babylon. Lpz., 1890.
- Caplice — Caplice R. I. The Akkadian *Namburbi* Texts: an Introduction. Los Angeles, 1974 (Sources and Monographs. Sources from the Ancient Near East, vol. I, fasc. 1).
- Castellino — Castellino G. R. Two Šulgi hymns. Roma, 1972 (Studi semitici, 42).
- CCK — Wiseman D. J. Chronicles of Chaldaean Kings (626—556 B. C.) in the British Museum. L., 1961.
- CT — Cuneiform Texts from Babylonian Tablets in the British Museum. P. II, IV, XII, XVIII, XXII, XXXIV, XLI, XLIV, XLVI, XLIX, LI. L., 1866—1972.
- Cyr — Strassmaier J. N. Inschriften von Cyrus, König von Babylon. Lpz., 1890.
- Dar — Strassmaier J. N. Inschriften von Darius, König von Babylon. Lpz., 1892.
- EBL — Lambert W. G. A Piece of Esoteric Babylonian Learning.—RA. 1974, 68, c. 149—156.
- EE — Cagni G. L'epopea di Erra. Roma, 1969 (Studi semitici, 34).
- EKBK — Strassmaier J. N. Einige kleinere babylonische Keilschrifttexte aus dem Britischen Museum.—Actes du Huitième congrès international des orientalistes. Deuxième partie, Section I. Leide, 1893, Beilage, c. 2—35.
- EvM — Evetts B. T. A. Inscriptions of the Reigns of Evil-Merodach, Neriglissar and Laborosoarchod. Lpz., 1892.
- Figulla — Figulla H. H. Lawsuit Concerning a Sacrilegious Theft at Erech.—Iraq. 1951, XIII, c. 95—101.
- Freedman — Freedman R. D. Cuneiform Texts in the Sacramento Vicinity.—JANES. 1976, 8, c. 35—47.
- Freydank — Freydank H. Spätbabylonische Wirtschaftstexte aus Uruk. B., 1971.
- GC — Goucher College Cuneiform Inscriptions. New Haven. Vol. I: Dougherty R. P. Archives from Erech, Time of Nebuchadrezzar and Nabonidus, 1923. Vol. II: Dougherty R. P. Archives from Erech, Neo-Babylonian and Persian Periods, 1933.

- Grayson—Grayson A. K. *Babylonian Historical-Literary Texts*. Toronto and Buffalo, 1975.
- Hecker—Hecker K. *Die Keilschrifttexte der Universitätsbibliothek Giessen*. Giessen, 1966.
- Herrero—Herrero P. *Tablettes administratives de Haft Tépe*.—DAFI. 1976, 6, c. 93—116.
- HG IV—Kohler J., Ungnad A. *Hammurabi's Gesetz*. IV. Lpz., 1910.
- Hunger—Hunger H. *Das Archiv des Nabû-ušallim*.—«Baghdader Mitteilungen». B., 1970, 5, c. 193—304.
- Jakob-Rost—Jakob-Rost L. *Ein neubabylonisches Tontafelarchiv aus dem 7. Jahrhundert v. u. Z.*—Forschungen und Berichte. 10. B., 1968, c. 39—62.
- KAR—Ebeling E. *Keilschrifttexte aus Assur religiösen Inhalts*. I—II. Lpz., 1919—1923.
- KB IV—Peiser F. E. *Texte juristischen und geschäftlichen Inhalts*.—Keilschriftliche Bibliothek. IV. B., 1896.
- Kr—Krückmann O. *Neubabylonische Rechts- und Verwaltungstexte*. Lpz., 1933.
- Kraeling—Kraeling E. G. *The Brooklyn Museum Aramaic Papyri. New Documents of the Fifth Century B. C. from the Jewish at Elephantine*. New Haven, 1953.
- Krecher—Krecher J. *Ein spätbabylonischer Verpflichtungsschein*.—ZA. 1971, LXI, c. 255—259.
- Lab—cm. EvM.
- Liv—Strassmaier J. N. *Die babylonischen Inschriften im Museum zu Liverpool*.—Actes du 6e Congrès International des orientalistes. Leiden, 1885.
- Lutz I, II—Lutz H. F. *Neo-Babylonian Administrative Documents from Erech*. P. I and II.—UCP. 1927, vol. 9, № 1.
- Lutz UCP, IX, c. 417—Lutz H. F. *A Slave Sale Document of the Time of Neriglissar*.—UCP. Berkeley, 1931, vol. IX, c. 413—418.
- Lutz UCP, vol. X, № 8—Lutz H. F. *An Uruk Document of the Time of Cambyses*.—UCP. 1937, vol. X, № 8, c. 243—247.
- Malinine—Malinine M. *Choix de textes juridiques en hieratique «anormal» et en demotique*. P. I. P., 1953.
- MDP XXII—Scheil V. *Actes juridiques susiens*.—MDP. 1930, XXII.
- MDP XXVIII—Scheil V. *Mélanges épigraphique*.—MDP. 1939, XXVIII.
- Mich—Moore E. W. *Neo-Babylonian Documents in the University of Michigan Collection*. Ann Arbor, 1939.
- Millard—Millard A. R. *Alphabetic Inscriptions on Ivories from Nimrud*.—Iraq. 1962, XXIV, c. 41—51.
- Mold—Moldenke A. B. *Cuneiform Texts in the Metropolitan Museum of Art*. P. I and II. N. Y., 1893; cp.: Moldenke A. B. *Cuneiform Texts in the Metropolitan Museum of Art*, nouvelle édition par J. A. Delaunay. P., 1977.
- Nagel—Nagel W. *Die Königsdolche der Zweiten Dynastie von Isin*.—AfO. 1960, XIX, c. 95—99.
- NB—Ebeling E. *Neubabylonische Briefe*. München, 1949.
- NBAD—Moore E. W. *Neo-Babylonian Business and Administrative Documents*. Michigan, 1935.
- Nbd—Strassmaier J. N. *Inschriften von Nabonidus, König von Babylon*. Lpz., 1889.
- Nbk—Strassmaier J. N. *Inschriften von Nabuchodonosor, König von Babylon*. Lpz., 1889.
- NBU—Ebeling E. *Neubabylonische Briefe aus Uruk*. B., 1930—1934.
- Nbp—Strassmaier J. N. *Inschriften von Nabopalassar und Smerdis*.—ZA. 1889, IV, c. 106—152.
- Ner—cm. EvM.

- Nerab — Dhorme P. Les tablettes babyloniennes de Neirab.— RA. 1928, XXV, c. 52—82.
- NKI — Langdon S. Die neubabylonischen Königsinschriften. Lpz., 1912.
- NN — Nemet-Nejah K. R. A Late Babylonian Field Plan.— JANES. 1975, 7, c. 95—101.
- NRV — San Nicolò M.—Ungnad A. Neubabylonische Rechts- und Verwaltungsurkunden. Bd I. Lpz., 1929—1937.
- NUVI — Salonen E. Neubabylonische Urkunden verschiedenen Inhalts. I—II. Helsinki, 1975—1976.
- Owen — Owen D. I. Cuneiform Texts in the Collection of Professor Norman Totten.— «Mesopotamia». 1975—1976, Firenze, X—XI, c. 5—29.
- PBS — University of Pennsylvania, the Museum. Publications of the Babylonian Section, Philadelphia. I/2: Lutz H. F. Selected Sumerian and Babylonian Texts, 1919. II/1 see UM. XIV: Legrain L. The Culture of the Babylonians from Their Seals in the Collections of the Museum, 1925.
- Peek — Pinches Th. G. Inscribed Babylonian Tablets in the Possession of Sir Henry Peek. P. I—IV. L., 1888—1894.
- PF — Hallock R. T. Persepolis Fortification Tablets. Chicago, 1969.
- Pinches, BOR II—Pinches Th. G. A Babylonian Dowercontract.— BOR. 1887, II, c. 1—8.
- Pinches, JTVI—Pinches Th. G. The Worship of Idols in Assyrian History in Relation to Bible References.— JTVI. 1925, 57, c. 10—29.
- Pingree — Reiner — Pingree D.—Reiner E. A Neo-Babylonian Report on Seasonal Hours.— AfO. 1974—1977, XXV, c. 50—55.
- Pohl I—II—Pohl A. Neubabylonische Rechtsurkunden aus den Berliner Staatlichen Museen. Bd I—II. Roma, 1933—1934 (Analecta Orientalia. 8—9).
- PRT — Klauber E. G. Politisch-religiöse Texte aus der Sargonidenzeit. Lpz., 1913.
- PRU — Nougayrol J. Le palais royal d'Ugarit. VI. P., 1970.
- PTT — Cameron G. G. Persepolis Treasury Tablets. Chicago, 1948.
- R — Rawlinson H. The Cuneiform Inscriptions of Western Asia. Vol. V. L., 1909.
- RAcc — Thureau-Dangin F. Rituels accadiens P., 1921.
- Reschid — Wilcke — Reschid F. und Wilcke C. Ein «Grenzstein» aus dem ersten(?) Regierungsjahr des Königs Marduk-šāpik-zēri.— ZA. 1975, 65, c. 34—62.
- Revilleout — Revilleout E. et V. A Settlement of Accounts in Nabopolassar's Time.— BOR. 1886/1887, I, c. 117—119.
- Rutten — Rutten M. Contrats de l'époque Séleucide conservés au Musée du Louvre. P., 1935.
- Rutten, RA XLI—Rutten M. Contestation au sujet d'un donation d'une mère à ses fils.— RA. 1947, XLI, c. 99—103.
- Sack — Sack R. H. Amēl-Marduk, 562—560 B. C. A Study Based on Cuneiform, Old Testament, Greek, Latin and Rabbinical Sources. Neukirchen-Vluyn, 1972.
- Sayce — Sayce A. H. Some Unpublished Contract-Tablets.— BOR. 1889—1890, IV, c. 1—6.
- Scheil, RA XII—Scheil V. La libération judiciaire d'un fils donné en gage sous Neriglissor en 558 av. J.—C.— RA. 1915, XII, c. 1—13.
- Scheil, RA XVI—Scheil V. Sur un contract de l'époque de Darius II, avec épigraphe araméenne.— RA. 1919, XVI, c. 111—112.
- Scheil, RA XVIII—Scheil V. Catalogue de la Collection Eugène Tisserant.— RA. 1921, XVIII, c. 1—23.
- Scheil, RA XXIV—Scheil V. La trinité urukienne.— RA. 1927, XXIV, c. 38—41.
- Scheil, RA XXVI—Scheil V. Documents et arguments.— RA. 1929, XXVI, c. 17—19.
- Schorr — Schorr M. Urkunden des altbabylonischen Zivil- und Prozessrechts. Lpz., 1913.

- Sg 8—Thureau-Dangin F. Une relation de la huitième campagne de Sargon.—TCL. 1912, III.
- Sjöberg, JCS XXIV—Sjöberg A. W. In Praise of the Scribal Art.—JCS. 1972, XXIV, c. 126—131.
- Sjöberg, ZA 64—Sjöberg A. W. Der Examenstext A.—ZA. 1975, 64, c. 137—176.
- Sjöberg, ZA 65—Sjöberg A. A Hymn to the Goddess Inanna by the *en-priestess* Enheduanna.—ZA. 1975, 65, c. 161—253.
- Sm—cm. Nbp.
- Snyder—Snyder J. W. Babylonian Suretyship Litigation. A Case History.—JCS. 1955, IX, c. 25—28.
- SpTU—Hunger H. Spätbabylonische Texte aus Uruk. T. I. B., 1976.
- SR—Speleers L. Recueil des inscriptions de l'Asie Antérieure des Musées Royaux du Cinquantenaire à Bruxelles. Bruxelles, 1925.
- Stigers—Stigers H. G. Neo- and Late Babylonian Business Documents from the John Frederick Lewis Collection.—JCS. 1976, XXVIII, c. 3—59.
- TCL—Musée du Louvre. Département des Antiquités Orientales, Textes Cuneiformes. P. III—cm. Sg 8. IX: Contenau G. Contrats et Lettres d'Assyrie et de Babylonie, 1926. XII: Contenau G. Contrats néo-babyloniens I de Teglat-phalasar III à Nabonide, 1927. XIII: Contenau G. Contrats néo-babyloniens II Achéménides et Séleucides, 1929.
- Tell Halaf—Die Inschriften von Tell Halaf, Keilschrifttexte und aramäische Urkunden aus einer Provinzhauptstadt.—AfO. B., 1940, Beiheft 6.
- Thureau-Dangin, RA XI, c. 146—Thureau-Dangin F. L'exaltation d'Ishtar.—RA. 1914, XI, c. 141—153.
- TLS—Textes littéraires de Suse.—MAI. 1974, LVII.
- UET IV—Figulla H. H. Business Documents of the New-Babylonian Period.—Ur. Excavations. Texts. IV. L., 1949.
- UM—Clay A. T. Business Documents of Murashû Sons of Nippur Dated in the Reign of Darius II.—The University of Pennsylvania. The Museum Publications of the Babylonian Section Vol. II/1. Philadelphia, 1912.
- Unger—Unger E. Babylon. Die heilige Stadt nach der Beschreibung der Babylonier. B., 1970.
- Ungnad—Ungnad A. Neubabylonische Privaturkunden aus der Sammlung Amherst.—AfO. 1959/1960, XIX, c. 74—82.
- VAB VII—Streck M. Assurbanipal und die letzten assyrischen Könige bis zum Untergang Nineveh's.—Vorderasiatische Bibliothek. VII. Lpz., 1916.
- VS—Vorderasiatische Schriftdenkmäler der Königlichen Museen zu Berlin. III—VI, XV, XVII, XX. Lps., 1907—1908, 1916, 1971, 1978.
- VTE—Wiseman D. J. The Vassal-Treaties of Esarhaddon.—Iraq. 1958, XX, p. 1.
- Walker—Walker C. B. F. Cuneiform Tablets in the County Museum and Art Gallery, Truro, Cornwall.—AfO. 1973, XXIV, c. 122—127.
- Weidner, AfO XVI—Weidner E. F. Keilschrifttexte nach Kopien von T. G. Pinches. I. Babylonische Privaturkunden aus dem 7. Jahrhundert v. Chr.—AfO. 1952/1953, XVI, c. 35—46.
- Weidner, AfO XVII—Weidner E. F. Hochverrat gegen Nebukadnezar.—AfO. 1954/1956, XVII, c. 1—5.
- Weisberg—Weisberg D. B. Guild Structure and Political Allegiance in Early Achaemenid Mesopotamia. New Haven—London, 1967.
- Winckler, Sarg.—Winckler H. Die Keilschrifttexte Sargons. I—II. Lpz., 1889.
- Winckler, ZA II—Winckler H. Einige neuveröffentlichte Texte.—ZA. 1887, II, c. 163—178.
- YOS—Yale Oriental series. Babylonian Texts. New Haven. I: Clay A. T. Miscellaneous Inscriptions in the Yale Babylonian Collection, 1915. III: Clay A. T. Neo-Babylonian Letters from Erech, 1919. VI: Dougherty R. P. Records from Erech, Time of Nabonidus, 1920. VII: Tremayne A. Records from Erech, Time of Cyrus and Cambyses, 1925. XVII: Weisberg D. B. Texts from the Time of Nebuchadnezzar, 1980.

Периодические и справочные издания

- ВДИ — Вестник древней истории. М.
 AA — Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.
 AfO — Archiv für Orientforschung. Berlin — Graz.
 AHw — Soden W. von. Akkadisches Handwörterbuch. Wiesbaden, 1959—1981.
 AJ — The Antiquaries Journal. L.
 AJSL — American Journal of Semitic Languages and Literatures. Chicago.
 AK — Archiv für Keilschriftforschung. B.
 APN — Tallqvist K. L. Assyrian Personal Names. Helsingfors, 1914.
 ArOr — Archiv Orientalní. Praga.
 AS — Assyriological Studies. Chicago.
 BAG — Bezold C. Babylonisch-assyrisches Glossar. Heidelberg, 1926.
 BASOR — Bulletin of the American Schools of Oriental Research. Jerusalem — Baghdad.
 BO — Bibliotheca Orientalis. Leiden.
 BOR — The Babylonian and Oriental Record. L.
 CAD — The Assyrian Dictionary of the University of Chicago, Chicago — Glückstadt, 1956—1980.
 CAH — The Cambridge Ancient History. Cambridge.
 CIS — Corpus Inscriptionum Semiticarum. P.
 CRAI — Académie des inscriptions et belles-lettres. Comptes rendus. P.
 DAFI — Cahiers de la Délégation archéologique française en Iran. P.
 HUCA — Hebrew Union College Annual. Cincinnati.
 IEJ — Israel Exploration Journal. Jerusalem.
 IJ — Indo-Iranian Journal. The Hague.
 Iran — Iran. Journal of the British Institute of Persian Studies. L.
 Iraq — Iraq. Journal of British Archaeology. L.
 JANES — The Journal of the Ancient Near Eastern Society of Columbia University. N. Y.
 JAOS — Journal of the American Oriental Society. New Haven, Conn.
 JCS — Journal of Cuneiform Studies. Philadelphia.
 JEA — Journal of Egyptian Archaeology. L.
 JNES — Journal of Near Eastern Studies. Chicago.
 JSS — Journal of Semitic Studies. Manchester.
 JTVI — Journal of the Transactions of the Victoria Institute.
 MAI — Mémoires de la Mission Archéologique en Iran. P.
 MDP — Mémoires de la Délégation en Perse. P.
 MIO — — Mitteilungen des Instituts für Orientforschung. B.
 MSL — Materialien zum sumerischen Lexikon. Roma.
 MVAG — Mitteilungen der Vorderasiatisch-Ägyptischen Gesellschaft. Lpz.
 OECT — Oxford Editions of Cuneiform Texts. Ox.
 OLZ — Orientalistische Literaturzeitung. Lpz.
 Or. — Orientalia. Roma.
 Or. Ant. — Oriens Antiquus. Roma.
 PSBA — Proceedings of the Society of Biblical Archaeology. L.
 RA — Revue d'Assyriologie. P.
 RIDA — Revue internationale des droits de l'antiquité. P.
 RIA — Reallexikon der Assyriologie. Lpz. — B.
 SCO — Studi classici e orientali. Roma.
 SDHI — Studia et documenta historia et juris. Roma.
 SL — Deimel A. Sumerisches Lexikon. Rom, 1925—1950.
 SPAW — Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Philologisch-historische Klasse. B.
 Sumer — Sumer. A Journal of Archaeology and History in Iraq. Baghdad.
 SZ — Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Romanistische Abteilung. Weimar.
 UE — Ur Excavations. L.

UCP — University of California. Publications in Semitic Philology. Berkeley.
 UVB — Vorläufiger Bericht über die von der Deutschen Forschungsgemeinschaft in Uruk-Warka unternommenen Ausgrabungen. B.
 WO — Die Welt der Oriens. Göttingen.
 WVD OG — Wissenschaftliche Veröffentlichungen der Deutschen Orient-Gesellschaft. Lpz.
 WZKM — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Wien.
 YOSR — Yale Oriental Series. Researches. New Haven.
 ZA — Zeitschrift für Assyriologie. Lpz. — B.
 ZAS — Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde. Lpz.
 ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Wiesbaden.

Литература

1. Дандамаев М. А. Рабство в Вавилонии. М., 1974.
2. Дунаевская И. М. Язык хеттских иероглифов. М., 1969.
3. Дьяконов И. М. Урартские письма и документы. М.—Л., 1963.
4. Дьяконов И. М. Вавилонская филология (III—I тыс. до н.э.).—История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980, с. 17—37.
5. Дьяконов И. М. Проблемы вавилонского города II тыс. до н.э.—Древний Восток. [Вып. 1]. Города и торговля. Ер., 1973, с. 30—64.
6. Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М., 1967.
7. Канева И. Т. Новая табличка с отрывком из шумерской поэмы «Писец и его непутевый сын».—ВДИ. 1966, № 1, с. 68—78.
8. Ключков И. С. «Повесть об Ахикаре»: историчность литературного героя.—ВДИ. 1977, № 3, с. 3—10.
9. Коростовцев М. А. Писцы древнего Египта. М., 1962.
10. Крамер С. Н. История начинается в Шумере. М., 1965.
11. Лукас А. Материалы и ремесленные производства древнего Египта. М., 1958.
12. Мартиросян А. Арендные операции в деловом доме Эгиби в 543—522 гг. до н.э.—«Вестник общественных наук АН АрмССР». Ер., 1977, № 7, с. 84—91.
13. Мартиросян А. А. Приобретение имущества в нововавилонском деловом доме.—«Историко-филологический журнал». Ер., 1977, № 4, с. 183—190.
14. Нейгебауер О. Точные науки в древности. М., 1968.
15. Пиотровский Б. Б. Кармир-блур. I. Ер., 1950.
16. Albright W. F. The Amarna Letters from Palestine.—САН. II/2. 1975, с. 98—116.
17. Albright W. The Egyptian Correspondence of Abimilki. Prince of Tyre.—JEA. 1937, № 23, с. 190—193.
18. Aldred C. Egypt: the Amarna Period and the End of the Eighteenth Dynasty. САН. II/2. 1975, с. 49—97.
19. Aro J. Der Abfall der kurzen Auslautvokale im Spätbabylonischen und seine Einwirkung auf die Formenlehre.—«Studia Orientalia». Helsinki, 1975, XLVI, с. 11—20.
20. Bickerman E. J. Faux littéraires dans l'antiquité classique en marge d'un livre récent.—«Rivista di filologia e di istruzione classica». Torino, 1973, 101, fasc. 1, с. 22—41.
21. Bierbrier M. L. The Late New Kingdom in Egypt (c. 1300—664 B. C.). Liverpool, 1975.
22. Böhl F. M. Th. de Liagre. Die babylonischen Prätendenten zur Zeit Xerxes.—BO. 1962, XIX, 3/4, с. 110—114.
23. Bordreuil P. Une tablette araméenne inédite de 635 av. J. C.—«Semitica». 1973, 23, с. 96—102.
24. Borchardt L. Das Dienstgebäude des Auswärtigen Amtes unter den Ramessiden.—ZAS. 1907/8, XLIV, с. 59—61.

25. Boyer G. *Supur. X kima kunnukkišu*.—Symbolae ad iura orientis antiqui pertinentes Paulo Koschaker dedicatae. Leiden, 1939, c. 203—218.
26. Breasted J. H. A History of Egypt from the Earliest Times to the Persian Conquest. L., 1927.
27. Bresciani E. La satrapia d'Egitto.—SCO. 1958, VII, c. 132—188.
28. Brinkman J. A. A Political History of Post-Kassite Babylonia (1158—722 B. C.). Roma, 1968.
29. British Museum. A Guide to the Babylonian and Assyrian Antiquities. L., 1908.
30. Brunner H. Altägyptische Erziehung. Wiesbaden, 1957.
31. Brunner H. et al. Handbuch der Archäologie. Bd I. München, 1969.
32. Buccellati G.—Biggs R. D. Cuneiform Texts from Nippur, the Eighth and Ninth Seasons. Chicago, 1969.
33. Budge E. A. W. The Rise and Progress of Assyriology. L., 1925.
34. Burn A. R. Persia and the Greeks. Frome and London, 1970.
35. Cardascia G. Les archives des Murašû. P., 1951.
36. Cardascia G. Documents Babyloniens des 8me et 7me siècles.—RIDA. 1954, I, c. 101—124.
37. Cardascia G. Le fief dans la Babylonie Achéménide.—Recueils de la Société Jean Bodin. I: Les liens de vassalité. Bruxelles, 1958, c. 55—88.
38. Cardascia G. Le statut de la femme dans les droits cunéiformes.—Recueils de la Société Jean Bodin. XI. Bruxelles, 1959, c. 79—94.
39. Casson L. The World's First Museums.—JANES. 1973, V, c. 53—57.
40. Černý J. A. Community of Workmen at Thebes in the Ramesside Period. Caïre, 1973.
41. Černý J. Egypt from the Death of Ramesses III to the End of the Twenty-First Dynasty.—CAH. II/2. 1975, c. 606—657.
42. Cocquerillat D. Palmeries et cultures de l'Eanna d'Uruk (559—520). B., 1968.
43. Dandamajew M. A. Bagasārū ganzabara.—«Studien zur Sprachwissenschaft und Kulturkunde. Gedenkschrift für W. Brandenstein». Innsbruck, 1968, c. 235—239.
44. Deller K. Zur Terminologie neuassyrischer Urkunden.—WZKM. 1961, 57, c. 29—42.
45. Diakonoff I. M. The Origin of the «Old Persian» Writing System and the Ancient Oriental Epigraphic and Annalistic Traditions.—W. B. Henning Memorial Volume. L., 1970, c. 98—124.
46. Diakonoff I. M. [Реч. на:] E. Salonen. Die Waffen der alten Mesopotamier.—BO. 1975, XXXII, 3/4, c. 224—227.
47. Dietrich M. Untersuchungen zur Grammatik des Neubabylonischen.—*Lišān miṭḥurti*. Festschrift W. von Soden. Neukirchen-Vluyn, 1970, c. 65—99.
48. Dijk J. J. A. van. L'edubba et son esprit.—La sagesse sumero-accadienne. Leiden, 1953, c. 21—27.
49. Dijk J. Die Überlieferung nicht-sumerischen Beschwörungstexte in Mesopotamien.—XXVeme Rencontre Assyriologique Internationale, **Abhang zu den resumees**. B., 1978, c. 2—4.
50. Doty L. T. An Official Seal of the Seleucid Period.—JNES. 38. 1979, c. 195—197.
51. Dougherty R. P. The *shirkātu* of Babylonian Deities.—YOSR. 1923, V/2.
52. Dougherty R. P. Writing upon Parchment and Papyrus among the Babylonians and the Assyrians.—JAOS. 1928, 48, c. 109—135.
53. Driver G. R. An Aramaic Inscription in Cuneiform Script.—AfO. 1926, III, c. 47—53.
54. Driver G. R. Semitic Writing. From Pictograph to Alphabet. L., 1948.
55. Ebeling E. Beamte der Neubabylonischen Zeit.—RIA. 1928, I, c. 451—457.
56. Ebeling E. Fälschung.—RIA. 1957, III, c. 9.

57. Ebeling E. Glossar zu den neubabylonischen Briefen. München, 1953.
58. Ebeling E. Die Rüstung eines babylonischen Panzerreiters nach einem Verträge aus der Zeit Darius II.—ZA. 1952, 50, c. 203—213.
59. Edzard D. O. Königsinschriften.—RIA. VI. 1/2. 1980, c. 59—65.
60. Eilers W. Iranische Beamtennamen in der keilschriftlichen Ueberlieferung. T. 1. Lpz., 1940.
61. Eilers W. Iranisches Lehngut im arabischen Lexikon: über einige Berufs-namen und Titel.—IJ. 1962, V, c. 203—232.
62. Eilers W. Keilinschriften und antike Rechtsgeschichte.—OLZ. 1931, cr6. 922—937.
63. Eilers W. Semiramis. Wien, 1971.
64. Eilers W. Die vergleichend-semasiologische Methode in der Orientalistik. Wiesbaden, 1974.
65. Elman Y. Authoritative Oral Tradition in Neo-Assyrian Scribal Circles.—JANES. 1975, 7, c. 19—32.
66. Erichsen W. Eine demotische Schenkungsurkunde aus der Zeit des Darius.—Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz. Abhandlungen der Geistes- und sozialwissenschaftlichen Klasse. Mainz, 1962, № 6, c. 346—363.
67. Falkenstein A. Die babylonische Schule.—«Saeculum». Freiburg und München, 1954, IV, c. 127—137.
68. Falkenstein A. Der «Sohn des Tafelhauses».—WO. 1948, I, c. 172—186.
69. Falkenstein A. [Рец. на: PTT].—WO. 1952, I, c. 503—504.
70. Forrer E. Die Boghazköi-Texte in Umschrift. I. Lpz., 1922.
71. Gadd C. J. Assyria and Babylonia, c. 1370—1300 B. C.—CAH. II/2. 1975, c. 21—48.
72. Gadd C. J. The Cities of Babylonia.—CAH. I/2. 1971, c. 92—144.
73. Gadd C. J. Teachers and Students in the Oldest Schools. L., 1956.
74. Gardiner A. H. The House of Life.—JEA. 1938, 24, c. 167—179.
75. Garelli P. Rôle et importance des Araméens dans l'administration de l'empire assyrien.—XXVème Rencontre Assyriologique Internationale. Anhang zu den resumes. B., 1978, c. 5—6.
76. Gelb I. J. New Evidence in Favor of the Syllabic Character of West Semitic Writing.—BO. 1958, XV, c. 2—7.
77. Gelb I. J. The Word for Dragoman in the Ancient Near East.—«Glossa». Burnaby, British Columbia, 1968, 21, c. 93—104.
78. Ghirshman R. Suse du temps des sukkalmah. Campagne du fouilles 1963—1964.—«Arts Asiatiques». XI, fasc. 2, 1965, c. 3—7.
79. Goetze A. Sakkanakkus of the Ur III empire.—JCS. 1963, 17, c. 1—31.
80. Goossens G. Au déclin de la civilisation babylonienne: Uruk sous les Séleucides.—«Bulletin de la classe des Lettres et des Sciences Morales et Politiques. Académie royale de Belgique». Bruxelles, 1941, 5 série, t. XXVII, c. 222—244.
81. Goossens G. Introduction à l'archivéconomie de l'Asie Antérieure.—RA. 1952, XLVI, c. 98—107.
82. Goossens G. Les recherches historiques à l'époque neo-babylonienne.—Actes du XXIe congrès des orientalistes. P., 1949, c. 144—145.
83. Greenfield J. C. The Background and Parallel to a Proverb of Ahiqar.—Hommages a André Dupont-Sommer. P., 1971, c. 49—59.
84. Greenstein E. L.—Marcus D. The Akkadian Inscription of Idrimi.—JANES. 1976, 8, c. 59—96.
85. Grelot P. Documents araméens d'Égypte. P., 1972.
86. Guide to the Nimroud Central Saloon (British Museum, Assyrian Antiquities). L., 1886.
87. Hallo W. W. Archives, Monuments and the Schools.—W. W. Hallo and W. K. Simpson. The Ancient Near East. A History. N. Y., 1971, c. 154—158.

88. Hallo W. W. Haplographic Marginalia.—Memoirs of the Connecticut Academy of Arts and Sciences, Vol. 19, Hamden, Connecticut, 1977, c. 101—103 (Essays in the Ancient Near East in Memory of J. J. Finkelstein).
89. Hallo W. W. Seals Lost and Found.—«Bibliotheca Mesopotamica». Malibu, 1977, vol. VI, c. 55—60.
90. Hallo W. W. and Tadmor H. A Lawsuit from Hazor.—IEJ. 1977, 27, c. 1—11.
91. Hallock R. T. The Persepolis Fortification Archive.—Or. 1973, 42, c. 320—323.
92. Harmatta J. Das Problem der Kontinuität im frühhellenistischen Ägypten.—AA. 1963, XI, fasc. 3—4, c. 199—213.
93. Harris R. Ancient Sippar. A Demographic Study of an Old-Babylonian City (1894—1595 B. C.). Leiden, 1975.
94. Hayes W. C. Egypt: Internal Affairs from Tuthmosis I to the Death of Amenophis III.—CAH. II/1. 1973, c. 313—416.
95. Hinz W. Das Reich Elam. Stuttgart, 1964.
96. Hinz W. [Ред. на:] Henning Memorial Volume.—Indogermanische Forschungen. 77. Hft 2/3. 1972, c. 290—296.
97. Howard M. Technical Description of the Ivory Writing-Boards from Nimrud.—Iraq. 1955, XVII/1, c. 14—20.
98. Hunger H. Holztäfel.—RIA. 1975, IV/6—7, c. 458—459.
99. Hunger H. Neues von Nabū-zuqup-kēna.—ZA. 1972, 62, c. 99—101.
100. Hyatt J. P. The Treatment of Final Vowels in Early Neo-Babylonian.—YOSR. 1941, XXIII.
101. Jastrow M. Did the Babylonian Temples Have Libraries?—JAOS. 27. 1906, c. 147—182.
102. Jensen P. Elamitische Eigennamen.—WZKM. 1892, VI, c. 47—70.
103. Jestin R. Übungen im Edubba.—ZA. 1955, 51, c. 37—44.
104. Kampman A. A. Archieven en Bibliotheken in het Oude Nabije Oosten. Schoten—Antwerpen, 1942.
105. Kaplony-Heckel U. Schüler und Schulwesen in der ägyptischen Spätzeit.—Studien zur altägyptischen Kultur. I. München—Hamburg, 1974, c. 227—246.
106. Kaufman S. A. The Akkadian Influences on Aramaic.—«Assyriological Studies». Chicago and London, 1974, № 19.
107. Kaufman S. A. An Assyro-Aramaic *egirtu ša šulmu*.—Memoirs of the Connecticut Academy of Arts and Sciences, Vol. 19, Hamden, Connecticut (1977, Essays in the Ancient Near East in memory of J. J. Finkelstein).
108. Klauber E. Assyrische Beamtennamen. Lpz., 1968.
109. Klengel-Brandt E. Siegelabrollungen aus dem Babylon der Spätzeit.—Or. An. 1969, 8, c. 329—336.
110. Knudtson J. A. Die El-Amarna Tafeln. Bd I. Lpz., 1915.
111. Komoróczy G. Berosos and the Mesopotamian literature.—AA. 1973, XXI, c. 125—152.
112. Koschaker P. Babylonisch-assyrische Bürgerschaftsrecht. Lpz., 1911.
113. Kramer S. N. Schooldays, a Sumerian Composition relating to the Education of a Scribe.—JAOS. 1949, 69, c. 199—215.
114. Kramer S. N. The Sumerians. Their History, Culture, and Character. Chicago—London, 1972.
115. Kraus F. R. Der Schreiber, Vermittler zwischen dem altbabylonischen Menschen und uns.—F. R. Kraus. Vom mesopotamischen Menschen der altbabylonischen Zeit und seiner Welt. Leiden, 1973, c. 18—32.
116. Krecher J. Das Geschäftshaus Egibi in Babylon in neubabylonischer und achämenidescher Zeit. Münster, 1970 (Diss.).
117. Krecher J. Glossen.—RIA. 1971, III/5, c. 431—440.
118. Krecher J. Kataloge.—RIA. 1980, V, 5/6, c. 478—485.
119. Krückmann O. Babylonische Rechts- und Verwaltungs-Urkunden aus der Zeit Alexanders und der Diadochen. Weimar, 1931.
120. Kummel H. M. Familie, Beruf und Amt im spätbabylonischen Uruk. Pro-

- sopographische Untersuchungen zu Berufsgruppen des 6. Jahrhunderts v. Chr. in Uruk.—Abhandlungen der Deutschen Orient-Gesellschaft, B., 1979.
121. Kupper J.-R. Les nouvelles fouilles de Nippur.—«La Nouvelle Clio», 1950, 5/6, c. 281—282.
 122. Kutscher E. Y. Aramaic.—Current Trends in Linguistics. The Hague—Paris, 1970, c. 347—412.
 123. Labat R. Une prince éclairé: Assurbanipal.—CRAI, 1972, c. 670—676.
 124. Labat R.—Edzard D. O. Textes littéraires de Suse.—MAI. LVII, 1974.
 125. Laessoe J. Literary and Oral Tradition in Ancient Mesopotamia.—Studia Orientalia Ioanni Pedersen Dedicatae. Copenhagen, 1953, c. 205—218.
 126. Lambert W. G. Ancestors, Authors and Canonicity.—JCS, 1957, XI, c. 1—14.
 127. Lambert W. G. Babylonian Wisdom Literature. Ox., 1975.
 128. Lambert W. G. A Catalogue of Texts and Authors.—JCS, 1962, XVI, c. 59—77.
 129. Lambert W. G. A Late Assyrian Catalogue of Literary and Scholarly Texts.—Kramer Anniversary Volume. Neukirchen-Vluyn, 1976, c. 313—318.
 130. Lambert W. G. and Walcot P. A New Babylonian Theogony and Hesiod.—«Kadmos», B., 1965, IV, Hft 1, c. 64—72.
 131. Landsberger B. Assyriologische Notizen.—WO, 1950, I, c. 362—376.
 132. Landsberger B. Babylonian Scribal Craft and its Terminology.—Proceedings of the Twenty-Third International Congress of Orientalists. L., 1956, c. 123—126.
 133. Landsberger B. Bemerkungen zu San Nicolò und Ungnad, Neubabylonische Rechts und Verwaltungsurkunden.—ZA, 1930, XXXIX, c. 277—294.
 134. Landsberger B. Brief des Bischofs von Esagila und König Asarhaddon. Amsterdam, 1965.
 135. Landsberger B. Scribal Concepts of Education.—C. H. Kraeling and R. M. Adams (ed.). City Invincible. Chicago, 1960, c. 94—102.
 136. Landsberger B.—Bauer Th. Zu neuveröffentlichten Geschichtsquellen der Zeit von Asarhaddon bis Nabonid.—ZA, 1927, XXXVII, c. 61—98.
 137. Lechner M. Erziehung und Bildung in der griechisch-römischen Antike. München, 1933.
 138. Lenzen H. UVB, XIV. B., 1958.
 139. Lenzen H. Warka.—«Sumer», Baghdad, 1954, X, № 2, c. 195—196.
 140. Lewy J. The Problem Inherent in Section 70 of the Behistun Inscription.—HUCA, 1954, XXV, c. 169—208.
 141. Lipiński E. Les tablettes araméennes de Bruxelles.—Actes du XXIX Congrès international des Orientalistes. Etudes sémitiques. P., 1975, c. 25—29.
 142. Lipiński E. Studies in Aramaic Inscriptions and Onomastics. Vol. I. Leuven, 1975.
 143. Lüddeckens E. P. Wien D 10151, eine neue Urkunde zum ägyptischen Pfründehandel in der Perserzeit.—Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-historische Klasse. Göttingen, 1965, № 5, c. 103—120.
 144. Łyczkowska K. Pozycja społeczna Kobiety w okresie staroasyryjskim. Warszawa, 1979.
 145. Mallowan M. E. L. Nimrud and its Remains. I—II. L., 1966.
 146. McCown D. E. and Haines R. C. Temple of Enlil, Scribal Quarter, and its Soundings. Excavations of the Joint Expedition to Nippur of the University Museum of Philadelphia and the Oriental Institute of the University of Chicago. Chicago, 1967.
 147. Meer P. van der. The Ancient Chronology of Western Asia and Egypt. Leiden, 1947.
 148. Meissner B. Babylonien und Assyrien. Bd I—II. Heidelberg, 1920, 1925.

149. Meissner B. Wie hat Assurbanipal seine Bibliothek zusammengebracht?—Aufsätze Fritz Milkau gewidmet. Lpz., 1921, c. 244—245.
150. Millard A. R. Königssiegel.—RIA. 1980, VI, 1/2, c. 135—140.
151. Mittelberger H. Zum Altpersischen.—«Sprache». Wiesbaden—Wien, 1965, XI, c. 93—121.
152. Nagel W. Datierte Glyptik aus Altvorderasien.—AfO. 1963, XX, c. 125—138.
153. Nakata I. Scribal peculiarities in EA: 285—290.—JANES. 1969, II/1, c. 19—24.
154. Naveh J. The Development of the Aramaic Script. Jerusalem, 1970.
155. Oelsner J. War Nippur Sitz einer spätbabylonischen Astronomenschule?—«Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universität, Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe». 1971, Bd 20, Hft 5, c. 141—149.
156. Oelsner J. Zur Bedeutung der «Graeco-Babyloniaca» für die Überlieferung des Sumerischen und Akkadischen.—MIO. 1972, Bd XVII, Hft 2, c. 356—364.
157. Olivier J. P. J. Schools and Wisdom Literature.—«Journal of Northwest Semitic Languages». 1975, IV, c. 49—60.
158. Olmstead A. T. History of the Persian Empire. Chicago, 1948.
159. Oppenheim A. L. Ancient Mesopotamia. Chicago, 1964.
160. Oppenheim A. L. Assyriological Gleanings. II.—BASOR. 1944, № 93, c. 14—17.
161. Oppenheim A. L. Divination and Celestial Observation in the Last Assyrian Empire.—«Centaurus». Copenhagen, 1969, XIV, c. 97—135.
162. Oppenheim A. L. Essay on Overland Trade in the First Millennium B. C.—JCS. 1967, XXI, c. 236—254.
163. Oppenheim A. L. La formula «*adi tuppi (ana) tuppi*».—RA. 1936, 33/3, c. 143—151.
164. Oppenheim A. L. A Note on the Scribes in Mesopotamia.—Studies in honor of Benno Landsberger. Chicago, 1965, c. 253—256 (Assyriological Studies, № 16).
165. Oppenheim A. L. The Position of the Intellectual in Mesopotamian Society.—«Daedalus». 1975, 104, c. 37—46.
166. Otten H. Bibliotheken und Archive im Alten Orient.—«Das Altertum». 1955, I, c. 67—81.
167. Otten H. Hethitische Schreiber in ihren Briefen.—MIO. 1956, IV, c. 179—189.
168. Papritz J. Archive in Altmesopotamien.—«Archivalische Zeitschrift». München, 1959, Bd 55, c. 11—50.
169. Parpola S. Letters from Assyrian Scholars to the Kings Esarhaddon and Assurbanipal. Vol. I—II. Neukirchen Vluyn, 1970, 1971.
170. Petschow H. Neubabylonisches Pfandreht. B., 1956.
171. Pettinato G. The Royal Archives of Tell Mardikh-Ebla.—«Biblical Archaeologist». Cambridge (Mass.), 1976, May, c. 44—52.
172. Pinches Th. G. Greek Transcriptions of Babylonian Tablets.—PSBA. 24. 1902, c. 108—119.
173. Pohl A. Aramäischer Schreiber auf einem assyrischen Gemälde des 9/8. Jahrhunderts v. Chr.—«Biblica». Roma, 1939, № 20, c. 200—201.
174. Pohl A. Bibliotheken im Alten Orient.—Or. 1956, 25, c. 105—109.
175. Porada E. Gesellschaftsklassen in Werken altorientalischer Kunst.—Gesellschaftsklassen im Alten Zweistromland und in den angrenzenden Gebieten. XVIII. Rencontre assyriologique internationale. München, 1972, c. 147—157.
176. Porada E. Greek Coin Impressions from Ur.—Iraq. 1960, vol. 22, c. 228—234.
177. Porten B. Archives from Elephantine. Berkeley and Los Angeles, 1968.
178. Posener G. La première domination Perse en Egypt. Caire, 1936.
179. Rainey A. F. The Scribe at Ugarit. His Position and Influence.—«Pro-

- ceedings of the Israel Academy of Science and Humanities». Jerusalem, 1968, c. 126—147.
180. Reiner E. The Etymological Myth of the Seven Sages.—Or. 1961, 30, c. 1—11.
 181. Renger J. Legal Aspects of Sealing in Ancient Mesopotamia.—«Bibliotheca Mesopotamica». Malibu, 1977, VI, c. 75—88.
 182. Renger J. Untersuchungen zum Priestertum in der altbabylonischen Zeit.—ZA. 1967, 58, c. 110—188.
 183. Ries G. Die neubabylonischen Bodenpachtformulare. B., 1976.
 184. Rokosz M. Archiwa w państwach starożytnych.—«Archeion». Warszawa, 1970, 53, c. 60—82.
 185. Römer W. H. Ph. Iets over school en schoolonderricht in het oude Mesopotamië. Assen — Amsterdam, 1977.
 186. Rostovtzeff M. Seleucid Babylonia: Bullae and Seals on Clay with Greek Inscriptions.—Yale Classical Studies. New Haven, 1932, 3.
 187. Rutten M. La science des chaldéens. P., 1960.
 188. Sachs A. A Classification of the Babylonian Astronomical Tablets of the Seleucid Period.—JCS. 1948, II, c. 271—290.
 189. Sack R. H. The Scribe Nabû-bāni-ahī, Son of Ibnā, and the Hierarchy of Eanna as Seen in the Erech Contracts.—ZA. 1977, 67, c. 42—52.
 190. San Nicolò M. Beiträge zu einer Prosopographie neubabylonischer Beamten der Zivil- und Tempelverwaltung. München, 1941.
 191. San Nicolò M. Beiträge zur Rechtsgeschichte im Bereiche der keilschriftlichen Rechtsquellen. Oslo, 1931.
 192. San Nicolò M. Ein Urteil des königlichen Gerichtes in Babylon aus der Zeit des Nabonid.—Symbolae ad iura orientis antiqui pertinentes P. Koschaker dedicatae. Leyden, 1939, c. 179—188.
 193. San Nicolò M. Einiges aus den neubabylonischen Rechtsurkunden.—SZ. 1929, 49, c. 24—54.
 194. San Nicolò M. Einiges über Tempelpfründen (*isqu*).—ArOr. 1934, VI, c. 179—202.
 195. San Nicolò M. Haben die Babylonier Wachstafeln als Schriftträger gekannt?—Or. 1948, 17, c. 59—70.
 196. San Nicolò M. Materialien zur Viehwirtschaft in den neubabylonischen Tempeln. II.—Or. 1949, 18, c. 288—306.
 197. San Nicolò M. Materialien zur Viehwirtschaft in den neubabylonischen Tempeln, IV.—Or. 1954, 23, c. 351—382.
 198. San Nicolò M. Neubabylonische Urkunden aus Ur.—Or. 1950, 19, c. 217—232.
 199. San Nicolò M. Rassegna di diritto cuneiforme. II.—SDHI. 1954, 20, c. 491—492.
 200. San Nicolò M. Zum *atru* und anderen Nebenleistungen des Käufers beim neubabylonischen Immobiliarkauf.—Or. 1947, 16, c. 273—302.
 201. San Nicolò M. [Peu. na:] Symbolae ad iura orientis antiqui pertinentes P. Koschaker dedicatae.—OLZ. 1942, c. 110—117.
 202. Schaefer H. H. Esra der Schreiber. Tübingen, 1930.
 203. Schaefer H. H. Iranische Beiträge. I.—«Schriften der Königsberger gelehrten Gesellschaft». 1930, Halle, Hft. 5.
 204. Schilejko W. Ein babylonischer Weihetext in griechischer Schrift.—AfO. 1928, V, c. 11—13.
 205. Schmidt E. F. The Treasury of Persepolis and Other Discoveries in the Homeland of the Achaemenians. Chicago, 1939.
 206. Schneider N. Der *dub. sar* als Verwaltungsbeamter im Reiche von Sum-mer und Akkad zur Zeit der 3. Dynaste von Ur.—Or. 1946, 15, c. 64—88.
 207. Schroeder O. LU.KUS.SAR=(*amēl*)*kuššarru* «Pergamentschreiber».—ZA. 1915/6, 30, c. 91—92.
 208. Schroeder O. Die Notarfamilien im Uruk der Seleukidenzeit.—ZA. 1918, 32 c. 14—22.

209. Schroeder O. Sofer (2. Kön. 12,5—13) und (amēl)sipiri.—OLZ. 1916, c. 228—230.
210. Sjöberg A. W. The Old Babylonian *eduba*.—AS. 1975, 20, c. 159—179.
211. Soden W. von [Реч. на:] 238.—WO. 1959, II, c. 519—523.
212. Soden W. von. Aramäische Wörter in neuassyrischen und ne-und-spätbabylonischen Texten. I—III.—Or. 1966, 35, c. 1—20, 1968, 37, c. 261—271, 1977, 46, c. 183—197.
213. Sollberger E. Graeco-babyloniaca.—Iraq. 1962, 24/1, c. 63—72.
214. Sonnenschein E. Beiträge zu den Neubabylonischen Urkunden über Kauf.—«Rocznik Orientalistyczny». Lwów, 1925, 3, c. 180—215.
215. Stol M. [Реч. на:] 93.—BO. 1976, XXXIII, c. 146—154.
216. Stol M. Wastafeltjes uit het Nabije Oosten.—«Phoenix». Leiden, 1978, 24/1, c. 11—14.
217. Stolper M. W. Three Iranian Loanwords in Late Babylonian Texts.—«Bibliotheca Mesopotamica». Malibu, 1977, VII, c. 251—266.
218. Tadmor H. Assyria and the West: the Ninth Century and its Aftermath.—Unity and Diversity. Essays in the History, Literature and Religion of the Ancient Near East (ed. by H. Goedicke and J. J. Roberts). Baltimore and London, 1975, c. 36—46.
219. Tallqvist K. L. Akkadische Götterepitheta. Helsingforsiae, 1938.
220. Unger E. Bibliothek.—RIA. 1938, II, c. 24—25.
221. Unger E. Case-Tablets.—RIA. 1938, II, c. 85.
222. Ungnad A. Der älteste Vertrag aus dem Archiv der Familie *Nappāhu* in Babylon.—Or. 1936, V, c. 121—126.
223. Ungnad A. Glossar. Beiheft zu Band 1. M. San Niclò—A. Ungnad. Neubabylonische Rechts- und Verwaltungsurkunden. Lpz., 1937.
224. Ungnad A. Das Haus Egibi.—AfO. 1941, XIV, c. 57—64.
225. Ungnad A. Neubabylonische Privaturkunden aus der Sammlung Amherts.—AfO. 1959—1960, XIX, c. 74—82.
226. Ungnad A. [Реч. на:] The Babylonian Expedition: Ser. A.—ZDMG. 1907, 61, c. 705—717.
227. Veenhof K. R. Klei, Kleitablet en Spijkerschrift.—«Phoenix». Leiden, 1978, 24/1, c. 15—30.
228. Vorstius J.—Joost S. Grundzüge der Bibliotheksgeschichte. Wiesbaden, 1977.
229. Waetzoldt H. Das Schreiberwesen in Mesopotamien nach den Texten aus neusumerischer Zeit (ca. 2164—2003 v. Chr.) vorgelegt als Habilitationsschrift. Heidelberg, 1973.
230. Walker C. B. F. Some Mesopotamian Inscribed Vessels.—Iraq. 1980, XLII, c. 85—86.
231. Weber M. Beiträge zur Kenntnis des Schrift und Buchwesens der alten Ägypten. Köln, 1969.
232. Weidner E. Geheimschrift.—RIA. 1957, III, c. 185—188.
233. Weidner E. Keilschrifttexte aus Babylon.—AfO. 1952—1953, XVI, c. 71—75.
234. Weidner E. [Реч. на:] P. Schnabel. Berossos und die babylonisch-hellenistische Literatur.—AK. 1924, II, c. 32—36.
235. Weingart S. Das Haus Egibi in neubabylonischen Rechtsurkunden. B., 1939.
236. Weitemeyer M. Archive and Library Technique in Ancient Mesopotamia.—«Libri». Kopenhagen, 1956, VI, c. 217—238.
237. Weitemeyer M. Babylonske og Assyriske arkiver og biblioteker. Kopenhagen, 1955.
238. Wendel C. Die griechisch-römische Buchbeschreibung verglichen mit der des Vordern Orients. Halle, 1949 (Hallische Monographien, 3).
239. Williams R. J. Scribal Training in Ancient Egypt.—JAOS. 1979, 92, c. 214—221.
240. Wiseman D. J. Assyrian Writing-Boards.—Iraq. XVII, 1955, c. 3—13.

241. Wiseman D. J. The Nimrud Tablets.— Iraq. 1953, XV, c. 135—150.
242. Wiseman D. J. *rev.* 236—237.— OLZ. 1962, c. 373—376.
243. Woolley C. L. Excavations at Ur.— Antiquaries Journal. 1932, XII.
244. Yaron R. Law of the Aramaic Papyri. Ox., 1961.
245. Yaron R. The Schema of the Aramaic Legal Documents.— JSS. 1957, II, c. 33—61.
246. Zadok R. On the Connections between Iran and Babylonia in the Sixth Century B. C.— Iran. 1976, XIV, c. 61—78.
247. Zadok R. On West Semites in Babylonia during the Chaldean and Achaemenian Periods. An Onomastic Study. Jerusalem, 1977.
248. Zadok R. Three Iranian Words in Late Babylonian Documents.— BO. 1976, XXXIII, c. 5—6.
249. Zimmern H. Akkadische Fremdwörter. Lpz., 1917.
250. Ziskind J. R. The Cuneiform Scribe and his Craft in the Diplomatic Relations of the Ancient Near East.— «Kodaigaku». Osaka, 1971, 17/4, c. 183—196.

ИНДЕКС ТРАНСЛИТЕРИРОВАННЫХ И ПЕРЕВЕДЕННЫХ ДОКУМЕНТОВ¹

BIM I	299 — 23, 98	Lutz II
108 — 1, 98	336 — 24, 147	51 — 31, 100
BRM I	344 — 25, 99	Nbd
81 — 27, 77	451 — 26, 77	297 — 10, 76
Camb	EKBK	458 — 12, 76
131 — 20, 97	21 — 29, 99	883 — 15, 65
Cyr	GC I	1086 — 16, 100
55 — 17, 96	52 — 4, 100	Pohl I
151 — 18, 96	110 — 2, 97	25 — 13, 97
200 — 19, 99	179 — 3, 97	31 — 14, 98
Dar	254 — 5, 100	VS VI
46 — 21, 97	332 — 9, 97	66 — 6, 65
116 — 22, 99	367 — 8, 97	154 — 28, 65
	411 — 7, 97	YOS VI
	GC II	245 — 11, 84
	167 — 30, 64	

¹ Полное название источника см. в Библиографии. Первая цифра означает номер документа, вторая — номер в Приложении «Транслитерация избранных текстов», третья — страницу книги, на которой дан русский перевод документа.

**ИНДЕКС ПЕРЕВЕДЕННЫХ
(БЕЗ ТРАНСЛИТЕРАЦИИ) ДОКУМЕНТОВ**

BIN II
109 — 84

CT XXII
1 — 64

EKBK
32 — 64

GC I
143 — 100

170 — 64
205 — 96

Nbd
402 — 84

Pohl I
61 — 77

TCL XII
122 — 64

UM
74 — 146
205 — 146

YOS VII
151 — 97

ОБЩИЙ ИНДЕКС ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ²

Вавилонские тексты

Никольский

с. 143 — 9, 17

AGH

с. 14 — 20

Amherst 249 (Ungnad, с. 79) — 138, 184

Archi 12 — 178, 186

Arnaud — 68, 112

Ars

10 — 11, 22, 75

16 — 167

Bagh. Mitt.

88 — 82

89 — 82

BAK

91 — 57

94 — 57

333 — 57

481 — 17

Ball — 162, 186

Barton

4 — 146

BBS

X — 25

XXX — 9

BE VIII

1 — 126, 185

3 — 185

7 — 185

8/Kr 205 — 184

17 — 126, 178

27 — 178

28 — 178

31 — 45

33 — 178

35 — 81

43 — 8, 80, 185

44 — 8, 25, 80, 130

50 — 178

51 — 178

53 — 178

54 — 145

57 — 145, 184

58 — 145

59 — 145, 184

61 — 141

62 — 178

63 — 145

65 — 145

79 — 142

83 — 141, 184

92 — 141

100 — 178, 184

105 — 45

106 — 24

107 — 72, 184

111 — 142

115 — 142, 178

121 — 178

159 — 159

BE IX

15 — 22

35 — 134

48 — 75

49 — 43

59 — 21

68 — 73

74 — 145

76 — 145

77 — 145

80 — 145

88 — 73

BE X

5 — 12, 74

7 — 13, 73

9 — 127

15 — 146

33 — 13, 73

34 — 24

37 — 13

41 — 24

52 — 178

57 — 13

60 — 11, 75

79 — 146

² Документы указаны по их порядковым номерам, а цифры после тире обозначают страницы настоящей книги.

81 — 178
 86 — 43
 93 — 17
 95 — 13, 75, 178
 101 — 74, 76
 102 — 13, 73
 111 — 127
 118 — 73
 124 — 75
 128 — 74, 75, 76
 129 — 14

BIN I

2 — 105
 3 — 112
 5 — 106
 7 — 106
 8 — 106
 11 — 106
 14 — 107
 16 — 105
 17 — 9, 92
 18 — 106
 21 — 113
 22 — 26
 23 — 93
 25 — 107
 26 — 115
 29 — 105
 31 — 92
 33 — 105
 34 — 106
 39 — 9, 92
 40 — 9, 92, 107
 41 — 9, 92
 43 — 9, 93
 46 — 93
 50 — 28, 115
 57 — 113
 60 — 115
 64 — 106
 66 — 106
 71 — 112
 72 — 26, 115
 73 — 93
 87 — 93
 91 — 115
 93 — 113
 94 — 93
 95 — 69
 101 — 117
 102 — 112
 103 — 112, 119
 108 — 87, 98, 188
 110 — 116
 113 — 114, 116
 114 — 126
 118 — 183
 120 — 104
 121 — 9

125 — 116
 127 — 185
 129 — 112
 130 — 94, 185
 133 — 115
 165 — 113
 169 — 118

BIN II

108 — 114
 109 — 8, 81, 84
 111 — 113
 115 — 183
 116 — 113
 130 — 113, 182
 133 — 69
 134 — 94

BL II

c. 340 obv. 9 — 10 — 19
 c. 342 obv. III, 25 — 19

Bodl

A93 — 134
 A95 — 134
 A101 — 143
 A102 — 143
 A178 — 143
 AB241 — 126

Boissier — 102

Borger

c. 2 — 178

BRM I

22 — 178
 30 — 138
 38 — 126
 41 — 7, 8, 80
 48 — 6, 186
 51 — 137, 149
 57 — 151
 59/Mold 20 — 184, 186
 72 — 165
 73 — 142, 162
 74 — 142, 186
 75 — 158
 81 — 71, 72, 77, 166, 194
 82 — 24
 83 — 24, 184
 86 — 14
 88 — 22
 98 — 28, 76
 100 — 87, 184
 101 — 11, 70, 89, 118

BRM II

16 — 184
 27 — 22

31 — 22
32 — 9
33 — 28
34 — 14
35 — 14
36 — 11
39 — 14
45 — 21
46 — 11, 15
56 — 28

BRM IV

8 — 25
18 — 41

BV

XCI — 95
XCIV — 143, 178, 185
C — 145
240 — 21

Camb

2 — 139, 187
3 — 186, 187
7 — 182
17 — 139, 153
19 — 110
31 — 159
38 — 153
42 — 62, 111, 138, 141
43 — 186
44 — 86, 112, 141
45 — 139
63 — 182
68 — 187
78 — 184
79 — 182
80 — 69
81 — 139
84 — 87, 182
86 — 185
87 — 182
88 — 24
93 — 111
97 — 187
100 — 183
102 — 138, 141
104 — 186
105 — 182
110 — 139
117 — 187
118 — 140
122 — 186, 187
123 — 87, 182
131 — 86, 87, 97, 193
133 — 182
143 — 155
144 — 155
153 — 142, 153
161 — 184, 187

164 — 184
165 — 142, 155
166 — 186
169/TCL XIII, 160—151
170 — 182
173 — 187
174 — 187
179 — 187
182 — 187
184 — 186, 187
185 — 186
187 — 140, 187
189 — 137, 140, 155
192 — 153
193 — 158
194 — 111
195 — 142, 186
198 — 182
208 — 186
211 — 182
213 — 186
214 — 139, 158, 186
215 — 139, 158
217 — 139, 186
223 — 156, 178
225 — 69, 96
226 — 186
233 — 184
240 — 111
245 — 155
246 — 187
251 — 184
253 — 155
257 — 155, 186, 187
260 — 143
261 — 153
270 — 95
274 — 9, 95
276 — 6, 152
279 — 21
280 — 139
281 — 120
286 — 140
287 — 139, 140
290 — 142, 155
300 — 182
309 — 155
313 — 182
323 — 69
330 — 140
331 — 140
334 — 153, 155
338 — 140
343 — 143
344 — 13, 74
348 — 125
349 — 21, 24, 140, 143, 185
357 — 95
360 — 140, 141
362 — 140, 155

365—140
372—143
375—24, 186
377—155
384—9, 126, 184
388—127, 143, 155
398—110, 184
412—44
428—184
431—142

Caplice

4—46
14—46

Castellino.

c. 6 256—67

CCK

c. 94—13, 75

CT II

2—118

CT IV, pl. 31, Bu.88—5—12,

336—13, 69

CT XVIII

37—53

CT XXII

1—15, 64
5—92
6—22
12—91
39—91
40—46
87—19
126—92
142—45
150—92
191—8, 92
241—26
242—78

CT XXXIV

50—46

CT XLI

37—25

CT XLIV

76—14, 24, 70
77—14, 70
79—69
81—87

CT XLVI

43—46

CT XLIX

1—9, 96
2—9, 96
3—96
117—26

CT LI

41/Sack 75—143
42/Nbk 343—143
44/Nbd 309—150
45/Nbd 634—150
48/Dar 266—187
50—14, 69
51/Dar 376—165
69—76

Cyr

10—185
13—117
15—153
29—142, 153
31—9, 19, 86, 95, 112
34—182
37—152, 153, 184
49—152
50—69
55—87, 96, 192
58—184
60—142, 153
64—155
74—87
76—184
96—141
114—137, 184
119—184
120—154, 186
126—141
128—24
129—152
130—152
133—182
136—182
137—131
140—186, 187
141—184
143—139, 158, 186
148—156, 186
151—87, 96, 192
160/161—143, 155, 184
170—111, 142
171—155
172—152, 153, 184
175—111
177—74, 137, 146, 156
184—87, 110
194—142
199—13, 74, 76
200—89, 99, 192
219—153
224—157

227 — 153
 228 — 186, 187
 233 — 182
 237 — 186
 239 — 186
 240 — 153, 184
 242 — 153
 245 — 155, 185, 186
 248 — 143, 155
 249 — 140, 184, 186
 252 — 143, 186
 254 — 186
 255 — 110
 260 — 138, 182, 184
 261 — 155, 186
 264 — 186
 268 — 186
 270 — 142, 186
 274 — 187
 276 — 87
 281 — 111
 286 — 182
 291 — 186
 302 — 143, 152, 157
 311 — 29, 184
 312 — 22
 313 — 143
 315 — 186, 187
 316 — 186, 187
 317/TCL XIII, 214 — 24, 137, 153
 320 — 143, 186
 321 — 186
 322 — 140, 186
 323 — 140, 186
 325 — 155
 335 — 186
 337 — 144, 187
 338 — 143, 156, 186
 339 — 112
 340 — 140
 345 — 10, 91, 154, 184
 346 — 140, 186
 364 — 74, 87, 182
 365 — 182
 369 — 182
 373 — 182
 374 — 182
 381 — 157
 399 — 86

Dar

10 — 117, 118
 13 — 117
 15 — 187
 17 — 184
 23 — 140, 160
 26 — 140 — 142, 158, 160, 162,
 163, 185
 27 — 110
 30 — 187

31 — 187
 33 — 117
 35 — 163, 186
 37 — 143, 185
 38 — 143
 44 — 187
 45 — 184, 187
 46 — 87, 97, 193
 48 — 187
 50 — 69, 181
 51 — 187
 53 — 166
 60 — 164
 61 — 162
 64 — 141, 164
 70 — 140, 158, 160, 165
 79 — 163
 80 — 140, 163
 84 — 184
 93 — 141, 158, 160
 95 — 140, 187
 100 — 186
 101 — 118
 102 — 186
 107 — 117
 113 — 117
 114 — 140, 141
 116 — 89, 99, 193
 119 — 160, 161, 184
 120 — 184
 123 — 186
 124 — 142
 126 — 142, 186
 127 — 145
 129 — 186
 130 — 117
 131 — 187
 132 — 184, 187
 133 — 138
 134 — 164
 137 — 187
 138 — 166
 140 — 162
 142 — 160
 144 — 187
 151 — 142, 162
 152 — 142, 184
 153 — 187
 154 — 144, 165, 184
 155 — 187
 156 — 167
 157 — 187
 163 — 137
 164 — 187
 165 — 187
 166 — 144
 167 — 187
 169 — 143
 170 — 165
 171 — 139, 163, 186

172 — 141, 187
 173 — 187
 174 — 187
 175 — 167
 176 — 187
 178 — 184, 187
 179 — 182
 182 — 167
 187 — 159, 161
 189 — 167
 191 — 164
 194 — 185
 198 — 78
 202 — 137
 203 — 142, 163
 204 — 167
 205 — 161
 206 — 137, 167
 207 — 166
 209 — 69, 181
 210 — 160, 164, 184
 212 — 165
 213 — 161
 214 — 160, 187
 216 — 184
 217 — 162, 184, 187
 224 — 143
 225 — 184, 187
 226 — 143
 227 — 162, 185, 186
 228 — 162, 184, 187
 229 — 137, 167
 230 — 69
 236 — 160, 161
 238 — 142, 163
 242 — 160
 243 — 166
 245 — 140
 246 — 187
 255 — 163
 256 — 164
 257 — 166
 258 — 6, 184, 187
 259 — 164
 260 — 160
 261 — 187
 262 — 161
 263 — 161
 264 — 187
 265 — 131, 142, 163
 266/CT LI, 48 — 186, 187
 268 — 167
 269 — 145, 164
 270 — 167
 271 — 166
 273 — 131, 162, 187
 275 — 155
 278 — 184, 187
 279 — 187
 280 — 26, 164

282 — 165
 284 — 161
 286 — 166
 287 — 162
 290 — 166
 291 — 87, 117, 182
 294 — 187
 296 — 163
 299 — 88, 98, 184, 193
 300 — 161
 302 — 166
 303 — 26
 305 — 165, 186
 309 — 160, 166
 310 — 166, 186
 312 — 186
 314 — 14, 69
 315 — 163
 316 — 163
 319 — 161, 186
 321/TCL XIII, 190—142, 162,
 185, 186
 325 — 162, 185
 326 — 163
 328 — 187
 330 — 164
 331 — 187
 332 — 187
 333 — 184, 187
 335 — 187
 336 — 11, 76, 131, 147, 165, 186,
 193
 337 — 161
 338 — 186
 339 — 161
 340 — 140
 344 — 11, 69, 86, 99, 118, 194
 345 — 184
 346 — 6, 160
 347 — 163
 349 — 110
 350 — 187
 351 — 163
 353 — 186, 187
 354 — 187
 356 — 184, 187
 357 — 187
 359 — 164
 363 — 187
 366 — 161
 367 — 137, 178, 184, 186
 371 — 166
 374 — 167
 376/CT LI, 51 — 165
 378 — 164
 379 — 137, 158, 162, 186
 380 — 161
 382 — 144
 387 — 145, 187
 389 — 187

390 — 145, 163
 391 — 145, 167
 392 — 145, 166
 393 — 8, 26, 81
 394 — 75
 395/396 — 145, 164
 401 — 187
 402 — 144, 163
 403 — 144, 163
 404 — 144
 406 — 187
 409 — 144
 410 — 144, 164
 411 — 162
 412 — 145
 413 — 155, 166, 187
 415 — 144
 417 — 161
 418 — 131, 164
 423 — 187
 424 — 164, 166
 425 — 144
 426 — 187
 428 — 145, 164
 429 — 160, 165
 433 — 187
 435 — 164
 437 — 162
 439 — 187
 440 — 187
 441 — 163
 447 — 187
 448 — 187
 449 — 187
 450 — 187
 451 — 69, 77, 194
 455 — 43, 178
 456 — 187
 457 — 160, 165
 458 — 162
 463 — 126
 465 — 144
 466 — 144, 163
 467 — 144
 468 — 140, 144, 167, 186
 469 — 162
 470 — 165, 178
 471 — 117
 472 — 187
 474 — 161
 477 — 185
 478 — 187
 483 — 166
 485 — 164
 486 — 187
 488 — 144, 166
 489 — 160
 490 — 162
 492 — 186
 494 — 187

495 — 24
 497 — 160
 498 — 187
 499 — 144, 164
 501 — 187
 502 — 161
 503 — 162
 504 — 166
 505 — 161
 506 — 161
 507 — 187
 509 — 166
 511 — 161
 514 — 6
 515 — 161
 519 — 161
 522 — 145
 524 — 184
 527 — 163
 529 — 187
 530 — 145
 534 — 163
 535 — 117
 536 — 187
 537 — 165
 539 — 187
 541 — 187
 544 — 12, 72, 161
 549 — 182
 551 — 178
 552 — 166
 558 — 86, 117, 118
 560 — 137, 187
 569 — 137
 572 — 165
 573 — 126, 166
 575 — 161
 576 — 166
 577 — 165

EBL

c. 149 — 47

EE, IV: 44 — 19

EKBK

6 — 27
 21 — 89, 195
 27 — 21, 99
 32 — 21, 28, 64

EvM

2 — 184
 8 — 143
 11 — 138
 12 — 138
 14 — 185
 15 — 145
 16 — 8, 79, 182
 17 — 134, 137
 18 — 130

19—8, 79, 145, 182
20—138
21—188
22—8, 79, 144, 182
23—8, 79

Figulla—102

Freedman

9—7

Freydank

1—107
2—107
26—107
62—111
108—183

GC I

15—88
52—95, 100, 188
54—17
65—113
92—17
94—115
110—87, 97, 188
113—112, 115
117—112
143—100
167—45
170—37, 64
179—87, 97, 188
188—112
189—118
205—96
231—119
233—116
234—87
237—119
247—113
248—119
249—114
254—95, 100, 189
257—45
260—9, 88, 113
261—118
291—112
327—112
332—87, 97, 190
353—108, 118, 183
367—87, 97, 190
380—114, 183
387—112
391—37
394—183
397—45
398—111, 112
411—97, 189
412—116, 119, 183
417—45

418—112
419—45, 118
441—87

GC II

58—178
85—112
100—113
102—113
104—183
107—111
113—114
115—113
120—111, 114, 183
131—184
167—37, 64, 195
170—69
189—37
291—87
354—110
367—185
393—23
407—116
408—104

Grayson, c. 102

(BM 34716)—57

Hecker

47—154

Herrero

8—28

HG

IV 1706—60

Hunger

3—126
4—126
8—27, 185
9—27, 185
11—185
17—184

Jacob-Rost X

7—184
8—184

Kr

1—143
5—185
8—25
12—26, 27
14—126
15—24
17—26
41—127, 184
42—127
56—184

63 — 184
 68 — 185
 84 — 143
 99 — 178
 117 — 131
 157 — 143
 165 — 134
 178 — 81, 184
 181 — 12, 13, 73
 189 — 26
 190 — 75
 191 — 75
 196 — 184
 205/BE VIII, 8 — 184
 227 — 143
 254 — 25
 257 — 18
 265 — 26

Krecher — 154

Lab

3 — 139

Liv

1 — 154, 186
 2 — 131
 8 — 186
 9 — 187
 10 — 142
 12 — 150
 13 — 149
 14 — 154
 16 — 140
 18 — 25
 19 — 142, 155
 22 — 142
 23 — 161
 24 — 163
 25 — 162, 184, 187
 26 — 161, 184, 187
 29 — 26
 33 — 143, 144, 178, 185
 34 — 139, 186
 35 — 186
 73/TCL XII, 86 — 186
 122 — 186

Lutz II

24 — 9, 88
 51 — 9, 95, 100, 107, 195
 94 — 71

Lutz UCP IX

c. 275 — 73
 c. 417 — 24

Lutz UCP X

8 — 183

MDP XXII

473 — 28

504 — 28

MDP XXVIII

c. 83 — 28; 57

Mich

4 — 112
 59 — 184
 79 — 96
 89 — 71

Millard, Iraq 1964, XXVI, 16—32—143

Mold

9 — 95
 11 — 142, 145
 12 — 22, 149
 14 — 151
 15 — 142
 16 — 146, 184
 20/BRM I, 59 — 149, 184, 185
 21 — 6, 62, 140, 151, 186
 22 — 186
 25 — 143, 186
 26 — 184, 186
 27 — 141, 186
 28 — 156
 29 — 137, 154
 30 — 184
 31 — 139, 140, 153
 53 — 138
 106 — 62

MVAG XII/3

157 — 18

Nagel — 7

Nbd

4 — 137
 5 — 137
 8 — 138, 149, 184, 186
 9 — 186
 11 — 137
 13 — 149, 186
 15 — 137
 18 — 137
 19 — 138, 184
 30 — 138
 34 — 137, 138
 36 — 184
 42 — 137
 44 — 72, 150
 45 — 148
 47 — 150, 184
 50 — 186
 51 — 151
 53 — 186
 55 — 75
 59 — 184
 64 — 186

65 — 137, 150, 185
 66 — 149
 67 — 137, 185
 68 — 138
 69 — 141
 71 — 140, 186
 77 — 148, 152, 153, 186
 81 — 182
 82 — 138
 85 — 24 — 26, 139, 178, 184
 86 — 138, 182
 103 — 137
 107 — 137, 138
 112 — 138, 184
 116 — 184
 119 — 19
 126/274 — 149
 128 — 131
 130 — 137
 131 — 146, 151, 186
 132 — 185
 133 — 151
 141 — 138
 145 — 137
 147 — 149
 148 — 137
 151 — 137
 165 — 186
 171 — 151
 177 — 151
 178 — 150
 183 — 137, 184
 184 — 74, 76, 146, 150
 187 — 131
 191 — 184
 193 — 150, 185
 194 — 149
 199 — 142, 155
 203 — 150, 185
 204 — 151
 207 — 182
 208 — 182
 210 — 137
 211 — 149
 216 — 151
 219 — 21
 224 — 150
 235 — 151
 238 — 142, 149
 239 — 142, 149
 243 — 146, 148
 244 — 134, 137, 149
 245 — 69
 250 — 72
 251 — 148
 254 — 148, 184
 257 — 149
 260 — 131
 267 — 151, 184
 270 — 74, 149, 151

274/126 — 149
 278 — 182
 280 — 138
 286 — 143, 148, 184
 289 — 152, 184
 297 — 69, 75, 76, 190
 299 — 155
 300 — 151
 308 — 186
 309/CT LI, 44 — 150
 310 — 148
 311 — 186
 316 — 143, 149
 323 — 186
 334 — 185
 335 — 141
 336 — 143, 144
 338 — 186
 340 — 141, 144, 149, 186
 342 — 138
 346 — 186
 353 — 150
 355 — 150
 356 — 25, 186
 359 — 150
 367 — 140, 144, 154
 372 — 186
 383 — 140, 141, 150
 388 — 141, 142, 144
 389 — 187
 390 — 186
 391/TCL XII, 94 — 186, 187
 392 — 186, 187
 393 — 148
 395 — 142, 143, 148, 186
 396 — 149
 400 — 144, 154, 186
 402 — 80, 84
 404 — 186
 417 — 141
 418 — 150
 424 — 146
 426 — 110
 433 — 186
 434 — 137, 144, 186
 438 — 143, 148, 184
 441 — 141
 442 — 186
 443 — 143, 186
 458 — 69, 76, 190
 461 — 141, 186
 466 — 126
 468 — 143, 149
 470 — 184, 186, 187
 477 — 150
 478 — 75, 182
 479 — 186
 487 — 14
 495 — 144, 154
 499 — 186

500 — 141, 144, 187
 501 — 143, 151
 504 — 141, 184
 508 — 137, 141, 143, 144, 154
 509 — 154, 186
 512 — 186
 520 — 148, 186
 523 — 186
 526 — 187
 529 — 137
 531 — 152
 533 — 186
 536 — 151
 541 — 184, 186
 552 — 186
 558 — 20
 559 — 141
 566 — 110, 156, 186
 567 — 117
 572 — 142, 155
 575 — 148
 578 — 154, 187
 581 — 13, 74
 583 — 182
 584 — 187
 585 — 111, 137, 186
 587 — 186
 600 — 156
 602 — 137, 186
 603 — 149, 186
 605 — 144, 187
 608 — 150
 609 — 186
 610 — 155
 616 — 148
 623 — 150, 186
 625 — 152, 184, 187
 630 — 95
 632 — 157
 633 — 126, 184, 186
 634/CT LI, 45 — 150
 635 — 111, 154
 636 — 138
 638 — 148
 648 — 141
 652 — 142, 155
 653 — 142, 155
 655 — 142
 657 — 137
 665 — 184
 669 — 186, 187
 671 — 137, 149
 672 — 186
 674 — 187
 675 — 154, 186, 187
 679 — 155, 185
 680 — 149
 681 — 155
 682 — 155
 687 — 141, 142, 144, 178, 182,

184 — 186
 688 — 153, 184
 697 — 26, 152
 701 — 187
 704 — 182
 715 — 187
 720(+TCL XIII, 219) — 127, 157
 722 — 20
 724 — 186
 726 — 20
 738 — 128
 741 — 21
 747 — 182
 750 — 184
 755 — 6, 152, 184, 186, 187
 760 — 143, 151, 152, 158, 186
 761 — 143
 765 — 143, 154
 769 — 187
 772 — 143, 154
 773 — 182
 776 — 155
 787 — 156
 790 — 154
 801 — 143, 187
 816 — 153
 827 — 21
 829 — 138, 142, 143, 154
 830 — 142, 186
 832 — 44, 137, 154
 837 — 142, 154
 838 — 137, 156, 187
 845 — 126, 187
 853 — 153
 854 — 141
 861 — 153, 184
 863 — 6, 152, 153, 184
 874 — 187
 875 — 187
 883 — 6, 65, 191
 903 — 154, 186
 907 — 111
 909 — 182
 931 — 187
 932 — 111
 939 — 182
 945 — 186
 953 — 137, 154
 956 — 140, 186
 964 — 8, 80
 966 — 140
 967 — 140, 187
 973 — 187
 974 — 153
 975 — 182
 995 — 186
 999 — 111
 1001 — 110
 1003 — 182
 1005 — 152

1013 — 138, 156
 1024 — 145, 182
 1031 — 142, 185, 186
 1038 — 182
 1044 — 139
 1047 — 150, 157
 1048 — 150, 157
 1056 — 153
 1086 — 87, 100, 192
 1091 — 142, 187
 1095 — 19
 1099 — 182
 1100 — 21, 182
 1110 — 185, 186
 1111 — 150, 184, 186
 1112 — 182
 1113 — 128, 154
 1114 — 187
 1120 — 186
 1126 — 186
 1128 — 6, 186
 1132 — 144
 1172 — 182

Nbk

3 — 186
 4 — 185, 186
 5 — 186
 7 — 142
 8 — 186
 10 — 152, 186
 13 — 140, 165
 14 — 182
 17 — 160
 27 — 143
 36 — 89, 95
 55 — 148
 72 — 143
 73 — 131
 107 — 186
 133 — 186
 136 — 146
 137 — 146
 140 — 151
 141 — 146, 152
 142 — 151
 152 — 145, 186
 164 — 184, 185
 166 — 144, 145, 149
 172 — 137, 151
 187 — 186
 188 — 110, 144, 145, 149
 191 — 145, 149
 195 — 149
 201 — 23
 212 — 145, 149
 214 — 145, 149
 217 — 76
 228 — 143
 231 — 149

256 — 149
 261 — 185
 266 — 186
 269 — 138
 271 — 138
 283 — 138
 307 — 151
 309 — 126
 320 — 149
 325 — 149, 186
 326 — 138
 328 — 185
 334 — 148
 343/CT LI 42 — 148
 344 — 138
 345 — 138, 184
 358 — 143
 359 — 185
 361 — 186
 363 — 186
 365 — 6, 186
 366 — 186
 369 — 142, 145, 189
 372 — 13, 73
 376 — 148
 377 — 184, 149, 184
 381 — 73
 386 — 149
 389 — 143
 400 — 143
 407 — 142, 149
 409 — 149
 411 — 148
 413 — 69
 416 — 21
 419 — 186
 420 — 149
 426 — 142, 151
 430 — 142, 148
 436 — 131
 478 — 69, 148

Nerab

7 — 178
 12 — 178
 15 — 178
 18 — 178

Ner

2 — 145, 149
 7 — 145, 150
 9 — 151
 21 — 134, 138
 22 — 134, 138
 23 — 149
 24 — 138
 26 — 138
 27 — 149, 184, 186
 32 — 184
 33 — 138

34 — 150
 35 — 138
 39 — 148
 42 — 149
 45 — 149
 55 — 74, 186
 58 — 6, 186
 59 — 148
 60 — 150
 66 — 137
 67 — 137, 138
 68 — 138
 69 — 138

NKI

c. 62 (Nabopol. 1) — 25
 c. 224 (Nabon. 1) — 41
 c. 240 (Nabon. 3) — 17

OECT III

67 — 46

Owen

30 — 46

PBS I/2

106 — 15

PBS XIV

966 — 13, 75

Peek

11 — 111
 15 — 145
 16 — 187

Pinches BOR II

c. 3 — 160, 186

Pinches JTVI

c. 27 — 69

Pingree — Reiner — 28

Pohl I

2 — 19, 27, 126, 185
 3 — 185
 8 — 27, 113
 10 — 115
 15 — 185
 17 — 111
 19 — 112
 21 — 76
 22 — 25
 23 — 27, 43
 24 — 183
 25 — 87, 97, 190
 27 — 114, 183
 30 — 9, 89, 104, 112, 114
 31 — 6, 94, 98, 110, 183, 191

32 — 113
 37 — 112
 39 — 6, 110, 183
 41 — 110
 42 — 116
 45 — 111, 114, 183
 46 — 111, 114, 183
 47/TCL XIII, 138—116
 48 — 23, 102, 103, 111, 116
 53 — 111
 55 — 113
 61 — 14, 72, 74, 77, 87
 63 — 9, 90, 102, 108
 64 — 9, 89
 67 — 71
 70 — 22
 74 — 14
 75 — 53
 76 — 71, 102, 183

Pohl II

3 — 9, 90
 4 — 26, 131
 7 — 27
 15 — 90, 102
 17 — 9, 94
 19 — 96
 21 — 107

PRU VI

18 — 17

R, pl. 67

1 — 186
 3 — 178

RAcc

c. 67 — 25

Reschid-Wilcke—25

Revillout

c. 117 — 184

Rutten, RA XLI

c. 101 — 6, 184

Sack

6 — 150
 7 — 8, 79, 182
 10 — 151
 11 — 151
 19 — 149
 21 — 150
 22 — 184
 29 — 138
 35 — 142
 75 — 143

Sayce

48 — 186

52 — 186

Scheil, RA XII

с. 7 и сл. — 25, 115

Scheil, RA XVI

с. 112 — 184

Scheil, RA XVIII, с. 31

22 — 19

Scheil RA XXIV

с. 38 — 9, 91

Scheil, RA XXVI

с. 17 — 184

Schorr

XXVII, 3 — 60

Sjöberg, JCS XXIV—58

Sjöberg, ZA 64—55, 58

Sjöberg, ZA 65—61

Sm

2 — 127, 143, 154

8 — 140, 187

9 — 142, 154, 187

Snyder — 148

SpTU I

43 — 179

50 — 47

90 — 21

94 — 179

SR

277 — 143

278 — 9, 27

Stigers 51—69

TCL III см. Sg8

TCL VI

37 — 53

38 — 47

58 — 40

TCL IX

70 — 92

72 — 94

76 — 115

83 — 115

85 — 106

87 — 105

93 — 78

98 — 8, 77

103 — 21

107 — 79

108 — 106

112 — 105

114 — 113

116 — 106

118 — 107

119 — 26

120 — 92

124 — 155

129 — 21, 93, 106

134 — 105

TCL XII

8 — 185

19 — 185

33 — 185

34 — 115

43 — 19

48 — 112

58 — 116

59 — 113

60 — 116

62 — 112, 115

65 — 149, 186

66 — 112

68 — 112

69 — 183

70 — 183

75 — 118, 183

78 — 131

85 — 106, 143

86/Liv 73 — 186

90 — 183

92 — 184, 187

94/Nbd 391 — 186, 187

97 — 143

99 — 137, 154

101 — 6, 156, 186

103 — 186

106 — 112

112 — 111, 113, 114

119 — 44, 90, 108, 183

120 — 150, 157

121 — 183

122 — 64

TCL XIII

124 — 103, 110

131 — 101

132 — 20

133 — 20, 114

138/Pohl I, 47 — 116

140 — 111, 183

144 — 187

147 — 183

154 — 104, 114

160/Camb 169—20—22, 142, 151, 155

161 — 113

162 — 111

166 — 183
 168 — 111
 170 — 112
 171 — 109
 172 — 112
 174 — 25
 179 — 19
 181 — 22, 44
 182 — 95, 96
 184 — 164
 190 — 142, 162, 186
 191 — 24
 192 — 163, 187
 193 — 159
 196 — 186
 196 — 24, 164
 197 — 24, 137, 166
 198 — 24, 137, 159, 166
 199 — 146
 201 — 184
 203 — 24
 214/Cyr 317 — 24
 218 — 9, 76, 81
 219 cm. Nbd 720 — 21, 128, 157,
 186
 221 — 21
 230 — 186
 231 — 104
 232 — 71
 239 — 14, 70, 76
 240 — 21
 245 — 70
 246 — 14

Thureau — Dangin, RA XI, c. 146—40

TLS

1 — 28

UET IV

2 — 27
 3 — 95, 134, 145, 184
 4 — 91, 45, 184
 12 — 10, 62, 126
 13 — 10, 62, 126
 14 — 42
 16 — 126
 19 — 10, 19, 62, 126
 20 — 19
 21 — 7, 131
 23 — 25, 27
 25 — 27, 144
 30 — 95, 126, 134
 34 — 178, 184
 48/49 — 8, 144
 52 — 19, 144
 56 — 7
 57/58 — 95, 134
 99 — 184
 113 — 42
 117 — 9, 95

168 — 23
 180 — 62
 182 — 19
 185 — 17

UM

3 — 13, 73
 11 — 73, 145
 28 — 145
 29 — 12
 31 — 73
 34 — 12, 13, 73
 51 — 13, 76
 52 — 13
 70 — 75
 72 — 13, 74, 76
 74 — 129, 130, 146
 92 — 145
 95 — 75
 96 — 13
 122 — 75, 76
 128 — 76
 132 — 75
 133 — 74, 75
 135 — 22, 75
 136 — 17, 75
 137 — 75
 142 — 75
 144 — 146
 149 — 178
 173 — 12
 185 — 13, 73
 193 — 13, 76
 196 — 13, 73
 197 — 75
 205 — 130, 146
 224 — 76

Unger

1 — 179
 26 — 8, 13, 74, 80

Ungnad

24 — 74

UVB XVIII

c. 44 н.ст. — 16, 82

VS III

1 — 45
 3 — 7, 184
 7 — 170
 8 — 168, 169
 9 — 138, 168
 10 — 168, 184
 11 — 168
 12 — 168
 13 — 168
 14 — 168
 15 — 184

17 - 169
 19 - 168
 20 - 42
 27 - 169
 29 - 169
 31 - 170
 35 - 168
 40 - 169
 41 - 168
 42 - 169
 43 - 168
 47 - 169
 49 - 168
 50 - 168
 52 - 169
 54 - 170
 55 - 132, 184
 59 - 168, 169
 62 - 170
 64/65 - 142, 184
 72 - 142
 74 - 184
 88 - 142
 92 - 170
 99 - 138
 107 - 69, 165
 127 - 21
 135a - 138, 184
 138/139 - 184
 149 - 184
 150 - 185
 153 - 139
 156 - 139
 158 - 139
 165 - 139
 177 - 184
 187 - 10, 178
 192 - 95
 197 - 169

VS IV

10 - 22, 184
 16 - 84
 17 - 168
 19 - 170
 23 - 185
 27 - 169
 30 - 170
 31 - 184
 33 - 169
 34 - 170
 42 - 184
 43 - 169
 44 - 169
 46 - 169
 48 - 184
 49 - 184
 60 - 184
 61 - 184
 77 - 184

82 - 139
 84 - 139
 85 - 139
 96 - 185
 101 - 142
 105 - 146
 107 - 184
 109 - 145
 120 - 184
 124 - 184
 127 - 139
 145 - 126, 138
 154 - 184
 162 - 184
 163 - 146
 166 - 140
 176 - 184
 186 - 139
 199 - 169
 200 - 138, 184

VS V

5 - 185
 7 - 47
 8 - 47
 9 - 169
 10 - 168
 11 - 168
 12 - 170
 14 - 169, 184
 18 - 19
 19 - 168
 20 - 170
 21 - 20
 22 - 169
 26 - 45, 168
 29 - 170
 32 - 184
 34 - 9
 37 - 142
 38 - 19
 40 - 139
 43/44 - 139
 47 - 139
 53 - 143
 57/58 - 139
 65 - 184
 74/75 - 17, 131, 141
 76 - 139
 79 - 72
 83 - 139
 86 - 142
 90 - 139
 93 - 126
 96 - 26, 142, 178
 98 - 145
 103 - 146
 107 - 96, 139
 108 - 94, 139
 110 - 139

119 — 89
137 — 142
146 — 170
161 — 131, 141

VS VI

3 — 17
30 — 95
38 — 170
39 — 169
41 — 169
43 — 169
44 — 169
45 — 170
50 — 170
52 — 170
55 — 170
56 — 170
58 — 170
60 — 168
61 — 26
66 — 65, 189
67 — 170
78 — 169
80 — 168
81 — 170
97 — 139
99 — 21, 119
105 — 25
120 — 19
121 — 138
128 — 70, 81
129 — 139
141 — 145
143 — 145
147 — 146
152/153 — 184
154 — 65, 195
157 — 139
159 — 119
167 — 119
171 — 12, 13, 72
179 — 185
180 — 184
181 — 184
182 — 170
184 — 24
186 — 22, 184
195 — 170
223 — 71
270 — 22
276 — 79
290 — 42
291 — 169
297 — 169
313 — 35
315 — 17
317 — 35
319 — 35
320 — 89

321 — 145
331 — 94, 139

VS VII

204 — 129

VS XV

6 — 15
34 — 21

VS XX

49 — 71
86 — 184

Walker

11 — 9

Weidner AfO XVI, c. 42

8 — 8

Weidner AfO XVII, c. 4—19

Weisberg

3 — 9, 88, 183
4 — 88
6 — 112

Winckler, ZA II

c. 168 — 110

YOS I

37 — 26
45 — 21

YOS III

1 — 18, 106
4 — 179
8 — 92
11 — 106
14 — 106
17 — 11, 70, 92
19 — 92
26 — 106
29 — 18
32 — 70
33 — 106
40 — 113
41 — 105
44 — 93
53 — 106
54 — 105
55 — 93
56 — 105
57 — 22
58 — 106
60 — 105
62 — 7, 92
65 — 106
68 — 106
77 — 107

81 — 21, 107
 88 — 107
 92 — 105
 93 — 105
 98 — 105
 99 — 105
 100 — 105
 104 — 107
 106 — 21
 109 — 78
 114 — 106
 116 — 107
 121 — 106
 126 — 70
 132 — 12, 69, 72, 78
 136 — 106
 140 — 105
 142 — 115
 143 — 115
 144 — 115
 147 — 18, 21, 115
 163 — 106
 164 — 107
 165 — 105
 171 — 105
 186 — 9, 93
 187 — 92
 195 — 115
 200 — 92

YOS VI

10 — 26, 91, 110, 111
 11 — 110
 16 — 111
 17 — 111
 22 — 112
 26 — 183
 30 — 71, 108
 33 — 183
 34 — 183
 40 — 183
 41 — 183
 43 — 112
 44 — 112
 45 — 112
 46 — 6
 48 — 117, 183, 184
 56 — 103
 57 — 116
 59 — 118, 183
 60 — 45
 61 — 116, 183
 63 — 117
 64 — 6, 183
 67 — 103
 71/72 — 24, 116, 183
 73 — 116
 77 — 114, 117, 118, 183
 78 — 112, 183
 79/80 — 24

87 — 118
 89 — 117, 183
 92 — 103, 116
 96 — 107
 99 — 119
 102 — 109
 103 — 95
 104 — 184
 105 — 45
 108 — 114, 183
 115 — 87
 116 — 21, 183
 119 — 113, 117
 122 — 114, 183
 123 — 135, 183
 124 — 45
 129 — 116
 131 — 114, 183
 132 — 109, 117
 133 — 114
 134 — 183
 136 — 45
 141 — 87
 143 — 103, 111, 114
 145 — 117, 183
 148 — 114, 183
 150 — 89, 185
 151 — 183
 152 — 88, 110
 153 — 117
 155 — 88, 183
 156 — 183
 157 — 45
 159 — 114, 183
 164 — 117, 178, 183
 165 — 9, 88
 166 — 117
 167 — 90, 119
 169 — 102, 109, 183
 170 — 183
 171 — 96
 172 — 45
 175 — 183
 177 — 183
 179 — 183
 182 — 104
 183 — 103, 112, 118
 193 — 183
 194 — 117
 195 — 102, 183
 196 — 23
 197 — 109
 198 — 104
 202 — 110, 135
 203 — 87, 114, 183
 204 — 183
 205 — 183
 206 — 9, 88
 221 — 6, 183
 222 — 91, 183

225 — 91, 183
 230 — 88
 231 — 102, 109
 232 — 89, 104, 112
 233 — 88, 183
 234 — 88
 235 — 183
 236 — 183
 239 — 104
 242 — 72
 245 — 78, 84, 190

YOS VII

2 — 119, 183
 3 — 111, 183
 5 — 112, 114, 183
 6 — 104, 114
 7 — 87, 88, 102, 110, 114
 8 — 88
 9 — 113
 10 — 113
 12 — 101
 13 — 112, 119
 15 — 112, 119
 16 — 95
 18 — 103, 110, 113, 114
 19 — 23
 23 — 183
 24 — 113
 25 — 119
 26 — 116
 27 — 112
 31 — 88
 33 — 110
 34 — 110
 35 — 102, 112, 114
 37 — 118
 38 — 6, 102, 110, 117
 43 — 111
 44 — 118
 45 — 118
 47 — 111
 49 — 183
 52 — 108
 55 — 116
 57 — 184
 63 — 114, 183
 65 — 183
 66 — 90
 68 — 117, 183
 70 — 183
 71 — 102, 119
 73 — 114
 75 — 116
 79 — 116, 183
 84 — 116, 117
 85 — 111
 90 — 183
 95 — 111, 113
 96 — 183

99 — 118
 102 — 19, 70
 107 — 12, 72
 109 — 71, 114, 117
 110 — 108
 113 — 111
 114 — 72, 102, 183
 115 — 114
 118 — 71, 114
 122 — 183
 124 — 111, 117
 125 — 183
 126 — 183
 127 — 183
 130 — 114, 183
 131 — 69, 111, 183
 135 — 116
 140 — 6, 102
 142 — 111
 143 — 114
 146 — 91, 102
 150 — 103
 151 — 70, 89, 97, 112
 152 — 104
 156 — 116
 157 — 9
 159 — 69, 71, 90
 161 — 102
 164 — 13, 71, 102
 165 — 9, 183
 167 — 90, 102, 183
 170 — 104, 111
 171 — 117
 176 — 104
 179 — 118
 180 — 183
 181 — 112, 113
 186 — 101
 187 — 113
 190 — 183
 194 — 71, 111
 196 — 116
 197 — 101
 198 — 71
 202 — 183

YOS XVII

13 — 113
 15 — 111
 16 — 184
 24 — 184
 33 — 115
 38 — 115
 337 — 113

Арамейские тексты

AP

2 — 11, 49, 184
 5 — 184

6 — 184
14 — 82
17 — 11
26 — 20
28 — 132
81 (с. 212 сл.) — 22

Bauer-Meissner — 130

CIS II/I

38 — 40
39 — 40
40 — 40
41 — 40
42 — 40
43 — 40

Kraeling

7 — 186
8 — 184
12 — 44, 178

Tell Halaf

5 — 184

Ассирийские тексты

ABL

18 — 51
23 — 32, 51
225 — 47
334 — 51
346 — 10, 60
386 — 10
387 — 68
403 — 26
470 — 9, 92
530 — 8, 182
568 — 35
604 — 135
688 — 11, 83
829 — 8, 10, 182
1037 — 10
1215 — 7
1238 — 8, 182
1250 — 83

ADD

170 — 10
234 — 178
270 — 10
324 — 61, 131
385 — 10, 68

Asb

II, с. 254: 13 — 25 — 135
II, с. 264 о.г. — 20
IV, 9, 43b — 8

KAR

25 — 20

122 — 61

OLZ XX

204 — 10

PRT

26 — 17, 35
Sg 8 — 8, 81

VAB II

364 — 29
368 — 29

Winckler, Sarg 2, табл. 36

76 — 34

Демотические папирусы

Pap. Louvre

78737 (Malinine, № XII) — 182

Древнегреческие тексты

Arrian. Ahab.

IV, 3, 7 — 181

Curt.

V, 4, 4, 10 — 181

Diod.

I, 81 — 185

II, 29 — 133

32, 4 — 35

Herod.

I, 145 — 43

II, 154 — 181

164 — 181

III, 140 — 181

V, 58 — 34

VII, 100 — 84

VIII, 98 — 179

Plut. Them. 6 — 181

Strabo

XVI, 1, 6 — 54

Xen., Anab.

I, 2, 17 — 181

3, 17 — 181

8, 12 — 181

VI, 5, 10 — 181

Древнееврейские тексты

Esr.

VI, 1 — 48

Esth.

III, 12 — 79

VIII, 9 — 84
VIII, 10 — 179

Jer. LI, 27—10, 27
Mišnā Bala batrā 10, 3—130
Nahum III, 17—10, 23

Финикийские тексты

Millard
16—143

Шумерские тексты
ВНШП VI — 129

Эламские тексты

PF

871 — 28, 63
1137 — 28, 63
1807 — 84
1810 — 84
1828 — 84
1986 — 18

SUMMARY

Until the late Middle Ages we have from no country so many and so various records as we have from ancient Mesopotamia. The earliest cuneiform documents were written at the dawn of civilization, and the latest of them belong to the first century A. D. Cuneiform literature, which had existed for several millennia, was created by many generations of scribes. To use A. Leo Oppenheim's words, the scribe was the central figure of cuneiform civilization. Kings, temples and private persons depended on the service of scribes. But our information about the social position of the Mesopotamian scribe, his activity as bureaucrat and in the service of the community for the recording of contracts is very scanty. We do not have any direct data on the economic situation and social origin of scribes. Also, we do not know if the scribal profession was the chief source of income or if the scribes combined their craft with handicraft, tilling of land and so on. However, one may elucidate these questions though our information is not obvious at first sight. Data on scribes are to be collected little by little from many thousand records. In the Neo-Babylonian period, almost always the personal names as well as the patronymics of scribes are indicated in the documents compiled by a scribe. And in other documents the same persons are mentioned as contracting parties, witnesses and so on. This makes it possible to compare the various sources with each other and get valuable and in some cases quite unexpected information on the life and activity of the scribes. Unfortunately, it was impossible to give as a supplement to this book the full prosopography of the Babylonian scribes in the first millennium B. C. since such a prosopography, including personal names and patronymics of more than 3000 scribes and with references to the records, would require several hundred pages.

The following groups of scribes existed in the Neo-Babylonian society:

- 1) *Sepīru* («scribe-interpreter»)
- 2) Royal and state scribes
- 3) Temple scribes
- 4) Scribes employed by private persons for the recording of contracts and letters.

The *sepīru* wrote upon parchment and papyrus in Aramaic. They were officials of the state and temple administration. Some of them were employed in the service of private persons, too.

The *sepīru* attached to the temples, in particular, dealt out tools, raw material and food-rations to the temple craftsmen and slaves. The *sepīru* were also concerned with administrative tasks and bookkeeping, collected rental payments from the temple fields, and sometimes they were tenants themselves. One *sepīru* was in the service of the Ebabbara temple in Sippar for, at least, 22 years.

The *sepīru* as well as other temple officials received payment for their service in barley, dates and so on, in some cases also in money. Usually their payment was about 1 *kur* of barley or dates a month.

The palace administration sent royal *sepīru* for the inspection of the temple cattle and other property. During the reign of Cambyses royal *sepīru* were included in the administration of the Eanna temple in Uruk to control the accounting in the temple.

In the fifth century B. C. in Nippur and its neighbourhood royal *sepīru* were organized as a special association (*haṭru*). In the documents from Nippur «*sepīru* of the army» are referred to. Evidently, these persons acted as interpreters for the numerous Achaemenian soldiers who were settled on royal land. The *sepīru* were also attached to the *garda*, workers belonging to the king and the members of the royal family. To judge by their personal names, some *sepīru* were of Iranian origin (for instance. Rušun-pati, a *sepīru* in the service of a Persian noble, Artarēma). It is quite natural that the Persian administration in Babylonia widely used the services of the interpreters to communicate with the native population.

Sometimes royal *sepīru* were tenants of temple fields.

The royal *sepīru* naturally acted also as the king's agents. For instance, a «*sepīru*, royal agent» declared in the city of Dilbat that a certain field belonged to the king Darius I. Another royal official, whose title was «*sepīru* of the palace heads», was ordered

by the satrap of Babylonia to receive 316 *kurs* of dates from the business house of Egibi.

According to one document, several *sepīru* were sent together with high state officials from Susa, the administrative capital of the Achaemenid Empire, to Borsippa to carry out an important mission. These *sepīru* were paid dates and barley as well as meat, wine, beer, fish and money.

Babylonian documents refer also to the *sepīru* of the king's sons. They rented fields and houses of their masters to other persons, lent money, recovered debts from debtors etc. For instance, a member of the group of the *sepīru* of Marduk-šuma-ušur, son of Nebuchadnezzar II, paid the temple tithe on behalf of his master.

There were also *sepīru* who were in the service of private persons. Four *sepīru* of the Murašû business house are referred to in one single document. They acted as agents of their employers.

Sometimes the *sepīru* acted as independent contracting parties selling their fields, renting houses etc. Some *sepīru* had other persons in their service.

In the administrative records *sepīru* are usually mentioned together with the *ṭupšarru*, scribes writing upon clay tablets, and their functions were similar or even identical.

Let us now turn to the *ṭupšarru*. 3060 scribes are mentioned in the records of the first millennium B. C. 2681 of them were employed in writing contracts on behalf of private persons, 11 scribes were in the palace service and 368 acted as temple scribes. As to the chronological distribution of these scribes, 146 of them lived before the rise of the Neo-Babylonian kingdom, 72 during the reign of Nabopalar, 548 — of Nebuchadnezzar II, 557 — of Nabonidus, 226 — of Cyrus, 272 — of Cambyses, 464 — of Darius I etc. 85 scribes lived during the Seleucid and Parthian periods. 247 scribes worked in Borsippa, 1289 in Babylon, 29 in Dilbat, 67 in Larsa, 195 in Nippur, 165 in Sippar, 380 in Uruk etc. Some Babylonian scribes are referred to even in the documents compiled at Ecbatana, the capital of Media, in the Phoenician city of Tyre, in Susa, the capital of Elam, etc.

As to the social and ethnic origin of scribes, the following data may be given. 5 scribes were descendants of Assyrians, 17 of Egyptians, 190 of priests, 35 of herdsmen, 23 of potters, 19 of basketweavers, 21 of blacksmiths, 5 of physicians, 50 of builders, 12 of wood-workers, 13 of washermen, 8 of doorkeepers, 7 of

weavers, 7 of merchants, 32 of fishermen, 17 of saltpeddlers, 3 of temple slaves etc.

Royal scribes held leading posts in the state administration, and some of them were influential persons at court. Some records mention «the royal scribes in the city» and «the scribe of the harbour district».

The position of temple scribes can be illustrated by the *curriculum vitae* of Nādinu son of Bēl-ahhē-iqīša, descendant of Egibi, scribe of the Eanna temple. He is referred to in 169 administrative documents and letters from the archive of Eanna, of which 64 are written by him himself. He acted as a scribe during the reigns of Nergal-šar-ušur, Nabonidus, Cyrus and Cambyses, at least for 35 years. The majority of the records where he is mentioned are compiled at Uruk, but some of them were written in Babylon, Larsa and some other cities in which Mādinu was on official business.

Several documents concerning plunder of the temple property, renting out temple fields and dedication of slaves to Eanna were written in the presence of high temple officials and some other persons, including Nādinu. He is mentioned also among the citizens (*mār-bani*), that is, members of the Popular Assembly of the temple community which was invested with jurisdiction in judging cases involving property and family law. In one document Nādinu appears among the *ērib bīti*, «enterers of the temple», i. e. those qualified to enter the sanctuaries.

Often Nādinu made estimates of the rental payments from the temple fields, handed out sheep for sacrifices during the temple festivals, food-rations for the temple workers, recovered debts from temple debtors and so on.

Many times Nādinu left for Babylon, Larsa and some other cities in pursuance of his official duties. Sometimes he bought barley in Babylon to send it to the Eanna temple. To the latter he sent also alum bought from a certain place, called Kašabba. In the neighbourhood of Uruk he checked the work on the temple fields. Besides, he saw to the payments of state taxes and the performances of obligatory labour by the Eanna temple.

For his work Nādinu received payment in barley and dates (usually about 1.5 *kur* a month) and rarely in money. It seems that from year to year Nādinu's salary was increasing. Thus, in the 15th year of Nabonidus he was given 7 *kurs* 2 *pānu* 3 *sātu*

of barley and 3 *kurs* 5 *sūtu* of dates for the period of three months; though some years before his salary was much less. By the way, as a rule the amount of the temple scribes' salary did not exceed the payments to craftsmen or agricultural labourers, and in some cases was even less.

The question arises, how many scribes were simultaneously employed in the Eanna temple? Together with Nādinu five more scribes are referred to in the same documents. Nādinu acted in the Eanna temple from the 3rd year of Nergal-šar-usur until the 8th year of Cambyses. Within the same period more than 30 scribes were employed in the Eanna temple. Considering that there every year new scribes were introduced into office, we can be sure that in the Eanna temple at least about 20 scribes worked simultaneously. In all probability, approximately the same number of scribes was employed also in the other main temples of the country (first of all, in Esagila in Babylon and Ebabbarra in Sippar). Their functions were not of a cultic character, and had nothing to do with the work of the priests. In other words, the temple scribes were bureaucrats and accountants of the temple administration. One of the Eanna scribes, together with the head of the temple, his deputy and the royal commissioner, jointly constituted the highest administrative board of the temple.

The question arises, whether temple scribes could leave their office? Many of them were in the service of the temples for thirty, forty or even more years, that is, practically all their lives. In such cases their professional work was usually their chief source of income. But the temple scribes could give up their job if they wished to. At least this was the case of Aplā, son of Bēl-iddina, descendant of Egibi. He belonged to the famous business house of the name, and is mentioned for the first time as a scribe in a promissory note written in Babylon in 577 B. C. This document comes from the Egibi archive. For the last time he acted as a scribe in 555 B. C., that is 22 years later, in two documents of the Eanna archive. But both of them were compiled in Larsa, not in Uruk. According to the first document, officials of the Eanna temple were informed, in the presence of certain persons including Aplā, of a decree of the king Nabonidus about temple sacrifices. The second document recording a lease of fields belonging to the Eanna temple is written by Aplā himself. In 546 B. C. Aplā is again in Babylon from where also the other records of his activity

as a private person come. For the last time he is mentioned as a witness in 509 B. C. in a promissory note. By that time he was a very old man, since he started his career as a scribe 68 years before.

Could the scribes hold any other offices except those connected with their scribal profession? Adad-ušēzib, son of Sāmiku, is referred to as a scribe of the Eanna temple in two documents dated in the 17th year of Nabonidus. But four years later his position was quite different: by that time he was an overseer over the temple herdsmen (*nāqīdu*). However, there is no evidence that any scribe of Eanna or other temples was at the same time the holder of any other offices, though by giving up his scribal work he could hold various offices.

A scribe who was not attached to the palace or temple administration acted as an independent expert. Such scribes wrote contracts for private persons. According to A. Leo Oppenheim, «there is no evidence... that the scribes who wrote contracts and letters for private persons actually received any compensation. However, since persons who made a nail mark on a tablet (instead of using a seal) were paid for this, it is reasonable to assume that a fee was paid to the scribe». However, there are two documents from the Murašû archive containing a clear indication of a fee being paid to a scribe. According to the first text, a tenant of a field who was a member of the Murašû house, paid 39 *kurs* of barley: 36 *kurs* as a rental payment, and 3 *kurs* as a fee for the scribe who wrote the document. The second text contains a stipulation that a certain amount of rental payment and the scribe's fee be paid by the tenant of a field. Both of these transactions were written by Ninurta-ab-ušur, son of Ellil-šumaidina, who wrote 171 contracts of the Murašû archive within 9 years. Only in three records he appears as a witness but is in no text referred to as a contracting party. Evidently this Ninurta-ab-ušur lived on the income from his scribal profession.

Some scribes had to go from one city to another to write a contract, and it is natural to assume that their services were paid. For instance, Marduk-iqīšanni, son of Bēl-ušallim, descendant of Atamar-ilussu, wrote a contract in Dilbat in 511 B. C. and only four days later he compiled another contract in Babylon.

S. Weingort and A. Ungnad noted that disinherited younger sons and adopted sons of the Egibi house were taught scribal

craft so that they could earn their living. Besides, many scribes were in the service of merchants and other wealthy persons, recording contracts and writing business letters, acting as agents of their employers and so on. It is natural that the services of such scribes were also paid.

Scholarly opinion has been divided on the question if scribes who wrote contracts had the functions of a notary. M. San Nicolò and A. Leo Oppenheim were of the opinion that scribes did not have notarial functions but G. Cardascia, on the contrary, believes that the scribes were notaries. In any case, the scribe was responsible for the contracts he wrote. For instance, according to one document, dated in the reign of Nabonidus, a scribe who wrote a false promissory note was sentenced by the judges to be put in irons.

Usually it is believed that the scribal profession was hereditary, and passed on from generation to generation in the so-called scribal families. It is true that many cases are known when father and his son or brothers acted as scribes, and in some families (for instance, Sîn-leqe-unninni and Ekur-zākir) scribal profession was hereditary over the centuries. But the author does not believe that in the first millenium B. C. the scribal profession was exclusively hereditary, and it seems that there were no closed corporations of scribes. At least there were among the scribes not only persons of high rank by birth, not only descendants of scribes and priests but also descendants of various craftsmen, herdsmen, fishermen and, so on.

What was the social position and economic situation of the scribes? Quite rare cases are known when persons who by birth and social status were temple slaves appear among temple scribes. As a rule temple scribes were citizens. There were no slaves among the scribes who wrote contracts for private persons, and it seems that all of them were citizens, too. It is quite natural that private persons could not afford a scribal education for their slaves to derive profit from their profession, perhaps, in ten years. But temples possessed many slaves, and therefore could sometimes afford to teach their slaves scribal craft. There were also some slaves among the *sepīru* who were in the service of the temples and of the sons of king, but as a rule the *sepīru* were also citizens by their social status.

Though the bulk of the scribes belonged to the estate of ci-

tizens (*mār-bani*) their economic situation was not identical. Among the scribes we can discern rich persons as well as poor ones. Let us give some instances.

Itti-Marduk-balātu, son of Nabû-ahhē-iddin, descendant of Egi-bi, is referred to in 260 documents written within 33 years (554—521 B. C.). His father was a scribe, a famous business man and a judge of king Nabonidus for 43 years (590—547 B. C.). Though Itti-Marduk-balātu wrote many legal transactions, he did not consider scribal activity as an important business or a considerable source of his income. He was a representative of those Babylonian scribes who used their professional knowledge and skill in order to be engaged in commerce in Babylon, Borsippa, Dilbat, Kutū, Sippar, Kiš, Opis, Uruk as well as in Elam, Persia and Media. According to the document on the division of Itti-Marduk-balātu's property between his three sons, he possessed more than one hundred slaves, 16 houses located in Babylon and Borsippa, 12 minas of silver, fields, cattle, sheep etc. Besides, Itti-Marduk-balātu gave his sister and three daughters in marriage with a total dowry of 22 slaves and slave women, 30 minas of silver, fields etc.

Nabû-ēreš, son of Tabnēa, descendant of Aḥu-bāni, started his scribal career being a rather wealthy man. He possessed at least ten slaves and a field. He could live comfortably on his income, study cuneiform literature and even become a scholar-scribe. But he was seized with the lust for profit, and little by little he lost his property, and died in poverty.

A scribe Bēl-riḫa by name, son of Kalbā, was in such a desperate situation that he had to rent the slave room on top of a house in Babylon and lived there with a slave girl belonging to another person.

For a scribe to be in such a desperate situation was not a rare thing. In the documents we find many scribes who were in a similar situation. Some of them were in a desperate situation because they had no money to pay the taxes. Some of them were in a desperate situation because they had no money to pay the debts. Some of them were in a desperate situation because they had no money to pay the fines. Some of them were in a desperate situation because they had no money to pay the interest on their loans. Some of them were in a desperate situation because they had no money to pay the rent of their houses. Some of them were in a desperate situation because they had no money to pay the wages of their slaves. Some of them were in a desperate situation because they had no money to pay the salaries of their children. Some of them were in a desperate situation because they had no money to pay the expenses of their families. Some of them were in a desperate situation because they had no money to pay the costs of their businesses. Some of them were in a desperate situation because they had no money to pay the expenses of their education. Some of them were in a desperate situation because they had no money to pay the costs of their travel. Some of them were in a desperate situation because they had no money to pay the expenses of their food. Some of them were in a desperate situation because they had no money to pay the costs of their clothing. Some of them were in a desperate situation because they had no money to pay the expenses of their housing. Some of them were in a desperate situation because they had no money to pay the costs of their transportation. Some of them were in a desperate situation because they had no money to pay the expenses of their communication. Some of them were in a desperate situation because they had no money to pay the costs of their entertainment. Some of them were in a desperate situation because they had no money to pay the expenses of their recreation. Some of them were in a desperate situation because they had no money to pay the costs of their health care. Some of them were in a desperate situation because they had no money to pay the expenses of their education. Some of them were in a desperate situation because they had no money to pay the costs of their travel. Some of them were in a desperate situation because they had no money to pay the expenses of their food. Some of them were in a desperate situation because they had no money to pay the costs of their clothing. Some of them were in a desperate situation because they had no money to pay the expenses of their housing. Some of them were in a desperate situation because they had no money to pay the costs of their transportation. Some of them were in a desperate situation because they had no money to pay the expenses of their communication. Some of them were in a desperate situation because they had no money to pay the costs of their entertainment. Some of them were in a desperate situation because they had no money to pay the expenses of their recreation. Some of them were in a desperate situation because they had no money to pay the costs of their health care.

ADDENDA

Новые издания текстов:

- Durand J.-M. *Textes Babylonniens d'époque récente*. P., 1981.
- McEwan G. J. P. *The Late Babylonian Tablets*. Toronto, 1982.
- Nemet-Nejat K. R. *Late Babylonian Field Plans in the British Museum*. Rome, 1982.
- Pinches T. G. *Neo-Babylonian and Achaemenid Economic Texts*.—CT 55—57, 1982.
- Новая литература о писцах и писцовом искусстве:
- Дьяконов И. М. Научные представления на древнем Востоке (Шумер, Вавилония, Передняя Азия).—Очерки истории естественнонаучных знаний в древности. М., 1982, с. 59—119.
- Green M. W. The Construction and Implementation of the Cuneiform Writing System.—«Visible Language». Cleveland, 1981, XV, 4, с. 345—372.
- Justus C. F. Visible Sentences in Cuneiform Hittite.—«Visible Language». 1981, XV, 4, с. 373—408.
- Lacheman E. R. The Word *šudutu* in the Nuzi Tablets.—Труды Международного конгресса востоковедов. Т. 1. М., 1962, с. 233—238.
- Powell M. A. Three Problems in the History of Cuneiform Writing: Origins, Direction of Script, Literacy.—«Visible Language». 1981, XV, 4, с. 419—440.
- Sack R. H. The Temple Scribe in Chaldean Uruk.—«Visible Language». 1981, XV, 4, с. 409—418.
- Schmandt-Besserat D. From Tokens to Tablets: a Re-evaluation of the So-called «Numerical Tablets».—«Visible Language». 1981, XV, 4, с. 321—344.
- Vanstiphout H. How Did They Learn Sumerian?—JCS. 1980, 31, с. 118—128.
- Vanstiphout. Over het vak «sumerisch» aan de oudbabylonische scholen.—L'enfant dans les civilisations orientales. Leuven, 1980, с. 29—42.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Терминология	6
1. Писцы, переводчики и ученые	6
2. Материалы для письма	16
3. Типы документов	18
4. Школы, архивы и библиотеки	27
Глава II. Писцовое искусство	30
Тексты	64
Глава III. Писцы-переводчики	67
Тексты	76
Глава IV. Государственные писцы	78
Тексты	84
Глава V. Храмовые писцы	85
Тексты	96
Глава VI. Надин, писец храма Эанны	101
Глава VII. Писцы частныхправовых документов	122
Тексты	146
Глава VIII. Писцы-предприниматели	148
1. Набу-аххе-иддин, глава дома Эгиби	148
2. Итти-Мардук-балату из дома Эгиби	152
3. Мардук-нацир-апли, глава дома Эгиби	159
4. Табия, сын Набу-апли-иддина, потомка Син-или	168
Заключение	171
Примечания	178
Приложение I. Транслитерация избранных текстов	188
Приложение II. Календарь и таблицы мер	196
Библиография	197
Индекс транслитерированных и переведенных документов	212
Индекс переведенных (без транслитерации) документов	213
Общий индекс использованных источников (тексты вавилонские, ново-ассирийские, арамейские, древнееврейские, демутические, эламские и древнегреческие)	214
Summary	235
Addenda	243

CONTENTS

Babylonian Scribes in the First Millennium B. C. by M. A. Dandamayev

Preface	3
Chapter I. Scribal Terminology	6
1. Scribes, Interpreters and Scholars	16
2. Materials for Writing	18
3. Types of Documents	27
4. Schools, Archives and Libraries	30
Chapter II. Scribal Art	64
Texts	67
Chapter III. Scribes as Interpreters	76
Texts	78
Chapter IV. State Scribes	84
Texts	85
Chapter V. Temple Scribes	96
Texts	101
Chapter VI. Nādinu, a Scribe of the Temple Eanna	122
Chapter VII. Scribes of Private Legal Transactions	146
Texts	148
Chapter VIII. Scribes as Business Men	148
1. Nabû-ahhē-iddin, Head of the House of Egibi	152
2. Itti-Marduk-balātu, Descendant of Egibi	159
3. Marduk-nāšir-apli, Head of the House of Egibi	168
4. Ṭābiya, Son of Nabû-apla-iddina, Descendant of Sin-ili	171
Conclusion	178
Notes	188
Supplement I. Selected Documents in Transliteration	196
Supplement II. Calender and Measures	197
Bibliography (Sources and Literature)	212
Index of Transliterated and Translated Texts	213
Index of Translated Texts (without Transliteration)	214
General Index of Sources Used (Babylonian, Neo-Assyrian, Aramaic, Biblical, Demotic, Elamite and Greek Texts)	235
Summary	243
Addenda	

**Мухаммед Абдулкадырович
Дандамаев**

БАВИЛОНСКИЕ ПИСЦЫ

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Н. В. Барина*
Младший редактор *С. Г. Карпюк*
Художник *Н. И. Шевцев*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *М. В. Погоскина*
Корректоры *Л. М. Кольцина* и *Р. Ш. Чемерис*

ИБ № 14594

Сдано в набор 01.06.82. Подписано к печати
26.01.83. А-09023. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага ти-
пографская № 3. Гарнитура литературная. Пе-
чать высокая. Усл. п. л. 15,5. Усл. кр.-отт. 15,75.
Уч.-изд. л. 17,57. Тираж 5000 экз. Изд. № 5034.
Тип. зак. 366. Цена 1 р. 80 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

**ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИЕЙ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

**ГОТОВИТСЯ К ИЗДАНИЮ
КНИГА**

**Проблемы социальных отношений и форм
зависимости на древнем Востоке. 20 л.**

В сборнике исследуются социальные отношения и преимущественно нерабские формы зависимости в регионе, начиная от Египта и кончая Японией, в течение всего древнего периода, рубежа древности и раннего средневековья. Сборник отличается четким определением социальных понятий и стремлением проникнуть в сущность аграрных отношений, составляющих главную и вместе с тем самую сложную проблему анализа социально-экономической истории древнего Востока.

ЗАКАЗЫ НА КНИГУ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГА», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117192, МОСКВА В-192, МИЧУРИНСКИЙ ПРОСПЕКТ, 12, МАГАЗИН № 3 («КНИГА — ПОЧТОЙ») «АКАДЕМКНИГА»